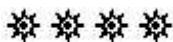

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЗАВОЕВАНИЕ НЕБА

*Космические путешествия,
контакты с инопланетянами и не только
в произведениях советских фантастов
20-х — начала 40-х годов XX века*
Полутом 1
20-е годы

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

С. ГОРБАТОВ

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС „ЛУННОГО КОЛУМБА“

Фантастическая повесть

Журнал «Вокруг света» №40, №41, 1929 г.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС „ЛУННОГО КОЛУМБА“

Повесть С. Гербова

В МАДАГАСКАРСКИХ ДЖУНГЛЯХ

Рис. Г. Битникова

1

ЕСЛИ мотор вдруг перестает работать на высоте тысячи метров, нужно делать «вынужденную посадку».

Но одно дело — снизиться среди населенных равнин и другое — в глухих мадагаскарских дебрях.

Когда каш самолет опустился, мы с Иветтой Рекье увидели перед собой сияющую стену джунглей: вознесенные к небу зелеными фонтанами кроны деревьев и огненно-красные змеи лиан, перекидывавшихся от ствола к стволу.

Затем началось путешествие по джунглям. Четыре дня продирались мы сквозь темные заросли, потеряв надежду выбраться к населенным местам. Но на пятый день джунгли остались позади.

Мы пересекли пандановую рощу и в изумлении остановились. Загорелое, устное лицо Иветты Ренье дрогнуло от восторга.

Внизу у наших ног обрывался гранитный утес. Скалы были разбиты, иссечены, выворочены, как будто недра гранитных массивов взорвала чудовищная сила тысяч пудов динамита. На дне пропасти грохотал поток. На другом его берегу цвели лесистые долины, песчаные холмы, спокойные реки. По берегам далекого

озера, образовавшегося в кратере потухшего вулкана, блестели столбы базальта.

Сияющая панорама дрожала перед нашими глазами, закрытая на далеком горизонте цепью зубчатых гор.

Поток глухо рокотал в ущелье, но в его рокот врезались дикие крики, повторенные многократным эхом в глубине каменных массивов. Я поднял глаза и увидел черных голых пигмеев «танала», живших среди покатых граненых скал. Карлики бежали с копьями в руках, но не думали пускать в ход свое оружие. Их, видимо, гнал ужас. Они прыгали с камня на камень, перескакивали через широкие трещины.

И вдруг из-за высокой скалы вылетели две крылатых фигуры — золотая и черно-багровая. Огибая скалу, они держали свои черно-синие крылья наклонно, как велосипедист, летящий на крутом повороте дороги.

ИВЕТТА Ренье схватила меня за руку. Глаза у нее округлились от страха,

— Куда мы попали с вами, мистер Метт?..

Крылатые люди нас заметили. Замедлив полет, они подлетели к нам, медленно взмахивая то одним, то другим крылом. С каждой секундой загадочные фигуры росли, превращаясь в стройных людей в чешуйчатой тесной одежде. Внезапно я скорчился, словно меня ударило электрическим током, и, опустившись на обломок гранита, увидел, что Иветта Ренье тоже лежит на земле.

Я увидел высоко в небе цепь шаров, похожих на огромные мыльные пузыри. Шары спускались к далекому берегу кратерного озера.

Крылатые люди, взлетев над краем гранитного выступа, опустились на землю и, сложив крылья, пробежали несколько шагов на цыпочках по траве. Крылатая женщина стала на одно колено и принялась обыскивать Иветту Ренье.

— Литай урурнутаин тин! — звонко крикнула она своему спутнику.

Тот что-то отрывисто сказал, и женщина бросилась к нему. Он протянул руку на северо-запад.

Послышалось какое-то жужжание. С секунды на секунду оно усиливалось. И совсем низко у нас над головой пролетел овальный снаряд с небольшим раструбом на конце. На снаряде чернела английская надпись: «Ракета Лунного Колумба».

Ракета улетала к кратерному озеру. Жужжание затихало.

Крылатый человек в черном решительно шагнул ко мне и тщательно ощупал мое платье. Мой старый

блокнот, видимо, возбудил в нем страстное любопытство, которое вскоре остыло: в блокноте не было ни одной записи. Человек окликнул свою спутницу: «Ариленда!» и после минутного, совещания на странном звучном языке они улетели к кратерному озеру.

3

ВДАЛИ промчалась новая вереница шаров. На этот раз шары были красные, как огромные капли крови.

Я с трудом встал и помог подняться Иветте Ренье. Она потирала ладонями виски.

— Кажется, я не сплю, — тихо сказала она. — Кто эти люди?

— Я столько же знаю, сколько и вы, — ответил я, стараясь ручной гимнастикой восстановить правильное кровообращение.

— Как она сказала, эта женщина? Литай... не помню...

— Литай урурнутаин тин, — подсказал я. — До сих пор мой блокнот пустует. Нужно записать эти слова Ариленды.

Я поднял с травы блокнот, достал самопишущее перо и полувysохшими чернилами нацарапал на клетчатой странице: «Литай урурнутаин тин», добавив по-английски: «так сказала Ариленда».

— Наконец-то я отыскал вас, джентльмены! — крикнул кто-то на чистом английском языке. Взглянув вверх, я увидел человека, пролетавшего над пандановой рощей на синих крыльях. Три повязки охватывали его туловище, оставляя конечности свободными,

В десяти шагах от нас человек спустился на траву и сложил крылья. Его давно нестриженные, иссиня-

черные волосы вились кольцами, большие темные глаза горели энергией.

— На Луне и на Земле меня зовут Линкорном, — проговорил незнакомец, кланяясь нам. По рождению я — англичанин. По национальности — гражданин Вселенной. В настоящую минуту я, как посланец лунных людей, явился к вам, людям Земли, парламентаром, как во враждебный военный лагерь. Не изумляйтесь! Я объясню все. Но простите, — прервал себя Линкорн. — Я вижу, вы измучены и, наверное, голодны. У меня есть консервы. Как я до сих пор не догадался вам их предложить. Простите еще раз!

Линкорн достал из мешка за поясом четыре жестянки. Сияющую искру камня в кольцо на безымянном пальце правой руки он приложил к жести, разрезал ее как бумагу и протянул Иветте Ренье банку с каким-то мясом.

4

Я не буду, — начал Линкорн, выслушав наш рассказ о мадагаскарских скитаниях, — сообщать вам химические формулы моего сверхмощного взрывчатого вещества — «дианита». Это — секрет изобретателя. Пять лет неустанной работы дали следующие результаты: лаборатория два раза разлеталась буквально в пыль, мой сотрудник Рианстэд и я даже при аккуратнейшем обращении с материалом получали долго незаживающие язвы на руках и к концу опытов, увенчавшихся блестящим успехом, я был разорен.

Двадцатого марта вечером я ходил в библиотеке из угла в угол, раздумывая о своих затруднительных об-

стоятельствах. Часы на каминной доске показывали шесть. Косые солнечные лучи упали на висевшую над столом картину. Это была превосходная копия картины Герберта Дрэпера «Гибель Икара».

Навзничь, раскинув руки, привязанные к огромным крыльям, лежал мертвый Икар на скале, вздымающейся из гневного моря. Левое крыло свисало к синей воде, а правое высоко взметнулось к небу.

Солнечные лучи погасли и картина потускнела. Но я все еще смотрел на Икара, стараясь подавить охватившее меня волнение. Я — Икар. Но не побежденный, а побеждающий. Разве мой «дианит» не может быть движущей силой ракеты для перелетов не только в пределах земной атмосферы, но и в междупланетных и межзвездных пространствах?

Только четыреста тысяч километров отделяют Землю от Луны.

Если я продам дедовский коттедж, всю обстановку, все эти пятнадцать тысяч томов дедовской библиотеки, то хватит ли вырученных денег на постройку ракеты и на добычу «дианита» для минимального маршрута: Земля — Луна — Земля?

Я посмотрел через синее окно в сад. В весенние сумерки убегала прихотливая сеть аллеи. Знакомые деревья, крокетная площадка, цветочные клумба — ко всему этому я привык с детства и со всем должен расстаться.

Я отошел от окна и повернул выключатель. Электрический свет уничтожил мир за окном, утверждая бытие только одной комнаты. Я налил из графина стакан воды и медленно выпил.

Затем, успокоившись, подсчитал возможный доход от продажи коттеджа, сада, обстановки, лишних приборов лаборатории. Получилась солидная сумма.

ДОЛГИЕ часы проводили мы с Рианстэдом над чертежами ракеты.

Многие детали разрабатывал единолично Рианстэд. Часть картонов он забирал с собою для работы у себя на дому.

Как известно, вопрос о межпланетных путешествиях разработан многими учеными довольно основательно в теоретическом отношении. Для практического же осуществления теории до сих пор недоставало только двух условий: достаточно крепкого строительного материала для постройки ракеты и достаточно мощного взрывчатого вещества для ее движения в безвоздушном пространстве. Сверхмощное взрывчатое вещество у нас было: мой «дианит». Остроумная комбинация сплавов дала нам надежный строительный материал. Через два месяца мы покончили со схемами, и первого июня модель ракеты блестяще выдержала пробный полет.

Мы работали вдвоем. Никаких рабочих у нас не было. Работы производились в строжайшей тайне.

В середине июля отдельные части ракеты были отлиты и в начале августа мы приступили к сборке. Десятого числа готовая ракета, утвержденная на крепких козлах, стояла под стеклянным потолком мастерской, и Рианстэд, стоя на лесенке, выводил на оболочке снаряда кистью синие буквы: «Ракета Лунного Колумба».

Тот день я хотел ознаменовать скромным пиром. Престарелая миссис Мак-Грегор, моя няня, была откомандирована в город за печеньем, двумя бутылками вина, превосходным паштетом и восхитительной ветчиной.

— Стол не слишком роскошен, Чарли, — говорил я, усаживая Рианстэда. — Миссис Мак-Грегор истратила сейчас мою последнюю гинейю.

— За твое здоровье, дружище Билль! — воскликнул Рианстэд, чокаясь со мной.

Вино пенилось в плоских бокалах.

Рианстэд взглянул на часы и сказал озабоченно:

— Половина седьмого.

— Ну, и что же? — спросил я усмехаясь. — Еще рано.

Но Рианстэд непреклонно встал и с самым серьезным видом принялся меня уверять, что ему непременно нужно попасть к мисс Эдит Дентон.

Когда человек говорит о какой-нибудь мисс, ему нельзя возражать. Посмеиваясь, я смотрел из окна на высокую фигуру Рианстэда. Я увидел, как он вышел на улицу и махал рукой, видимо подзывая такси...

А на утро я, задыхаясь от ужаса, прочел в газете, что известный ученый М. Рианстэд был убит на Улице трех волхвов при столкновении автомобиля с трамваем.

Так я отправился в далекий-далекий путь один.

6

Я поднялся в узкое помещение для пассажиров, закрыл люк под ногами и открыл другой люк над головой. Проверил в последний раз механизм. Все было в порядке, начиная с «дианита» и кончая консервами в кладовой.

Поворот рычага снял ракету с крепких козел, на которых она так долго покоилась. Теперь она стояла в воздухе. Новый поворот рычага на миллиметр вывел ее из лаборатории через раскрытые настежь широкие ворота. Потом я закрыл иллюминатор.

Микроскопические дозы «дианита» истекали из ракеты, бесчисленными толчками двигая ее в сторону, обратную направлению взрывов.

О земле я больше не думал. Теперь все мое сознание было охвачено мыслью о Луне. Крайне занимавший меня вопрос — обитаема Луна или нет до того меня измучил, что в конце концов я запретил себе думать об этом до того момента, — когда я буду летать над лунной поверхностью, обозревая ее невооруженным глазом.

Все аппараты — без перебоев, без досадных уклонений и из запаса «дианита» было израсходовано меньше одной трети, когда Луна представлялась уже огромным диском, занявшим половину черного, как сажа, неба. Огромный диск спутника Земли был заметно иззубрен по краям. Мой взгляд был прикован к темной, обширной, в тысячу километров в поперечнике, котловине Моря дождей, ограниченного с одной стороны цепью лунных Аппенин и Карпат, с другой стороны — лунным Кавказом и с третьей — изломанным, диким хребтом лунных Альп. Черные трещины длиной в сотни километров зияли жуткими изломами. Скоро Луна должна была открыть мне свои тайны.

Ракета стремительно неслась ближе и ближе к Луне. Теперь я сосредоточил свое внимание на столь интересующих астрономов кратерах Коперника, Кеплера и Тихо-Браге, окруженных далеко расходящимися светлыми лучами, относительно происхождения и значения которых ученые строят всевозможные теории.

Странная тревога заставила меня схватиться за подозрительную трубку — и все теории рассыпались прахом. Профессора — очень рассеянные люди. Так часты случаи, когда — профессор ищет шляпу, надетую на голо-

ву, ищет перчатки, натянутые на руки. Меня сердила отправная точка многих рассуждений: отсутствие атмосферы делает невозможной органическую жизнь. Но человек существует не потому, что его легкие пьют кислород из воздуха, — нет, человеческие легкие существуют потому, что на Земле атмосфера. Человек приспособляется к атмосфере. Будь она плотнее, чем на Земле, органы дыхания были бы иными. С уменьшением на Земле запасов воздуха легкие будут уменьшаться, как постепенно атрофируется у человека одна из кишок, от которой теперь остается только маленький и почти ненужный червеобразный отросток. В далеком будущем человек будет довольствоваться не большим количеством воздуха, чем довольствуются теперь рыбы, вдыхающие жабрами воздух, растворенный в воде. Земные ученые не допускают мысли о жизни на Луне, рассуждая, что невозможно организму переносить огромное колебания температуры на Луне — от 200 градусов жары лунным днем и до 200 градусов холода лунной ночью. Но если русские на земном полюсе холода — в городе Верхоянске — благополучно живут при 50 градусах жары летом и при 70 градусах холода зимой, то почему бы лунным людям не приспособиться к условиям существования на Луне, как русские ухитрились приспособиться к холоду земному?

Подобные мысли проносились у меня в мозгу, когда я рассматривал сияние лучей окружающих кратер Тихо-Браге. Может быть, на Луне есть люди...

Я направил полет ракеты в центр лунного диска: в Срединный залив великого лунного Океана бурь.

Я приник лицом к массивному стеклу иллюминатора. В черном небе блестели разноцветные немерцающие огни звезд. Раскаленное красное солнце в пылающей короне из протуберанцев склонялось к горизонту. Огромный диск Земли, в тринадцать раз больший, чем Луна на земном небосводе, сиял в самом зените.

Ракета неслась в пяти-шести километрах над поверхностью Луны, над Срединным заливом по направлению к кратеру Птоломея. Дикие скалы громоздились внизу, блеск солнца резал глаза. Черные тени от скал казались бездонными пропастями.

Мое тело вдруг стало странно легким. Нужно было привыкнуть к условиям лунного притяжения. Надо было по-новому рассчитывать движения. А пока вместо шагов получались прыжки, руки двигались не плавно, но рывком. Особенно осторожно нужно было обращаться с приборами.

Внезапное дрожание всего корпуса заставило меня броситься к приборам. Они работали исправно. Я взглянул в западный иллюминатор: до самого горизонта простирался дикий, безжизненный ландшафт. Я открыл ставни восточного иллюминатора и сразу почувствовал сильный удар, парализовавший мои движения. Я увидел около десяти огромных оранжевых шаров несущихся на мою ракету из-за зубчатой стены черных гор. Линия шаров стала растягиваться вправо и влево, окружая мою ракету.

Я не уменьшил скорости движения ракеты, и кольцо таинственных шаров несло по одному со мной направлению, не приближаясь ко мне и не отставая.

Но вдруг кольцо разорвалось и в несколько секунд шары растянулись цепью перед ракетой. Чем ближе я

подлетал к ним, тем сильнее становились неведомые удары. Собрав последние силы, я дотянулся до аппаратов и остановил ракету. Она повисла над мертвыми скалами.

Итак, таинственные шары были сильнее меня. Повинуясь неведомой мне команде, они перестроились, растянувшись цепью влево от ракеты, и двинулись на меня. Я опять получил удар, заставивший меня застыть, и сразу понял: меня гонят направо.

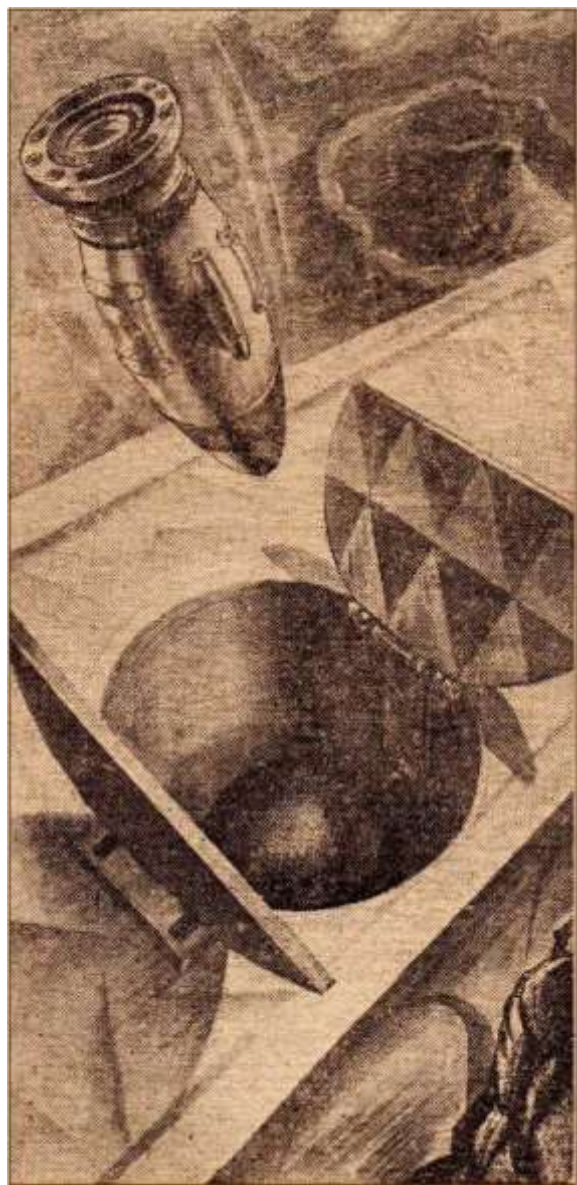
8

КРАСНЫЕ шары гнали мою ракету над сухой равниной Моря облаков. Я наблюдал через иллюминатор дикие каменные просторы. Вдруг вдалеке, у самого горизонта, взвились к черному небу обломки скал, на лету разламываясь и крошась на мелкие куски. Взрыв! Мгновение — и все по-прежнему было неподвижно, и я увидел лунный кратер на том месте, которое до взрыва было совершенно плоским.

Ракета метнулась в сторону, потом выровнялась и понеслась дальше. Мой снаряд попал в сферу взрыва, но чудесный материал ракеты оказался стойким, я же лежал на полу с разбитым локтем. Поднявшись, я остановил ракету и посмотрел на шары. Они тоже остановились.

Я начал опускаться. Кратер стал расти мне навстречу. Его диаметр равнялся трем или четырем километрам.

Шары низко спустились и вдруг понеслись вверх, прямо на меня, видимо, приказывая мне подняться. Ракета взвилась на высоту двадцати километров, едва не столкнувшись с каким-то черным шаром, стоявшим неподвижно в вышине. Ракета остановилась. Красные

*Я направил ракету к образовавшемуся
отверстию...*

шары застыли в отдалении. И тут я простым глазом увидел, что из нижнего клапана черного шара выпал прозрачный, как стекло, цилиндр. И через секунду внизу летели разбитые взрывом скалы и камни. На месте взрыва появился новый кратер. Так я раскрыл тайну образования лунных кратеров.

Мой «дианит» был слишком слаб в сравнении с взрывчатым веществом лунных людей, с неизвестной для меня целью взрывающих поверхность луны. Уже свыше ста тысяч кратеров на одной только стороне Луны, обращенной к Земле, образовано взрывами лунного сверхдианита. На склонах больших кратеров лунные люди взрывают кратеры маленькие, названные учеными Земли «паразитными» кратерами.

Черный шар, предводительствуя оранжевыми, направился к системе светлых лучей кратера Тихо — Браге. Ближайший светлый луч оказался не чем иным как многоэтажным зданием, сияющим, как кристалл, в ослепительном свете солнца.

В верхней части этого здания распахнулись полукруглые двери и в образовавшееся отверстие медленно влетел черный шар, а за ним последовали оранжевые. Вот уже скрылся последний шар, а дверь не затворилась. И, положив руку на руль, я направил свою ракету к черному отверстию.

9

НЕКОТОРОЕ время ракета летела среди полного мрака. Но вот вдалеке мелькнула светлая вертикальная щель. Это был вход в колоссальный ангар. Его возносящиеся выше башни Эйфеля стены были разделены на множество круглых ячеек. В эти своеобразные громадные соиты влетали, как пчелы, шары. Беглый подсчёт давал

1500—2000 шаров. Половина пустующих ячеек говорила, что добрая тысяча шаров находится в данную минуту на работе. Откуда-то извне доносился ритмичный машинный гул. Это были первое звуки, которые я услышал на Луне. Взрывы, образовавшие кратеры, были абсолютно бесшумны, в необозримых котловинах лунных морей не было воздуха. Здесь же был шум, — значит, был и воздух.

Сквозь стекло иллюминатора я увидел, что по хрустальной платформе ко мне направляются люди в синих и черных куртках, с узким треугольным вырезом на груди и с круглыми пуговицами на левом боку. Я отвинтил входной люк и сошел по лесенке на хрустальную платформу. Из толпы лунных людей, разглядывавших мою ракету с величайшим интересом, отделился высокий человек и подошел ко мне.

— **Good evening**, — сказал по-английски лунный человек.

Наверное, у меня был такой растерянный вид, что человек улыбнулся.

— Я заговорил по-английски потому, что на вашем снаряде стоит английское название. От имени своих товарищей по работе приветствую вас, смелый путешественник!

Звонко подкатился по рельсам открытый вагон на шести массивных дисках-колесах.

Мы разместились на стоявших в вагоне креслах, и вагон двинулся.

— Мое имя — Андион, — сказал высокий человек, усевшись рядом со мной, — Орра, это — ваша Земля. Бруарранну вы называете Луной. Бруарранна не боится Орры. Вы увидите сейчас наше могущество.

— Но, как же вы дышите? — вырвался у меня неожиданно вопрос. — Ведь на Луне нет воздуха?

— Да, незначительная масса нашей планеты обладает слабым притяжением, и давно улетучились с ее поверхности в мировое пространство такие легкие газы, как водород, азот и кислород. Но в центре ядра Браурранны еще клокочет космическая лава и многие выходящие из недр Браурранны газы, окисляясь, входят в химическое соединение с минералами.

— Так бывает и на Земле.

— На Бруарранне дорожат этим. На Бруарранне внутрипланетная деятельность интенсивнее, чем на Орре, благодаря незначительной плотности массы нашей планеты. Наши экспедиции отыскивают места с большими скоплениями камня, богатого содержанием накопившихся, идущих из ядра планеты газов, и мы производим колоссальные взрывы. Воронки, остающиеся на месте этих взрывов, земные ученые называли кратерами и цирками. Осколки камней мы перевозим на шарах в наши города, и добываем из них кислород.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС „ЛУННОГО КОЛУМБА“

Продолжение в №41 (далее - некоторое изменение оформления текста, а также изменение лунного названия Луны Бруарранна на Бруаранна и фамилии Рианстэд на Рианстед — на совести редакции журнала Хл.)

10

— СЕЙЧАС мы подъезжаем к Заводу солнца, — сказал Андион.

Долгий путь по подземному туннелю закончился. Вагон остановился на крепкой платформе и невиди-

мым механизмом был поднят кверху. Мы стояли в центре кратера Тихо-Браге. Во все стороны по радиусам разбегались бесконечные ряды огромных машин. От их могучего шума содрогался воздух. От них к искусственному небу, перекрывшему впадину кратера, возносились металлические башни. Многочисленные вогнутые зеркала улавливали, собирали и передавали к машинам лучи солнца. Машины каким-то непонятным для меня образом сгущали, консервировали солнечный свет. Андион сказал:

— Мы запасаем солнце не только для того, чтобы согревать Бруаранну в долгую ночь, но и для того времени, когда недра Бруаранны охладеют, и поддержание жизни на ней потребует большего, чем сейчас, количества солнца. И вот мы откладываем про запас такие солнечные консервы.

Он взял с проехавшей мимо нас тележки отливающий матовым светом кубический дециметр солнечного консерва и положил его мне на ладонь. Горячий куб был гладок, как стекло. Он дышал жаром, но не жегся. В нем чувствовалась огромная скрытая энергия.

— Таблетка, только что вынутая из машины, еще горяча, — сказал Андион, — но она охладет в складах и пролежит тысячелетия, пока человек будущего не найдет нужным извлечь из нее тепло.

Из Завода солнца мы направились в главный лунный город. Десять путей серебряными стрелами пронизывали прямолинейный туннель. Справа и слева, обгоняя нас по правым колеям и пролетая навстречу и мимо нас по левым, мчались лунные поезда. Андион, не оставляя серебряных рычагов, посредством которых он управлял вагоном, рассказал о Великом озере Бруаранны.

НА Луне скорее, чем на Земле, образовалась твердая кора и скорее начала развиваться органическая жизнь. Но слабое притяжение Луны не могло удержать легкие газы водорода, кислорода, гелия, азота, и атмосфера Луны быстро становилась разреженной, непригодной для развития высших органических форм. Бурная вулканическая деятельность, выбрасывающая из недр планеты газы, необходимые для жизни, стала затихать ко времени появления на Луне людей.

На глубине нескольких километров от лунной поверхности, опоясанное каменными берегами, в каменной выемке, не позволяющей воде просачиваться к центру планеты, лежало Великое озеро. Люди вырыли пещеры в прибрежных скалах. Подземный мрак жилищ озарялся огнем лучины, пока не были придуманы факелы и сальные свечи. Люди выходили на поверхность планеты запасать топливо, охотиться на животных, которых становилось все меньше. Сваливали топорами целые леса и уволокивали бревна к Великому озеру. Переправляли под землю и животных.

Тщательное исследование береговых скал открыло людям путь через трещины в огромные сводчатые природные залы. Трещины в потолке были заделаны хрустальными плитами, пропускающими солнечный свет. Дно обширных светлых пещер люди покрыли слоем плодородной земли, сброшенной сверху. Проведенные из Великого озера оросительные каналы заставили землю давать обильные плоды. Трава служила прекрасным подножным кормом для скота.

Люди снаряжали на поверхность Луны экспедиции собирать остатки воды, еще задержавшейся на почве в виде льда. Впоследствии не стало и льда. Вход в пеще-

ры плотно закрывали, чтобы, не проникал вниз лютый холод, царивший наверху по ночам, и чтобы воздух из пещер не улетучивался в мировое пространство.

Суровые условия жизни, недостаток во всем и всевозможные лишения послужили могучим двигателем изобретательности. Изобретение пороха дало возможность раскалывать подземные стены и открывать новые пещеры, годные для заселения. Но поиски подземных водных бассейнов остались безрезультатными. Приходилось довольствоваться единственным Великим озером. Люди с замиранием сердца следили за роковым обмелением озера. Обнажение дна знаменовало смерть лунного человечества. Днем и ночью кипела работа в лабораториях трех подземных городов. Невозможность достать воду на Бруаранне родила смелую мысль достать воду вне ее. Надо было построить снаряд для перелетов в безвоздушном пространстве. Астрономы, наблюдавшие за движением звезд и планет, не знавшие о существовании Земли, невидимой для этого лунного полушария, путем сложных вычислений доказывали, что Бруаранна как бы связана в мировом пространстве властной силой притяжения огромного, и не очень от нее далекого небесного тела. Они утверждали, что мысль о междупланетных перелетах осуществима.

Великое озеро засыхало. Люди берегли воду, как могли. Был определен водяной паек, был издан закон, сурово наказывающий за расходование воды сверх нормы. Были введены поощрительные значки за воздержание в питье.

Подробно разработанные планы возведения на поверхности Луны могучих, светлых городов, снабженных водой и воздухом, уже готовы были рухнуть, когда все подземное население услышало радостную весть:

учеными строится шар. Он полетит на ближайшую планету за водой и воздухом. Вернувшись на Бруаранну, он отправится во второй рейс уже не один, но в сопровождении многих таких же шаров, которые привезут на родимую Бруаранну жизнь и счастье.

Наконец шар, названный, «Надеждой Бруаранны», улетел в межпланетные бездны. Люди переживали жуткие дни ожидания. Порой казалось, что надежды не сбудутся. Великое озеро превратилось в грязную лужу. Поля, оставленные без орошения, не дали урожая. Сбереженное в общественных складах продовольствие выдавалось населению минимальными порциями. Начались эпидемии. Отчаяние возрастало, принимая угрожающие размеры. Участились случаи сумасшествия.

Но шар вернулся. Он привез воду и весть о существовании Земли. С того дня началась светлая эпоха в истории Бруаранны.

— Мы подъезжаем к подземному вокзалу Города башен, — сказал Андион. — Мы находимся на той стороне Бруаранны, которая никогда не смотрит на Орру. Вы скоро увидите нашу столицу.

Своды тоннеля раздались вширь и ввысь, и ослепительное сияние электрических ламп озарило многоэтажное здание вокзала. Рельсы подъездных путей разбегались в стороны, как серебряные ледяные струи. Вагоны мелькали справа и слева. Гудение проводов стояло в воздухе. На платформах и виадуках толпились люди.

Андион провел меня к хрустальной двери какого-то павильона.

— Войдите! Ждите меня здесь, — сказал Андион, отводя рукой синеватую полосу хрустальной двери. — Мне нужно сделать донесение начальнику станции.

Я вошел один в просторный зал, залитый электрическим светом. Тут только я почувствовал смертельную усталость и, усевшись на какой-то низенький диванчик, начал засыпать.

12

ПРОСНУВШИСЬ, я почувствовал сильным и бодрым. Широкое и высокое от пола до потолка окно пропускало золотые лучи солнца. Над головой на огромной высоте сияла ажурным узором сетка. Переплет из неизвестного мне металла поддерживал хрустальные плиты искусственного небосвода. Несколько видимых из окна взлетающих к небу башен давали несокрушимую подпору небу Бруаранны, сотворенному руками лунных людей.

— Линкорн, — сказал кто-то за спиной. Я обернулся. У входа в павильон стояла высокая золотоволосая женщина.

— Я Ариленда, — сказала она, подходя ко мне, — я давно думала о людях Орры. Я всегда мечтала встретиться с таким человеком. Но, — женщина вдруг нахмурилась, — скажи, ты один? Никто не знает тайны твоей ракеты? Поклянись, что скажешь правду?

— Я один, — ответил я. — И зачем мне лгать?

— Я так и говорила им, — кивнула головой Ариленда.

— Кому?

— Членам Союза мстителей. Они доказывают, что Орра ограбила Бруаранну, силой своего властного притяжения похитив с нее воздух и воду. Высший совет науки говорит, что их учение основано на весьма шатких гипотезах, а некоторые утверждения совершенно

не выдерживают научной критики. Но у Мстителей есть много последователей.

— Почему же Высший совет науки не может закрыть Союз мстителей? — спросил я.

— Союз мстителей — общество тайное. Среди членов Высшего совета науки есть члены Союза мстителей. До сих пор Союз мстителей ограничивался тем, что ревностно отбирал у Орры то, что по их упрямому мнению принадлежало раньше Бруаранне, — воздух и воду. Активных враждебных действий по отношению к земному человечеству не было. Но воинственное настроение земных людей и быстрое развитие техники увеличили фанатическую ненависть Союза мстителей к Орре. Со дня на день они ждали прибытия на Бруаранну разведчиков с Земли. Первый земной разведчик — ты, Линкорн. Теперь можно ожидать, что Союз мстителей перейдет к активным действиям против человечества Орры. Вы видели силу хрустальных цилиндров.

— ... Взрывающих кратеры! — подсказал я.

— Они говорят, что твои помощники строят огромную флотилию ракет.

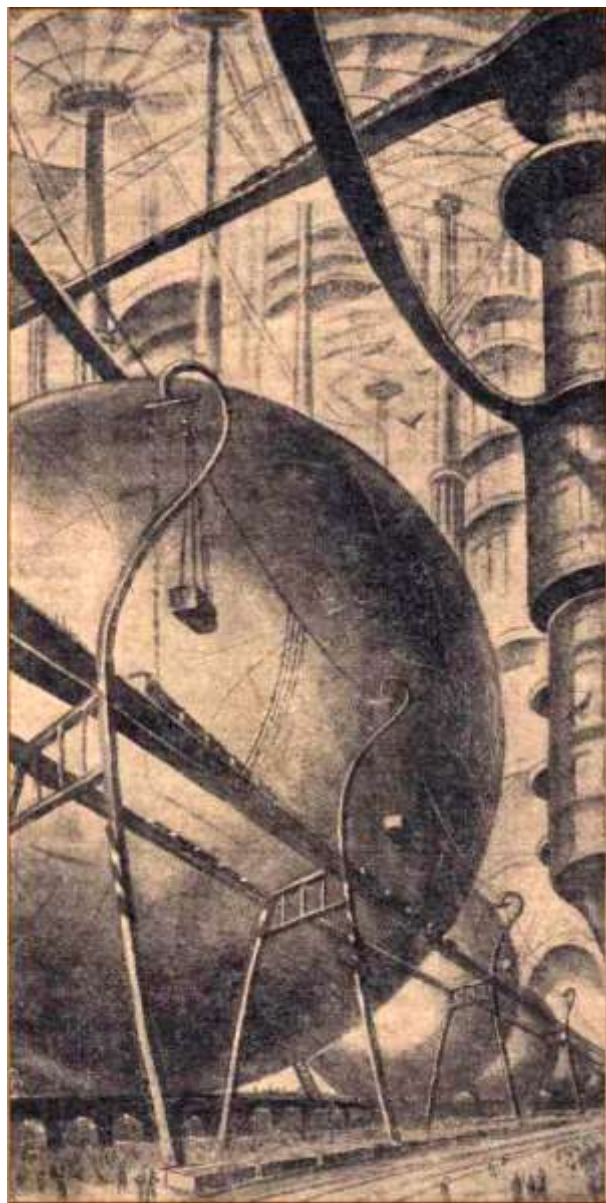
— Но ведь я же один!

— Они говорят, что ты должен умереть, — продолжала, не слушая меня, Ариленда. — Человек, не испугавшийся одинокого путешествия по эфиру, должен умереть!.. Слушай, Линкорн. Андион — член Союза мстителей. Будь осторожен. Прощай.

Она исчезла так же внезапно, как и появилась, оставив меня одного в смущении и неизвестности.

Ну, что ж, — подумал я, — еще не так плохо. Есть противники, есть и сторонники. Будем ждать этого Андиона.

Он скоро появился, приветливо улыбаясь.

... Здесь стояли сотни огромных шаров вышиною в десяти-этажный дом...

— Вы хорошо отдохнули, Линкорн? Очень рад. А теперь одевайтесь и идите в соседнюю комнату. Я научу вас летать на крыльях, и мы полетим с вами по Городу башен.

Мы с Андионом вышли на балкон шестидесятого или семидесятого этажа над землей. Справа и слева сияли здания. Их архитектурный стиль не был схож ни с одним стилем на Земле. Его главной чертой было изобилие балконов, составляющих как бы отдельные здания, иногда повисшие в воздухе, как цветные огромные фонари. Огромные корпуса стопятидесятиэтажных блистающих строений соединялись арками и мостами. Это было изумительное цветение камня.

Андион и я снялись с балкона. Наши крылья слышно резали воздух. Гениальная простота их устройства позволила мне в пять минут научиться управлению ими. Они повиновались малейшему — нажиму кнопки.

Мы обогнали группу детей, которые весело резвились в воздухе, задорно смеясь.

Мы пролетели над величественным зданием Высшего совета науки. Мы приближались к центральной башне, подпирающей зенит небосвода. Воздушное движение вокруг нас становилось все оживленнее. Летели небольшие шары с различными грузами. Я заметил, что по винтовой дороге, облегающей суживающуюся кверху башню, были проложены зубчатые рельсовые пути, и по ним вверх и вниз катились поезда, то груженные, то пустые. Мы подлетели к верхнему этажу башни. Андион предъявил охране документ, выданный на мое имя Высшим советом науки. Нас пропустили в огромный зал, полный мужчин и женщин.

Сотни огромных шаров стояли здесь рядами. По рельсам автоматически двигались груженные вагонет-

ки. Быстро проходили люди, скрываясь в недра то одного, то другого шара через люки в нижней части этих гигантов вышиной в десятиэтажный дом.

Шестьдесят оранжевых шаров отлетели сегодня на Землю: пятьдесят за водой и десять за воздухом. Пятьдесят черных шаров отправлялись взрывать базальт, гранит, мрамор и хрусталь в каменоломнях, на восьмикилометровой высоте лунных гор Ньютона. Около ста шаров летело с рабочими и рабочим снаряжением на постройку нового города в центре полушария, никогда не смотрящего на Землю.

13

ДЕНЬ за днем знакомился я с Луной и ее обитателями. Мне была предоставлена полная свобода. Долгие дни я блуждал то пешком, то на крыльях по огромному Городу башен. Я смотрел на сильных, здоровых лунных людей, любовался красотой их тел на солнечных спортивных площадках. Я наблюдал фантастически—быстрое возведение двух новых башен, идеально предусмотренное в бесчисленных мелочах. Я смотрел на красоту лунных девушек и юношей, на жизнерадостных, играющих в свои лунные игры детей, на крепких стариков, отдыхающих на скамьях вдоль солнечных аллей, оцепленных лунными дворцами. На многократные свои заявления о желании работать на Луне я получал от Высшего совета науки категорические отказы, и мне было стыдно сознавать свою ничемность.

Мой доклад о постройке ракеты, сделанный в зале дворца Высшего совета науки, вызвал весьма скептические почтенных лунных ученых. Мне никто не ве-

рил. А история трагической смерти Рианстеда была сочтена явной выдумкой.

Я совершенствовался в практике лунного языка, листая в журналах статьи о необходимости подготовки Бруаранны к отражению атакующих планету туч ракет типа «Ракеты Лунного Колумба». Бруаранна в опасности! Все на защиту Бруаранны! Смерть Орре! — так кричали газеты Союза мстителей. Из сотни тайных агентов, отправленных на Землю, ни один не донес ни о количестве, ни о местонахождении огромного междупланетного военного флота коварной Орры. Печать Союза мстителей разъяснила, что Орра слишком хорошо хранит свои тайны, что малодетельный Высший совет науки узнает о флоте Орры только тогда, когда миллионы земных ракет внесут на Бруаранну смерть и разрушение.

Вильям Линкорн прессой Союза мстителей был объявлен заурядным шпионом английского военного министерства, человеком, ничего особенного собою не представляющим. Союз мстителей добивался низвержения Высшего совета науки, хотел поставить одного из своих членов диктатором над планетой, тысячами статей и брошюр убеждая лунных людей, что, пока Орра еще не довела своего междупланетного флота до полной боевой готовности, необходимо обрушиться на нее всеми силами Бруаранны и раздавить ее навсегда, сделав лунной колонией, но девяносто девять процентов населения Бруаранны не сочувствовали Союзу мстителей.

В эти тревожные для меня дни Ариленда горячо доказывала лунным людям, что я вовсе не шпион, а смелый изобретатель. Она выступала перед Высшим советом науки, спорила с членами Союза мстителей и, наконец, явилась ко мне возбужденная, радостная.

— Я добилаь для тебя разрешения работать на Бруаранне, сделаться лунным гражданином. Но ты должен показать себя ревностным работником. Ты назначен лететь на Орру вместе с шарами, отлетающими за водой и воздухом. Ты летишь в своей ракете. Ты понимаешь? Это последнее испытание. Тебя хотят в последний раз проверить: достаточно ли крепка твоя решимость порвать все узы с Оррой, чтобы всецело посвятить свои силы работе на Бруаранне.

— Когда назначен отлет, Ариленда? — спросил я.

— Завтра в полдень.

14

ЛИНКОРН замолчал. Снизу из ущелья доносился приглушенный гром потока. Солнце клонилось к закату. Цветы благоухали сильнее. Иветта Ренье пристально смотрела на Лунного Колумба. Она прервала его задумчивость, спросив:

— Итак, на другой день вы были в центральной башне Города башен?

Лунный Колумб взглянул на часы, и дальнейшая его речь была лаконична:

— Да, ровно в полдень я был в башне. Ракета меня ждала. До пятидесяти шаров были тоже готовы к отлету с Бруаранны на Орру. Начальник экспедиции Гримольд указал мне земную широту и долготу станции назначения. Мы летели в неисследованную европейцами местность Мадагаскара. Я стал проверять приборы своей ракеты. Все было в полной исправности. Ко мне вошла Ариленда. Ее лицо было тревожно.

— Вчера, — сказала она, — на экстренном собрании Союза мстителей было вынесено какое-то решение относительно тебя. Мне сообщат обо всем, когда я буду в

пути к Орре. В одном из радужных шаров летят все члены Союза мстителей. Там буду и я.

— Это напоминает карательный отряд... В чем провинилась Орра?

— Какие-то документы найдены там, но и их мне покажут лишь на полпути между Оррой и Бруаранной.

— Начальник экспедиции предлагает Ариленде немедленно явиться в штаб! — Мы обернулись и увидели Андиона.

Через минуту был подан сигнал к отлету. И вот я сижу здесь с вами. Смотрите, — шары улетают. Скоро решится моя судьба. Из далекого катерного озера поднялись кверху десять оранжевых шаров, заметно увеличивая скорость. Потом второй и третий десяток шаров умчались в небесную пустоту, похитив с Земли воду.

— Да, да! Теперь все понятно! — вскрикнула вдруг Иветта Ренье. — Союз мстителей заманил вас в ловушку!

— Я чувствую это. Но не знаю, что именно меня ждет, — сказал Линкорн, — глядя на улетающие шары. Вдруг из кратерного озера взлетела «Ракета Лунного Колумба». Она неслась прямо на нас. Союз мстителей ограбил Вильяма Линкорна!

Последний отряд лунных шаров летел вслед за ракетой. Девять оранжевых метеоров просвистели над нами в воздухе. И только последний, десятый, остановился в вышине, в сотне метров над нами.

— Линкорн! — воскликнула Иветта Ренье. — И у вас нет десятка кристалликов «дианита», чтобы превратить в пыль этих негодяев.

— Там Ариленда, — прошептал Линкорн. — Я не виделся с ней с момента прощания в Городе башен. Она была здесь? Она говорила что-нибудь вам? Быть мо-

жет, одно ее слово поможет мне распутать клубок сомнений.

Я вспомнил о записанной фразе Ариленды: «Литай уррунутаилин тин» и потянулся за блокнотом.

— Посмотрите тут, Линкорн! — это крикнула Ариленда своему спутнику, когда увидела здесь меня и м-ль Ренье. Тут одна фраза...

... Я протянул Лунному Колумбу листок блокнота. Линкорн взгляни него, потом вскочил на ноги, и я услышал его хриплый шепот:

— Сообщники подлого шпиона...

Крылья у него за спиной распустились, и он стал подниматься к радужному шару. Я и Иветта Ренье смотрели, как он летал вокруг лунного снаряда и бил кулаками в его броню. Наконец, в нижней части шара открылся люк, и Линкорн исчез внутри шара. Люк закрылся.

— Какие документы Союз мстителей обещал показать Ариленде по дороге на Землю? — спросила Иветта Ренье.

— Документы, разумеется, сфабрикованы Союзом мстителей. Но страшно, что им поверила Ариленда.

— Они казнят Линкорна? — раздумывала вслух Иветта Ренье. — Ариленда стала его врагом. Он это понял. Ариленда вернулась к Андиону, к Союзу мстителей. Она обыскивала меня с такой страстной ненавистью. Чем все это кончится, мистер Метт? Мои нервы, кажется, не выдержат. А Линкорн на допросе. А-ах!.. — Иветта Ренье побледнела от ужаса.

Из черного люка бросился человек.

*Он падал вниз, как камень. Крылья
не мешали его падению...*

ЭТО был Линкорн. Он падал как камень. Его крылья, вертикально стоящие за спиной, не мешали его падению. Он летел вниз, неподвижно распластав в воздухе руки, как летит пловец с вышки в море. Но внизу был гранит...

... Линкорн лежал в пяти шагах от нас и в двух шагах от пропасти. Мы бросились к нему. Он истекал кровью. Он умирал.

Иветта Ренье дрожащими ладонями приподняла голову Лунного Колумба, Линкорн открыл глаза и прошептал.

— Я попал в западню. Мне предъявили подложные документы, меня обвиняли в чудовищных планах. Ариленда поверила лжи. Я хотел говорить, но в эту секунду кто-то толкнул меня... Я умираю... Пока память мне не изменяет, я скажу вам маршрут... долготу, широту местонахождения, чтобы добрались до...

Глаза Линкорна широко раскрылись и впились в небо. Невольно и я поднял голову и увидел Ариленду. Она выбросилась из шара и летела вниз. Вслед за ней. вылетели из люка пять или шесть человек. Линкорн, — собрав последние силы, вскочил на ноги, и сразу же упал навзничь. Он был мертв.

Ближайшему из преследователей удалось поймать Ариленду. К нему подоспел на помощь другой. Оба потащили ее к шару. Мы слышали, как Ариленда что-то кричала.

Ариленду втащили в люк. Ее преследователи тоже скрылись, и шар стал медленно подниматься.

Но внезапно он лопнул, как мыльный пузырь; и до нас донесся грохот взрыва. Ариленда отомстила, и Союз мстителей не угрожал теперь Земле.

Издается в Ленинграде.

Цена 10 коп.

Вокруг Света

№
39

Л.(С.) КЛЕНЧ

ИЗ ГЛУБИНЫ ВСЕЛЕННОЙ

Фантастический рассказ

Рис. С. Верховского

Журнал «Вокруг света» (Ленинград), №39, 1929 г.

Рисование С. Клементя

Рис. С. Верховского

I

Летом 1956 года весь СССР был крайне взволнован слухами о готовящейся гибели Земли.

Чем были вызваны эти слухи?

Дело в том, что 3 июня астрономы Пулковской обсерватории (почти одновременно с ними и астрономы других обсерваторий) усмотрели на западном краю неба небольшую светящуюся точку — настолько незначительную по размерам, что вначале ее можно было увидеть лишь в самые мощные телескопы,

Дальнейшие наблюдения дали самые неожиданные результаты: выяснилось, что новый астероид не движется по какой-нибудь определенной орбите вокруг Солнца, а идет почти по прямой линии по направлению к Земле. Это заставило исключить его из списков астероидов и причислить к блуждающим небесным телам — «бродягам», что, впрочем, ничуть не ослабило интереса к нему.

Этот «бродяга» двигался с необычайной быстротой. Через восемь дней его можно было видеть даже в небольшие любительские телескопы. Еще через четыре дня наиболее зоркие люди могли видеть планетку невооруженным глазом, а на следующий день ее видели

уже все. Возникли первые слухи о грядущей гибели Земли.

Напрасно трезвые умы успокаивали народ, говоря, что слово «столкновение» в данном случае совершенно неприменимо, так как размеры метеора слишком ничтожна по сравнению с величиной Земли, и падение его не причинит Земле ни малейшего вреда. Это не могло успокоить лиц, несведущих в астрономии: если размеры «бродяги» были слишком малы для планеты, то они были чересчур велики для метеора-болида. С таким громадным метеором жителям Земли еще никогда не приходилось встречаться, — даже средневековый рисунок, сохранившийся в летописях XVI века и изображающий болид необъятной величины, падающий с неба, — даже он должен был померкнуть перед новым небесным пришельцем.

Напрасно надеялись некоторые, что Луна притянет к себе зловеющий метеор и таким образом избавит землю от излишней неприятности. Этого не случилось. Метеор продолжал непрерывно приближаться к Земле.

К утру он значительно увеличился в размерах.

А в шесть часов вечера в природе случилось нечто необычайное...

Небо покрылось тучами, скрывшими из глаз Солнце. По Европе пронесся сильнейший циклон, вырывавший с корнями столетние деревья и чуть не потопивший несколько пароходов, курсировавших вдоль западного побережья Европы.

Затем — впервые это увидели в Англии — какая-то громадная черная масса, как показалось перепуганным людям, заслонила собой половину всего небосклона. Но это длилось несколько секунд, затем эта масса с ужасающим свистом и грохотом пронеслась вдоль материка по направлению к востоку. За ней следом тя-

нулся длинный хвост, состоявший из клубов дыма и пламени; а немного спустя промчался новый вихрь, сокрушая все на своем пути.

Через 10 минут в Германии, а через пять минут на западной окраине Советского Союза наблюдалось то же, что и в Англии. Действительно трудно было представить себе что-либо более жуткое, чем эта громадина, имевшая добрый километр в длину. Она рассекала воздух так стремительно, что на всем протяжении ее пути крутился целый водоворот из камней, деревьев и домов, сломанных и опрокинутых силой воздушного течения. Дым или пар, составлявший хвост таинственного метеора, долго держался на небе. По крайней мере, его видели даже на следующее утро.

По расчету Пулковской обсерватории, через двадцать минут метеор должен был пронестись над японскими островами. Это вызвало опасение, что начнут действовать угасшие вулканы, которые похоронят под водой острова. Но метеор не достиг Японии.

В 6 час. 48 мин. радио разнесло по всему свету известие, что метеор, не расколовшись и не разорвавшись в воздухе, упал на территорию СССР, в тридцати верстах от Москвы.

Упал он чрезвычайно плавно, но, тем не менее, вошел в землю на целый десяток саженей и гул от удара был слышен даже в Москве. Во многих домах, расположенных на окраинах, полопались стекла, а вихрь, прилетевший сюда немного спустя, произвел в юго-западной части Москвы большие опустошения. Сейсмографы Московской обсерватории немедленно после удара отметили резкое колебание земной коры, продолжавшееся около десяти минут.

II

Метеор упал недалеко от станции Царицыно, поэтому вокзал Курской железной дороги был переполнен москвичами, желавшими попасть на место происшествия.

Ночью к месту происшествия из Москвы выехал поезд с комиссией, специально назначенной правительством для расследования.

Железнодорожный путь до Царицына был в полной исправности. Несмотря на поздний час, на каждой станции толпилась масса народа. Поезд комиссии встречали с озабоченными и встревоженными лицами. Начальники станций спрашивали — нет ли распоряжений из центра и будут ли завтра курсировать поезда. Повсюду среди моря колышащихся голов виднелись красные фуражки милиционеров и агентов, охранявших порядок. А по мере приближения к Царицыну суматоха все более и более усиливалась.

Вокзал Царицына представлял собой какой-то беспорядочный муравейник. Вся платформа кишела дачниками, озабоченными москвичами, стремящимися попасть обратно в Москву. День падения болида, по несчастью, совпал с воскресеньем.

После Царицына поезд пошел тихо и неуверенно, останавливаясь через каждые пять минут для осмотра пути. А отъехав от Царицына верст на 8—10, он остановился окончательно; ехать дальше было уж нельзя, так как путь впереди оказался разрушенным.

Заказанные по телефону автомобили поджидали поезд в этом месте. По гладкой шоссейной дороге они быстро доставили членов комиссии к месту падения метеора, который находился недалеко от железнодорожного полотна.

Наряды конной и пешей милиции. стянутые сюда со всей окрестности, еле-еле удерживали напор тысячной толпы, собравшейся здесь несмотря на поздний полуночный час посмотреть поближе на загадочный метеор.

Впрочем, его хорошо было видно издалека. Черный выпуклый контур довольно-таки отчетливо вырисовывался на темно-синем фоне ночного неба. Он поражал наблюдателей своими неслыханными, гигантскими размерами. Несмотря на то, что метеор вошел в землю на глубину, почти равную высоте трехэтажного дома, он все-таки казался громадным и даже самый высокий дом в Москве показался бы рядом с ним карликом. Издали казалось, что это не метеор, не блуждающее небесное тело, случайно залетевшее к нам на землю, а целая гора, внезапно выдвинутая из недр земли каким-нибудь бурным геологическим переворотом.

Впрочем, зрителя поражала и еще одна странная особенность, а именно — геометрическая правильность очертаний метеора: он имел форму сигары — немного заостренную с одной стороны и притуплённую с другой. И хотя трудно было поверить тому, что он создан живыми, разумными существами, прилетевшими сюда с другой планеты, — тем не менее все научные деятели, вошедшие в состав исследовательской комиссии, тотчас и единодушно высказали это предположение. Это же подтвердил и профессор Веригин, виднейший московский метеоролог и астроном; он прибавил, что остается только ждать, когда «метеор» остынет, чтобы убедиться, кто в нем сидит и чья дерзкая, но гениальная рука направила его из небесных пространств к нам.

— Не исключена возможность и того, — добавил он, — что сидящие внутри ядра (так правильнее называть

его) откроют против земных жителей «военные» действия и что при первом же своем столкновении с обитателями иного мира человечество понесет жесточайший урон.

Эти слова были сказаны, конечно, без всякого расчета на панику. И, тем не менее, они были тотчас же подхвачены радио и разнесены по всему свету, вызвав повсюду сильнейшее волнение. Авторитет проф. Веригина был велик даже за границей. И утренние газеты были полны самых сенсационных сообщений.

Высказывались всевозможные предположения — откуда, с какой планеты залетело к нам это ядро. Называли Марс, Венеру, даже Юпитер... Но компетентные лица хранили по этому поводу глубокое молчание, и потому для догадок представлялось широкое поле. Во всяком случае, слова профессора Веригина о возможном нападении со стороны пришельцев возымели и свое благоприятное действие: праздный народ, столпившейся возле места происшествия, начал после этих слов быстро расходиться. Правда, с первыми проблесками утра сюда нахлынула было новая толпа народа, но и она, узнав о возможных осложнениях, быстро растаяла и растеклась по всем направлениям. Даже в окрестных дачах, уцелевших после падения ядра, началась суматоха. Некоторые осторожные дачники уже начали укладывать свое имущество на возы и уезжать в Москву.

Регулярное движение Москва — Царицыно возобновилось с утра следующего дня, и это несколько успокоило народ. А за Царицыным производился спешный ремонт путей и исправление мостов.

Правительственная комиссия, прибывшая на место происшествия, поместилась на ночь в одной из опустевших дач, недалеко от места падения ядра. С утра

следующего дня научная часть комиссии намеревалась начать исследование природы болида и определение его физических свойств. В случае же, если это — действительно создание разумных существ, — решили переехать, пока эти существа благоволят выйти наружу, и тогда попытаться завязать с ними дружественные сношения, для чего в срочном порядке разрабатывались различные способы переговоров.

С раннего утра вся комиссия во главе с профессором Веригиным заняла свои места на опушке рощицы, в ста шагах от ядра, чтобы выжидать дальнейших событий. Ядро, раскалившееся во время полета от трения об атмосферные слои, остывало необыкновенно быстро. Казалось, что этому способствовали какие-то посторонние причины. Уже спустя 12 часов после его падения на Землю оно почти остыло, и к нему можно было подойти совсем близко.

Теперь, при дневном свете, можно было видеть, что оно действительно имеет правильную форму утолщенной сигары, но такой громадной величины, что его даже на расстоянии двухсот-трехсот шагов невозможно было охватить взглядом. Оно закрывало собой, как ширмой, половину всего видимого горизонта, и его гигантская покатая масса, бурая от нагара, угрожающе нависла над землей.

Оказалось, что ядро врезалось в землю только своим «брюхом», т.е. средней частью, а оба его заостренные конца высоко подымались над уровнем земли.

Солнце уже давно встало, хотя членам комиссии, находившимся на западной стороне ядра, его еще не было видно; своей громадной массой ядро закрывало весь восточный край неба, и только верхушка чудовищного метеора золотилась в солнечных лучах. Тень же, отбрасываемая ядром, была так велика, что далеко

по другую его сторону еще царили слабые предрасветные сумерки... И эти странные явления в природе еще более усиливали безотчетный страх перед метеором...

III

Ровно в 12 часов дня комиссия решила, наконец, приступить к обследованию ядра.

Но это намерение пришлось отложить; приблизительно в это же время из ядра стали доноситься какие-то странные звуки, — не то стук, не то царапанье, — сначала тихие, а затем перешедшие в грохот. Этот грохот вскоре начал сопровождаться незначительной качкой ядра, вернее, перевалкой его с-бока-на-бок. Каждое колебание ядра сопровождалось сильным содроганием почвы... И от этих точно подземных толчков в соседних дачах полопались последние уцелевшие стекла, а вся мебель сдвинулась с места, как во время землетрясения.

На гладкой поверхности ядра внезапно появилось громадное круглое отверстие, имевшее свыше тридцати метров в диаметре, в которое без труда вошел бы четырехэтажный дом. Отверстие образовалось внезапно и появилось оно сбоку ядра, на высоте почти сорока метров над землей, то есть приблизительно на уровне десятого этажа.

Вскоре черное отверстие заслонило изнутри каким-то блестяще зелено-серым телом, и из ядра наружу выглянули два громадных круглых глаза, внимательно осматривавших окрестность... А после этого показалось и все существо — первое живое существо, прилетевшее на Землю из необъятных глубин вселенной...

Это существо имело очень странный вид. Да и не только странный, но и страшный, необычайный, фантастический вид. Как и ядро, оно, прежде всего, поражало своими размерами. Это был гигант высотой с добрых 50 метров, и когда он плавно соскочил на землю, — настолько плавно, что многим показалось, будто он слетел на крыльях, — его голова оказалась намного выше нижнего края отверстия... А отверстие, как уже говорилось, находилось на высоте десятиэтажного дома.

Впрочем, его голова настолько сливалась с туловищем, что трудно было различить, где она кончается и где начинается шея... Но все же голова у него была. Длинный бесформенный хобот — нечто среднее между птичьим клювом и лапой осьминога — болтался между двух огромных желтых неморгающих глаз. Этот хобот — как потом узнали — служил ему и для принятия пищи, и для обоняния, и для переговоров с себе подобными. Им же, в случае надобности, он мог производить движения — словно рукой.

Однако у него были и руки. Подобно человеку, каждый Центавр, (как их называли впоследствии) имел две руки и две ноги, но только его конечности были лишены костей и потому могли извиваться как щупальцы. Но, несмотря на свою кажущуюся гибкость, его ноги были все же достаточно крепки для того, чтобы удержать на себе массивную тушу, а руки таили в себе неслыханную силу.

Самые высокие деревья казались для него вероятно кочанами капусты, любой паровоз он мог бы положить к себе в карман, а люди... да, теперь это выяснено вполне достоверно: прилетевший к нам гигант совершенно не заметил вначале этих многочисленных черных точек, тревожно копошащимся возле его ног.

IV

Свое месячное пребывание у нас Центавры вели себя необычайно корректно и деликатно, и если по их вине и случались иногда какие-либо несчастья и катастрофы, то это происходило без всякого злого умысла с их стороны.

А катастрофы все-таки случались, особенно в первые дни их пребывания на Земле, — пока они еще не научились держаться с достаточной осторожностью. Там они придавили целое здание вместе с людьми, тут шаг их гигантской лапы смял и исковеркал железнодорожное полотно или оборвал и перепутал все телеграфные провода... Наконец правительством было решено отвести им громадное поле, свободное от построек и леса, — поле в 3 — 4 квадратных километра, находящееся недалеко от их летательного снаряда, и тут гиганты провели весь остаток своей земной жизни, лишь изредка отваживаясь перешагнуть за пределы

Конечно окрестности поля тотчас же сделались местом непрерывного паломничества ученых всего мира, да и не только ученых, а всех, чаявших посмотреть на «заморскую диковинку». Испуг и недоверие к этим страшилищам быстро рассеялись, когда человечество убедилось, что Центавры прилетели к нам вовсе не с целью стереть нас с лица Земли, а для того, чтобы спокойным взором исследователя проанализировать наши научные и технические достижения. Возле поля Центавров быстро вырос целый научный городок, вместивший в себе русские и заграничные научные силы, решившие посвятить себя делу взаимного сближения с Центаврами.

Мы не знаем, удивились ли Центавры, узнав, что эти жалкие черные точки — люди являются разумными существами; возможно, что в своем беспредельном самоусовершенствовании они дошли до того, что совсем разучились удивляться. По крайней мере, они ничем не проявили своего удивления, и даже впоследствии, когда профессор Иегер открыл способ переговоров с ними, они ничего не сказали нам по этому поводу.

Их разговорный язык — как это ни странно — оказался вовсе не сложным. Его характернейшей чертой было полное отсутствие согласных звуков. Он состоял исключительно из мелодических тонов и полутонов и вмещал в себе все оттенки хроматической гаммы, и когда Центавры (всего их было четверо) переговаривались между собой на этом странном языке, их «пение» было иногда слышно под самой Москвой.

Интересно отметить, что вначале Центавры стремились овладеть нашим языком; но у них не было ни губ, ни языка, ни неба и своим хоботом (при выдыхании из легких воздуха) они могли производить лишь протяжные тоны различной высоты и частоты. И тогда, убедившись в невозможности подражать нашему языку, они бросили эту затею, и стали деятельно помогать нам изучать их язык. Но взаимное понимание совместными усилиями было достигнуто лишь через две-три недели после их прибытия.

Когда, наконец, люди овладели языком Центавров, то оказалось, что человеческие легкие слишком слабы для того, чтобы гиганты могли отчетливо услышать нас. Наш самый громкий крик казался им, вероятно, тем же, чем нам кажется пищание комара на расстоянии десятка шагов. Поэтому пришлось в срочном порядке соорудить огромную машину, которая могла

усиливать звуки человеческого голоса до требуемой громкости.

Второй сложный вопрос заключался в питании Центавров. Они питались исключительно размельченной растительной пищей, которую втягивали в себя через хобот. Но подходящей растительности на Земле для них не нашлось. Земные деревья показались им, может быть, недостаточно вкусными; по крайней мере, уже спустя неделю после своего прибытия они, в весьма деликатной форме, отклонили наши услуги в части доставления им пищи, и стали питаться исключительно теми запасами, которые были захвачены ими с собой в ядре. Но эти запасы были не слишком обширны, и эта-то причина и заставила Центавров пробыть на Земле всего только один месяц.

Все движения Центавров были хотя и медленны, но необычайно легки и плавны. Эти сказочные страшилища двигались, перемещались, свивали и развивали свои щупальцы с такой пластичной грацией, что им могли бы позавидовать ученицы балетных школ. Они могли делать громадные прыжки — до 100 метров в высоту, т. е. в два раза выше своего роста. Однако первый же прыжок причинил на Земле столько опустошений и жертв, что впоследствии Центавры уже не решались повторять своего опыта.

При виде громадного блестящего существа, с легкостью птицы поднявшегося к облакам и перелетевшего огромное расстояние, ученые задались вопросом, какая сила движет Центавров в воздухе, ибо Центавры ведь не имели крыльев.

Ленинградский метеоролог академик Лавровский выдвинул остроумное предположение, что этому способствует малое притяжение Земли. По всей вероятности Центавры прилетели к нам с какой-нибудь гро-

мадной планеты, где притяжение очень велико, и живые существа, чтобы преодолеть это сопротивление, должны обладать сильными мускулами. Поэтому на земле Центавры должны чувствовать себя так же легко, как мы, например, чувствовали бы себя на Луне, где притяжение в 6 раз меньше земного, а при таких условиях даже самое незначительное их движение должно было дать очень ощутительный эффект.

Эта гипотеза была принята всеми единодушно, и она же натолкнула на решение загадки — откуда прилетели к нам Центавры. Из всей солнечной системы единственной планетой, могущей породить таких гигантов, являлся Юпитер, однако современная астрономия говорила нам, что Юпитер еще не вполне остыл и что жизнь на нем невозможна. Поэтому на одном из очередных заседаний исследовательской комиссии профессор Веригин заявил, что, по его мнению, Центавры прилетели к нам не с какой-либо планеты из нашей системы, а совсем из другого мира, — с одной из ближайших звезд.

Он даже назвал эту звезду — Альфа созвездия Центавр.

Сами гиганты, вскоре после того, как мы научились разговаривать с ними, дали нам понять, что они прилетели именно с одной из планет системы Альфа Центавра.

Начиная с этого момента, жители Земли и стали называть своих гостей Центаврами.

Тот же профессор Веригин высказал весьма неутешительное соображение что нам, людям, вряд ли когда удастся встать наравне с Центаврами и подобно им переноситься со звезды на звезду. Препятствием к этому послужат не столько наши «микроскопические»

размеры, сколько непродолжительность нашей жизни: для того, чтобы перелететь с нашей Земли на Альфу Центавра со скоростью света, потребовалось бы целых три-четыре года. Но скорость света — 300.000 километров в секунду — никогда не будет доступна нашей технике. А чтобы преодолеть это же расстояние со скоростью вполне возможной — скоростью самого быстрого курьерского поезда, потребовалось бы ни много, ни мало... 40 миллионов лет... Ибо расстояние от Земли до Альфы Центавра — 32 000 000 000 000 километров.

Другими словами, если бы один из нас пожелал съездить на Альфу Центавра, то приехал бы туда не он сам, а один из его отдаленнейших потомков — приблизительно в миллионном поколении. Целый ряд промежуточных поколений, родившихся во время перелета, провел бы всю свою жизнь — от рождения до смерти — в ядре и о своей родной Земле знал бы только из книг да из рассказов родителей...

— Впрочем, — утешил профессор Веригин, — перелеты между планетами нашей солнечной системы не представляют собой такого громоздкого предприятия. Вероятно, настанет то время, когда наши правнуки, живущие на Земле, будут ездить в гости к своим знакомым, живущим на Марсе, а во время своего узаконенного двухмесячного отпуска полетят «на курорт» на Венеру, чтобы там на берегу первобытных морей, под знойным экваториальным небом (Венера гораздо ближе к Солнцу, чем Земля) загорать и исцеляться от своих земных недугов...

Что Центавры во много раз долговечнее людей — было очевидно для всякого. Об этом говорили не только их гигантские размеры, но и странная, характерная медленность их восприятия, — неудобство, являющееся неизбежной расплатой за долгую жизнь. Именно они

чрезвычайно медленно воспринимали всякое внешнее впечатление. Поэтому они и сами двигались и переговаривались между собой очень медленно. — Их завывание было настолько протяжно, что надо было иметь большое терпение, чтобы выслушать до конца хоть одну фразу. Наоборот, наш разговор казался Центаврам сверхъестественно быстрым стрекотаньем, из которого они не могли разобрать ни одного слова, а движения казались им настолько проворными, что они часто с интересом наблюдали, как люди снуют по всем направлениям с бешеной скоростью, ухитряясь при этом не сшибать друг друга с ног.

Поэтому поверхностному наблюдателю могло бы показаться, что Центавры — народ очень ленивый и неуклюжий. Конечно, это было неверно; напротив, Центавры были крайне подвижны и ловки, если только судить о них с надлежащей точки зрения.

На основании этих, а также и некоторых других данных было вычислено, что средняя продолжительность жизни каждого Центавра равнялась 500-600 земным годам, причем допускалось, что этот срок мог быть увеличен искусственным путем. Некоторые ученые предполагали даже, что Центавры совсем не умирают, так как высокое развитие их культуры позволило им победить смерть. Однако большинство ученых держалось противного взгляда.

Наблюдатели отмечают, что Центаврам было несколько тяжело дышать в земной атмосфере. Вероятно, воздух на их планете был более сгущен или более насыщен кислородом, чем на Земле, и потому земная атмосфера казалась им слишком разреженной. Особенно тяжело дышали они вначале — пока еще не привыкли к новым условиям. Воздух втягивали в себя с глубоким свистом и хрипом, а их грудь при этом высо-

ко вздымалась. Интересно отметить, что дышали Центавры не через хобот. Органом дыхания у них служили две широких жабренных щели, расположенных по краям головы, как у рыб. Однако они могли впускать и выпускать воздух также и через хобот, что делали главным образом во время разговора.

Во всем же остальном их строение более или менее приближалось к строению человеческого тела. Самым серьезным различием следует считать отсутствие скелета: вместо скелета их тело было покрыто снаружи твердыми мелкими чешуйками блестящего песочного цвета, и то, что у них было по четыре пальца на каждой «руке» причем пальцы имели вид длинных, гибких щупальцев, кроме того у них отмечалось более высокое развитие органов чувств.

Именно из всех пяти чувств только вкус у них развит слабее, чем у человека; все же остальные были развиты гораздо лучше, а кроме того они обладали еще и добавочными чувствами («шестое» и «седьмое» чувство), такими, о каких мы не имеем и понятия.

Так они могли видеть все, что происходит позади их. Ясно, что глаза их не играли тут никакой роли, и потому даже самый глагол «видеть» в данном случае не совсем уместен, было бы правильнее сказать — ощущали. С помощью этого чувства они могли «видеть» даже в глубокой темноте. Основываясь на последнем факте, профессор Иегер пришел к выводу, что это новое чувство регулируется не световыми волнами, а какими-то иными, — быть может, электромагнетическими.

Другое неизвестное нам чувство заключалось в их умение сразу и безошибочно определять химический состав тел путем простого ощупывания этих тел своей змеевидной рукой.

Возможно, что у них имелись еще и другие чувства, которых мы не смогли отметить, и с помощью этих семи-восьми чувств они познавали мир гораздо лучше, полнее и разностороннее, чем мы со своими пятью чувствами. Быть может, обладай мы всеми их чувствами, и мир предстал бы перед нами в совершенно ином виде, чем сейчас...

Вот каковы были главные физические особенности существ, прилетевших из глубины вселенной.

V

За недостатком времени, при наличии плохих усовершенствований для переговоров, комиссия нередко не могла уяснить, понять многих сообщений Центавров.

В частности, мы совершенно не смогли понять их отвлеченных научных рассуждений. Их «лекция» о построении междוזвездного ядра осталась для нас навсегда непонятной. Не помогло даже то, что незадолго перед этим целая комиссия из специалистов-техников осматривала и изучала ядро во всех его деталях.

Следует, однако, отметить, что ядро для «внутренних», т. е. междупланетных, перелетов было изобретено Центаврами очень давно и с помощью этого ядра они еще сотни лет тому назад пересекли всю свою планетную систему, которая, к слову сказать, состояла всего-на-всего из четырех громадных планет, и изучили и заселили эту четырехпланетную систему от края до края. Академик Лавровский остроумно заметил, что теперь эти четыре планеты известны Центаврам, как свои четыре пальца.

После этого их взор обратился и на соседние звездные системы. И неудивительно, что первая же «внеш-

няя» поездка была совершена ими к нашему Солнцу, являвшемуся наиболее близкой звездой к Альфе Центавра.

Точно также не случайно, а со строгим расчетом направили они свое ядро именно на Землю. Судя по некоторым признакам, они решили, что Земля должна быть обитаемой, и этот расчет их не обманул.

Что почувствовал бы человек, если бы он случайно попал на одну из планет системы Альфа Центавра? Вероятно подумал бы, что видит сон. И много дней прошло бы, пока он не убедился бы, что все окружающее его — не сон, а явь.

Все наши понятия о красоте мира, о социальном укладе жизни, о взаимоотношениях разумных существ не имеют места на планетах Альфы Центавра.

Зелень? Ее там нет. Растительность имеет яркосиний цвет, лишь изредка переходящий в небесно-голубой. Она не растет на поверхности почвы, а свободно носится по воздуху, черпал свою пищу исключительно из атмосферного кислорода и углерода.

Лунные ночи? Их тоже нет. Альфа Центавра состоит из четырех громадных солнц, два из которых по своим размерам больше, чем наше собственное*. Ее планеты движутся вокруг этих солнц не по кругу, а по кривым линиям, напоминающим восьмерку или девятку. Вычисление их орбит — невообразимо трудно, и самые лучшие наши математики почувствовали бы там некоторое смущение. Нередко планеты заходя между двумя солнцами, и потому ночей там не бывает совершенно: не успеет одно солнце зайти за горизонт, как

**До 1936 года люди думали, что Альфа Центавра состоит лишь из трех солнц, из которых второе по величине вращается вокруг первого в 80 лет.*

на смену ему выходит другое, а иногда выпадают моменты, когда на небе красуются все четыре солнца сразу...

Это — мир, буквально затопленный светом. Там так светло, что из-за этого яркого, ослепляющего блеска мы в первое время вероятно ничего не смогли бы разглядеть вокруг себя. И тем темнее, тем беднее должна была показаться Центаврам наша земля, такая сумрачная и печальная по сравнению с их сверкающим миром.

Все четыре солнца Альфы Центавра — разноцветные. Одно из них — белое, другое — желтое, третье — пурпурно-красное, и четвертое (меньшее) — синее. Сутки там отмечаются не сменой дня и ночи, как у нас, а сменой окраски всего видимого мира... Когда на небе сияет синее солнце, все предметы, окрашенные его лучами, кажутся тоже синими; затем на смену синему выходит желтое солнце, и мир медленно начинает зеленеть, — синие лучи смешиваются с желтыми, пока желтый цвет не восторжествует.

Потом на все предметы начинает набегать пурпурный оттенок, — это показывается из-за горизонта красное солнце. И здания, и растительность, и громадные живые существа, — все это принимает мало-помалу красный цвет, как будто мир медленно заливается кровью... На небе появляется зловещее зарево, красные блики мерцают в воздухе, багровые тени бегают по земле...

Но вот выступает на сцену гигантское белое солнце, и весь мир, только что колыхавшийся в крови, тонет в его ослепительно-белых лучах...

А какая пестрота красок царит вокруг, когда на небе сияют все четыре солнца! Каждый предмет, каждое живое существо отбрасывает от себя сразу четыре

тени. Красные, желтые, синие и белые блики перебегают с места на место, окрашивая все в свои цвета. Разноцветные лучи сплетаются между собой, преломляются и раздробляются в сверкающей воде, рассыпаясь на тысячи огней, создавая дивную гармонию теней и красок...

А жизнь Центавров, — разве она сама по себе не достаточно диковинна и необычна? У них так тепло, что нет никакой надобности в одежде, и они даже незнакомы с ее употреблением. У них нет городов, — нет вообще никаких скоплений жилищ. Их дома разбросаны по всей поверхности планет, на большом расстоянии друг от друга, кутаясь в ярко-синей воздушной растительности...

Их наука имеет колоссальные достижения во всех своих отраслях. Об этом можно было судить хотя бы по межпланетному ядру. Но получить более подробные сведения от них не удалось. Социальный строй также остался неизвестным. Высказывалось много предположений, но точно нельзя было узнать ничего.

Раз один из Центавров сидел, полусогнувшись, посреди поля, перед специально выстроенной трибуной. Он глядел на нас своими круглыми, немигающими желтыми глазами, его змеевидные лапы обвивались вокруг его гибкого туловища, а из хобота вырывались глухие, протяжные, медленные звуки: гигант рассказывал нам о своем мире.

Мы были взволнованы и потрясены, а он смотрел на нас без признаков какого-либо душевного волнения. В нем нельзя было заметить ни насмешки, ни гордости своей мощью, ни скуки или тоски о покинутом мире... Его воспоминания не пробудили в нем никаких внутренних переживаний. Необыкновенный рассказ был сух и автоматичен...

Кто знает, быть может под бесстрастной наружной оболочкой они умели таить глубокие переживания...

Без тени иронии сообщил он нам, что вокруг нашего солнца вращается не восемь планет, как мы думали до сих пор, а целых одиннадцать.

Он описал нам устройство Венеры и Марса, рассказал, что наша Луна обитаема с той стороны, которую мы никогда не видим. Рассказал, что и на далеком Нептуне также теплится слабая, еле мерцающая жизнь, поддерживаемая внутренним, подпочвенным теплом планеты... Все рассказы Центавра были тщательно записаны и каждый шаг запечатлен на киноплёнке.

VI

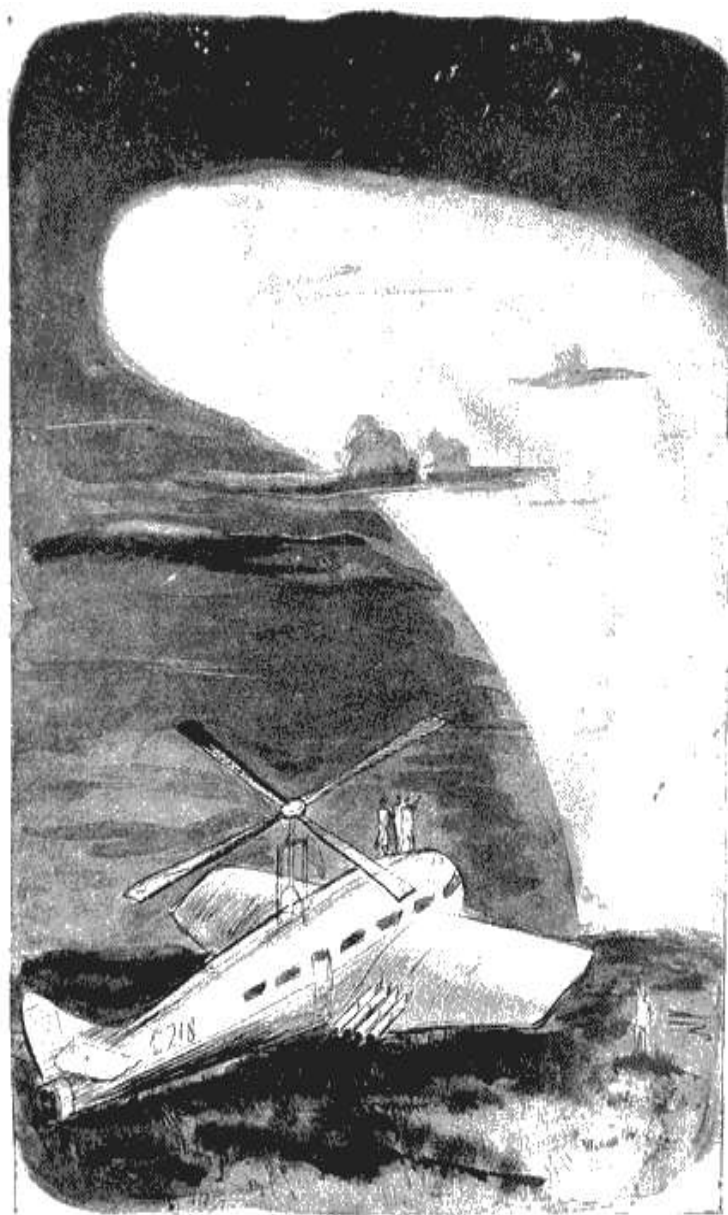
Отлет Центавров был организован самым торжественным образом. Представители всех наций и всех языков столпились вокруг поля Центавров; на расстоянии десяти квадратных километров вокруг площадь была заранее очищена от построек, а в назначенный для отлета час ни одна живая душа не должна была находиться от ядра ближе чем на двадцать километров.

После прощального обеда, в котором приняли участие и Центавры, был сожжен грандиозный фейерверк (неизвестно, что подумали Центавры по этому поводу), затем они вошли в гигантское ядро и начали завинчивать за собой дверь. Вся публика немедленно отхлынула с поля и даже на окраинах Москвы жители стали плотно запирают окна и двери, готовясь к неслыханному взрыву.

Ровно в 11 час. 45 мин. раздался глухой, точно подземный удар. Небо на юге окрасилось в яркий розовый цвет, как будто гигантский костер вспыхнул где-то в

районе Царицына, и на этом ослепительно-розовом фоне лишь немногие успели заметить большую черную массу, которая со свистом прорезала воздух и спустя секунду навсегда растаяла, исчезла в беспредельном пространстве, слившись с черным фоном ночного неба.

А потом — тучи, быстро обложившие все небо, далекие раскаты грома, молния и, наконец, бешеный ливень, который, казалось, хотел окончательно смыть с лица земли последние следы дерзких пришельцев из глубины вселенной.

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

РАКЕТОПЛАН С-218

(РЕДАКЦИЯ 1936 ГОДА)

Фантастический рассказ

Перевод с украинского

В.Тимошенко-Пастраки

Первый фантастический рассказ, который Владко написал еще в 1926 году, хотя опубликован он был значительно позже — в 1929-ом.

Первая публикация: В. Владко: "Ракетоплян С-218" (повість), в журнале "Знання та праця" (Харьков), 1929 год, № 10-11, стр. 23-34; № 12, стр. 22-32. с иллюстрациями Й. Дайца.

Текст рассказа, опубликованного в журнале в 1929 году, отличается от изданий 1936 и 1971 гг., особенно начало, очень похожее на доклад академика Рындина из "Аргонавтов". Есть тут и временная привязка: события происходят в 1985 году.

Перевод осуществлен исследовательницей творчества автора V. Timoshenko-Pastraki (В. Тимошенко-Пастраки), USA, по изданию: В. Владко «12 оповідань», Харьков-Одесса: Дитвидав, 1936 г., и публикуется с ее разрешения.

Рисунки Й. Дайца, Г.В. Малакова и А. Гороховцева.

1

Ежеутренне она раскидывала по небу свой сияющий, широкий хвост. Как гигантская метла, хвост расчищал небо, словно бы сметая за собой сверкающие звезды; хвост прикасался к ним — и они сразу затухали, тускнели, исчезали в его всезатмевающем сиянии.

Люди забыли, что такое сумерки. Едва красный шар солнца успевал скрыться за далеким горизонтом, как с другого края неба уже росло загадочное зеленоватое сияние. Сначала в зените показывалось блестящее зеленое ядро: оно увеличивалось, казалось, каждую ночь. И люди привыкли говорить, вспоминая о чем-то:

— Это было еще тогда, когда Комета была не больше Луны.

Или:

— Это случилось тогда, когда диск Кометы был не больше двух Лун.

Сначала в зените показывалось огромное ядро. Потом, как странное холодное зарево, от него во все стороны расходилось сияние; потом, в течение часа, оно простиралось через все небо и исчезало за горизонтом. Казалось, что этот фантастический хвост обвил всю землю, закрутился вокруг нее так, как когда люди привыкли видеть Млечный путь.

Только теперь на небе не было Млечного пути; его, как и все звезды и созвездия, стерла, словно мелкий мусор, Комета. Лишь иногда на западе или востоке наблюдателям удавалось заметить отдельные, самые яркие звезды. Но даже крупнейшие из них, которые раньше, всего несколько лет назад, люди привыкли видеть блестящими искрами на черном небесном бархате, теперь казались туманными, едва заметными светлыми туманными точками.

Астрономы принуждены были прекратить почти все небесные наблюдения. Однако, никто из них и не интересовался теперь старыми делами. Внимание всех привлекала к себе Комета, ее путь и связанная с ней судьба старой Земли.

И никто теперь не называл уже Комету так, как называли ее несколько лет назад, — кометой Гриверса. Это не было доказательством пренебрежительного отношения к имени этого славного астронома. Совсем нет. Сам Гриверс жил в небольшом доме у своей обсерватории, окруженный многочисленными помощниками; он систематически и упорно продолжал дальнейшие наблюдения. Человечество называло теперь угрожающее небесное светило просто Кометой. Комета — и все. Никто не требовал объяснений, каждый сразу понимал: если речь идет про Комету, значит только про гигантскую комету, открытую 15 июня 1970 года аме-

риканским астрономом Гриверсом в созвездии Скорпиона.

Тогда, в первые дни после открытия Гриверса, вряд ли кто из широкой публики обратил бы серьезное внимание на сообщение об этом. Разве мало открыто новых звезд, новых небесных тел за последние годы?.. Еще одна комета, еще одно небесное тело, еще один неизвестный космический путешественник — что же здесь удивительного?

Но вслед за первым сообщением Гриверса появилось второе. В нем известный астроном серьезно и уверенно рассказывал о своих дальнейших наблюдениях. Он говорил простыми словами, очевидно, адресуя свое сообщение не только узкому кругу специалистов-астрономов, но и широким кругам читателей газет и журналов. Вот самое главное из того, что объявил Гриверс в своем втором сообщении:

«Новая комета приближается из далеких космических пространств нашей Солнечной системы с неслыханной доселе скоростью. Теперь Комета заметна лишь в мощнейшие мировые телескопы. Но в ближайшие дни население сможет увидеть ее собственными глазами без каких-либо астрономических приборов. Комета нахлынет из Вселенной с необычайной скоростью, большей, чем все известные до сих пор космические скорости, — около шестидесяти тысяч километров в секунду. Комета движется по незамкнутой кривой, гиперболе, линия которой проходит во Вселенной между орбитами планет Солнечной системы. Не исключена возможность, что комета столкнется с неким телом нашей Солнечной системы. Дальнейшие наблюдения, измерения и расчеты ведутся».

Это сообщение Гриверса заставило людей посмотреть в небо. И много любителей-астрономов, воору-

женных небольшими телескопами или даже биноклями, смогло найти в небе среди запутанной многотысячной толпы блестящих звезд новую маленькую огненную капельку, — комету Гриверса. Газеты всего земного шара заинтересовались новой кометой, они охотно печатали небесные карты, где черным крестиком было отмечено место Кометы среди звезд.

Некоторые научно-популярные журналы напомнили читателям по этому поводу судьбу известной кометы Галлея. Один из таких журналов даже обратился к ученым с вопросом: «Что они думают по поводу приближения к Солнечной системе кометы Гриверса? Не угрожает ли это нашей Земле какими-то неожиданностями?»

Мнения научных работников разделились. Комета перемещалась в космическом пространстве слишком быстро, изучали ее еще мало времени, путь ее не был вычислен. Но журнал сделал из этой анкеты своеобразную сенсацию, используя один из ответов. Малоизвестный астроном Джонс ответил так:

«Правда, путь Кометы еще не вычислен. Но уже известно, что гипербола Кометы проходит между орбитами планет. Вполне возможно, что Комета столкнется именно с Землей. Последствия такого столкновения будут, безусловно, катастрофические».

Журнал в связи с этим рассказал читателям историю кометы Галлея, последнее появление которой так напугало землю в 1911 году. Астрономы, что вовремя вычислили орбиту кометы Галлея, предрекали тогда, что именно в 1911 году эта комета на своем пути столкнется с Землей. Астрономы не ошиблись: орбиты Земли и кометы Галлея действительно пересекались в

космосе. Но, к счастью, еще перед тем, комета Галлея в далеких космических просторах рассыпалась облачком пыли и мелких частиц.

Столкнувшись с этой тучкой, Земля получила лишь красивый дождь метеоритов, что отнюдь не повредило человечеству, а лишь принес ему волшебное зрелище огненного ливня.

Так прошло две недели. Астроном Гриверс молчал, углубившись в свои наблюдения. Газеты перестали шуметь по поводу его второго сообщения, и вскоре забыли о нем, отвлеченные землетрясением в Средней Азии. Тем временем, Комета увеличивалась, на небе словно выросла новая блестящая зеленоватая звезда с еле заметным огненным хвостом, который на некотором расстоянии от ядра Кометы таял среди звезд, словно растворяясь в черном небе. Несколько дней, точнее, несколько ночей Комету наблюдали лишь любители-астрономы.

Еще через неделю астроном Гриверс опубликовал свое знаменитое третье сообщение. Оно произвело эффект бомбы, которая вдруг взорвалась посреди наполненной людьми площади. Астроном Гриверс писал:

«Мои последние наблюдения подтвердили все мои худшие предположения. Новая комета имеет гигантские размеры. Плотность ее ядра втрое больше плотности Земли. Скорость передвижения новой кометы в пространстве — 60.000 километров в секунду. Систематические наблюдения показывают, что Комета не столкнется с нашей Землей. Но наша планета стоит перед другой опасностью, не менее серьезной. В своем движении по гиперболе к Солнцу путешественница Вселенной — Комета так близко пронесется возле Земли, что, по всем вычислениям, она должна захватить своим притяжением Землю, сорвать нашу планету с ее

места в Солнечной системе и потянуть за собой в неведомые космические просторы. Земля превратится в спутника Кометы. Эта космическая катастрофа произойдет в двенадцать часов ночи 21 июня 1985 года во время летнего солнцестояния Земли».

Никакими словами нельзя описать невероятную панику, которая охватила население Земли после этого сообщения. Кажется, на всей Земле не было такого человека, который бы каждую ночь не смотрел в небо, разыскивая там новую комету. И каждый, кто видел ее, поражался:

— Разве сможет эта хрупкая небесная гостья, эта небольшое зеленоватое блестящее пятнышко с маленьким хвостом, — разве может она принести Земле такую беду, такую катастрофу, которую предсказывает астроном Гриверс?..

А Комета неуклонно увеличивалась в своих размерах. В течение первого года она росла еще не очень заметно. Изменение ее величины для глаза наблюдателей заключалось в том, что Комета становилась все ярче, более заметной среди звезд. Но в дальнейшем, она начала расти все более угрожающе.

В году 1980 Комета уже была самой яркой звездой на небосклоне. И, начиная с этого года, ее увеличение стало происходить в фантастических темпах. Ее хвост обвил целое небо, она росла почти каждую ночь. А может, это лишь казалось испуганным зрителям, которые привыкли каждую ночь смотреть на ее зеленое сияние?.. Во всяком случае, астрономы утверждали, что Комета постоянно увеличивается. И в этом не было сомнений: ведь Комета все время неустанно приближалась к земной орбите.

Она приближалась, как грозный враг, что должен был принести на Землю немедленную и неминуемую

смерть. Ведь, прежде всего, Земля, сорванная со своей орбиты притяжением Кометы, потеряет свою атмосферу, и человечество задохнется. И в неведомые холодные просторы, крутясь вокруг Кометы, освещаемая ее бездушным зеленым светом, — полетит мертвая ледяная пуля, которая еще недавно была покрытой растительностью, кипящею жизнью Землей!..

Понятно, как радостно встретила население гениальный проект инженера Андреева, который предложил свой смелый, но сумасшедший план спасения Земли.

II

Глухой и тяжелый удар невидимого гонга вдруг оборвал гомон многотысячной толпы, собравшейся под хрустальным сводом Дворца Конгрессов. Необъятный зал вмещал несколько десятков тысяч людей, которые удобно расположились на широких пневматических мягких скамьях, которые concentрическими кругами окружали центральную трибуну. На трибуне еще не было никого.

Звучание гонга постепенно затихало, уступая место напряженной тишине; утихли шум, шепот; головы людей повернулись в одном направлении. Это была центральная трибуна. Матовый светильник, который заливал своим мягким светом все уголки зала, померк. На центральной трибуне, сначала неясно, потом все более отчетливо — стала вырисовываться гигантская фигура человека в темном плаще, складки которого свободно ниспадали с плеч.

Лицо мужчины на трибуне было серьезное и сосредоточенное; он смотрел вперед и, казалось, словно ждал чего-то. И каждый из присутствующих во Дворце

Доповідач знову підняв руку...

знал, что эта гигантская фигура является лишь увеличенным объемным изображением докладчика, видимым через своеобразное пересечение в воздухе лучей нескольких проекционных фонарей. Этот удивительный оптический эффект изобретен был только год назад — в 1984 году.

Фигура двигалась, и зрители видели перед собой как бы живого человека-великана, который свободным движением поднял вверх руку и начал говорить. Голос, усиленный мощными репродукторами, легко доходил до последних рядов.

Так начались исторические съезды во Дворце Конгрессов, в одной из двух столиц всемирного Союза Социалистических Советских Республик — Москве. Все, что происходило на этих собраниях, видели и слышали люди во всех уголках земного шара. На площадях возвышались огромные экраны иллюстрированных радиогазет; в каждой квартире стояли маленькие экраны домашних телевизоров, где так же четко вырисовывалась фигура человека на трибуне. Толпы людей перед большими уличными экранами, отдельные кучки зрителей перед маленькими экранами домашних телевизоров не только слушали речь, они видели докладчика и зал так же отчетливо, как и те, что были в самом зале. С этого дня и часа — с пяти часов вечера 16 июня 1985 года (по московскому времени) — на всей Земле никто не спал, никто не работал. Земной шар слушал и смотрел, забыв о делах и отдыхе...

— Конечно, вы, товарищи, знаете, в основном, причину нашего сегодняшнего собрания, — так начал свою речь председатель Всемирного Комитета спасения Земли. — И все же, для того, чтобы всесторонне осветить перед вами огромное событие, которого мы ожидаем через несколько дней, 21 июня этого года, — я

должен повторить несколько широко известных утверждений. Вспомним, прежде всего, что случилось пятнадцать лет назад, в 1970 году. Многие помнят, сколько шума наделало сообщение известного американского астронома Гриверса об открытом 15-го июня 1970 года в созвездии Скорпиона новом светящемся объекте. Этот объект, едва заметный вначале только в самые сильные в мире телескопы, в ближайшие же дни резко увеличил свою яркость. Тогда же, в июне 1970 года, стало понятно, что это к нашей солнечной системе из далеких космических пространств приближается огромная комета. Она передвигалась во вселенной с необычайной скоростью, превышающей все известные до сих пор скорости - около 60 тысяч километров в секунду. Комета продвигалась по незамкнутой кривой, гиперболе; ее трасса, как это скоро установили, должна будет пройти между орбитами планет солнечной системы и, что главное, в непосредственной близости к орбите Земли.

Вы знаете, что наблюдения и вычисления всех этих лет подтвердили, к сожалению, все выводы профессора Гриверса. Опять-таки, к большому сожалению, я не могу добавить ничего нового к его выводам. Комета максимально приблизится к Земле 21 июня 1985 года, и, если нам не удастся осуществить наш план, — количество планет Солнечной системы уменьшится на одну...

Общий вздох пронеслось по огромному залу, пронеслась по всему земному шару, который сосредоточенно слушал речь.

— Я хочу напомнить вам схему движения Кометы за последние пятнадцать лет со времени ее появления на земном небосклоне со времени ее открытия астрономом Гриверсом.

Докладчик вновь поднял руку — и темный хрустальный купол Дворца Конгрессов вдруг словно ожил. На его матовой голубизне спокойным светом засияли ясные звезды, одна из которых постепенно увеличивалась. Именно на нее указала огненная стрелка, которая, повинувшись руке докладчика, побежала по темному искусственному небу. Эта звезда все время росла; вот с ее левой стороны почти неожиданно появилось небольшое туманное завихрение, которое превратилось потом в изогнутый хвост.

— Такой была Комета в первые годы после своего появления, — задумчиво сказал оратор.

Звезды медленно передвигались по хрустальному небосводу, комета неуклонно росла. Вот она укрыла своим холодным сиянием соседние звезды, как будто отодвигая их. Ее хвост раскинулся, как целый Млечный путь.

Легкий шум и потрескивание привлекли внимание зрителей к центру зала. Там, на массивной подставке, стояло причудливое устройство. Из многочисленных отверстий в верхней части аппарата лился розовый свет, который лучами возносился вверх, к сводам Дворца, к искусственному небосводу.

— То, что вы видите перед собой, — всего лишь только работа большого планетария, поставленного в нашем зале, — спокойно объяснял докладчик. — Этот остроумный прибор (между прочим, очень сложный) дает нам возможность в течение нескольких минут увидеть движение Кометы за последние годы. Планетарий — это не новость. Приборы такого типа появились уже давно, то есть пятьдесят пять лет назад. Еще в 1929 году в Москве был установлен небольшой планетарий, показывающий в миниатюре на небольшом своде движение планет, звезд, Луны и тому подобное.

Тогда планетарий представлял собой только комбинацию волшебных фонарей. Через несколько лет в аппарат встроили киноустановки. И теперь мы можем демонстрировать вам нужное нам зрелище просто на куполе нашего Дворца. Но я отошел от своей темы. Сейчас планетарий покажет вам орбиты Земли, планет и гиперболу Кометы.

Огненные линии появились на куполе Дворца. Прежде всего, вытянутый эллипс земной орбиты, по которому летел маленький голубоватый шар — Земля. И сбоку слева появилась яркая, почти прямая линия гиперболы Кометы. Она проходила около эллипса зем-

ной орбиты на расстоянии половины радиуса всего эллипса.

По линии гиперболы быстро продвигалась огромная Комета, таща за собой огромный хвост и приближаясь вместе с Землей к наиболее выпуклой части эллипса.

— Я не хочу останавливаться на подробностях, — продолжал докладчик, — и поэтому остановлюсь лишь на нескольких главных событиях. Многие, безусловно, помнят тот безграничный ужас, который охватил население после появления сообщений астронома Гриверса. Упоминания о счастливых последствиях столкновения Земли с известной кометой Галлея в 1911 году никого не могли успокоить. Ведь известно, что комета Гриверса — огромное небесное тело большой плотности...

Снова наступила пауза. Докладчик сделал широкий жест рукой:

— Вообще, кометы всегда готовят нам неожиданности. Представьте себе огромное тело, которое свободно передвигается в пространстве, несется между звезд и других планетных систем по незамкнутой кривой линии, гиперболе. Если комета не слишком большая, то, проходя мимо нашей, скажем, Солнечной системы, она

подпадает под силу притяжения Солнца. Комета меняет свой путь, выгибает его, гипербола превращается сначала на параболу, кривую, тоже еще не замкнутую, но уже такую, что более напоминает вытянутый эллипс. А потом, если комета совсем небольшая, то под влиянием притяжения Солнца она облетает вокруг него и меняет кривую своего движения на замкнутый эллипс. Так Солнце, этот настоящий «ловец комет», улавливает комету. Она начинает вращаться вокруг нашего светила по эллипсу, отходя от Солнца в пространство — и неизменно возвращаясь к нему через определенные периоды времени. Так случилось с кометой Галлея, кометой Энке и другими кометами, выловленными нашим Солнцем из мирового пространства и превращенными в спутников нашей Солнечной системы. Они регулярно возвращаются к Солнцу, и, зачастую, каждый раз меняют при этом свой внешний вид. Кометы — нестойкие небесные тела. Они медленно распадаются, вращаясь сначала как скопление болидов, потом как облачка космической пыли, несущиеся по эллиптической орбите бывшей кометы. Именно это и произошло с кометой Галлея. К сожалению, не так обстоит дело с нашей гигантской Кометой.

Докладчик еле заметно вздохнул — и общим вздохом ответил ему зал.

— Наша незваная гостья неуклонно приближалась, она, ежегодно увеличиваясь, перешла к южному зениту, к созвездию Жертвенника, потом прошла возле созвездия Павлина и продолжала непрерывно двигаться к Земле. На спасение Земли, казалось, нельзя было даже надеяться. И вот, в 1980 году человечество было взволновано смелым планом инженера Андреева, выдвинувшего фантастический на первый взгляд проект спасения Земли. Избавление с помощью сильнейших

взрывов, которые повернут Землю, как огромную ракету, и оттолкнут ее от Кометы. По правде, не оттолкнут, а только нейтрализуют притяжение Кометы. Все вы знаете, что такое атомные бомбы. Но для ясности я немного остановлюсь и на этом.

Докладчик выпил воды из стакана, что стоял перед ним, и продолжал:

— Вы знаете, что всякое физическое тело состоит из молекул. Молекулы тоже состоят из атомов, частиц простейших элементов. Было время, когда наука считала атом за неделимую частичку, за «кирпич мироздания». Но уже в начале XX века ученые пошли дальше. Они установили, что каждый атом представляет собой некое подобие солнечной системы, он состоит из вихревых сгустков, частиц положительного и отрицательного электричества. Эти частицы, электроны, вращаются по своим орбитам внутри атома. Они представляют собой чистую энергию, но энергию, которая находится в потенциальном, неактивном состоянии. Конечно, я не могу в этом докладе придерживаться чисто научных определений, я говорю лишь в общих чертах, грубо схематизируя сложнейшие процессы, происходящие внутри атомов. Прошу иметь это в виду.

Так вот, человечество решило воспользоваться энергией, которая есть в атомах. Эта огромная энергия, ее размеры просто необъятные. Взрыва мизерной частички вещества, распада атомов этого вещества и дальнейшего освобождение энергии, которая содержится в атомах, — хватило бы, чтобы взорвать целую гору. После длительных опытов ученые в 1960 году добились успеха. Люди научились пользоваться атомной энергией. И теперь, с помощью электрических токов высокого напряжения мы можем управлять этой энер-

гией. Наши атомные бомбы представляют собой особым способом обработанную смесь химических элементов, которые распадаются под воздействием электрического тока. Освобожденная при этом энергия действует, как взрывчатое вещество необычайной силы. Ни одно взрывчатое вещество, например динамит, толуол, нитроглицерин и другие, которыми пользовалось человечество до изобретения атомных бомб, не может сравниться с внутриатомной освобожденной энергией... Но вернемся к проекту инженера Андреева.

Напряженное молчание царило в зале.

— Инженер Андреев предложил воспользоваться неограниченной мощностью силы атомных бомб, заложив их в глубокие скважины, размещенные тремя concentрическими кругами, обведенными вокруг южного полюса, — 80-й и 70-й параллели и полярного круга, что совпадает, как известно, с линией параллели 65,5. Вот схема проекта инженера Андреева.

Снова над докладчиком соткались световые лучи, и в воздухе рельефно определилась выпуклая поверхность южного полушария Земли с нанесенными на ней огненными кругами скважин, которые прятали в себе атомные бомбы.

— Скважины с атомными бомбами идут вглубь Земли по наклонным линиям, совпадая тремя, как бы вложенными друг в друга, конусами, вершины которых лежат на воображаемой земной оси. Опасения, которые возникали среди ученых относительно риска натолкнуться на расплавленные слои Земли, на так называемую магму, — не оправдались. Еще в 1969 году известный ученый Андреас Фремли доказал отсутствие внутри Земли расплавленного ядра. Он установил наличие у Земли твердого ядра из пород, имеющих большую плотность и вес. Наши глубокие скважины

В повітрі рельєфно визначилась опукла поверхня південної півкулі

подтвердили эту теорию. Но я опять немного отклонился от основной мысли.

Зачем нужны эти три конусные скважины, начиненные мощными атомными бомбами? Путь Кометы лежит как бы перпендикулярно к линии земной оси. Сила притяжения Кометы направлена по линии земной оси или под небольшим

углом к ней. Если бы мы могли противопоставить притяжению Кометы некую силу обратного направления, направленную вдоль земной оси, — то такая сила нейтрализовала бы притяжение Кометы и удержала Землю на ее месте в орбите. Но откуда взять эту силу?..

Инженер Андреев гениально предложил превратить Землю в момент наивысшего притяжения Кометы в грандиозную ракету. Ракета ни от чего не отталкивается. Она сама толкает себя обратным действием взрывов, которые происходят в ней. Не обязательно, чтобы ракета была продолговатая. Она может быть и круглая, как Земля. И вот, конусы скважин в Антарктике представляют собой, по мнению инженера Андреева, разрядную часть ракеты-Земли. Самый маленький конус будет взорван первым. За ним пойдут второй и третий. Ракета-Земля с помощью этих трех взрывов нейтрализует притяжение Кометы в момент наибольшей близости Кометы к Земле. А дальше, как и перед этим моментом, притяжение Кометы опять будет

слишком мало, чтобы сорвать Землю с ее орбиты. Таким образом, весь земной шар будет представлять собой гигантскую ракету весом 6000 триллионов тонн. А взрывами бомб будет отделена от Земли вся южная полярная область до 66-й параллели. Смело пожертвовав южной полярной областью, мы спасем Земной шар с его населением. Комета унесет с собой в небесные неизвестные просторы только ту часть Земли, которую мы ей добровольно отдаем.

Снова на несколько секунд воцарилось молчание. Это молчание охватило людей не только под хрустальным куполом Дворца Конгрессов в Москве; оно царило повсюду, где люди внимательно и напряженно слушали докладчика.

— Исторический день борьбы с притяжением Кометы приближается. Созданный пять лет назад Комитет спасения Земли, который руководил работами по осуществлению проекта Андреева, предусмотрел все опасные последствия. Нет сомнения, что атомные взрывы в южном полушарии повлекут сильные землетрясения, которые пройдут тремя нарастающими ударами по Земле с юга на север. Одновременно надо ожидать гигантской морской волны, которая трижды пронесется по океанам и приведет к небывалым разрушениям на побережьях материков. Все это грозит серьезными бедствиями. Но у человечества нет другого выхода. Выбирать не из чего. Что же сделал Комитет спасения Земли?

Все население южного полушария, где стихийные бедствия достигнут наибольших размеров, будет переселено за экватор, в относительно безопасные районы. Это будет достигнуто ценой нелегкого бремени - временным перенаселением северного полушария. Но этого мало. В день 21 июня население Земли, прожи-

вающее в северном полушарии, бросает города и убегает в поля и леса, под чистое небо, чтобы избежать опасностей, связанных с последующим землетрясением. Ракетопланы Комитета проверяют сейчас все уголки южного полушария, вывозя оттуда за экватор небольшие группы людей, которые еще остались там. До 21 июня все будет закончено, на южном полушарии не останется ни одного человека.

Комитет надеется, что ценой невероятных усилий, ценой потери части территории Антарктиды, — мы спасем нашу планету и поможем ему удержаться на своей орбите в Солнечной системе. 22 июня, увидев вновь на небе Комету, мы уже не будем смотреть на нее с ужасом, а облегченно вздохнем. Вот главное, что я должен был вам сказать.

Последнее воззвание Комитета спасения Земли говорит: соблюдайте спокойствие! 21 июня надлежит забыть про города, про дома, надо пойти под чистое небо и ждать последствий титанической борьбы Земли с Кометой.

Этим воззванием я еще раз напоминаю вам и призываю всех к полному, полнейшему спокойствию...

III

Я, пилот Алексей Троянов, попытаюсь последовательно и подробно передать все то, что осталось в моих отрывочных записях, начатых 20 июня 1985 года, за день до космической катастрофы.

В этот день утром я получил такой приказ:

«Пилоту ракетоплана С-218 Троянову Алексею. Немедленно летите через Европу и Азию в направлении мыса Горн (оконечность Южной Америки) на острова

Фолкленд у Магелланова пролива. Обследуйте на 53 градусе южной широты бухту Оф-Гарборс и порт Стенлей на восточном Фолкленде, где, по нашим сведениям, задержалась группа из трех мужчин и одной женщины — участников метеорологической экспедиции Французской Советской Республики. Отыскав ее, заберите группу в ракетоплан, и немедленно возвращайтесь на север береговой линией Южной Америки, через Аргентину, Панаму и Северные штаты до озера Мичиган. Держите связь с нами на волне 1698 килогерц.

Комитет спасения Земли, Москва — Нью-Йорк, 20. IV. 1985».

Только накануне я вернулся в Москву из Австралии, откуда привез восемь электро-контролёров, которые проверяли главную магистраль проводов. Эти провода подводят энергию к цепям атомных бомб южной сферы (южной сферой мы называем три знаменитых концентрических круга в Южной полярной области, которые выбросят 21 июня навстречу Комете).

Мой ракетоплан С-218 по заслугам считают одной из быстроходнейших машин мира. Он легко покрывает за час 1000-1200 километров.

В кабине один из моих пассажиров начал спорить. Он уверял, что 60 лет назад никто из самых смелых фантазеров не мог бы даже представить себе такую огромную скорость, которую развивает мой ракетоплан.

Пассажир, конечно, ошибался. Совсем недавно, месяца два назад, я, изучая историю авиации, наткнулся на такую интересную информацию об этом. Еще в 1929 году, шестьдесят шесть лет назад, один из изобретателей ненадежных, слабосильных и смешных самолётов, которые двигались с помощью пропеллера, француз Блерио, предсказал, что будущее будет при-

1929 року Оппель уперше зробив короткий переліт на слабенькому ракетному самольоті

надлежать именно ракетному самолёту, скорость движения которого, по его мнению, будет достигать до 1000 километров в час. В конце этого же 1929 года, немец Оппель впервые сделал короткий перелет на слабеньком ракетном самолёте — всего на 15 километров.

Однако, это не так важно. Я вспомнил о споре невольно, потому что всегда хорошо помню все, что касается моего С-218, замечательной машины, которая дает мне возможность переноситься с огромной скоростью

стью во все уголки земного шара.

Далее, в кабине ракетоплана зашел разговор про 21-е июня. У одного из пассажиров нашлась подробная карта Антарктики — и мы внимательно рассмотрели зону, которую мы пожертвуем Комете. Инженер Андреев, автор проекта, — гениальный человек!

Земля выбрасывает навстречу Комете почти бесполезную для нее часть мертвого полярного материка, сплошного льда, и часть океана. Населенную землю взрыв даже не затрагивает, если не считать возможные последствия землетрясений.

Я переночевал дома — и это уже неплохо. За последний месяц ночевка дома, в своей квартире стала для меня редкостью — так много приходится летать по поручению Комитета.

Особенно тяжелы ночные полеты в южном полушарии. Я совсем не трус, об этом говорит хотя бы моя профессия пилота ракетоплана. Но даже мне иногда становится страшно, когда электрическое освещение моей кабины кажется слабеньким и желтовато тусклым под мощным светом Кометы, которая захватила своим сиянием треть небосклона.

Один раз ночью, возвращаясь из южной полярной области Земли Эндерби, я задумался: что, если бы все это происходило лет 60-70 назад, когда человечество не знало еще удивительных свойств атомных бомб, когда весь земной шар был поделен на части между капиталистическими государствами, когда еще господствовали религиозные предрассудки? Конечно, спасения для Земли тогда не могло быть.

Итак, я переночевал дома, а в шесть часов утра получил распоряжение Комитета. Завтрак занял у меня около получаса — я чувствовал некоторое утомление и хотел подкрепиться перед путешествием.

Мой ракетоплан был в полном порядке. С-218 двигался с помощью переработанной атомной энергии. Проводить атомный распад в двигателе ракетоплана было бы слишком опасно, потому что малейшее повреждение стенок двигателя повлекло бы общий взрыв. Атомная энергия не позволяет шутить с собой.

Поэтому разделение атомов проводит в центральной лаборатории в Москве. Лаборатория разрывает атомы токами высокого напряжения и преобразует под высоким давлением энергию, которая в них содержится, в густую рыжую жидкость. Эта жидкость является

сконцентрированной энергией, взятой из атомов, но еще не в окончательном своем виде.

Атомная жидкость есть среднее состояние атомной энергии — она не связана так, как была связана в атомах, но и не доведена окончательно до состояния чистой энергии, как, например, электрический ток.

Атомная жидкость хранится в ракетоплане в особых металлических резервуарах, из которых она точно отмеренными порциями поступает в ракетные трубы. Здесь происходит замыкание тока, от которого атомная жидкость взрывается, и окончательно высвобождает атомную энергию. Взрывы идут непрерывно, и ракетоплан, подталкиваемый ими, стремительно движется вперед с всё возрастающей скоростью.

Так работает ракетоплан на высоте. А для отрыва от земли он имеет вертолетный механизм, который питается от обычных аккумуляторов большой емкости. Пропеллеры — винты вертолета — установлены на вертикальной оси. Своим вращением они отталкиваются от воздуха и тянут ракетоплан вверх, где уже включается ракетный аппарат. А когда ракетоплан набирает нужную скорость и уже не нуждается в поддержке вертолетных винтов, пилот отдельным рычагом втягивает ось с вертолетной механизмом внутрь ракетоплана, прячет винт, чтобы уменьшить вредное сопротивление воздуха.

Вертолетный винт дает возможность моему С-218 подниматься с земли и спускаться вниз по вертикальной линии без какого-либо разгона и разбега. Ракетоплан с помощью вертолетного винта может приземлиться даже на улицу, окруженную домами, может неподвижно висеть в воздухе и даже передвигаться вперед без включения ракетного аппарата: для этого надо только наклонить вперед градусов на тридцать

Високо над собою в повітря поштований літак

ось вертолетных винтов. Тогда часть тяги направляется в сторону наклона — и ракетоплан с малой скоростью идет вперед без включения ракетной тяги.

Я подсчитал по карте. От Москвы до Фолклендов по прямой линии было 20 тысяч километров, четверть окружности земного шара. От Фолклендов до озера Мичиган по указанному мне маршруту, — еще 12 тысяч. А жидкости в моих энергетических цилиндрах было на 50 с лишним тысяч километров. Все в порядке! Через пятнадцать часов я должен быть на Фолклендах.

На аэродром меня никто не проводил. Я вошел в кабину и задвинул дверь ракетоплана на герметичные запоры, тщательно проверив, нет ли

где-нибудь щелей, сквозь которые мог бы выходить воздух. Это совсем не лишнее: С-218 развивает наибольшую скорость в высших слоях атмосферы, на высоте около 30 километров, где воздух уже сильно разрежен и буквально высасывает кислород из кабины.

Вертолетный механизм работал безупречно. Я набрал высоту с места и пустил в движение ракетный аппарат только на высоте 25 километров. Переходя на горизонтальный полет, я по привычке посмотрел вверх: высоко над собой я заметил продолговатый силуэт ракетного почтового самолета, который вылетел полчаса назад из Ленинграда и теперь передавал почту для Москвы маленькому геликоптеру, который поднялся ему навстречу.

В эту минуту зазвонил мой приемник. Я нажал кнопку репродуктора. Спокойный голос диктора произнес:

— Это пилот Троянов?

— Да, я слушаю.

— По поручению Комитета передаю вам фамилии метеорологов, что находятся на восточном Фолкленде. Глава экспедиции — профессор Жан Пелюзье, его помощник Густав Дюшен, лаборант Эмиль Стенуа и художница Жанна Пелюзье, дочь профессора Пелюзье. Вы получили указания относительно бухты Оф-Гарборс?

— Да. И о порте Стенлей.

— У экспедиции испорчен радиопередатчик. Поэтому вам надо следить не только за радиосигналами, но и за оптическими знаками. Во всяком случае, ищите, не поднимаясь выше чем на километр. Регулярно вызывайте экспедицию по радио — приемник у них работает. Сообщайте нам. Имейте в виду: если ваш ракетоплан сломается, вы сможете заменить или почи-

нить его только в Буэнос-Айресе. Дальше на юг ничего нет, все вывезено на север.

— Слушаю.

— Я кончил. Комитет желает вам успеха!

Репродуктор замолчал. Комитет проявляет заботу, он счел нужным известить меня о Буэнос-Айресе на случай поломки моего ракетоплана. Но разве С-218 может испортиться? Я уверен своей машине, как в самом себе.

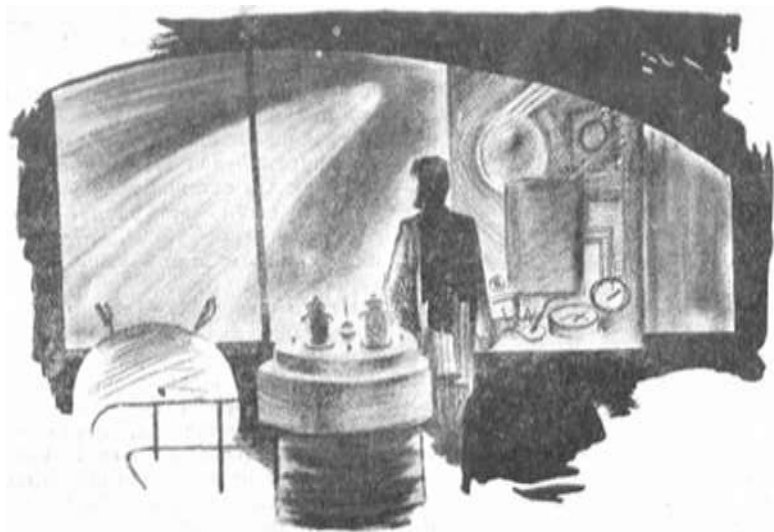
Далеко внизу, в туманной мгле, подо мной проплывала поверхность земли. Я вновь вспомнил, как описывали свои воздушные путешествия люди первых лет авиации, летавших на этих безумно опасных игрушках — аэропланах с пропеллерами. Они почти никогда не поднимались выше пяти километров и наивно воображали, что покорили воздушное пространство. Однако, я отношусь к этим людям с почтением, как к героическим смельчакам: отважиться летать над океаном на несовершенных хрупких самолетах того времени — на мой взгляд, было безумием.

Ракетоплан несся вперед. Ясная погода московского утра сменилась на облачную; тучи затянули подо мной всю поверхность земли. Но все это не мешало мне. Мой компас и автоматический показатель места пребывания ракетоплана — были надежнее той объемной картинки, которую я видел под собой. Я знал, что уже лечу над Средиземным морем, где проходят регулярные рейсы почтовых самолетов. На моей скорости в тысячу километров в час столкновение было бы губительным. Поэтому я сдвинул ракетный руль высоты и поднялся еще выше, до пятидесятикилометровой отметки над уровнем моря, куда обычные самолеты не поднимаются. Здесь было безопасно, — и я дал полный газ. Пока-

затель скорости дошел до цифры «1200 километров» — и остановился.

Получив относительную свободу (по прямой линии ракетоплан шел очень надежно и не нуждался в управления, ибо на моем С-218 был установлен автопилот), я вспомнил, что уже сутки не слышал ничего о жизни Земли. Поэтому я передвинул ручку управления приемником на волну постоянной радиогазеты и включил репродуктор. Я услышал окончание фразы:

«... дала положительные последствия. Оборудование в полном порядке. Первый взрыв произойдет в одиннадцать часов тридцать минут ночи 21 июня. Второй через пятнадцать минут, и третий — ровно в двенадцать часов ночи... В двенадцать часов ночи! Внимание! Время сообщаем по московскому поясу. Передаем дальнейшую радиограмму. Население южного полушария почти все перевезено на север, за экватор. Осталось лишь несколько специальных экспедиций, за

Комета захватила сиянием третину небосхилу

которыми посланы быстроходные ракетопланы. Внимание! Известный пилот Алексей Троянов на своем быстроходном С-218 вылетел сегодня на Фолклендские острова за группой метеорологов. Внимание! Включите экраны, передаем фото Алексея Троянова и его ракетоплана С-218. Внимание!»

Еще бы! Нет уж, экран включать я не буду. Смотреть на собственное лицо совсем не так интересно. А мой С-218 мне слишком хорошо известен и без радиопередачи.

Я выключил приемник и проверил направление. Внизу кучились все такие же облака, в редких прогалинах между ними видны были синие полосы. Автоматический указатель стрелкой отметил нахождение ракетоплана западнее Африки в просторах Атлантического океана. Еще далеко, даже для моей скорости в 1200 километров в час. Что передают дальше по радио? Репродуктор снова закончил фразу:

«...Как считает астроном Бермнгтон, Комета, проходя по касательной линии к орбите Земли, очень повлияет на Луну. Можно полагать, что наш спутник не сможет выдержать притяжения Кометы и сорвется со своей орбиты под углом к Комете. В таком случае, Луна уйдет между Солнцем и Кометой по параболе до орбиты Юпитера. Земля может лишиться своего извечного спутника. Это выяснится перед первым взрывом, в десять часов пятьдесят пять минут. Астроном Бермнгтон подтверждает, что Луна сорвется с орбиты и покинет Землю. Внимание! Астроном Скаутлей отрицает это предположение и доказывает, что Луна только изменит свою орбиту на вытянутый эллипс, и Земля будет и впредь иметь своего верного спутника».

Интересно, кто из ученых прав? Однако, вопрос о Луне вовсе не такой существенный. Когда надо опа-

саться гибели целой Земли, — о Луне думать не приходится.

Да и работы по проекту инженера Андреева могут не дать желаемых результатов. Так уверяют некоторые ученые. Я не ученый, я — обычный пилот. Но, может, именно поэтому я верю в проект инженера Андреева. 21 июня Андреев превращает земной шар в огромную ракету. Эта мысль близка мне. Я знаю, что такое раке-

та. Только ракетному двигателю принадлежит будущее. Древний мудрец Архимед, который изобрел рычаг, сказал:

— Дайте мне точку опоры, и я подниму земной шар!

Ракета дает человеку точку опоры везде и всюду. Она сама — точка опоры. Для самолета нужен воздух, для моторной лодки — вода, от которых они отталкиваются. Ракета отталкивается сама от себя. Взрывы, происходящие в ее разрядной части, толкают ракету вперед и

Я помню великий черной дыры день

вперед. Не важно, направлены ли эти взрывы в пустоту, в воздух, в воду, или еще куда. Обратная реактивная сила взрыва, — вот что движет ракету.

Однако, где я?

Показатель места пребывания ракетоплана приблизил стрелку почти до самых островов Фолкленда. Спереди видно было пенистые буруны, прибрежные скалы и ровную без единого пригорка поверхность земли.

Но где же искать профессора Пелюзье и его спутников?

Бухта Оф-Гарборс, над которой я пролетал, тоже была пустынна и мертва. Огромные здания порта производили печальное впечатление — как будто население этого оживленного прежде центра неожиданно вымерло. К тому же стало темнеть. Правда, сумерки, что сходили на землю, быстро заменил зеленоватый призрачный свет Кометы, хвост которой широкой сияющей полосой протянулся через весь небосвод.

Однако, в бухте Оф-Гарборс не было никого, ибо предупрежденная о моем прилете экспедиция дала бы знать о себе каким-нибудь сигналом. Хотя бы костром.

Я увеличил скорость и понесся в порт Стенлей. Пустынная равнина по-прежнему проплывала под ракетопланом.

А если их не будет и там? Если они вынуждены были перейти куда-то еще?

Но едва только на горизонте волнистой линией вырисовывался залив, — я заметил большой черный столб дыма.

Сигнал!

IV

Через несколько минут я плавно спустился на твердую землю у большого костра. К двери ракетоплана подбежала стройная девушка в резиновом пальто. Она что-то кричала, но звуки ее голоса не долетали до меня, отделенного от внешнего мира герметичными дверями аппарата. Наконец я открыл дверь.

— Вы — пилот Троянов? — услышал я звонкий молодой голос.

И, не дожидаясь подтверждения, Жанна Пелюзье продолжала:

— Ну, конечно, это вы. Кто же еще мог бы забраться сюда в такое ужасное время? Правда, мы очень беспокоились. Ведь у нас испортился радиопередатчик, мы не могли подавать вам сигналы по радио. Но мы сделали все, что смогли. Видите? — показала она рукой на костер.

— Где же все остальные? — спросил я.

— А вы еще не знаете? Отец болен малярией, но это не страшно, он легко переносит эту болезнь. Хуже с Дюшеном: у него очень острая форма, и сейчас он лежит почти без сознания. А лаборант Стенуа рядом с ними. Мне поручено следить за костром, чтобы не пропустить вас. Идем, идем к дому.

Ракетоплан понісся на північний захід

На пороге нас встретил молодой парень с энергичным, резко очерченным лицом. Это был Стенуа. Он крепко сжал мою руку и сказал:

— Я очень боюсь, что Дюшен не сможет лететь. Профессор говорит, что ему могло бы помочь только переливание крови. Я просто не знаю, что делать дальше.

Старый профессор Пелюзье, видно, с трудом поднялся из своего кресла и тихим голосом поздоровался со мной.

— Когда мы отправимся, профессор? — обратился я к нему.

— Вам уже говорили про нашего больного? Его нельзя никак шевелить, пока не закончится приступ. Он слишком слаб.

— Значит...

— Не раньше, чем завтрашним утром. А может, — голос профессора задрожал, и он с трудом закончил фразу: — Может, нам придется оставить здесь его тело...

Меня совсем не пугала мысль, что нам надо здесь задержаться до утра. До начала взрывов в полярной области оставалось более суток. За это время я мог бы дважды пролететь отсюда до озера Мичиган. Но — кто знает, какие неожиданности могут случиться за это время?

— Все же лучше было бы вылететь как можно скорее, — напомнил я профессору. — У меня насчет этого очень жесткие инструкции. Сейчас я переговорю с Комитетом спасения Земли.

Жанна Пелюзье пошла за мной. Уходя, она рассказала мне, что экспедиция находилась на Фолклендах уже два месяца и завершила свою работу только два дня назад. Профессор Пелюзье без страха ждал после-

Грюнштейн в момент упав у океан

дующих событий. Он беспокоился только о том, чтобы доставить в безопасное место собранные материалы.

Мой разговор с Комитетом был очень короткий. Вот запись его:

«Прибыл на Фолкленд. Нашел экспедицию. Могу лететь на Север не ранее утра 21 июня, поскольку один из участников экспедиции, Густав Дюшен, тяжелобольной».

«Вылетайте при первой возможности. Маршрут остается тот же. До экватора можете надеяться на помощь только в Буэнос-Айресе».

Прощавшись с профессором, я лег спать: пилоту ракетоплана надо быть сильным и всегда хорошо себя чувствовать. Вылететь мы решили на рассвете.

Но не суждено мне было выспаться спокойно. Около двенадцати часов ночи меня разбудило легкое прикосновение к плечу. Жанна Пелюзье стояла возле меня, лицо ее было бледным:

— Дюшен умер, — тихо

сказала она. — У него слабое сердце, оно не выдержало напряжение во время кризиса.

... Багровое солнце только-только показало край своего диска из-за моря, когда я нажал на рычаги управления. Ракетоплан быстро набрал высоту и понесся на северо-запад. Профессор полулежал в кресле; видимо, на него плохо влияла скорость подъема. Лаборант Стенуа упорядочил свои записи. Жанна внимательно следила за моими движениями.

И вдруг я почувствовал, как в моей руке дрогнул рычаг руля высоты, потом стрелка показателя скорости ринулась влево и вместо нормальной тысячи километров показала лишь двести. Ракетоплан пошел вниз. Я похолодел:

— Что случилось?

Под нами ревели морские волны, спускаться было невозможно. А ракетный аппарат, бесспорно, работал с перебоями. Я запустил в ход вертолетные винты. Ракетоплан повис в воздухе, мало-помалу подвигаясь вперед.

Еще несколько вспышек — и ракетный аппарат замолчал. Стало чрезвычайно тихо. Тишину нарушало только слабенькое жужжание вертолетного винта. Я чувствовал вопросительные взгляды моих пассажиров. Не оборачиваясь к ним, я сказал:

— Что-то сломалось в ракетном аппарате. Сейчас я это выясню. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Так я сказал — но совсем не так думал. С С-218 еще не бывало никакой поломки. Не бывало никогда. Случилось нечто очень серьезное. Все потуги были напрасны — ракетный аппарат не работал, хоть приборы и рычаги работали исправно. Если бы я не знал, вылетая из Фолкленда, что на С-218 оставался запас атомной энергии не менее чем на 30.000 километров,

— я сказал бы, что в ракетоплане иссякли все источники энергии. Но...

Я сразу вспомнил о судьбе моего товарища, пилота Грюнштейна, — и почувствовал, как у меня похолодели кончики пальцев. У Грюнштейна произошло случайное столкновение с большим птицей, кондором. Тяжелое тело птицы, на которое Грюнштейн налетел на скорости около 1000 километров в час, разбило толстое стекло кабины, и своим весом поломало рычаги управления. Ракетоплан Грюнштейна камнем упал вниз, в океан. Так погиб мой товарищ...

Я бросился к хвостовой части ракетоплана, к батарее цилиндров, где хранилась сконцентрированная энергия переработанных атомов. Стрелка на циферблате показателя вместимости, что еще полчаса назад показывала десять тысяч энергонов, теперь прижалась к левой части диска, опустившись ниже 0.

— Нет энергии, — прошептал я, не веря своим глазам.

— Что же случилось, товарищ Троянов? — услышал я взволнованный голос Жанны.

— Случилось что-то непонятное. Мы остались без энергии. В цилиндрах нет ничего. Показатель вместимости показывает ноль.

— Но почему?

— Пока что я не знаю. Это совсем не ясно. Вся энергия куда-то исчезла. Резервуары пусты. Но, к счастью, у меня почти не разряжены аккумуляторы, от которых питается вертолетная установка. Мы пойдем дальше на вертолетных винтах. До Буэнос-Айреса уже недалеко, мы доберемся до него. А там можно восстановить запасы энергии. Я уверен, что все обойдется хорошо. Вертолеты дотянут нас до Буэнос-Айреса. Вперед, впе-

ред! Взрывы начнутся только ночью, а теперь только восьмой час утра.

— Так, вперед! — бодро подхватила Жанна.

Вернувшись в кабину, я повернул вертикальную ось вертолетной установки под наибольшим углом вперед.

Ракетоплан, оставаясь на той же высоте, медленно пошел на север, куда тянул его вертолетный пропеллер. Но эта скорость была очень незначительна; кроме того, ракетоплан качало и сбивало в сторону встречным ветром.

— Ветер не пустит нас вперед, товарищ Троянов, — спокойно заметил профессор Пелюзье. — Этот ветер слишком сильный.

Я упрямо покачал головой. Я знал, что ветер не захватывает очень высоких слоев атмосферы. Если буря очень сильная над поверхностью суши или моря, — ее можно избежать, поднявшись вверх, где сила ветра не так значительна.

— Поищем спокойных слоев воздуха, профессор, — ответил я. — Еще когда я учился летать на аэроплане с пропеллером, меня учили лавировать в воздухе на разных высотах, отыскивая попутный ветер. Кто знает, может, мы найдем его и здесь, в этих широтах.

Покорный моей руке ракетоплан (не точнее было бы назвать его теперь геликоптеропланом?) поднимался в более высокие слои атмосферы. Правда, я достигал этого лишь окончательным уменьшением и без того незначительной скорости, с которой мы шли на север. Но — я рассчитывал наверстать скорость наверху. Как я ошибался!

Ветер действительно переменился, когда ракетоплан был на высоте трех километров. Но он не был попутный, он резко дул с востока на запад. Я силился

подняться выше, — но тогда ракетоплан совсем терял движение вперед, его сносило в сторону, как аэростат.

Мы неторопливо прошли над полуостровом Вальдес, еще медленнее пролетели над двумя реками Аргентины — Рио-Негро и Рио-Колорадо.

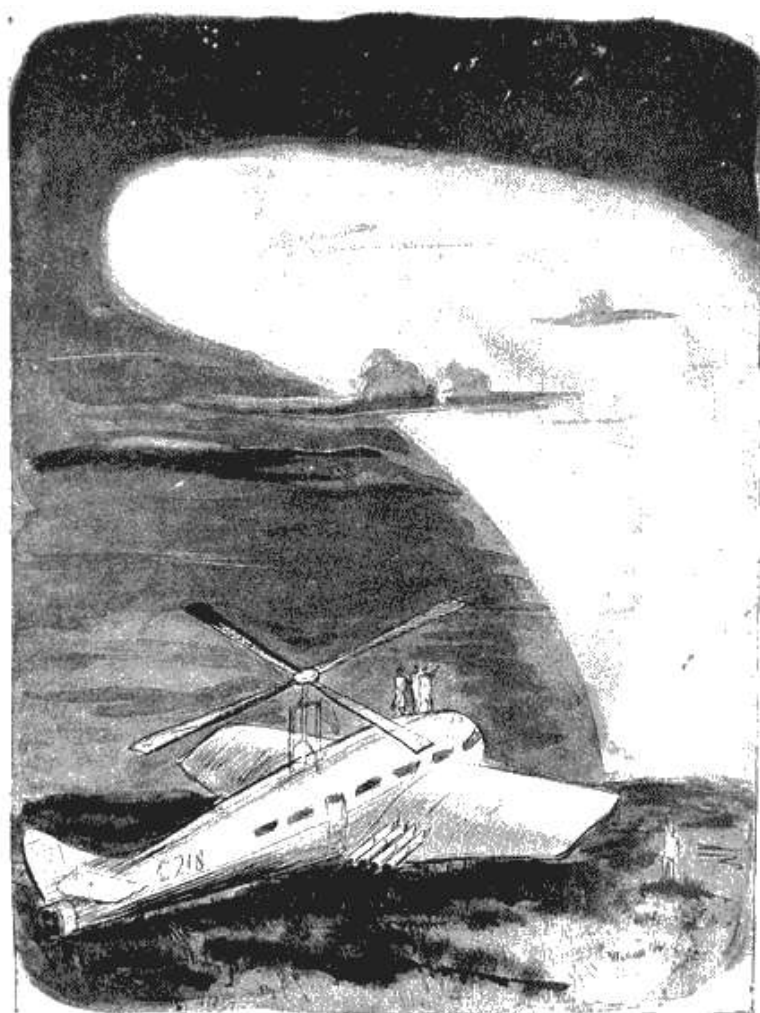
«Хоть бы добраться до Буэнос-Айреса. Там можно все исправить, можно, наконец, пересесть на другой ракетоплан», — думал я.

Но ветер и лавирование в воздухе спутали мне все карты. С ужасом я заметил, что запасы энергии аккумуляторов могут закончиться каждую минуту, мне едва хватит тока для безопасной мягкой посадки. Это и случилось именно тогда, когда я увидел под собой причудливые излучины береговой линии бухты Бланка. Я пошел на посадку.

Пассажиры молчали. Конечно, они понимали всю трагичность нашего положения. Ведь счетчик показывал, что мы прошли от Фолклендов всего 1400 километров — вместо 12.000, которые нам надо было пролететь, чтобы попасть в безопасные районы земного шара.

Единственное, что я мог еще сделать при помощи вертолета, — это мягко спустить ракетоплан на густую траву пампасов, за полсотни километров от берега океана. Тогда я остановил вертолет. Однако, через минуту-две он остановился бы и сам, исчерпав все запасы энергии аккумуляторов.

Некоторое время мы молчали. Первым опомнился профессор Пелюзье. Он, словно успокаивая, предложил: — Что же, давайте обследуем всё и выясним, в каком положении мы находимся. Прежде всего — что случилось с вашим ракетным аппаратом, товарищ Троянов?

Как автомат, я открыл дверь кабины и вышел из нее. За мной следом вышли Жанна и Стенуа.

Металлическое покрытие хвостовой части ракетоплана было пробито сверху вниз, как будто в него попал небольшой снаряд. Отверстие с загнутыми внутрь краями показывало направление удара. Пробоина шла внутрь до цилиндров, где хранилась атомная энергия. Одна стенка главного цилиндра была также пробита, вторая была целая, но сплющена.

С помощью лаборанта Стенуа я открыл пробитый цилиндр, — и нашел в нем неправильной формы комок какого-то неизвестного мне металла. Этот комок, очевидно, ударил со страшной силой в ракетоплан, пробил его покрытия и главный цилиндр.

Но откуда взялся этот комок? Кто стрелял в нас?

Жанна Пелюзье держала в руках странный комок, когда сзади подошел старый профессор. Он глянул на слиток и удивленно спросил:

— Откуда вы взяли этот метеорит? Я нашел на Фолклендах несколько таких же, но такого большого среди них не было. Ведь это — первые посланцы Кометы, несущиеся прямо перед ней и бомбардирующие Землю.

Так было найдено объяснение того, что случилось с нами. Метеорит, прилетевший на Землю из космических просторов, оторвавшись от Кометы, пробил цилиндр ракетоплана — и лишил нас воз-

возможности вернуться на север.

Стенуа первым прервал молчание:

— Очевидно, лететь дальше на ракетоплане мы не можем. Так, товарищ Троянов?

Я молча кивнул головой.

— Тогда надо дать о себе знать на север по радио. Комитет вышлет кого-нибудь забрать нас. Правда, времени в обрез. Но другого выхода нет.

— Вы можете связаться с Комитетом по радио, товарищ Троянов? — спросила Жанна.

— Я сейчас же это сделаю, — ответил я.

Вернувшись к кабине ракетоплана, я включил радиопередатчик. Но — вместо того, чтобы сиять ярким светом, электронные лампы едва мигали. Я с яростью ударил себя по лбу: ведь радиопередатчик брал ток от тех же аккумуляторов, что перед тем питали вертолетный механизм. За время нашего безнадёжного полета на вертолетных винтах аккумуляторы потратили свою энергию почти целиком. Тока хватило теперь только на питание маленьких и слабеньких ламп приемника, но он не мог и наполовину разогреть мощный генератор радиопередатчика... Почему я раньше не подумал об этом? Почему я не дал радиогаммы в тот момент, когда повредился ракетный аппарат?..

Тихий звонок приемника привлек мое внимание, и я машинально включил репродуктор. Взмолнованный голос упрямо повторял:

— Пилот Троянов! Пилот Троянов! Где вы? Пилот Троянов, где вы?..

Комитет спасения Земли искал меня, а я был бес-
силен ответить ему и даже попросить помощи. А ре-
продуктор продолжал вызывать:

— Пилот Троянов, отвечайте! Где вы?..

— Почему же вы молчите, товарищ Троянов? — услышал я голос Жанны. — Ведь они ждут ответ. Скажите, где мы, что с нами.

Жанна неслышно вошла в кабину и остановилась позади меня. Я неторопливо вернулся к ней и ответил, еле находя слова:

— Радиопередатчик не работает. Нет тока.

Жанна молча смотрела на меня, когда я через силу добавил:

— У нас нет возможности спастись...

V

Мне стыдно признаться в этом, но факт остается фактом. Я, пилот Троянов, о смелости которого много кто знает, растерялся и потерял способность владеть собой. Женщина, Жанна Пелюзье, в этот момент показала себя тверже меня. Она положила руку мне на плечо и сказала:

— Не впадайте в отчаяние. Может, еще повезет чем-то помочь делу.

Я еле-еле припоминаю то, что было потом. Мы сидели на буйной траве аргентинских пампасов, вокруг ракетоплана. Лаборант Стенуа нервно курил одну сигарету за одной. Жанна постоянно срывала тонкие и высокие стебельки травы, мяла их и выбрасывала. Помню, старый профессор медленно сказал:

— Я думаю, что землетрясение нам не грозит ничем. Более губительным может быть для нас потоп, что случится здесь после того, как огромные волны хлынут на сушу. Мы на восточном берегу Аргентины. По всем признакам, эти три гигантские волны прокатятся по суше на сотни километров...

Машинально я добавил:

— И оставят от нас избитые о камни, изувеченные трупы...

— О нет, товарищ Троянов может быть вполне спокоен: от нас просто ничего не останется, — хмуро и иронично откликнулся Стенуа.

Неожиданно Жанна резво вскочила и побежала к ракетоплану, бросив нам на ходу:

— Я не знаю, что будет дальше. Но я хочу, по крайней мере, знать, что делается на севере!

Ей никто не ответил. Только Стенуа, взглянув в свою записную книжку, все так же иронично, тихо сказал мне:

— Сейчас час дня. Через десять часов нас уже не будет...

Он не окончил своей фразы. В кабине ракетоплана громко заговорил репродуктор. Его звуки показались мне издевательскими: какую пользу могли дать нам, отрезанным от целого мира, эти сообщения по радио?..

«...первый взрыв атомных бомб выбросит в космическое пространство всю Антарктику, расположенную в круге восьмидесятой параллели. В этом кругу находится нетающие полярные льды и южное окончание земли Виктории. Первый взрыв будет самой меньшей мощности из трех. Второй взрыв захватит земли вплоть до семидесятой параллели. Земля потеряет значительные территории: она выбросит в пространство всю землю Виктории, гору Эребус, землю короля Эдуарда и южную часть земли Александра Первого. Третий, самый сильный взрыв бомб, заложенных по полярному кругу, выбросит в эфир Китовые острова, часть островов Скотта, остров Петра Первого, половину земли Александра Первого, земли Эндерби, Кемпа, Вильгельма Второго и Вилкинса. Внимание! Комитет спасения Земли снова предупреждает всех, кто нахо-

дится в пределах стокилометровой океанской береговой полосы. Эта полоса — под самой сильной угрозой трех океанских волн, которые возникнут вследствие взрыва и, очевидно, подвергнутся огромным разрушениям. Внимание! Через десять минут слушайте дальнейшую информацию».

Профессор Пелюзье поднял руку и спокойно, будто продолжая начатую фразу, сказал:

— Мои мысли, выходит, правильные. Надо думать о спасении от потопа. Мы сидим всего километров за пятьдесят от океана. Как защитить себя от волн?..

Стенуа и я молчали. У меня стояла жестянка консервированного молока, которую я машинально взял в руки. И тут неожиданная мысль прорезала мое сознание.

— Консервная банка! Именно — консервная! Если бы мы оказались внутри консервной банки — никакие волны не были бы нам страшны. Наводнение отбросила бы нас на сотни километров вглубь страны и оставила нас там, но...

Вскочив на ноги, я воскликнул:

— Товарищи! Выход найден. Вспомните, что мой С-218 герметически закрывается и имеет достаточный запас кислорода и аппаратов для очистки воздуха от углекислоты. Мы закроемся в нем — и пусть тогда несутся волны. Ракетоплан не может затонуть. Нас куда-то вынесет.

— Сделав из нас при этом отбивные котлеты? — саркастически отозвал-

Консервная банка! Сами консервна.

ся Стенуа.

— Вам надо привести в порядок свои нервы, дорогой Эмиль, — строго ответил профессор. — Товарищ Троянов подал блестящую идею. Это единственное, что у нас остается.

Репродуктор заговорил вновь:

«Внимание! Известный пилот Алексей Троянов, который вылетел на Фолклендские острова на розыски экспедиции профессора Пелюзье, исчез. Последняя радиограмма от него была получена с Фолклендов вечером 20 июня. Все попытки связаться с ракетопланом С-218 до сих пор были тщетны. Это заставляет серьезно опасаться за судьбу Троянова и его спутников...»

Мы молча посмотрели друг на друга: за нашей судьбой следили, о нас беспокоились... И никто не мог помочь нам здесь, на диком берегу Атлантического океана.

Время шло. Все, что произошло в те часы, кажется мне теперь каким-то маревом. Я помню, как механически открывал консервные банки и ел, не чувствуя вкуса блюд. Профессор, что был самым спокойным из нас, ровным голосом разговаривал со Стенуа и Жанной о собранных в экспедиции материалах. Время от времени радио приносило нам новые сообщения и уведомления.

Комета показалась на небе еще до того, как стемнело. Она злобно объяла небосклон туманным сиянием своего исполинского хвоста, в центре которого ясно намечалось круглое ядро, что своим размером превосходило в несколько раз диск Луны. Я запомнил фразу профессора:

— Если нам повезет завтра увидеть еще раз это удивительное зрелище, подобного которому не было в

истории человечества, — мы сможем спокойно прожить остаток своей жизни.

«Если нам повезет»... Вряд ли кто из нас имел основания серьезно надеяться на спасение...

Комета, захватившая небосвод, захватила и нас в зону своего притяжения. Никто из нас тогда и на миг не подумал, что гениальный план спасения Земли с помощью взрывов может быть ошибочным, что Земля может погибнуть. Мы думали только о том, как убежать от волн и землетрясения. И не на минуту мы не сомневались, что Комета пронесется, Земля останется на своем месте в Солнечной системе.

Луна показалась на небе в тот вечер поздно, часов около десяти. Мы уже вошли в кабину ракетоплана. Сквозь толстое стекло окон было хорошо видно, как Луна поднималась выше и выше, приближаясь к зениту, где зеленое сияние окружало огромное ядро Кометы. Может, это только казалось, — но мы были уверены, что Луна в этот вечер поднималась чрезвычайно быстро.

Я напомнил профессору о предположение астронома Бермигтона, по мнению которого Луна сорвется со своей орбиты под влиянием притяжения Кометы. Профессор задумчиво ответил:

— Что же, это вполне возможно. Может, уже теперь скорость передвижения Луны по своей орбите значительно увеличена. Посмотрим, у нас есть время для наблюдений...

Около одиннадцати часов замолчал даже профессор, который до сих пор упорно старался отвлекать наше внимание от тяжелых мыслей. Было совсем ясно, яснее, чем во время знаменитых ленинградских белых ночей. Все небо было залито обманным светом Коме-

ты, Луна показывалась небольшим серебристым кругом на фоне ее спокойного сияния.

Первый взрыв должен был быть в одиннадцать часов тридцать минут. Часы на моей руке показывали одиннадцать двадцать. Я предупредил моих спутников:

— Надо покрепче привязаться к креслам. Следует ждать сильных ударов и толчков.

Старательно проверил я, правильно ли охватывают тела пассажиров предохранительные ремни, крепко ли держатся опоры кресел. Все было в полном порядке, все, кроме основного — ракетного аппарата С-218. И в

тот момент, когда я внимательно закреплял ремни своего кресла, — Жанна крикнула:

— Луна!.. Луна!..

Я быстро поднял голову. Серебряный диск явно уменьшался в размере. Диск Луны как будто уходил куда-то далеко, улетал от Земли. За несколько секунд его круг уменьшился вдвое, стал значительно темнее.

— На своем пути Кометы Луна проходит сквозь зем-

Місяць показувався невеличким колом на тлі
спокійного сяйва комети

ную тень, — спокойно отметил профессор Пелюзье.

Эмиль Стенуа, лишенный возможности курить (в кабине ракетоплана это строго запрещалось) и поэтому еще более раздраженный, конвульсивно сжал поручни кресла. Жанна смотрела вверх широко раскрытыми глазами, смотрела в окно, сквозь которое уже не было видно лунного диска. Наш спутник исчез в космическом пространстве; на том месте, где он был, — ослепительно сияла лишь Комета.

Не успел я опустить голову, как ракетоплан вздрогнул от резкого толчка. Казалось, будто кто-то сильной рукой толкнул колеса ракетоплана в сторону. Затем ракетоплан заколыхался, — и снова остановился. Все это продолжалось две-три секунды.

Несколько минут царила полнейшая тишина. Я помню только искаженное гримасой ужаса лицо Стенуа, который сидел напротив меня.

И вдруг до нас донесся неясный гул, который, медленно нарастая, превратился, под конец, в ужасный грохот. Это приближалась вода, которую выбросил из океана удар землетрясения. Вода неслась на сушу.

Я оглянулся: на горизонте вырастала огромная водяная стена, двигалась к нам, увеличиваясь перед моими глазами и заполняя собой все пространство. Кажется, я крикнул:

— Вода!..

Но моего голоса никто не слышал, потому что в эту секунду ракетоплан затрясся под потоком воды, что обрушился на его стальное тело. Одно мгновение я перестал отличать низ от верха, все завертелось словно в диком танце.

Свет Кометы, который ровно лился до этого сквозь верхние иллюминаторы, мелькал теперь, как взбешенный луч прожектора, прорезывая кабину то сверху, то

снизу, — и, наконец, погас совсем. Вместо него сквозь стекло иллюминаторов пробивалось едва заметное зеленое мерцание.

«Ракетоплан несется где-то в глубине воды вдоль суши», — подумал я.

Стрелки, которые светились на циферблате моих часов, показывали одиннадцать часов и сорок минут. Приближалось время второго взрыва, более сильного, чем первый.

В полутемной кабине я заметил, что Стенуа машет рукой, и что-то кричит. Я наклонился вперед, пытаюсь услышать его голос, но в этот момент что-то тяжелое сильно ударило меня по голове, перед глазами проплыли огненные стрелы, резкая боль разразилась в затылке. Последнее, что я увидел, было бледное лицо Жанны, которая обернулась ко мне.

Больше я не помню ничего...

...Память ко мне возвращалась, словно после тяжелой болезни. Сознание возвращалось медленно, мне казалось, что меня бросает из стороны в сторону, что я, как маятник, качаюсь огромными размахами, подвешенный на эластичной пружине. Размахи становились все меньше и меньше, пока не превратились в легкие приятные покачивания. Я чувствовал, что лежу на чем-то мягком.

С трудом я открыл глаза и тотчас закрыл их, ослепленный ярким дневным светом. Ласковый голос произнес возле меня:

— Успокойтесь, все прошло. Вы в полной безопасности.

Это был голос Жанны. Я блаженно улыбнулся и медленно открыл глаза. Так, Жанна сидела рядом со мной, я лежал на мягких пневматических подушках в небольшой продолговатой комнате. Около окна за сто-

лом сидел профессор Пелюзье и что-то писал. Эмиль Стенуа стоял сзади и просматривал книгу.

Профессор обернулся, его лицо осветила мягкая улыбка. Он сказал:

— Как видите, все мы живы и даже скоро достигнем цели нашего путешествия.

— Но... — попытался спросить я.

Жанна закрыла мне рот нежной благоухающей рукой:

— Молчите, вам нельзя говорить. Я сейчас расскажу вам все. Вы упали в обморок перед вторым ударом. Рычаг сломался, ударил вас по голове. Ракетоплан выдержал экзамен, и волна вынесла его вглубь суши, за триста километров от места нашей высадки. Там нас отыскал разведывательный ракетоплан, высланный Комитетом из Москвы в Австралию через Южную Америку и Антарктику. Он подобрал нас, и теперь мы летим над Антарктикой. Вы были все время без сознания. Все кончилось, товарищ Троянов, Земля спасена.

Так вот чем объяснялось легкое покачивание, которое я почувствовал, очнувшись. Это были колебания ракетоплана, в котором мы летели. Он со всей возможной скоростью неся вперед.

«Значит, мы летим над Антарктикой, — подумал я. — Но ведь ее нет, — она выброшена в космическое пространство?..»

Будто отвечая на мою мысль, профессор Пелюзье подошел к окну и сказал:

— Мы летим над полярной областью, вернее, над тем, что раньше было Антарктикой. Теперь тут сплошной океан. Воды Тихого и Атлантического океанов хлынули сюда с севера, хлынули в огромную пропасть, что образовалась здесь, и заполнили ее.

Я сделал легкое движение. Жанна поняла меня:

— Вы хотите посмотреть? Сейчас я помогу вам.

Она осторожно подняла меня за плечи к окну над креслом. Сквозь толстое стекло был виден бескрайний океан, по которому шли огромные волны с седыми гребешками. Так вот такая теперь Антарктика! Я много раз пролетал раньше над ее вековыми льдами. Теперь их не было... Теплая океанская вода, хлынувшая с севера, не успела еще замерзнуть. Она укрывала своим бурным зеленым покровом огромную пропасть, которая образовалась на месте Антарктики. Со временем, видимо, здесь застынут новые льды. А теперь — вода, вода, бесконечные волны потревоженной стихии!..

Я устало откинул-

ся вновь на подушки.

— Может, вы хотите послушать, что творится в мире? — спросила меня Жанна.

Я послушно кивнул головой, Жанна нажала на кнопку радиоприемника. Знакомый голос диктора продолжал начатую фразу:

«... осталось на своем месте. План инженера Андреева был полностью верный. Взрывами выбросило в космические просторы Антарктику. Землетрясения, которые возникли после взрывов, послужили причиной больших разрушений только в Южном полушарии, — до тропика Козерога. Комета уходит по направлению к созвездию Столовой Горы. Земля спасена. Внимание! Расчеты астронома Бермигтона сбылись. Земля лишилась своего спутника — Луны. Она сорвалась под влиянием притяжения Кометы со своей орбиты и устремилась за ней. Наблюдательные станции южного полушария, которые следили за небесными явлениями, в ночь на 22 июня установили, что Луна, сойдя со своей орбиты, со скоростью, которая все увеличивалась, полетела к ядру Кометы. Через пятьдесят минут после этого Луна исчезла из поля зрения телескопов, удаляясь от Земли. Но астрономы вычислили время ее перелета к ядру Кометы. И в рассчитанный заранее срок, в эти расчеты входила и скорость движения света, наблюдатели увидели на ядре Кометы, которая удалялась в космическое пространство, огромный огненный отблеск. Вспышка, что произошла вследствие падения Луны на Комету, оставила яркое огненное пятно на диске ядра Кометы. Внимание! От разведывательного ракетоплана Л-306, присланного из Москвы через Южную Америку и Антарктику в Австралию, только что получено сообщение о судьбе пилота Троянова и экспедиции профессора Пелюзье, которая вылетела 21

июня на ракетоплане С-218 с Фолклендских островов по направлению к северу. Внимание! Ракетоплан потерпел крушение и вынужден был снизиться возле бухты Бланка. Пилота и пассажиров океанские волны вынесли в глубь суши, где их нашел и забрал ракетоплан Л-306...»

Я нетерпеливым движением руки попросил включить репродуктор. Все закончилось. Жизнь течет дальше. Неожиданно я почувствовал, что очень устал и хочу спать. Сладкая истома разливалась по всему телу.

Я улыбнулся и закрыл глаза.

Т. и Е. КАРДИНАЛОВСКИЕ

СОЛНЦА!

Фантастическая повесть

Пер. с украинского С. Гоголина, М. Фоменко.

Иллюстрации А. Старчевского.

Повесть опубликована в журнале «Знання», №№ 10-14 за 1926 год, на украинском языке. Эпиграфы к повести «Солнца!», взятые авторами из сборника П. Г. Тычины «Солнечные кларнеты», даны в переводах М. Комиссаровой, Н. Ушакова и М. Фоменко. Оригинальный текст повести был найден и возвращен читателям в 2016 г. библиографом украинской фантастики В. Е. Настецким (Киев).

Первая публикация на русском языке в сборнике «Гибель Счастливого города»: Фантастические рассказы и повесть. Пер. с укр. С. Гоголина, М. Фоменко.
Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016.

Произведение включено в сборник с любезного разрешения издателя.

*Каждый сердцем звонок,
Пьян вином весенним —
Солнца, туч и ветра!
П. Тычина*

Ранним утром Ченк зашел к своему приятелю О'Нелю. Молодой ученый сидел за столом в глубокой задумчивости. Перед ним лежали несколько раскрытых древних рукописей и книг. Ренц О'Нель был захвачен научной работой — он изучал какие-то памятники древней печати.

Пушистый ковер заглушал мягкие шаги Ченка, и Ренц не шелохнулся, когда он подошел.

— Я за тобой, Ренц! Пойдем.

Но тот сидел, низко склонив голову. Ченк положил ему руку на плечо и... вдруг побледнел.

— Ренц! — воскликнул с болью и ужасом.

Под пальцами почувствовал оцепеневшее, холодное тело. Голова О'Неля как-то жалко, беспомощно качнулась и снова безразлично упала на грудь.

Ченк растерянно взглянул на стол — у развернутой книги разбитая ампула, рядом — радио-фонограф. Резко схватил ампулу — остатки яда! Пытаясь разгадать тайну, нервно перелистнул несколько страниц книги,

посмотрел на пожелтевшую обложку, где стоял едва заметный заголовок старого письма — Павел Тычина, «Солнечные кларнеты». Глаза его остановились на словах, написанных рукой Ренца: «Ченк, спрячь от людей — в этой поэзии страшный яд, убивший меня».

Книга упала на пол...

Ченк протянул похолодевшую руку к выключателю радио-фонографа, и мертвую тишину комнаты наполнил спокойный, знакомый голос Ренца:

— Выслушай меня, Ченк. Я многое передумал, прежде чем решиться на этот шаг... Но другого выхода нет... Сейчас я расскажу тебе все, так как не хочу, чтобы смерть моя показалась загадочной. Итак, слушай...

Ченк тяжело опустился в кресло и, словно обращаясь к живому, тихо произнес:

— Я слушаю тебя, Ренц.

— Знаю, сегодня утром ты придешь, Ченк, — продолжал знакомый голос. — Ты собираешься пойти вместе со мной на Солнечный совет... Настало время, считаешь ты, подарить людям твое изобретение, которое усовершенствует продукцию ракетного завода. Тебе хочется, чтобы я увидел твой триумф, разделил твою радость. «Земляне, наше Солнце угасает все быстрее, но вам нечего беспокоиться!» — так скажешь ты. Но я давно уже отчаялся. Помнишь наши споры?! И этой ночью я не спал, все думал. В мыслях я рисовал перед собой смерть Солнца и Земли, ужасное будущее на другой планете... Подумал ли ты, что нас там ждет? Чем грозит нам культурная отсталость жителей чужой планеты? Ведь у них совершенно иной социальный строй, примерно такой, от какого мы некогда избавились ценой страшных революций, кровавой борьбы. Комитет уверял, что в этой неразвитости и состоит залог нашего будущего господства. Помнишь?

Ченк всем телом напряженно подался вперед, и его побелевшие пальцы до боли впились в подлокотники кресла.

— Но это либо глубокое заблуждение, либо сознательный обман! Нас, землян, будет в тысячи раз меньше, чем тех существ. К тому же, что мы сумеем сделать, не располагая ни радио, ни электричеством, ни нашими самолетами? Как бороться? Когда все, что у нас есть, вся наша культура останется здесь, на мертвой Земле, в вечном мраке?!..

Ченк вздрогнул и закрыл рукой репродуктор, будто пытаясь зажать рот Ренца. После вскочил и, заложив руки за спину, начал нервно расхаживать по ковру. И продолжал слушать теперь уже надломленный, скорбный голос друга...

— Я никогда не видал яркого пламени Солнца, как не видит его в наши дни никто из землян. Солнце умерло для нас, и лишь благодаря древней поэзии, что я изучаю всю жизнь — я один познал, узрел Солнце. Счастливые люди древности называли его «пылающим», «лучезарным». Я видел его призрак в своем воображении и не могу больше жить в сумерках нашей планеты. Прощай, Ченк! Я убиваю себя, ибо знаю, что не в силах тебя остановить. Ты слишком уверен в своей правоте, я — в своей. Только беды, только несчастья принесешь ты Земле. Видишь, я смертью своей доказываю, что не готов согласиться с тобой. О, если бы можно было дать Земле новое Солнце! Новое Солнце!..

Голос оборвался вслед за прозрачно-стеклянным звуком. А Ченк все стоял, сжимая в руке маленькую пожелтевшую книжечку, и не мог отвести глаз от вязи букв — «Солнечные кларнеты», П. Тычина.

Затем он сел и стал нервно листать страницы. Насыщенные солнечной мощью и красотой строки

стихов сплетали траурный венок над гробом Ренца, и казалось, что умерший говорил словами поэта.

*Больше не увижу — солнечных очей. —
Буду вечно сам я в сумрачном аккорде.*

Глаза Ченка жадно впитывали слова, и невольно яд их овладевал разумом...

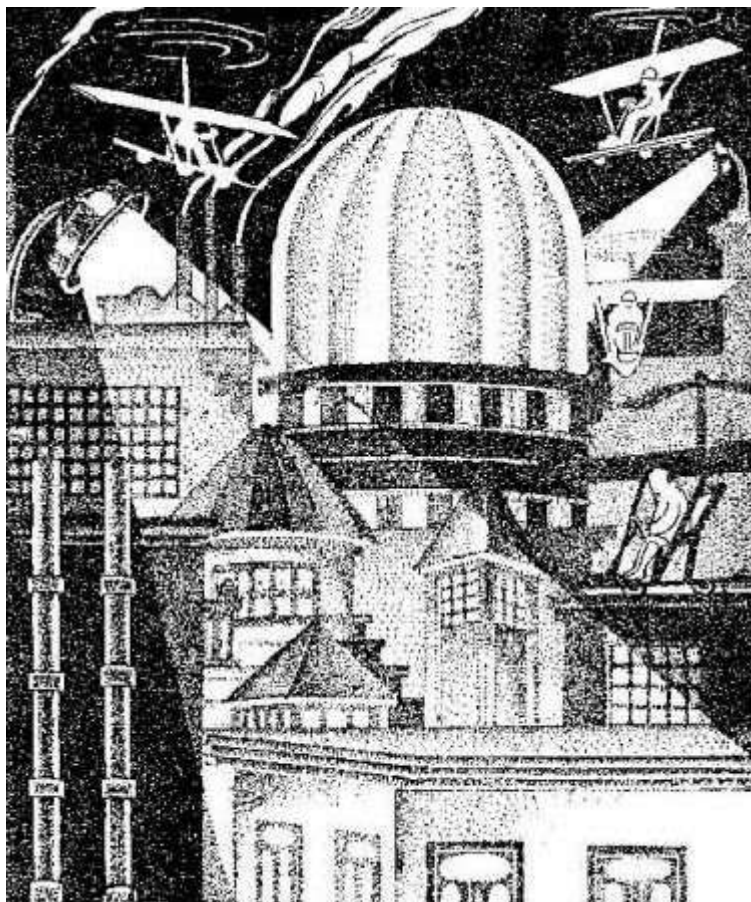
...Через несколько минут Ченк сообщил Солнечному совету о самоубийстве профессора древней литературы Ренца О'Неля. Весть потрясла всех — за последние века то был первый случай самоубийства. В повестку дня очередного заседания Совета был включен доклад Ченка.

* * *

*Будет бой
Огневой!
Смех будет, плач будет
Перламутровый...
П. Тычина*

Ченк первым прилетел во Дворец мудрых решений на заседание Солнечного совета и, взволнованный, сразу же прошел в Зал высшей мысли. Глубокие кресла, маленькие гнутые столики у каждого из них, мягкий свет — все позволяло всецело отдаться умственной работе, и под высоким, прозрачным куполом, венчавшим круглый зал, нередко зарождались гениальные идеи.

Ченк был один. После пережитого он хотел собраться с мыслями, обдумать неожиданные для него самого выводы, пришедшие вместе с болью.

Бесшумные аэрокресла слетались ко Дворцу мудрых решений.

Он не привык сомневаться. Дорога его всегда была ясна, и он решительно шел вперед.

На заводе, где он работал главным инженером, собирали, как и везде, межпланетные ракеты. Требовалось изготовить великое множество ракет, чтобы перевезти всех землян на другую планету, когда Солнце

погаснет окончательно. А последние известия из Центральной обсерватории были такими неопределенными, такими тревожными... Необходимо ускорить выпуск ракет. Он уже договорился с Ренцем, что они вместе явятся в Зал высшей мысли, где Ченк торжественно подарит людям Земли свое изобретение, которое усовершенствует конструкцию ракет.

А теперь?..

Кто-то тихо притронулся к его рукаву.

— О чем вы так глубоко задумались, Ченк?

Он вздрогнул. Рядом стоял Председатель совета и ласково улыбался.

— Все мы знаем, какую страшную потерю принесла нам судьба. Но сейчас вы сможете отдохнуть мыслями и поделиться с нами печальными впечатлениями от неожиданной смерти нашего общего друга... Садитесь, прошу вас. Все уже собрались.

— Простите, — сухо и неприветливо ответил Ченк, — я немного задумался...

Полулежа в глубоком кресле, Ченк прищуренными глазами осматривал Зал. Фонографы, фотографирующие голос вместе с лицом говорящего, сложные приборы, записывающие четкими рядами мысли высокого напряжения, рефлекторы волевых импульсов и другие приспособления в строгом порядке стояли на каждом столике. Часть мест в Зале занимали члены Комитета мудрых решений; остальные места в большинстве своем пустовали — они предназначались для тех землян, которые приходили сюда с какой-либо выдающейся идеей. И если аппарат, принимавший и записывавший только мысли высокого напряжения, отмечал ее, автор такой идеи входил в Комитет.

Сейчас в Зале были лишь члены Солнечного совета, одной из многих секций Комитета. Знакомые, знако-

мые лица... Вдруг Ченк заметил, что на «кандидатском», как шутили между собой члены Комитета, месте сидит какой-то юноша. Ченк уже видел однажды его энергичные глаза в этом зале. Он горячо говорил тогда о своем проекте строительства нового солнца. Ченк хорошо помнил, как смеялись в тот день над молодым ученым!

— Вы собираетесь дать нам новое солнце, дитя мое? — иронично спросил его председатель. — Не захватили ли вы его случаем с собой? Кажется, оно у вас в кармане? Мы уже, знаете ли, вышли из того возраста, когда тешатся пустыми мечтами о подобных игрушках.

Все смеялись и даже не предоставили юноше слова для ответа. А сейчас он снова здесь... Сегодня... Именно сегодня, когда...

Усилием воли Ченк отвлекся от юноши и стал прислушиваться к речи председателя...

— О'Нель убил себя... Убил, как когда-то наши романтические предки. Вы только что прослушали запись фонографа, передавшую нам его последние слова, и все вы понимаете, что это преступление. Да, собратья! Да! Это страшное преступление против всех землян. Разве мы, сильные среди сильных, не знаем так же хорошо, какие уродливые перспективы сулит нам переселение на другую планету? Но это единственное спасение. Солнце гаснет! Другого выхода у нас нет. Собратья! Давайте же быстрее строить ракеты! Мы должны всеми силами удержать землян от паники! Ренц О'Нель загубил себя, но его поступок следует скрыть, хранить в тайне. Иначе это испугает и обеспокоит всех — и кто знает, к чему еще приведет жителей Земли? Он предал наше дело, и мы обязаны предотвратить возможные последствия. Мужество и спокойствие — вот един-

ственное, что спасет нас теперь, высокоумные братья!

Все внимательно слушали в тишине. Затем — переключки голосов:

— Совершенно верно, братья! Мы не можем всем открыть эту горькую правду.

— Это было бы преступлением!

— Известие о самоубийстве, бесспорно, беспокоит всех землян.

— Могут остановиться заводы!

— Земляне откажутся лететь — и погибнут!

— Нет, не погибнут, — неожиданно сказал кто-то, — есть иной способ спастись!

Крик возмущения заглушил голос. Все лишь удивленно оборачивались, ища глазами — кто это здесь, в этом Зале, осмелился выступить один против всех?!

Ченк торопливо взял громкоговоритель и сам едва узнал свой голос, внезапно ставший стальным и строгим.

— Братья! Ренц О'Нель не был предателем!

Ему не дали говорить дальше.

— Как не был?

— И вы с ним?

— Лишить его слова!

Но Председатель поднял руку, и Ченк получил возможность продолжать.

— Ренц О'Нель не был предателем, — твердо повторил он, — Ренц честно жил и честно умер — ведь тот плен, который готовите вы землянам, действительно ужасен...

— И вы, и вы, Ченк, вместе с нами, — въедливо перебил его кто-то.

— Да. Который до сих пор, я подчеркиваю, до сих пор готовил с вами и я. Но смерть О'Неля открыла мне

глаза. Я призываю вас, собратья, исправить свою ошибку! Не губите землян! Известите всех о самоубийстве О'Неля. Призовите жителей Земли искать средства для создания нового солнца, пока еще не поздно! Я уйду — и буду распространять эту мысль повсюду... И если вы не со мной, я против вас!

Множество рук потянулось к рупорам. Никакая сила не смогла бы сдержать возмущение.

— Он сошел с ума!

— Гнать его!

— Какой позор, — в этих стенах нелепые мысли!

Председатель снова поднял руку, и шум мало-помалу прекратился.

— Слово имеет Хронс.

— Высокомудрые собратья! Мы положили много сил, энергии и помыслов на спасение землян от неминуемой смерти после угасания Солнца. Сделать больше не сумел бы никто. Солнце угасает все быстрее. Вскоре нам придется улететь с Земли, — и мы должны безжалостно осудить и заклеить, как предательство, поступок мертвого О'Неля и, к сожалению, еще живого предателя Ченка!

Зал замер. Ченк был одним из самых уважаемых членов Совета, и резкое выступление Хронса поразило всех. Но и неожиданная решительность, с какой Ченк защищал Ренца, смутила советников. Аппараты показывали максимум нервного напряжения. Слово «предатель» было брошено, и некоторые уже вполголоса повторяли его.

Вновь выступил Председатель.

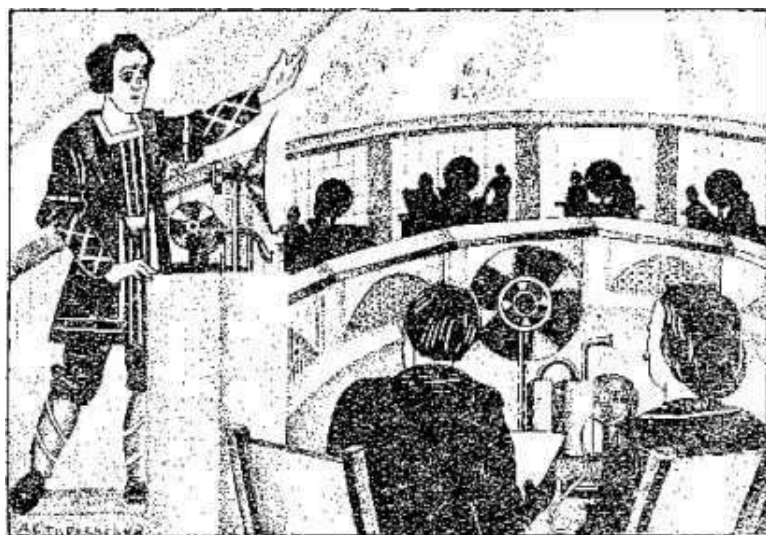
— Мне кажется, рано еще называть Ченка предателем. В его выступлении я вижу ошибку — конечно, прискорбную, но все же только ошибку. Вы ведь понимаете, что он, как и мы, стремится спасти Землю. Пре-

дательское деяние Ренца тяжело сказалось на нем. Однако мы обязаны напомнить Ченку, что лишь перебравшись на другую планету, под другим солнцем, мы сможем и дальше существовать. Жизнь там будет, вне сомнения, трудная, но все же она лучше смерти. Другого выхода мы не знаем...

— Но должны искать его! — запальчиво воскликнул Ченк. — Мы до последнего должны искать другой путь спасения! И привлечь к этому всех. Говорю вам всем — то, что вы делаете, преступление! Ренц тысячу раз прав! Нужно пробовать, искать...

Юноша, сидевший в стороне, порывисто вскочил и, нарушая все основные правила Совета, громко вскричал:

— Я — Юм! Я нашел! Я спасу вас, земляне!

Я — Юм! Я создам новое Солнце!

Необычное в этом Зале обращение «земляне» разом оборвало гул голосов. Члены Солнечного совета, державшие в своих руках судьбу Земли, вдруг почувствовали себя обыкновенными землянами, крошечными существами, что могут погибнуть, словно пылинки, в космической катастрофе. И в Зале воцарилась глубокая тишина.

— Слушайте, земляне, — повторил твердый, решительный голос. — Я создам для вас новое Солнце. Его горячие лучи даруют тепло, жизнь и радость мрачной Земле!

Повторяю, вы должны поверить мне! Ваш проект перелета бледен и бессилен в сравнении с могуществом моего творения. У вас — ракеты в неизвестность, у меня — Солнце над нами.

И все вдруг заметили необычайные глаза молодого ученого. Они горели за длинными лучистыми ресницами, как два настоящих маленьких солнца, и глубокая вера юноши в себя придавала им удивительную силу.

— Мое солнце, — говорил он, — возродит на Земле прежние, забытые времена... А ваши ракеты — плод дряблой, старческой мысли...

Он не закончил... Члены Совета вскочили с мест и стали возмущенно требовать лишить этого юнца, который и годами не вышел носить звание ученого, умственной энергии, так как она могла причинить землянам большой вред.

— Вред? Его разум — причинить вред... Ха-ха! — язвительно рассмеялся Хронс. — Да он просто от нечего делать, для забавы придумал себе игрушку, а вы отнеслись к нему серьезно! И разрешили говорить здесь какому-то глупому мальчишке...

— Верно! Правильно! — подхватили со всех сторон.

С трудом утихомилив зал, взволнованный Председатель повернулся к Ченку и увидел, что рядом с ним стоит Юм.

— Еще не поздно, Ченк, — с горечью сказал Председатель, — вы наш почтенный, любимый брат. Для вас еще не поздно исправить свою ошибку. Мы знаем, что вы придумали изобретение, которое поможет в производстве межпланетных ракет. Мы даже ожидали, что сегодня вы торжественно подарите его в этом Зале людям Земли. Мы все еще верим вам, Ченк!

Ченк грустно покачал головой.

— Нет. Я не открою вам тайну своего проекта. Нет. Я не отдам его вам до тех пор, пока сам не буду убежден, что Юм ошибается. Я верю Юму. Я знаю, что он гениален! А его возраст? Он для меня лишь залог свежей, яркой энергии! До свидания... а может... быть может, прощайте навсегда!

В полной тишине Ченк и Юм покинули Зал.

* * *

Выходя из Дворца мудрых решений, Ченк и Юм молчали. Оба думали о трагичности случившегося, о новой ответственности. Молча сели на свои аэрокресла и, соединив их друг с другом цепочками, бесшумно поднялись над улицей.

— Куда?

— На Большой завод.

Они держали свои аппараты на уровне десятых этажей: оба хотели ближе присмотреться к жизни на оживленных улицах, той жизни, судьба которой неожиданно перешла в их руки.

Привычное спокойствие больших улиц в последние дни заметно нарушилось — из Центральной обсервато-

рии доходили тревожные известия. Солнце вдруг начало гаснуть быстрее, и все предыдущие расчеты выявились ошибочными. Комитет мудрых решений постановил распространить по городу волны бодрого настроения; несмотря на это, тревога и беспокойство растекались среди жителей. Вот и сейчас на большой площади, у высокого звукопоглотителя, шумели громко и нервно. Авто, поезда метрополитена, аэрокресла и всевозможные машины бесшумно мчались по улицам, и сегодня их было, казалось, гораздо больше, чем обычно.

Юм улыбнулся.

— Знаешь, Ченк, мне отчего-то пришло в голову, что если бы разом выключить все звукопоглотители, от грохота, шума и крика можно было бы оглохнуть, сойти с ума... Но ты не слушаешь меня?

И верно, Ченк не слушал.

Глубоко задумавшись, он смотрел сквозь чистый, прозрачный воздух на гигантские солнечные рефлекторы над крышами небоскребов, на высокие шпили конденсаторов солнечной энергии и думал, что все это обречено скоро погибнуть, что все это бесполезно, не нужно... Земля умирает...

И он крепко сжал руку Юма:

— Твое Солнце... Только твое Солнце...

Они приближались к Заводу.

Откуда-то из-за угла вдруг вынырнуло неуклюжее аэрокресло. Это было кресло Хронса, того самого Хронса, который так смеялся над идеями Юма и счел план создания нового Солнца таким нелепым. Ченк и Юм быстро поднялись выше, чтобы избежать неприятной встречи. Неожиданно услышали:

— Ченк, куда же вы так спешите?

Женский голос. Они удивленно посмотрели вниз. Рядом с неуклюжим аэро летело маленькое, элегантное кресло.

— А я уже час везде вас ищу... Не будь Хронса, так бы и не увиделись, — приветливо говорила женщина.

Юм холодно глянул на Хронса, а Ченк сказал:

— Да, Итта, я только что из Совета. Думал залететь на Завод и после домой. Работы много.

— Слышала, слышала. Хронс мне все рассказал. И про того чудака, что собирается построить какое-то новое солнце. Покажите мне его, Ченк. Хорошо? И если в его глазах отражается это солнце, я...

— Не шутите, Итта, — нахмутив брови, серьезно сказал Ченк, — над этим смеяться нельзя. И не чужак какой-то, а великий ученый — вот он здесь, перед вами. Прошу, — и он указал рукой на Юма.

— Простите, — смутилась Итта, — но Хронс так смешно рассказывал мне о вас, — и она снова засмеялась.

— Очень рад, что подарил вам несколько веселых минут, — сухо ответил Юм. — Ну как, Ченк? Может, отстегнуть твое кресло? Лично я спешу.

— Не сердитесь, — сразу сменила тон Итта. — Ченк, скажите ему, вы же знаете, я не хотела обидеть...

— В самом деле, Юм! Подумаешь, лживые выдумки Хронса. Нельзя это так воспринимать.

Итта осторожно, ласковым голосом:

— Кстати говоря, я собиралась, Ченк, пригласить вас сегодня вечером на свой концерт... Я закончила мелодию, начало которой вам так понравилось. Помните? Хочу пригласить и вас, Юм...

— Да, Юм, разве ты не чувствуешь замечательные ароматы новых мелодий? — прервал ее Ченк. — Они и сейчас ощущаются на пальцах Итты...

— Молчите, не перехваливайте, — вмешалась Итта. — Я и вправду хочу пригласить на концерт также и вас, Юм, в награду за перенесенные насмешки...

Юм вежливо наклонил голову.

Затем они с Ченком подняли руки — последнее приветствие — и полетели дальше.

*А солнца, солнца в их красе —
не слышно...*

П. Тычина

а большой площади стояли металлические гиганты. Цепкими ногами впивались они в сбитую почву. Глаз привлекали широкие дорожки, залитые каким-то зеленым, блестящим веществом. Между машинами на небольших газонах росли декоративные цветы удивительной формы. Их невероятно длинные стебли тянулись к солнечным рефлекторам в тщетной

надежде почерпнуть в них жизненные силы... Лишенные хлорофилла, светлые листья вяло свисали вниз, а прозрачно-хилые стебельки бессильно вились вокруг искусственных подпорок... Маленькие пылеуловители собирали из машин, с глазури дорожек, с листьев растений мельчайшие пылинки. Было тихо — у каждой машины стояли звукопоглотители.

Завод был гордостью Ченка. Стальное сердце завода билось посреди города. Машины — живые существа, лишенные разума, покорные воле человеческого гения — беззвучно и точно выполняли сложную работу. Идеальная конструкция, воплощенная в художественную форму, сделала из машины произведение искусства, над созданием которого работал коллективный разум инженера, архитектора и художника. Машины полностью освободили жителей Земли от физического труда, и единственным упражнением для мышц оставался любимый землянами спорт.

Ченк всегда с удовольствием проходил по душистым аллеям завода. Останавливался, слушал короткие приказы механиков и следил, как старательно и послушно выполняет их машина. Ченк гордился и этими краткими словами, этим «машинным языком». Односложные слова, состоявшие из сочетаний твердых, губных или шипящих звуков и произнесенные в небольшие рупоры у машины, создавали звуковые волны различной силы. Они заставляли дрожать чуткую мембрану, которая замыкала ток и приказывала машине изменить движение, ускорить его или прекратить совсем.

Ченк остановился перед высокой и стройной машиной с длинной, как хобот, трубой наверху, заканчивавшейся широким раструбом. Из раструба одна за другой вылетали блестящие, новенькие ракеты, дела-

ли пробный круг над плацем, и по команде радиоаппаратов спускались на землю в свои ангары.

Из широкого раструба одна за другой вылетали блестящие ракеты.

Эту машину, отвечавшую за последний этап работы, Ченк особенно любил и часто подолгу простаивал перед ней, восторженно следя за уверенным полетом серебристых птиц. Но сегодня времени на это не было.

Юм нетерпеливо звал:

— Мы должны поскорее начать работу. Ведь Совет зря времени не теряет. Не будем терять и мы.

Они прошли мимо машины, бешеным темпом производившей ракеты. Ченка встретили радостные возгласы — сегодня его с нетерпением ждали: он обещал внести в машины кое-какие усовершенствования.

— Ну что? Когда же? — слышалось со всех сторон.

— Нет, нет, еще не сейчас. Чуть позже. А как у вас?

— Работаем, как всегда — с воодушевлением, Ченк, — ответил, улыбаясь, старый механик Ван.

Ченк решил воспользоваться тем, что Ван был когда-то знаком с Ренцем.

— Ты слышал печальную новость, Ван?

— О смерти Ренца? — механик покачал головой. — Слышал, слышал... Почему же никто не знал, что он так тяжело болел? Мы узнали об этом только из бюллетеня Комитета решений.

— Нет, Ван. Это неправда, — твердо сказал Ченк.

— Что? Что неправда? — несколько землян приблизились к ним.

— Ренц умер не от болезни. Он сам убил себя.

— Как убил? Сам? Что ты говоришь, Ченк?

— Да. Отравился страшным ядом.

— Почему же? Что произошло?

— Все объясняет радио-письмо, которое он записал для меня, должно быть, за несколько минут до смерти. Он умер, испугавшись неволи на новой планете, куда мы собираемся перелететь.

— Неволи?

— Я и сам об этом думал!

— И я, я тоже опасаюсь!

— Ну дальше, дальше. Говори!

Ченк спокойно выслушал эти возгласы. Затем:

— Перед смертью Ренц умолял землян не покидать Землю. Создать новое Солнце.

— Новое Солнце?

— Новое Солнце, говорите?

— Безумие какое-то! Он, видать, сошел с ума!

— Нет, он был вполне нормален. Новое Солнце — совсем не блажь. Ну, прощайте. У меня нет больше времени.

Его пытались задержать, без конца расспрашивали, но они с Юмом ушли с завода.

— Посмотрим, — задумчиво сказал Юм. — Посмотрим, к чему они придут. Первое зерно брошено.

— Да, интересно! Какие сделают выводы, какие будут последствия... Сейчас лечу известить Центральную станцию оповещений. К вечеру весть о самоубийстве Ренца должна обежать Землю. У нас очень мало времени.

— А я — к себе, в лабораторию. Будь здоров!

* * *

Грусть сердце щемит:

— Солнце! Песня!

П. Тычина

Ченк искренне обрадовался, встретив в большом концертном зале Юма. После неосторожной шутки Итты он никак этого не ожидал.

— Хорошо, что пришел. Через десять минут начнется, — обратился к нему Ченк.

— Хочу отдохнуть. Но почему ты так встревожен? Отойдем на минутку, ты еще успеешь рассказать.

Они направились к небольшим боковым залам: в огромном круглом центральном зале, вмещавшем несколько тысяч землян, было слишком шумно.

В дальнем уголке синей комнаты Ченк мгновенно изменился. Он тяжело опустился на диван и закрыл рукой глаза.

— Говори же, Ченк! Что произошло?

И тогда тихо, медленно, будто подбирая слова, Ченк поведал, что известие о самоубийстве Ренца, которое они (они сами!) сегодня распространили по миру... что это известие вызвало страшные последствия... Земляне словно бы внезапно вспомнили, что у них есть и другой выход — смерть! В течение всего дня поступали сообщения о самоубийствах, грозивших приобрести массовый характер. В предсмертных радио-записках все самоубийцы поминали Ренца — неволю — Солнце.

— Постой! Пусть Комитет своей властью лишит землян права распоряжаться собственной жизнью.

— Поздно... Дисциплина рухнула с первых минут. Подобное распоряжение было отдано, но не возымело никакого действия. Какое-то безумие охватило умы. Поздно, Юм...

То был первый за недавние века случай нарушения абсолютной дисциплины. До сих пор никто и помыслить не мог нарушить приказы свыше. Но взрыв массового помешательства уничтожил всякий порядок.

Овладев своими стальными нервами, Ченк уже спокойнее продолжал:

— С шести часов Комитет начал распространять волны бодрости, но надежды на успех мало, совсем мало.

— Это жестоко — но, может, оно и к лучшему. Так они быстрее поймут, что нужно действительно искать другой выход, — сказал Юм.

Обычное желтоватое освещение всех залов внезапно сменилось фиалковым — знаком начала концерта.

— Пойдем в зал, Ченк! Мне кажется, волны все же помогли: погляди, какие спокойные лица.

— Спокойные? Они еще не знают...

В центре огромного зала находилась невысокая круглая эстрада, накрытая прозрачным, заостренным сверху куполом. Хрупкие стенки купола, сквозь которые еле различалась какая-то тень, переливались миллионами невиданных красок и оттенков. Незаметные просветы, похожие на щели, усеивали весь купол. По стенам зала, на уровне голов присутствующих, тянулся густой ряд регуляторов, рефлекторов, вентиляторов, поглотителей, которые должны были равномерными волнами разносить запахи по залу.

В глубоких, мягких креслах медленно затихала многотысячная толпа...

Свет меркнет... Полная тишина...

Переливающийся купол засиял теперь всеми оттенками, какие только могла создать поразительная техника землян... Стала ясно видна стройная фигурка внутри... Итта протянула руку к радио-вещателю, и в зале послышался ее звонкий голос:

— Мелодия ясной бодрости.

Легкий шелест и снова тишина.

Итта коснулась клавиатуры...

Едва слышные сладковатые розовые ароматы легкой струей полетели в зал. А вдогонку им уже неслись бодрые, оживленные разноцветные волны, как будто перепрыгивая друг через друга. Горькие красные ароматы соперничали с тонкими, тускло-синими и сплетались в ритмичном танце в красочные ароматические узоры.

Итта подняла руки — короткая пауза — и тысячи поглотителей вдруг стерли все ароматы, погасили их красочные волны. В чистом воздухе снова вновь поли-

лась мелодия, прорезая темноту острым лучом и окутывая усталые нервы обонявших причудливой дымкой покоя и забвения.

Итта доиграла...

Перерыв.

Через несколько секунд вспыхнул ослепительный свет, и веселая толпа двинулась в призальные комнаты.

Ченк и Юм жадно прислушивались к казавшемуся беззаботным смеху вокруг, внимательно всматривались в спокойные лица... Они не верили этим лицам. Неужто волны бодрости и удивительные, волшебные ароматы пленили волю и нервы измученных землян? Надолго ли?

Но, проходя мимо незнакомых девушки и юноши, они слышали разговор, глубоко взволновавший обоих.

— Не верите? — спрашивал мужской голос.

Пауза.

— Смотрите же! — и он положил на ее ладонь маленькую прозрачную ампулу.

Девушка вскрикнула и резко отбросила ее.

— Теперь, — с нажимом сказал юноша, — теперь вы мне поверили? Говорю вам, только этот концерт спас меня. Итта гениально играла сегодня.

Больше они ничего не слышали. Юм лишь заметил, как девушка низко склонила голову и сжала руку юноши.

Они молча пошли дальше.

В комнате Итты они увидели нескольких ее поклонников. Те весело болтали и горячо поздравляли Итту с успехом.

— Вы даруете нам величайшее эстетическое наслаждение, — говорил один.

— Вы возносите наши чувства на недостижимую высоту, — с пафосом перебивал второй.

— «Вы, вы, вы»... — шутливо повторила Итта, — все вы мне надоели.

— Надеюсь, что не все, — весело сказал Ченк и приветливо поднял руку...

— А... и Юм! Здравствуйте!

— Я зашел, чтобы отдать дань вашему необычайно мужеству, вашему героизму... — сказал Юм.

— Мужество?.. Героизм?.. О чем вы?

— Да, Итта, мы пришли поблагодарить вас. В такую страшную минуту вы нашли в себе силы для радости. Более того, вы нашли в себе силы поделиться радостью с нами...

— Меня удивляет какая-то торжественная трагичность в ваших словах. Нет, правда, понравилась я вам сегодня?..

Ченк ласково улыбнулся ей.

— Ах, женщина! Всегда ты одинакова. Понравилась и ты, и твои мелодии, и настроение, и результат... Все, все.

— Опять не понимаю — какой результат? Ну ладно. Угощайтесь.

Она пододвинула к ним поднос, на котором лежали небольшие разноцветные пластинки.

— Я сегодня в философском расположении духа, — с улыбкой заметил Юм. — Даже эти фрукты навевают значительные мысли.

— А именно? — заинтересовалась Итта.

— Да вот, вы едите эти ананасы или апельсины, и не задумываетесь, из чего они сделаны. Правда? Разве вы не помните, что мы научились получать из земли, из неорганических веществ то, что входило в состав живых растений, и эти пластинки по своему вкусу, за-

паху, консистенции и химическому составу абсолютно такие же, как их живые предки?..

Вы представляете себе, Итта, — продолжал он, — какое наслаждение должны были чувствовать земляне в прошлом, когда срывали с дерева сочные, живые плоды, взлелеянные жарким солнцем?

Итта на миг задумалась. Потом весело:

— Теперь понимаю, почему у вас сегодня такое трагическое настроение. Вы жалеете нас, несчастных — ведь нам не приходится за каждым апельсином карабкаться куда-то на дерево, и мы можем спокойно, сидя в комфортабельном кресле, есть...

— ...Его суррогат, — докончил Юм. — Закройте глаза, Итта, и слушайте... На берегу синего, такого синего, что наши глаза ослепли бы, моря растут деревья с зелеными листьями, с прекрасными цветами. Вы же знаете: на деревьях блестели сочные листья... кругом цвели красочные цветы... и сияло Солнце...

— Довольно сантиментов, Юм! Речь идет не об о ананасах, но о нашей жизни! — перебил Ченк.

— Снова какой-то трагизм! Ну, объясните же мне, Ченк, чтобы я хоть что-то поняла! — уже раздраженно воскликнула Итта.

— Так вы не знаете? — с бесконечным удивлением посмотрел на нее Ченк.

Только сейчас они с Юмом осознали причину ее спокойствия, и шуток, и бодрой музыки... Несказанное сожаление стиснуло их сердца. Рассказать все? Или утаить? Они неловко молчали.

— Ну же!

Кто-то из присутствующих сказал:

— Им, видимо, неприятно говорить о грустном здесь, на радостном концерте, когда все на минуту смогли забыть об этом ужасе...

— Скорее!

— Не волнуйтесь, Итта, — сдержанно сказал Ченк. — Дело в том, что известие о самоубийстве Ренца...

— Как так самоубийстве? — глаза Итты широко раскрылись.

— Да, он сам лишил себя жизни. Вы не слышали? Тоска по Солнцу, ужас перед неволей...

— Неволей там, на чужой планете. Мольба о Солнце, о новом Солнце... Таковы были его последние слова... Эта весть разнеслась по Земле и вызвала страшную эпидемию самоубийств.

— Мольба о новом Солнце, — тихо повторила Итта.

— Комитет мудрых решений принимает меры, но против такого взрыва массового помешательства даже он бессилён. Своими чудесными мелодиями вы сегодня сделали куда больше, Итта, и мы пришли поздравить, поблагодарить вас.

Итта стояла, низко склонив голову.

— Неволя... смерть... призрачные мечты о новом Солнце... — горько дрогнули уголки ее губ.

Желтоватый свет вдруг вновь сменился фиалковым — начиналось второе отделение.

— Итта, мы надеемся на ваше мужество, мы уверены, что вы... — но Итта махнула рукой и не дала Юму договорить...

В зале снова меркнет свет... Опять загорелся многоцветными переливами прозрачный купол... Зал затих...

Голос Итты негромко бросил в зал:

— Без названия... Импровизация...

Заинтригованные ряды расцвели улыбками, люди шепотом перебросились несколькими словами и притихли.... Лишь Ченк и Юм напряженно ждали...

В зал сразу полились контрастные, острые запахи, с силой хлестнувшие по нервам. Они все нарастали, тревожили... звали куда-то и, вдруг обрываясь, до предела напрягали эмоции. И, снова тихие, грустные, невыразимой печалью заливали душу... Тоскливо смотрели глаза обонявших... Еще минуту назад спокойные, беззаботные, они тотчас замерли, и только глубокие вздохи время от времени нарушали тишину. Итта играла... Глаза ее застилал туман, и где-то вдалеке перед нею колыхались смутные, скорбные тени... Она знала, что то были несчастные, гибнущие в безнадежных поисках спасения... Им — все мысли, все порывы, для них — эта прощальная мелодия... Воплощенные в ароматах, в зале трепетали страх, ужас и отчаяние — отчаяние безудержное, безвыходное... Итта ничего не замечала, лишь все чаще — все затрудненней вздымалась ее грудь... И — больше нет сил! — она упала головой на клавиатуру... случайно погасила свет... В неожиданной темноте повисла та же мертвая, недвижимая тишина.

И тогда откуда-то издалека приблизилось и возвысилось до крика смертельной боли бессильное рыдание... Голос Итты, глухой и подавленный, умолял спасти, поддержать, даровать силы...

— Свет!

— Свет, скорее свет!

— Что вы делаете?

— Где ты?

— Тише!

— Свет! Дайте свет!

И когда равнодушно-яркий свет снова желтоватым потоком залил зал, никого в рядах нельзя было узнать. Расширенные глаза, бледные лица, головы, низко склоненные на грудь, нервные, беспокойные движе-

ния... Сознание страшной неизбежности овладело всеми...

— Пойдем, Юм!

— Разве ты забыл, Ченк: когда погибает корабль, капитан покидает его последним?

И они остались до конца...

Они видели, как нервными шагами быстро выходила толпа... Но некоторые недвижно сидели в креслах. Их молча обходили и — скорее дальше... Никто ничего не спрашивал... Лишь бы скорее...

Юм мрачно стиснул руки. Твердо смотрели его глаза, и только ослепительный огонь в них погас. Он знал, что в креслах остались мертвые... что случилось ужасное... что обонявшие не выдержали чрезмерного нервного напряжения, вновь испытали забытое было отчаяние и — последовали за Рейцем.

— Какая жуть, Юм! И все это мы...

— Ты говоришь, жуть? Да, произошла страшная вещь, — задумчиво сказал Юм. — А что будет на той планете? Может, члены Комитета хоть теперь это поймут.

— Нет, я уверен, что они обратят дело против нас.

— Может, и так... Посмотрим. А теперь пойдем к Итте. Бедняжка — она, видимо, совсем потеряла власть над собой.

Ченк повел Юма прямо к артистической, где надеялся найти Итту. В больших залах и маленьких боковых комнатах не было ни души. Только кое-где чернели застывшие фигуры. Даже здесь из уютных уголков выглядывала смерть. Друзья шли молча. Они не оборачивались, не смотрели по сторонам, и — кто знает? — быть может, и впрямь не замечали жестокого лица смерти. А может, страстное стремление выжить и победить овладело всеми их мыслями.

— Кажется, сюда, — и Ченк вопросительно постучал. Ответа не было. Юм решительно рванул дверь, и они вошли.

В тускло-розовом свете сперва ничего нельзя было разглядеть. Затем на невысоком округлом куполе, служившем одновременно и стенами, и потолком, проступили едва заметные огоньки — словно розовые жемчужины, сиявшие тоскливым полусветом.

— Итта, — тихо позвал Юм.

В углу, на диване, что-то пошевелилось. Итта легла, уткнувшись лицом в мягкие подушки. Они присели рядом, и Ченк, ни о чем не спрашивая, стал гладить ее руку. От тихой ласки слезы неудержимо брызнули из глаз Итты.

Они пытались успокоить ее, говорили, что пик тревоги и ужаса миновал, что теперь будет легче. Но Итта не слушала и лишь тихо твердила сквозь слезы:

— Это я, это все я наделала! Понимаете — я!

— Если уж искать виновных, то скорее виноват я. Вы-то, вспомните, ничего не знали и дальше, я уверен, играли бы так же беззаботно, если бы я ничего вам не сказал, — успокаивал ее Ченк. — Но и я не чувствую себя виновным. Скажу прямо — я не понял вас, Итта. Я думал, вам известно все, и ваше мужество поразило меня. Когда я увидел, что ошибся — было поздно.

— Поздно! — Итта саркастически улыбнулась. — Знайте же, до сих пор я жила одной только верой, что несу землянам радость и покой. В этом была моя цель... вы убили мою веру одним ударом. И каким жестоким ударом!.. Теперь, после того, что случилось, я потеряла последние силы и бороться, и жить. А вы еще удивляетесь!

— Что ж, можно и удивляться. Понимаете ли, Итта, я тоже потерял свою единственную веру, которую раз-

делял с вами — но вот, как видите, живу, ибо нашел себе иную, — сказал Ченк.

— Иную веру? Где же вы нашли ее?

— Мне подарил ее Юм.

— Юм?

— Да. В его величественной идее, что позволит землянам остаться на Земле, я обрел спасение. Для себя и для всех. Я поверил в это, и никогда еще жизнь не была для меня так дорога!

Итта слушала. В ее распахнутых глазах метались смятенные мысли истерзанного разума.

— Но как вы могли поверить в такую безумную идею? — нерешительно спросила она. — Остаться на Земле! А Солнце?

— А Солнце создам я!

— Вы шутите, Юм.

— Какие же шутки! Моя идея — настолько ясная, логическая и математически выверенная, что не поверить в нее может лишь тот, кто не желает ничего знать.

Склонившись над столом, он несколько минут что-то чертил и объяснял Итте.

— Так вот, Итта, кроме этой идеи, Солнца и врагов, у нас с Ченком нет ничего. А бороться вдвоем...

— Нет! Не вдвоем — я с вами! Я хочу быть *in eurem Bunde der Dritte**. Согласны? Или новое Солнце, или... смерть этих несчастных требует расплаты.

Юм и Ченк радостно сжали ее руки.

— Пойдем, мы и так задержались здесь. Что вы хотели бы взять с собой? — спросил ее Ченк.

Она обвела взглядом комнату.

* Здесь: «Третьей в вашем союзе» (нем). Цитата из баллады И. Ф. фон Шиллера (1759–1805) «Порука».

— Ничего. Видите, сколько здесь разного оборудования для создания настроений? Вот проволока покоя, здесь аппарат грусти, там — смеха. Теперь они мне не нужны. Бывало, мне перед концертами часто приходилось создавать у себя искусственные настроения. Конечно, для нас, актеров, это серьезное подспорье, но больше оно мне не требуется. Отныне у меня всегда будут силы, вдохновение...

Внезапно она смолкла и с грустью посмотрела на Юма.

— Что с вами?

— Может быть... может, в вашем деле мое искусство ни к чему?

Ченк и Юм наперебой стали доказывать ей, какое весомое значение могут иметь ее концерты для распространения новых идей. Оба говорили с таким искренним пылом, что Итта наконец повеселела.

— Ну, будет, будет! Уже верю, что нужна, что без меня и Солнце ваше — или же наше — не загорится.

Ченк внимательно посмотрел на Юма.

— Боюсь, вы зажжете и другое солнце.

— И что тогда?

— Юм, того и гляди, забудет о первом...

— О, нет! — чересчур горячо запротестовал Юм.

Итта пристально посмотрела на него.

Ченк поднялся. Надо идти. Завтра они соберутся, чтобы выработать план борьбы. Теперь уже поздно, да и оставаться здесь нельзя. Им следует быть осторожнее. Вокруг враги...

Итта первой вышла из комнаты, но тут же отпрянула — у дверей мелькнула какая-то серая тень и исчезла.

— Видели?

— Кто это?

— Я не разглядела. Но нас подслушивали!
— Нужно это учитывать. Как видно, агенты Комитета не дремлют.

* * *

*Все спит еще: небо
и звезды немые.
Светает...
П. Тычина*

Бледный рассвет вставал над призрачным городом. Черное небо начинало светлеть. На фоне его проступали гигантские абрисы солнечных рефлекторов. Ни единый луч не отражался в них. Над горизонтом медленно восходила темно-красная масса угасающего Солнца. Земляне давно уже привыкли глядеть на него невооруженным глазом. Кое-где тлели огненные провалы еще не потухших громадных вулканов. Солнце с трудом поднималось над Землей, бросая свои старческие лучи на блестящую поверхность миллионов рефлекторов... Непослушные звезды не боялись его болезненного света и насмешливой толпой усеивали полнеба.

...Серебристая капля поднялась откуда-то с земли и стремительно полетела на восток. Блестящий аэро отважно разрезал воздух, спеша навстречу Солнцу. А через несколько минут с того же места снялся второй аэро, выкрашенный защитной краской. Он пролетел вслед за первым несколько километров и медленно растаял в воздухе — стенки, покрытые каким-то сложным веществом, с такой силой отражали лучи, что сам аппарат становился совершенно невидим.

Заложив руки за спину, Ченк расхаживал по своему кабинету. Иногда подходил к большой карте на стене, напряженно, задумчиво всматривался в нее и снова без конца по диагонали мерил шагами комнату.

План вырисовывался со всей ясностью.

Пора было отправляться во Дворец решений.

Ченк вышел на балкон, где всегда стояло наготове его аэрокресло. Машинально нажав на кнопки, он мягко поднялся над улицей.

Почти никто не заметил, как Ченк вошел в Зал мудрых решений. Но докладчик, увидев его, резко оборвал свою речь и удивленно обернулся к Председателю.

Ченк, казалось, не обратил на это никакого внимания, спокойно поздоровался и сразу попросил слова.

— Я считаю, уважаемые собраты, что ошибка — не преступление. Я пришел к вам с покаянием. Пришел, чтобы работать с вами, вернуться на завод. Прошу вас разрешить мне испытать на заводе изобретение, которое я собираюсь на днях подарить землянам. Эта новая конструкция носа обеспечит ракетам мягкий удар о поверхность планеты.

Неловкая минута; Председатель будто не замечает. Затем, вежливо:

— Мы с большой радостью приветствуем перемену в вашем образе мыслей, Ченк. Но, может быть, вы объясните нам, в чем состоит ее причина?

— Да, вы имеете право, уважаемые собраты, требовать объяснений, имеете все основания не доверять мне...

— О, нет, нет!..

— Почему вы отрицаете? — улыбнулся Ченк. — Это только справедливо. И я должен все объяснить вам.

Меня глубоко ранили тысячи самоубийств, вспыхнувших вследствие нашей ошибочной агитации. Я понял их как протест, как решительное несогласие с нами. Море крови, пролитой по нашей вине во имя бесплодной идеи, вернуло меня обратно к вам, на завод, к любимой работе.

Вновь заговорил Председатель:

— Мы верим вам, Ченк! Мы просим вас вернуться на завод. И ваша работа, ваш проект станут для нас лучшим доказательством того, что ошибка — не преступление.

* * *

На другую сторону земного шара перелетел отважный аэро. Там, где волнистой полосой с юга на север начерчен хребет Уральских гор, он остановил лет над небольшой долиной и, как сокол, спикировал вниз. Прикрепился к высокому шпилью на крыше удивительного дома. Плотные металлические жалюзи со всех сторон закрывали крышу и стены. Итта и Юм вышли из аэро на маленькую площадку, которой заканчивался шпиль, обвитый винтовой лестницей.

— Как холодно здесь, Юм.

Она огляделась.

Неподалеку, стиснутое серыми скалами, пряталось мертвое замерзшее озеро. Под грубой коркой льда, сковавшей его, не чувствовалось ни малейшего биения жизни. В полутьме небольшой дом с высоким шпилем и тяжелыми железными веками на закрытых окнах казался сказочным, замороженным.

— Подождите минутку, — сказал Юм и быстро побежал вниз по винтовой лестнице.

Итта стояла, кутаясь в меха. Ветер остро покалывал лицо иголочками мелкого снега. Она напряженно всматривалась в темноту, и вдруг яркий свет вспыхнул

у нее под ногами — Юм зажег в доме электричество и разом поднял все металлические жалюзи. Итта стала осторожно спускаться по незнакомой лестнице.

Хотя дом уже долгое время пустовал, он совсем не походил на заброшенное жилье — благодаря своему сложному строению и воздушным каналам стены не пропускали холод. Дом, как громадный термос, поддерживал температуру, установленную здесь Юмом несколько месяцев назад. Неутомимые пылеуловители и вентиляторы очищали воздух.

— Это, Итта, комнаты, где я живу, а на втором этаже моя лаборатория. Я провел в этом доме почти всю жизнь. С тех пор, как у меня возникла идея построить Солнце, я работал тут до изнеможения, до беспамятства.

Они долго сидели в его кабинете, и Юм рассказывал, как жил здесь, как работал. Потом он повел Итту в лабораторию и показал ей все устройства и аппараты. Стены лаборатории были увешаны огромными картами неба и земного рельефа с какими-то сложными пометками.

Несколько дней они осматривали окрестности, обдумывая детали своего плана. Поблизости не было солнечных рефлекторов, и лишь на горизонте они местами посверкивали, как отблески пожара. Поэтому здесь, в горах, было холоднее, чем в городе, и почти совсем темно.

* * *

Юм остался один. Еще вечером Итта полетела в соседний город, где должен был состояться большой концерт. В этих местах она имела грандиозный успех. Задолго до появления Итты о ней слышали, много го-

ворили и, если бы не принятые Советом меры — безусловно, с большой охотой настраивали бы радиоприемники на волны ее концертов, долетавшие с обратной стороны Земли. Но Совет останавливал волны, и далеко они не распространялись. Вот почему с таким волнением, с удвоенным интересом тысячами сходились теперь земляне на ее концерты и жадно ловили своими радио красочные волны.

Юм был один. Среди высоких гор, где они поселились, он продолжал свою работу. В глубоких расщелинах просверливал скважины, доставал из самых недр земли какие-то маленькие комочки и бережно относил их в лабораторию. Там он долгие вечера просиживал над ними. Исследуя их состав в поисках способа высвободить атомную энергию, Юм проводил затем сложные опыты. Некоторые комочки превращались в пар и исчезали, оставляя несколько калорий тепла. Другие зажигались бледным светом. Юм с досадой отбрасывал их и искал... искал.

Сегодня он нашел залежи новой породы, которые давно уже разыскивал. Осторожно спрятал драгоценные комочки и направился к дому.

...А к тому месту, где он каждый день упорно работал, украдкой подобрался кто-то и начал шарить вокруг. Нащупав в полутемной расщелине новую скважину, неизвестный раздраженно выругался: с ума сошел этот Юм, что ли? Без толку сверлит ежедневно какие-то дырки — может, там, в земле, ищет солнце? И как бы подсмотреть, что он потом делает в своем кабинете?..

* * *

Итта возвращалась с концерта, внимательно управляя своим маленьким аэро. У нее были прекрасные изве-

ствия для Юма. Сегодня в городе, где она играла, ее встретила ликующая толпа. Они кричали ей о новой радости, о любви к Земле и новом Солнце, все время о Солнце. Ее на руках сняли с аэро и внесли в зал. Никогда еще Итта не играла с таким подъемом... Она вложила столько бодрости в мелодии ароматов и красок, что сама под влиянием их радовалась, смеялась и была счастлива, как дитя. Скорее бы к Юму...

Но что это? Прямо под окном лаборатории притаился чей-то защитного цвета аэро. Кто-то осторожно заглядывает в комнату. Юм, должно быть, весь ушел в работу... Жаль, что ее аэро летит так высоко. Резко вниз — поздно. Увидел и исчез.

* * *

Ченку надоело делать вид, будто он не замечает недоверчивые взгляды и плохо скрытую вражду. Иногда хотелось даже открыто бросить им в лицо правду, осыпать всех проклятиями и остаться в одиночестве. В одиночестве... Окруженный бесчисленным множеством врагов, без помощи, без всякой поддержки, он вряд ли сумеет довести свое дело до конца...

Последние несколько дней он пытался выгадать время, чтобы побыть одному и проверить свои достижения. Для опыта нужно было изготовить совсем маленькую ракету. Это можно было сделать на ручных станках в мастерских. Станки такой конструкции способны были менять силу давления, сверлить, резать, паять, клепать — словом, делать что угодно под умелой рукой мастера. Ченк не мог самостоятельно изготовить подобную ракету: это извлекло бы на него подозрения. Нужно кого-то подыскать... Он тормозит все дело...

Тут он вспомнил — мастерскими заведует Ван, старик-механик, который всегда так ласково улыбался ему. Со дня катастрофы Ченк его не видел.

— Здравствуй, Ван! Летим на тот свет, что ли?

— Может, кто и полетит. А мне лететь некуда.

— Что так?

Ван сурово взглянул на него.

— Мой сын убил себя, разве не знаешь? Странно! Девушка, любившая сына, рассказывала мне, что вы с Юмом слышали их последний разговор на концерте ароматов. Она даже винит вас в том, что вы не остановили его...

Ченк хотел было возразить, что юноша находился тогда в хорошем настроении, но острый взгляд старого Вана заставил его промолчать.

— Я останусь с ним здесь.

— Послушай, Ван, — тихо сказал Ченк, — я тоже останусь.

— Ты?

— Да. Мы создадим новое Солнце и останемся на Земле.

— Опять ты за старое, Ченк! Брось уже, — горько усмехнулся Ван. — И тебе спокойнее, и нам лучше. По крайней мере, нечего будет беспокоиться за жизнь близких. И... кто поверит тебе теперь, раз ты трудишься здесь на благо Совета?

— Ты ошибаешься, Ван. Хотя я и работаю на заводе — я все же против Совета.

И Ченк рассказал донельзя удивленному Вану, с какой целью вернулся на завод.

Ченк не ошибся. У Вана осталось в жизни единственное желание — сделать так, чтобы смерть его сына не была напрасна. Лучшего соратника он не мог бы найти.

После этого разговора Ченк ежедневно заходил в мастерскую, где умелые руки Вана трудились над маленькой моделью ракеты. Ночи напролет Ченк просиживал в своем кабинете, заканчивая чертежи тех незначительных изменений в конструкции носа ракеты, которые должны были решить дело. Ракете предстояло глубоко врезаться в твердую массу и там взорваться. Такое задание поставил перед ним Юм.

Как-то под вечер в кабинет Ченка зашел Ван и с волнением сообщил, что ракетка готова. Вместе они вышли и сели в небольшой аэро.

А через несколько минут Ченк стоял у аппарата и посылал изолированную радиоволну Юму, который жадно вслушивался в каждый звук.

— Модель изготовлена. Испытана. Отправляю. Готовлю тысячу. Вскоре перешлю.

* * *

Юм ходил по комнате, то и дело поглядывая на дверь. Вошла Итта. С неудержимой радостью он бросился ей навстречу, схватил за обе руки, побежал к столу. Там, на грубом стекле, сияла ослепительной искоркой крошечная пылинка.

— Я нашел, Итта, — наконец смог произнести он.

Итта не сводила глаз с искорки.

— Скорей бы!

Юм понял — она хотела, чтобы Солнце угасло быстрее; тогда они зажгут новое — оно уже у них в руках. Не где-то в формулах, на бумаге — нет, здесь, перед ней, сияла маленькая пылинка нового Солнца!

Несколько минут спустя он уже спокойнее рассказывал:

— У меня есть еще одна радостная новость. Ченк, как мы договаривались, отправил нам модель ракеты.

Только что я нашел ее с помощью устройства радиоуправления, она уже в нашей зоне, и я сам руковожу ее полетом. Ченк довел ее только до барьера, поставленного Советом. Я перехватил ее, и теперь она — наша. Через несколько часов мы сможем, наконец, провести последнее испытание. Хотя после этой искорки оно меня не страшит. А что у тебя?

Итта коротко рассказала о концерте и вспомнила, что, подлетая, видела кого-то у дома.

— За нами следят! Вот болваны! — захохотал Юм. — Хотел бы я, чтобы сегодня ночью, когда мы будем проводить наш эксперимент со скалой, они увидели все.

— Я убеждена, что увидят.

* * *

*И пал огонь: расцвел
и вспыхнул — воды закипели.*

П. Тычина

ал высшей мысли... Снова тайное заседание. Узкий круг собравшихся с нетерпением ждет Хронса. Что удалось ему увидеть? Какие известия привезет он сегодня?

Когда Хронс наконец вошел, все вскочили с мест и бросились к нему.

— Что? Что?

Хронс начал рассказывать. Как всегда, он старался подчеркнуть свою роль. Смотрите, — словно говорил он, — какой из меня вышел замечательный шпион! Но на сей раз ему действительно было чем гордиться.

Он побывал там, где среди высоких гор Юм и Итта занимались своей удивительной работой. Он рассказывал о концертных успехах Итты, о бодрости и радости,

овладевших противоположным полушарием. Говорил о непостижимых опытах Юма, смысл которых ему, Хронсу, удалось разгадать.

Он сутками следил, не спал много ночей. И однажды...

— Подлетев снаружи к окну лаборатории Юма, я увидел на столе какую-то маленькую яркую пылинку. Юм, как безумный, носился по комнате и ерошил волосы. «Солнце! Солнце!» — шептал он. В тот день я неотступно следил за ними. К вечеру Итта вышла из дома и долго внимательно прислушивалась. Вдруг весело засмеялась и крикнула: «Юм, быстрее! Она летит!» Я увидел маленький блестящий предмет, похожий на наши ракеты, который послушно спускался вниз. Он прикрепился к шпилью на крыше, и те двое наперегонки помчались по винтовой лестнице на небольшую площадку. Я успел хорошо разглядеть предмет — да, это была маленькая ракета, вполне напоминавшая наши, только нос у нее был иной, с каким-то причудливым приспособлением на конце, похожим на винт.

— Гм... — пробормотал Председатель, — удивительно! Нос, говорите?

Кто-то воскликнул:

— Говорю вам, здесь безусловно замешан Ченк.

— Ну конечно. Он ведь и у наших ракет теперь меняет носы.

— Что такое? — удивился Хронс.

— Об этом после. Продолжайте, — прекратил разговоры Председатель.

— Освещая себе путь фонариками, они прошли по хорошо знакомой им тропинке (сколько раз они проходили там? я прямо утомился) к замерзшему горному озеру. В одном месте скала острым углом низко нави-

Ракета взорвалась, и скала над озером засияла, как солнце.

сает над льдом. Тихо посоветовавшись о чем-то (я не расслышал, потому что отошел подальше от озера: кто мог знать, что они собираются делать?), они встали напротив этой скалы. Затем Юм настроил устройство радио-управления, и ракета, отделившись от шпилья, молнией пронеслась надо мной, с силой ударилась о скалу и — взорвалась. И тогда... — Хронс помедлил, переводя дух, — скала над озером засияла, как маленькое солнце, но такое ослепительное, что всем пришлось закрыть глаза руками.

«Победа!» — закричал Юм. Однако удар ракеты сдвинул скалу. Внезапно она закачалась и с шипением и грохотом упала в озеро. Лед быстро растаял, а над озером поднялось облако легкого пара.

Хронс закончил.

— Что же это было?

— Я полагаю, что они нашли способ растапливать камни.

— Уверен, они хотят зажечь и уничтожить Землю. Вспомните, не Ченк ли говорил здесь когда-то, что смерть, дескать, лучше того плена, каким грозит землянам перелет?

— А вы не слышали, Хронс — они еще упоминают имя Ченка? Или же он все-таки порвал с ними? — спросил Председатель.

— О нет! Ченка они поминают на каждом слове. Он, без сомнения, с ними заодно!

— Тогда единственное, что мы можем сделать, это сейчас же вызвать сюда Ченка. Пускай он объяснится.

И Председатель соединился с заводом.

— Передайте Ченку, чтобы он немедленно приехал во Дворец мудрых решений. Его ждут. Что вы сказали?

Улетел?! Куда? Как? Захватил с собой тысячу новых ракет? На восток?

Некоторые советники вскочили с мест и стали испуганно спрашивать друг друга: «Что такое? Кто?»

Председатель побледнел и тяжело опустился в кресло.

— Он бежал от нас... Мы сами виноваты.

К нему подскочил Хронс.

— Мы быстро поймаем его. Это глупость! Я знаю направление. Сейчас нащупаю его... По моему мнению, Ченка нам придется просто убить, а ракеты вернуть назад.

— Постойте, сперва найдите, а потом решим, что делать.

Хронс закрыл глаза и всю силу мыслей и воли сосредоточил на одном — найти в безграничном пространстве точку, откуда излучалась умственная энергия Ченка.

— Нашел! — вдруг радостно воскликнул он и пояснил: — Юго-восток, пять тысяч метров над землей.

Все остальные также закрыли глаза, стиснули руками виски и с нечеловеческим напряжением направили волю и мысль в далекие просторы.

— Ченк, ты утрачиваешь волю! Ченк, ты лишаешься разума! — размеренно скандируя, произнес Председатель.

* * *

Близятся мощные силы:

Мрак... Ужас...

П. Тычина

Ченк летел в своем аэро на высоте пяти тысяч метров, а за ним серебристым облаком неслась тысяча ракет.

Далеко внизу кое-где посверкивали солнечные рефлекторы, и желтоватое пламя вставало в небе над большими городами. Ченк с волнением размышлял:

«Уже близится граница воздействия Совета. Еще несколько сотен километров. Бедный Ван! Он сделал все, чтобы помочь нам! И так мечтал полететь вместе со мной, увидеть, как загорится новое Солнце. Но на всякий случай он должен был остаться. Теперь я могу быть спокоен, меня не заметили, и вскоре я буду недоступен для Совета...»

Ченк хотел сообщить Юму, что уже он близко, но вскоре, наладив связь, почувствовал какую-то непонятную слабость в мыслях. Непокорные его воле, они вязли в мелочах, а важное, главное он никак не мог вспомнить. Хотел было напрячь волю, но и она почти не подчинялась. Нервные спазмы сжимали горло.

«Юм, я погибаю! Они убивают меня!» — собрав последние силы, успел напряженно подумать Ченк и в беспамятстве упал на зыбкий пол аэро. Спазмы железными когтями впивались в горло, сердце постепенно останавливалось...

* * *

А на востоке мечами блещет гнев!..

П. Тычина

Итта подошла к Юму и тихо положила ему руку на плечо.

— Юм, ты спишь? Бедный, так устал, — и она тихо села рядом на диване.

Ее мысли замкнулись в привычный круг — Солнце, ракеты, Ченк. Ченк... что-то ударило по нервам.

— Юм! — громко вскрикнула она. — Юм, с Ченком беда! Я услышала его мысль: «Погибаю, они убивают меня». Он кричит, просит спасти его, слышишь?!

Юм тотчас вскочил.

— Спаси! Ты же знаешь, Итта, — наша воля бес-
сильна против коллективной воли Комитета, а может,
и не одного только Комитета, но и всего южного по-
лушария. Но у нас есть сторонники. Надо объединить
их волю.

Итта спокойной походкой пересекла комнату и в
укромном уголке кабинета села перед небольшим ап-
паратом. Привычным усилием сосредоточила все мыс-
ли, сконцентрировала всю энергию на одном — пробудить
в умах приверженцев волю к борьбе за жизнь
Ченка, за судьбу тысячи ракет, что спасут Землю.

Стальное, непреклонное выражение медленно ис-
чезало из ее глаз, и несколько секунд спустя она уже
вздыхнула полной грудью.

— Знаешь, Юм, я даже не ожидала такой едино-
душной многомиллионной поддержки. Мне кажется,
что не только у нас, не только на этом полушарии от-
кликнулись на мой внезапный призыв. Показалось,
будто издалека, с враждебного юга, нахлынули друже-
ственные волны.

И через несколько минут в безграничных просторах
завязалось сражение: там боролись две воли.

Одна из них с жестким, непоколебимым упорством
требовала гибели разума, свободы и жизни одного че-
ловеческого существа, в тот миг державшего в своих
руках судьбу целой Земли, судьбу нового Солнца и всех
землян. Покорная ее приказу, жизнь отступала от сла-
бого тела. Смерть овладевала им...

Вторая воля несла жизнь, вливала бодрость, разби-
вала могучим напором вражеские ряды.

Долго боролись в смертельной схватке две напря-
женные коллективные силы.

И наконец...

В Зале высшей мысли строгий и хмурый Хронс вдруг как-то криво усмехнулся.

— Собратья! Может, позволим Ченку жить? Может, действительно лучше остаться здесь, на Земле? Пускай попробуют...

Некоторые тоже улыбнулись, слушая его. Усталая воля не выдержала напряжения. Советники покрепче озабоченно воскликнули:

— Берегитесь! Нас одолевают!

Но было поздно. Первая волна слабости охватила всех, и советники были не в силах восстановить утраченную ими упорную концентрацию.

...Где-то в далеких просторах Ченк облегченно вздохнул. Угроза миновала. И вновь твердая рука уверенно повела аппарат на восток, к освобождению, к новому Солнцу.

* * *

— Ну а теперь, Ченк, ты обо всем нам расскажешь, — сказал Юм, опускаясь в мягкое кресло, когда на следующее утро Ченк, отдохнув от пережитых волнений, как всегда спокойный и энергичный, вошел в его кабинет.

— Да, борьба идет упорная, и я могу рассказать вам много интересного. Солнечный совет вместе с Комитетом препятствуют, как только могут — отбирают право высказывания у наших агитаторов, принудительно изменяют направление их мыслей... Как видите, они сражаются всеми запрещенными нашим Великим договором способами. Да, они творят немало позорного, но пока что на нашей стороне меньшинство, и мы вынуждены терпеть, молчать и таиться.

Далее Ченк поведал, что ряды сторонников непрерывно растут. Важную роль сыграли концерты Итты, волны которых все же доходили до землян, несмотря на бесчисленные препятствия. Их жадно ловили, напряженно слушали. Все это создавало болезненные настроения, работа на заводах замедлилась, земляне растерянно искали выхода. Совету нелегко было управлять такой дезорганизованной массой. Работники мало-помалу утрачивали веру в осмысленность своего труда, и это усугубляло тревожные настроения. В последнее время, буквально всякий раз, когда земляне сменялись у машин, Совет распространял повсюду принудительные волны энергии, веры и желания трудиться.

— Сплошь и рядом можно сейчас увидеть следующую картину: работнику пора идти на смену, но под влиянием агитации ваших, Итта, концертов, он не находит в себе энергии стать к машине. В это время поступают принудительные волны Совета, и у работника начинается тяжкая внутренняя борьба воли. Иногда, обессиленный, он остается дома и тяжело болеет. И это не единичные случаи. А с тех пор, как Комитет объявил окончательный план и выработал порядок перелета, наших сторонников стало еще больше.

— Так что же, в этом плане имеются какие-то изменения по сравнению с тем, что нам известно? — спросила Итта.

Ченк кратко пересказал им последний план Комитета.

В назначенный час все должны собраться у ракет, взяв с собой минимальное количество вещей. В каждую ракету будет загружено определенное число герметично закрывающихся стеклянных ящиков, из кото-

рых выкачают воздух. Эти устройства предназначены для анабиоза. Совет называет их «камерами», а среди рядовых землян кто-то бросил словечко «гробы», и теперь оно широко распространилось. Землю разделят на многочисленные районы, и жителей каждого из них будут по очереди замораживать в «гробах» и крупными партиями немедленно отправлять на чужую планету.

В каждой ракете останутся на вахте, не в состоянии анабиоза, двое-трое землян. Через год, медленно нагрев камеры, они должны будут разбудить нескольких своих спутников, а сами займут их места. Таким образом, все земляне достигнут другой планеты, не постарев; к тому же, в каждой ракете будет кому разбудить остальных по окончании путешествия.

— Погоди, — перебил Юм. — Для нас важнее всего, когда именно должны вылететь эти ракеты.

— В извещении сказано так: первая партия вылетит через полчаса после того, как погаснет Солнце. Анабиоз требует пяти часов — следовательно, первая партия будет заморожена еще до угасания Солнца.

— Значит, их мы, скорее всего, не успеем спасти, — с грустью сказала Итта. — А сколько землян включает каждая партия?

— Миллион. Неужели здесь, у вас этого не знают?

— Может, уже знают. Но мы с Юмом в последние дни так заняты работой, что не имеем даже времени прослушать последние новости.

Затем Ченк подробно остановился на маршруте перелета. Низко склонившись над большой картой, все трое внимательно рассматривали путь, по которому в последний раз должны были пролететь земляне.

— Предполагается, — объяснял Ченк, — что в пути может возникнуть необходимость где-то остановиться.

Для этого избран Сатурн. Маленькие луны, недавно образовавшиеся из его прежнего круга, еще не остыли; кружась вокруг материнской планеты — Сатурна, они на некоторое время смогут заменить бедным землянам утраченную Землю.

— Вот видите, — взволнованно вставил Юм, — как близки наши идеи!

— Близки, и вместе с тем бесконечно далеки, — тихо добавила Итта.

— Что тут скажешь, — продолжал Ченк, — они также пытаются сделать свой план по возможности привлекательным, убедительным. Они считают, что в путешествии землян может подстерегать немало неожиданностей, не исключено, даже катастрофических. Какими бы опытными и уверенными в себе ни были их астрономы, все же внезапною смену космических условий, какой-нибудь великан-метеорит они предугадать не в состоянии, а это может погубить все дело. Чтобы предотвратить это, они оборудовали ракеты устройствами, позволяющими изменять направление и скорость полета; вдобавок, теперь решено связать их на время путешествия радиоволнами. Поэтому действовать они будут абсолютно согласованно.

— Не понимаю, — резко сказала Итта, — просто не понимаю, как, имея перед собой два предложения — наше и Совета — земляне еще могут колебаться? Но все же я глубоко убеждена, что первый же луч нашего Солнца обеспечит нам полную победу.

* * *

Тысяча блестящих ракет стояли наготове в боевом порядке. Ченк в последний раз обходил их длинную шеренгу. Все было готово. Каждая ракета несла заряд та-

инственного вещества, которое должно было, разложив атомы, воплотить в жизнь «фантастический» проект.

Заботливые руки Ченка поверяли сложные механизмы. Каждый винтик, каждое колесико работали с математической точностью. Нет, ошибки быть не могло! Только бы Совет не опередил...

Ченк в последний раз оглядел свое творение. Отлитые из ценных твердых металлов, вооруженные защитными панцирями, предохраняющими от трения и нагревания, 1000 сигаровидных ракет ожидали приказа к взлету.

Юм и Итта склонились над огромной картой звездного неба. Карандаш Юма бродил между названиями звезд, порой останавливался, чтобы подчеркнуть какое-либо из них, и снова продолжал свой путь. На листке бумаги с расчетами, лежавшем рядом, несколько цифр были подчеркнуты красным.

Карандаш вдруг прервал свой запутанный путь, и между созвездиями Большой Медведицы и Полярной звездой уверенная рука поставила точку.

— Это направление — цель, — сказал Юм. — Здесь она будет через 38 часов. За полчаса до этого нужно пустить ракеты, тогда в данной точке они встретятся с нею.

Он увидел Ченка и твердо, подчеркивая слова, сказал:

— Маршрут вычислен, направление установлено точно. Юго-запад, 35° , под углом $77^\circ 2 \text{ сек.}$ к горизонту, через 30 минут.

Больше не было произнесено ни единого слова. Ченк и Юм вышли из лаборатории, а Итта осталась у аппарата, чтобы принимать известия с другого полушария. Новости сообщал Ван. И новости эти были тре-

вожными. Совет упорно продолжал работу. Каждый район Земли был снабжен необходимым количеством ракет. Они также стояли наготове в полном порядке. Было уже известно, когда всем землянам предстоит занять места в ракетах. Времени оставалось мало. Скорее, скорее...

* * *

*Завеса черно-сизая
полнеба молча объяла.
Земля оделась тенью...*

*П. Тычина
Напеваем,
звонами встречаем
День!
День!
П. Тычина*

Комитет мудрых решений назначил час, когда должна была собраться для анабиоза первая партия землян. Беспокойные, взволнованные толпы сновали по улицам, и какая-то неуверенность ощущалась в последних приказах. Когда агенты сообщили, что полный комплект землян для первой партии вряд ли удастся собрать, Комитет известил, что в первую группу приглашаются добровольцы, чей мужественный пример пробудит в землянах чувство долга и дисциплины. Комитет больше всего тревожил заметный рост веры в новое Солнце. О нем толковали теперь везде, его обсуждали открыто и настойчиво. Председатель Комитета буквально не выходил из Дворца и говорил, говорил, говорил... Бесчисленные маленькие волны разносили его слова по миру. Но от надоевших слов отмахивались, их почти никто не слушал. Это были избитые слова все о том же: долг, спокойствие, дисциплина.

Близился последний день. Комитет связался с вражеским полушарием и договорился, что в эти заключительные дни будут сняты барьеры воздействия воли, мешавшие Комитету агитировать (теперь уже приказывать), управлять анабиозом, подготовкой к отлету и так далее. Это решение было весьма на руку Юму, который тоже искал возможности сказать всему миру, что его Солнце победило.

И вот спешно, опережая друг друга, зазвучали приказы, призывы, предписания.

В своих громких, возвышенно-бодрых бюллетенях Комитет извещал, что через несколько часов первую партию начнут готовить к отлету. Постоянные сообщения о ходе этого сложного процесса позволят всему миру следить за первым отважным шагом. В первой партии должны были лететь несколько членов Комитета; с них и начнется анабиоз и прочие приготовления.

Мрачные и суровые, слетались земляне к огромному ракетодрому. В основном это были только зрители — немногие решились лететь первыми. Аэрокресла собирались в воздухе небольшими группами, и обеспокоенные земляне вполголоса обменивались впечатлениями.

— Смотрите, эта длинная шеренга улетающих похожа на какую-то жалкую процессию, и мы, провожая их, тоже невесело выглядим.

— Что же тут удивительного? Поглядите на небо: в такую жуткую бездну от хорошей, как говорили когда-то, жизни не полетишь.

Некоторые машинально посмотрели на небо. Оно было темным, почти черным. Одинокие звезды, светившие собственным светом, мерцали вдалеке и печально щурили глаза. Солнце умерло, и только в ги-

гантские телескопы иногда еще можно было увидеть, как сквозь плотную завесу густого тумана пробивается свет редких взрывов солнечных кратеров. А невооруженному глазу Солнце виделось теперь как чуть заметное, огромное, желтоватое пятно, тускло освещенное мириадами звезд Млечного Пути. Солнце покорно отражало их свет. С болью склоняли головы приговоренные земляне.

Где-то далеко, в тайных закоулках разума, все еще теплилась слабая надежда — найти другой выход, спастись как-то иначе — и невольно снова и снова возвращалась мысль — Новое Солнце! И почему сейчас, именно сейчас о нем нет никаких известий?

И словно в ответ на эти беззвучные вопросы прозвучала бодрая весть.

— Слушайте, слушайте! Несколько часов назад мы послали ракеты к Новому Солнцу. Они зажгут его и дадут вам яркий солнечный свет. Не покидайте Землю! Через четыре часа загорится наше Солнце!

— Слышите? — робко спрашивали друг друга.

— Да! Нельзя лететь, пока не убедимся.

— Четыре часа можно подождать.

Так говорили вокруг. Члены Комитета хорошо понимали опасность этих разговоров — абсолютный подрыв дисциплины, проявление полного недоверия к Комитету. С этим необходимо бороться, прекратить решительно, сразу.

— Земляне, — твердили советники. — Не станем слушать троих безумцев, которые обманывают и смеются над вами в последние ваши часы на Земле. Если бы они действительно могли создать свое призрачное Солнце, то почему не сделали этого вовремя? Для чего нам ждать четыре бесполезных часа? Мы предлагаем решительно и настойчиво продолжать начатое дело.

Вера в детские сказки позорна для нашей высокой культуры. Вычисления наших астрономов точны — пора в путь!

Советники с возмущением увещевали землян. Но решительное, единодушное: «Нет, подождем четыре часа» — было им ответом.

Комитет, несмотря на несогласие масс, решил продолжать дело. Часть приверженцев Комитета во главе с пятью советниками торжественно и степенно проследовали к стеклянным «гробам» и спокойно улеглись в них. Ученые засуетились вокруг.

Через некоторое время мимо взволнованной толпы пронесли первый «гроб», где, покрытое темной тканью, лежало в анабиозе замороженное тело первого советника. Земляне молча, мрачно расступились.

— Суждено ему когда-нибудь ожить? — тихо спросил кто-то.

Печально стояла молчаливая толпа, а мимо один за другим проносили ящики с замороженными, и складывали их в ракеты.

Внезапно — громкий крик:

— Глядите! Метеор!

— Где?

— Да, да! Вот еще!

— Нет, это не метеор! Они держатся [в] одном месте.

— Сколько их?! Смотрите!

К Председателю Комитета подошел Ван. Лицо его сияло неудержимой радостью.

— Нет, это не метеор. Вы знаете это, правда, уважаемый советник?

Тот резко обернулся было к Вану, но снова молча перевел взгляд на небо, где с каждой минутой увеличивалась в размерах новая гигантская звезда.

— Видите, земляне, — крикнул Ван, поворачиваясь к толпе, — видите — запылало Новое Солнце! Наши ракеты достигли цели и мощным ударом, разложив атомы Луны, пробудили его к жизни!

В темном небе близко и ярко пылало вожделенное Новое Солнце. Далеко отступил Млечный Путь, погасли звезды, испугавшись слепящего света. Земляне стояли, словно замороженные, не в силах сказать ни слова. Удивленно глядели они на знакомые лица, такие чужие в этом новом, неведомом свете. Большие глаза щурились и не могли толком разглядеть, что творится вокруг.

Затем кто-то тихо сказал:

— А вот, видите, старое Солнце.

— Теперь оно будет нам вместо Луны, а Луна станет Солнцем!

— Прекрасно!

И впрямь, старое Солнце, отражая блеск яркой Луны, само зажглось тусклым желтоватым светом. Оно стало для Земли новой Луной.

Остававшиеся у ракет могли нажать рычаги, и миллион землян покинул бы солнечную торжествующую Землю.

— Нет, это не должно случиться! Спасем их! — кричали вокруг — и рычаги остались недвижны.

В порыве радости никто и не заметил, что одна ракета все же снялась с земли и темной птицей взметнулась в воздух. Непривычные к яркому свету глаза с трудом узнали в ней ракету Комитета. Участники его с глубокой безнадежностью покидали Землю, уходя в неизведанные пространства, ибо свет Нового Солнца был для них хуже смерти — то было их полное поражение.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ЛУННАЯ БОМБА

Научно-фантастический рассказ

Журнал «Всемирный следопыт», № 12, 1926 г.

Рисунки худ. С. Лодыгина.

Научно-фантастический рассказ инж. А. Платонова.

I. Проект Крейцкопфа.

Сын шахтера инженер Петер Крейцкопф в столице своей страны был в первый раз. Вихрь автомобилей и грохот надземных железных дорог приводили его в восторг. Город, должно быть, населен почти одними механиками! Но заводов было не видно — Крейцкопф сидел на лавочке центрального парка, а заводы стояли на болотах окраин, на полях сброса канализационных вод, за аэродромами мировых воздушных путей.

Крейцкопф был молод и совсем не имел денег; он серьезно поссорился с администрацией копеек, желавшей добывать деньги из одного сжатого воздуха, посягавший на своевольничал в своей копеечке, был отдан под суд, уволен и приехал в столицу.

Поезд пришел рано, но этот странный город был уже бодр; он никогда не просыпался, потому что и не ложился спать. Его жизнью было равномерно ускоренное движение. Город не имел никакой связи с природой: это был бетонно-металлический оазис, замкнутый

в себе, совершенно изолированный и одинокий в пучине мира.

Роскошный театр из смуглого матового камня привлек взор Крейцкопфа. Театр был так велик, что мог быть стоянкой воздушных кораблей.

Горе раскололо сердце Петеру Крейцкопфу: его молодая, когда-то влюбленная в него жена Эрна осталась в Карбоморте, угольном городе, откуда Петер приехал. Петер предостерегал ее: «Не стоит расходиться, Эрна. Мы жили с тобой семь лет. Дальше будет легче. Я поеду в центр и приступлю к постройке «лунной бомбы» — мне дадут денег, наверное, дадут».

Но Эрне надоели обещания, надоел угольный туман копей, узкая жизнь Карбоморта и одинаковые рожи бессменного технического персонала, особенно две личности друзей Петера — узких специалистов, сознательно считавших себя атомами человеческого знания. Самый высокий разговор, слышанный Эрной, это слова сослуживца Мерца: «Мы живем для того, чтобы знать».

— А того и не знаете, — ответила тогда Эрна, — что люди живут не для того, чтобы знать.

Петер понимал и Эрну, и своих друзей, а его-то они не особенно понимали. Аристократка, дочь крупного углепромышленника, получившая образование в Сорбонне, Эрна ненавидела друзей Петера — мастеров, электромонтеров и изобретателей, просиживавших в ее гостиной с Петером в ненужных спорах до полуночи.

Крейцкопф знал, что у него мало общего с Эрной: он, полу-самоучка, инженер по призванию, и она, овладевшая последними «цветами культуры», ему недоступными.

И Эрна ушла в свой круг людей.

Крейцкопф тосковал, он не знал, что ему делать одному среди множества людей.

От всеобщей занятости, электрических реклам, запаха отработанных газов и рева бушевавших машин тоска Крейцкопфа удесятирилась. Он вспомнил прошедшие годы своей жизни, полные труда, доверия к людям, технического творчества и преданности любимой жене. И вот все истреблено неясными стихиями: люди обманули и предали его, труд был не нужен для них, жена полюбила другого и возненавидела его, творчество привело его к одиночеству и нищете.

— Неужели нет спасения? Смерть? Нет, пусть меня раздавит неодолимое, или я одолею все видимое и невидимое!

Крейцкопф встал, утерся грязным платком и пошел в Научно-Технический Комитет Республики. Он не верил в пользу зеленых письменных столов, знал иронию, спрятанную в ящиках канцелярий, и глухое невежество профессоров. Но податься было некуда.

Его принял председатель Комитета инженер-путеец. Крейцкопф изложил свое предложение, иллюстрируя его графическими материалами.

Предложение касалось «лунной бомбы» — некоего транспортного орудия, способного перемещаться во всякой газовой среде: в атмосфере и вне атмосферы. Металлический шар, начиненный полезным грузом, укреплялся на диске, стационарно установленном на земле. Шар закреплялся на периферии диска, сам диск имел либо горизонтальное земной поверхности положение, либо наклоненное, либо вертикальное, в зависимости от того, куда посылался снаряд: на земную станцию или на другую планету.

Диску давалось достаточное для достижения снарядом станции назначения вращение; по достижении диском необходимого числа оборотов в нужном положении диска, соответствовавшем направлению линии полета, шар автоматом отцеплялся от диска и улетал по касательной к диску. Все совершалось по формуле центробежной силы, включив в нее коэффициент сопротивления среды.

Безопасный спуск снаряда на Землю (или на другую планету) обеспечивался автоматами на самом снаряде: при приближении к твердой поверхности замыкался в автомате ток, и сжигалось некоторое количество взрывчатого вещества в том же направлении, что и полет, — отдачей достигалось торможение полета, и падение превращалось в плавный безопасный спуск. Взлет снаряда также был безопасен и плавен, так как скорость кидающего диска начиналась с нуля.

Крейцкопф предложил пустить первый снаряд по такому пути, чтобы он описал кривую вокруг Луны, близ ее поверхности, и снова вернулся на Землю. В «лунной бомбе» будут установлены все необходимые аппараты, автоматически запечатлевающие в межпланетном пространстве, близ Луны, температуру, силу тяготения, общее состояние среды, строение электромагнитной сферы; наконец, киноаппараты воспримут через особые микроскопы все, что несется мимо снаряда. Конечно, в конструкции всех этих аппаратов должно быть принято во внимание мчащееся состояние «лунной бомбы».

Крейцкопф руководился тайной мыслью: народонаселения на земле много — в давке, в тесноте, у иссыхающих питательных жил земли проходят дни неповторимой жизни. Крейцкопф надеялся открыть на соседних планетах новые девственные источники пита-

ния для земной жизни, провести от этих источников рукава на земной шар и ими рассосать зло, тягость и тесноту человеческой жизни. И когда откроются безмерные недра чужого звездного дара, человек будет больше нуждаться в человеке...

— Урожай у нас ожидается хороший, — выслушав его, в раздумье сказал председатель Комитета, — промышленность налажена, идет новое строительство... Да, пожалуй, денег просить можно. Сколько у вас требуется по смете? Шестьсот тысяч? Хорошо. Только необходимо весь вопрос поставить перед Пленумом Комитета, добиться положительного заключения Пленума и тогда уже войти с представлением в правительство... Пленум Комитета у нас соберется... сегодня вторник... в пятницу. Я лично сторонник вашего предложения. В расчетах, насколько я уловил, нет ошибки. Так вы в пятницу свободны?

— Я в вашем распоряжении, — ответил Крейцкопф.

— Хорошо. Значит, до пятницы. Будьте здоровы.

— До свидания.

Крейцкопф ушел. Он не ожидал такого внимательного отношения. Да, но что делать до пятницы, три дня, и где взять еды?

Город неизменно бунтовал жизнью и делом. Был полдень и знойное лето. Крейцкопф купил дешевую газету. Начал с объявлений. «...Требуется инженер... в отъезд... в отъезд...» Нет ничего нужного. Вот: «Требуется конструктор... генераторов...» Не знает детально Крейцкопф этой отрасли. Еще: «Нужен временно шофер для испытания автомобильных моторов новых конструкций на динамику...»

Это идет: Крейцкопф имел два автомобиля (подарки жены в первый год их жизни), ездить умел отлично и любил это занятие.

Крейцкопфа приняли и дали жалованье, к его удивлению, большее, чем он получал в копиях. Предложили прийти в среду с утра на работу в гараж.

Вечер и ночь Крейцкопф просидел в парке на одном месте. Думы о прошлом терзали его.

II. Трагедия на шоссе.

Утром Крейцкопф пошел на окраину города, в гараж, на место новой службы. Гараж был открыт, но не было заведующего. Разгоралось утро. Крейцкопф курил и боролся со сном.

Наконец пришел заведующий, и Крейцкопфу дали машину: с виду похожа на тип 90-сильных «Испано-Суиза», но было в ней что-то иное: диаметр колес увеличен, и радиатор полукруглый. Мотор был запломбирован. В отдельном ящике, тоже на пломбе, стояли все нужные саморегистрирующие приборы.

Крейцкопф выехал. Машина шла мягко и тянула бешено, несмотря на не разогретый мотор. Вместо пассажиров был положен мертвый груз.

Крейцкопфу дали задание: сделать сегодня до обеда 300 километров по счетчику и возвратиться после этой дистанции.

Шоссе лежало пустым. Крейцкопф воткнул четвертую скорость, дал газ до отказа и полетел кирпичом. Таксометр показывал 104 километра. Но мотор разогревался и усиливал тягу. 118 километров... Мимо несся ветер в это тихое утро. Кругом распласталась природа. Вдалеке дымились трубы крематория*). Там гибнут останки людей.

*) Крематорий — печь для сжигания трупов умерших. Крематории имеются почти в каждом крупном европейском городе и строятся ныне в Москве и Ленинграде.

Успокоенный, забывший горе своего сердца, Крейцкопф наращивал скорость: 143 километра... Дорога безлюдна, мертво наше прошлое, а навстречу ветер, путь и восходящая стрелка измерителя скорости.

Вдруг показалась корова. Крейцкопф срулил мимо без тормоза. Дальше шел небольшой поворот, машину немного занесло от скорости. Крейцкопф выключил конус и в метре от машины заметил курчавую головку ребенка...

Крейцкопф рванул налево руль и повел ручным тормозом до отказа. Машина затряслась, запыхала вывернутая мостовая, но ребенка ударило правым фонарем, и голова его рассеклась по черепным швам. Густая кровь залила его рубашечку, неповрежденные глаза полуприкрылись длинными ресницами, и пухлые алые губы сложились бантиком, который теперь никогда не развяжется.

Крейцкопф оледенел от рвущего тело страдания, он крикнул, выпрыгнул из автомобиля и припал к трупку ребенка, терзаясь и борясь с обступившей его темнотой отчаяния. Кругом было молчаливо, мотор потух, и город вдали ровно шумел.

Крейцкопф встал, поднял на руки ребенка и положил его в автомобиль. Это был мальчик, на фуражке его было написано «Океан». Кровь запеклась и остановилась. Мальчику было лет пять.

Крейцкопф тронул машину и тихо поехал, ища глазами мать, обходя выбоинки, чтобы не трясти трупик. Но не было никого. И Крейцкопф погнал, сбросив фуражку, резко подкидывая стрелку таксометра, — слезы текли по его лицу, смешанные с пылью, грязными струями. Он рыдал, налегая грудью на руль. Трупик ребенка свалился с сиденья на пол и там шевелился от тряски, словно в конвульсиях.

Крейцкопф свернул на проселок и скоро остановил машину. У межевого столба была яма. Он слез с трупиком и положил его в готовую могилу. Личико ребенка уже сморщилось, не совсем прикрытые глаза побелели и закатились. Крейцкопф набрал воды из радиатора и обмыл его начисто, потом тихо поцеловал в чистые губы, и горячие слезы снова омыли его лицо.

— Я тебя не забуду никогда, милый, теплый ты мой... — шептал Крейцкопф, и горе горело в нем жгучим костром. Он отрезал пучок светлых волос и взял их себе вместе с шапочкой «Океан», потом засыпал могилу при помощи автомобильного инструмента. Засыпав яму, он затосковал по мальчику так, что захотел его откопать.

— Я искуплю тебя, милый, — прошептал он и пошел к машине. — Что Эрна! Тут будет теперь моя верная нежность!

Крейцкопф заметил местность могилы и поехал. Он ехал медленно, прижимая рукой к рулю круглую шапочку «Океан» с прядью тонких русских волос.

Вернувшись в гараж, Крейцкопф взял аванс под жалование и ушел в город. Он купил вечернюю газету, желая найти имя мальчика, и нашел его: «Родители умоляют... ушел из дому в 6 часов утра... звать Гога... четыре с половиной года, русский, очень ласковый, фуражечка с надписью «Океан»... свекловичное хозяйство Ромпа... директору Фемм...»

— Гога Фемм, — шептал Крейцкопф. — Но что же мне делать, ведь мать его умрет, если я сообщу, что он раздавлен!..

Пришла пятница, Крейцкопф защищал в Центральном Научно-Техническом Комитете свой проект и

защитил его. Он спорил и бился отчаянно, и мертвый мальчик стоял в его памяти.

Проект получил визу Комитета и пошел в правительство. Не раньше, чем через месяц, станет известным результат.

Крейцкопф по-прежнему обкатывал машины, убивая вечера в кино и в бесцельных шатаниях по кипящим улицам.

Раз он получил письмо от Эрны, каким-то путем узнавшей его адрес: «Петер, я вышла замуж за инженера Нимта. Мы с мужем уезжаем до Нового года в Брюссель. Хотела бы иногда тебя видеть как друга. Прошлого не изгладишь сразу. Мы будем в столице с 20 по 25 августа. Жить будем в «Майоне». Я слышала, ты не очень счастлив, служишь шофером. С твоего разрешения, я могу попросить мужа устранить препятствия, мешающие твоей карьере. Ведь ты чрезвычайно одаренный человек, я это знаю. Отвечай мне в Карбо-морт. Эрна».

Крейцкопф ничего, конечно, ей не ответил.

Шли недели. Крейцкопфа ценили на новой службе, и раз он участвовал на официальных гонках, где выиграл второй приз.

Наконец его вызвал Комитет. От правительства пришел ответ: деньги по смете будут отпущены в два года равными долями, к работам можно приступать, все результаты исследования межпланетного пути и Луны поступают в собственность правительства.

III. Катастрофа при постройке.

Крейцкопф ликовал. Он съездил на могилу мальчика, где увидел, что холм порос лебедой, что поле глухо... что сердце его обрастает салом забвения. Дорогой

он плакал и рвал сухие колосья. Однако, не имея никого из близких, не зная друга, он дал телеграмму в Брюссель: «Эрна, «бомба» будет брошена через два года, строю».

Эрна ответила: «Радуюсь, жму крепко руку».

Всю жизнь не видел Крейцкопф такой удачи. И не мог сдержать себя: он пел в своей комнате странным голосом путанные песни и ходил в пивную с шоферами.

Началась постройка. На плацдарме, открытом всему небу, бутили фундамент под электромотор в 120 тысяч лошадиных сил, под трансмиссионное устройство и под опорный подшипник — подпятник кидającego диска. Одновременно велось ответвление от ближайшей магистрали высокого напряжения для питания электродвигателя и ставился трансформатор.

Крейцкопф был вне себя от энергии, кипевшей в нем, как в паровозе. Он бы построил всю систему сооружений для развития в «лунной бомбе» летной жилой силы в полгода, но план финансирования был растянут на два года.

Самый снаряд строился Машиностроительным Трестом Монте-Монд, и его должны были закончить через пять месяцев.

Но черный случай шел вслед Крейцкопфу: при взрывных работах в котловане опорного подшипника сорок рабочих, из них пять лучших в стране специалистов, были убиты электрическим током, как констатировала особо назначенная комиссия. Но тока жизнеопасного напряжения на месте работ не было. Это точно установила техническая экспертиза. Однако сорок трупов были обернуты в грубый холст и отвезены к семьям на пяти грузовиках.

Работа остановилась. Крейцкопф молчал и не принимал никаких шагов снова наладить постройку. В

нем физически явственно разрушалось сердце. Он нечаянно умертвил рабочих. Крейцкопф раньше пробовал свой метод в копиях, правда в отсутствие людей, и горные породы превращались в тонкий прах.

Метод состоял в том, что в материю, подлежащую превращению из минералов в пыль, направлялись электромагнитные волны таких периодов и такой длины, что они совпадали с естественным колебанием электронов и атомов материи. Эти искусственные волны раскачивали, усиливали электронный пульс атомов, и атом разрывался, частью превращаясь в неизвестный неосязаемый газ, частью в легкую пудру.

Зная (теоретически точно) безвредность электромагнитных волн такой структуры для человека, Крейцкопф, ничего не говоря, пустил в действие свой аппарат в направлении котлована. И он посеял смерть среди людей.

Странно, что следователь не обнаружил в Крейцкопфе преступника: его томящееся сердце было видно на его лице и в его глазах.

Работы возобновились, но шли тихо, и Крейцкопф не торопил производителей работ. Но скоро снова вышла заминка, где Крейцкопф был ни при чем: в финансовой части работ обнаружились крупные хищения: кассир и начальник части скрылись, Крейцкопфа обвинили в административной халатности и даже по какому-то грязному доносу в соучастии.

Крейцкопф не защищался. Работы приостановили. Правительство назначило Особую Техническую Комиссию для пересмотра всего проекта, а Крейцкопф был судим и приговорен к одиночному заключению на год.

IV. Изобретатель в тюрьме.

Очутившись в серой камере, Крейцкопф опомнился. Долгие недели он лежал на койке и думал. Лето догорало, падал лист. Эрна была в Брюсселе, Гога Фемм в могиле, те сорок тоже прах. Впереди одна мертвая мечта — лунный полет.

Крейцкопф заболел какой-то кишечной болезнью. Его перевели в тюремную больницу. Неслышно, в туфлях, по опавшим листьям, ступала осень в природе.

Выздоровливая, Крейцкопф гулял по коридору на третьем этаже больницы. Коридор кончался открытым окном в тихий парк; там пели поздние птицы.

Крейцкопф подошел к раскрытому окну и долго рассматривал тающий сумеречный воздух и агонию растительного мира, потом сразу, без разбега, кинулся в окно. Его арестантская фуражка слетела с головы, а халат накрыл и его и часового, на которого упал Крейцкопф. Вонзившись в неожиданное мягкое тело, Крейцкопф захлебнулся своей кровью, хлынувшей из треснувших легких, но понял, что жив. Часовой лежал под ним мертвый, с ногами, упертыми в собственную голову, сломанный пополам в седалище.

Крейцкопфа осудили вновь за побег, за убийство часового и приговорили к восьми годам по совокупности с прежним преступлением. Крейцкопф не мог доказать, что он искал не вольной жизни, а тесной могилы.

Время стало мутным и неистощимым: шли дни, как годы, шли недели, медленно, как поколения. Крейцкопф был обречен. Он выработал искусство не думать, не чувствовать, не считать времени, не надеяться, почти не жить: стало легче на одну нитку.

Ассоциация Инженеров его страны запросила правительство о возможности досрочного освобождения Крейцкопфа для продолжения постройки «лунной бомбы». Правительство предложило подождать заключения Особой Технической Комиссии по пересмотру проекта в целом.

Лег снег. Крейцкопф разлагал в себе мозг, мертвел и дичал. Особая Комиссия закончила свои работы; проект верен, и, если бомба не встретит на пути к Луне блуждающих метеоритов, снаряд способен достичь лунной периферии и возвратиться; предвидеть же все случайности межпланетного пути абсолютно невозможно. Особая Комиссия позволила себе вынести мнение о Крейцкопфе как о человеке исключительного технического творческого дара и огромных познаний.

Правительство согласилось освободить Крейцкопфа под поручительство Ассоциации Инженеров. Страна удовлетворилась решением правительства. Все считали, что в Крейцкопфе редкий гений соединен со страшным антисоциальным существом, убийцей и темным бродягой, но что все же дать ему кончить «лунную бомбу» следует. Общественным мнением руководило не сострадание, а любопытство.

Крейцкопфа выпустили. Он долго приспособлялся и трудно вспоминал когда-то привычное.

Работы возобновились. Крейцкопф вел теперь узко-техническую, конструкторскую работу. Главным инженером было другое лицо — инженер-электрик Нимт, второй муж Эрны. Нимт вошел в доверие правительства и Ассоциации Инженеров и теперь делал карьеру на модном деле Крейцкопфа.

Крейцкопф не имел способности правильно и с тактом относиться к окружающим вещам. Он отнесся ко всем переменам равнодушно: его теперь мало интере-

совало дело лунных изысканий, он вел свою работу ровно, усердно и автоматически. В нем развилась сонливость, и он все неслужебные часы спал дома один. Одиночество после тюрьмы стало его страстью, и он тяготился людьми на службе и не бывал в городе. Нимт вел себя с ним корректно, но оставался чужим и неясным.

Эрны на постройке не было ни разу: Нимт и она жили в городе.

V. В столице металлургии.

Снаряд был наконец готов. Долго не удавалась совершенно точная установка метательного диска: диск должны были установить под некоторым углом к геометрической поверхности земного шара, и этот угол нужно было соблюсти с предельной тщательностью: угол наклона диска определял путь полета «лунной бомбы».

Весной работы были приостановлены на пять месяцев: надо было дожидаться нового бюджетного года и второй половины кредитов, ибо средства этого года были исчерпаны.

Нимт уехал с Эрной за границу, в Киссинген. Крейцкопф получил отпуск на все время до возобновления работ с сохранением содержания.

Он поехал на знаменитые электрометаллургические заводы в Стуасепте. Его интересовали опыты этих заводов по извлечению глубоких железных руд в предгорьях Алдагана.

Правление заводов дало Крейцкопфу рекомендательное письмо к главному инженеру на Алдаган, и он отправился. Ехать нужно было четыре тысячи километров. Крейцкопф поехал по железной дороге. Поезд

вел не паровоз, а газовоз, сменивший собою недолго поживший тепловоз.

Газовоз представлял собою газовый двигатель на колесах. Все нижнее ходовое устройство было как у паровоза, но в цилиндрах работал не пар, а сжатый воздух: передача энергии газогенераторного двигателя к ведущим колесам была пневматическая. Газовоз был самый дешевый транспортный двигатель; он работал на газе каменного угля, дров, торфа, соломы, сланца, бурых и малогорючих углей и на всех тлеющих отбросах, из которых только можно выгнать силовой газ.

Газовоз возил с собою на прицепе два вагона-аккумулятора, где в сильно сжатом состоянии помещался газ, которым питался двигатель газовоза. Через каждые 300 — 400 километров стояли маленькие газовые заводы, которые производили газ из местного подножного дешевого топлива. С этих заводов забирали газ газовозы, как раньше паровозы забирали воду из водонапорных баков водокачек.

Против паровоза газовоз вез дешевле в четыре раза.

Крейцкопфа заинтересовали эти быстро вошедшие в транспорт машины, и он с радостью наблюдал из окна, как бодро и мощно берут газовозы крутые подъемы без всякой потери скорости.

Уже год минул с тех пор, как Крейцкопф приехал в первый раз в столицу. Стояло новое лето. Зной гудел в полевых пространствах — тяжелый труд сельского хозяйства упорно боролся с ним за влажность трав, за сытость плотных горохов, а также за лунный полет.

Крейцкопф заметно поседел, состарился и потерял детский интерес к ненужным вещам. Он чувствовал, что идет на убыль, — еще осталось немного лет, и скроется от него жизнь, как редчайшее событие.

Гигантские масляные руны с завыванием и грохотом прорывали оболочку земли, вылетали из недр с горячим ветром, жидкие трещины, и, поджигая на сотни метров, падали на землю, слегка закрываясь... Было что-то чудовищное и неестественное в том, что из-под земли вылетела кость на 300 электрометров.

Крейцкопф хотел бы друга, задушевного негромкого разговора и простой жмущей теплоты, невнятно говорящей о родственности и сочувствии людей друг к другу. Но он жил в сумрачном сне, его уважали и его чуждались. Его считали необыкновенным — и в гениальности и в преступлении, а Крейцкопф был обычным и простым человеком. Ему были чужды и ненавистны отвлеченности и холодные вершины. Он любил горячее действие, а не вышнее созерцание.

На вторые сутки поезд вошел в страну страшных подъемов и уклонов: это были предгорья великой Алдаганской системы, поднявшейся из глубины тропического моря и исчезающей в ледяных пучинах Арктического океана.

Станция Стуасепт — и в километре от нее столица металлургии: директория железорудной промышленности, горная академия, правление электрометаллургических заводов и гидроэлектрическая силовая установка в миллион киловатт.

Крейцкопф сразу поехал на место работ по извлечению глубоких руд. Администрация работ встретила его просто и задушевно: горные инженеры имели перед собой первоклассного техника другой области практики, и только.

Известно, что добывание железной руды с трехсотметровой глубины не может экономически оправдываться, здесь же опытным путем хотели доказать иное. Электромагниты, питаемые током в сотни тысяч лошадиных сил от гидравлической установки, были направлены полюсами в подземные районы залегания железных руд.

Гигантские, массивы руды с завыванием и грохотом, похожим на громы землетрясения, прорывали оболочку земли и вылетали на дневную поверхность,

стремясь к полюсу электромагнита. В момент разрыва рудой последнего почвенного покрова особым автоматом в электромагните прерывался ток, и сам электромагнит отводился в сторону. И глыбы руды вырывались из недр с горячим ветром, накалинные трением о встречные породы, и, взлетев на сотню метров, падали на материнскую землю, слегка зарываясь.

Лебедка-самоход поднимала куски руды щипцовым ковшом, окунала в пруд для охлаждения и подвозила к конвейеру. Конвейер подавал руду к домнам.

Несмотря на огромную силу, нужную, чтобы вырвать руду из недр электромагнитом, сила эта тратилась лишь несколько мгновений, и потом электромагниты питались током, добытым из энергии падающей подпертой воды. Поэтому глубокая руда обходилась не дороже мелко залегающей руды, добываемой обычным способом. И было что-то чудовищное и неестественное в том, что из-под земли вылетал металл, скрежеща и тоскуя на пути.

Вечером Крейцкопф обедал у производителя работ по магнитной добыче руды, инженера Скорба. Пожилой спокойный человек, один из конструкторов мощных добывающих электромагнитов, Скорб имел тихий нрав и лютую работоспособность. Скорб был одинокий: его семья — жена и две дочери — утонули в весеннем паводке горной реки двадцать лет назад. Скорб потом отомстил этой реке: он построил на ней регуляционные сооружения, сделавшие невозможным никакие паводки. И с тех пор Скорб существует один, если не считать тысячу электриков, слесарей и горнорабочих, сплошных друзей Скорба.

Переночевав у Скорба, Крейцкопф уехал в столицу.

Снова зачихал газовой и забормотали колеса. Пышное лето плыло в вечном сиянии солнца.

VI. Полет «лунной бомбы».

Приехав домой, на мертвую постройку, Крейцкопф не знал, чем ему заняться: до начала работ оставалось не менее четырех месяцев. И он нечаянно занялся чтением: купил раз книжку в палатке у древней стены, пришел домой, зажег свет, открыл книгу, а там значилось:

*Я родня траве, и зверю,
И сгорающей звезде;
Твоему дыханью верю
И вечерней высоте...*

Дальше шли скучные слова, а потом опять:

*Я не мудрый, а влюбленный,
Не надеюсь, а молю.
Я теперь за все прощенный,
Я не знаю, а люблю.*

Очарование смутной мысли, мысли, смешанной с горячим и скорбным чувством, охватило всего Крейцкопфа. И он читал и читал, пока комната стала желтой от зари и электричества. Он подкупил днем еще десятка полтора книг, заинтересовываясь лишь их названиями; это были: «Путешествие в смрадном газе» Бурба, «Человек, сыпящий песок на гравий» Овражина, «Голубые дороги» Вогулова, «Зенитное время» Шотта, «Антропоморфная Революция» Зага-Заггера, «Лунный огонь» Феррента, «Антисексус» Беркмана, «Социальное зодчество» Далдон, «Тряска Смерти» Иоганна Бурса, «Толстый человек» Кермана, «Всегда ли была и будет история, и что она такое, наконец, в самом деле?» — философия Горгонда, и несколько других.

Крейцкопфа поразили книжный мир: он никогда не имел времени для чтения. И он мыл и промывал свой мозг, затесненный узким страданием, однообразным трудом и глухою тоскою. Он увидел совсем новых людей — мрачных, горячих, подвижных, ревуших страстью и восторгом, гибнущих в просторе мысли, торжествующих на квадратном метре в каменной нише в стене, ищущих праведную землю и находящих пустыню, бредущих по песку и набредающих на воду, уходящих в страны изуверов, меняющих тепло дома на ветер ночного пути...

Люди шли перед Крейцкопфом не как масса, а как странники, нищие, как бродяги, бредущие с завязанными глазами. Крейцкопф неожиданно отметил: литература не знает счастья, а самое счастье, где оно есть, лишь предсказывает близкую беду и землетрясение души.

В стране Крейцкопфа уже собирали урожай. Горела солома в топках локомотивов в полях и молотила хлеб. Падая с деревьев, и его жевали козы. Глотали ягоды змеи, и на деревьях от них трепетали птицы. Множество детей родилось от урожая, и появились хорошие писатели. Строились фабрики тонких сукон, и заготавливались на зиму впрок фрукты и овощи. Люди явно поспешали.

Настал новый бюджетный год. Управлению Строительства Лунного Полета отпустили вторую половину сметной стоимости работ.

Крейцкопф, Нимт и пятьсот строителей занялись делом.

Недели за неделями шли в истощающем труде — труде, где требовалась необычайная точность и где от каждой нитки гаечной резьбы зависело завоевание Луны.

ВСЕМИРНЫЙ СЕДЛОТЫТ

За три минуты до полуночи диску дали обороты. Вактродвижитель рванул; гигантские вентиляторы принудили через мотор щель обтекать колоссальную воздушку; масло в аппарате окислялось, леденелый струил, — и все во единой дым стоял вокруг всего сооружения. Диск грохотал, как эллипсоид... До отрыва от диска «луночной бомбы» оставалось полсекунды... Измеритель уже показывал нужное для победы число оборотов.

Кидающий диск был закончен. «Лунная бомба» давно готова. Электродвигатель, передачу и все измерители и автоматы установили. Осталось оборудовать самый снаряд всеми приборами наблюдения и фиксации.

Это пошло быстро. Строительное Управление было ликвидировано и заменено Научным Бюро Лунных Изысканий. Во главе его стал известный астрофизик, академик Лесюрен, а Нимт остался его заместителем по технической части. Крейцкопф значился по-прежнему конструктором.

Временем отлета Бюро установило 19 — 20 марта, точная астрономическая полночь. В это время Луна находилась в наивыгоднейшем для прицела положении. В полночь на 20 марта автомат отцепит снаряд от вращающегося диска, и «лунная бомба» улетит по направлению к нашему спутнику, а через 81 час возвратится вновь на землю и сядет близ города Коротанга.

Газеты в погоне за сенсацией писали о полете такие подробности, что и Лесюрен и Нимт сначала усердно помещали поправки информационных сообщений печати, а потом бросили: газеты-де вовсе не созданы для новостей и точной информации, они привычка людей, некое курево утомленного мозга.

На место отправления «лунной бомбы» съезжался «весь мир». Правительство не хотело лишних затрат и ограничилось постройкой огромного цирка вокруг сооружения.

Крейцкопф задумался. Истекло 10 марта: день полета близок. Если прибавить в «бомбу» аппараты для производства кислорода и поглощения углекислоты, то можно лететь и человеку; ведь и полет будет длиться всего 81 час.

Крейцкопф написал заявление в Научное Бюро Лунных Изысканий о своем желании лететь к Луне в «бомбе» и подробно изложил пользу дела от такого дополнения «бомбы» живым человеком.

Бюро переслало заявление Крейцкопфа правительству, то отказало. Крейцкопф написал второе заявление: «Правительством не был куплен у меня патент на изобретение «лунной бомбы», детали конструкции до сих пор известны только мне, Крейцкопфу, я не даю согласия на пуск моего изобретения в действие, да без меня практически его и не сумеют как следует пустить в ход; я, Крейцкопф, отказываюсь также от всякого денежного вознаграждения, я заменяю свое вознаграждение возможностью лететь в бомбе».

По существовавшим патентным законам этой страны Крейцкопф был совершенно прав. Он создал безвыходное положение для правительства, и оно разрешило ему сесть в «лунную бомбу».

Известие о полете Крейцкопфа в «лунной бомбе» поразило общество. Но потом решили: эффектный жест самоубийцы.

19 марта в 8 часов вечера Крейцкопф сел в «бомбу». Посадка его и укупорка всего снаряда была исполнена в мастерских, после чего снаряд сразу был подан на диск. Этим действием Крейцкопф отвел от себя снятие публики. В 10 часов весь цирк, вплоть до последних амфитеатров, был полон.

Было пышное освещение, музыка, продавали воды, квас и мороженое, дежурили таксомоторы — обычное окружение редкого события.

За три минуты до точной полуночи диску дали обороты. Электродвигатель ревел, пять гигантских вентиляторов прогоняли сквозь гудящий, греющийся мотор целые облака холодного воздуха, и воздух выле-

тал оттуда сухим, жестким и раскаленным, как смерч пустыни. Масло в аппаратах охлаждалось ледяными струями из центробежных насосов, и все же едкий дым стоял вокруг диска и всего сооружения: подшипники горелись сверх меры, масло горело во льду.

Диск, несмотря на точную установку и совершенный монтаж, грохотал, как канонада и извержение вулкана: так велико было число его оборотов. Периферия диска дымилась — она горела от трения о воздух.

Нимт холодел от ужаса: малейший отказ ничтожного автомата в этот миг повлечет неслыханную катастрофу: диск работает в окружении сотен тысяч живых зрителей...

Измеритель показывал уже нужное для полета число оборотов: 946 тысяч в минуту. До отрыва снаряда от диска оставалось полсекунды. Астрономические часы автоматически на 24 часа замкнут ток, управляющий автоматом на диске. Этот автомат освободит от диска «бомбу», и она полетит за счет живой силы, накопленной ею в бытность на диске.

Нимт закрепил регулятор числа оборотов: необходимая вычисленная скорость дана.

Сразу засияли на плацдарме солнечные прожекторы: сигнал, что «бомба» улетела. Момент отлета никто не заметил. Начальная скорость полета снаряда была непостижимо велика, и этот разлом природы техническим гением человека не поддается чувству.

Диск продолжал вращаться по инерции, уже разомкнутый Нимтом от ведущей муфты. Только через четыре часа удалось его остановить, применив всю силу мертвой хватки магнитных тормозов.

Из зрителей оглохло около пятнадцати тысяч человек, еще у десяти тысяч произошли какие-то нервные контузии: никто не ожидал увидеть в форме техниче-

ского сооружения дикую страстную стихию, ревущую как светопреставление.

VII. Вести из межпланетного пространства.

На «лунной бомбе» было установлено радио особой конструкции. По этому радио должны были получаться от Крейцкопфа ежечасные примерно (Крейцкопф не мог иметь часов) сообщения, и по волне же этого радиоаппарата можно с Земли определять межпланетное положение «бомбы».

Всю информацию от Крейцкопфа получало Бюро Лунных Изысканий в лице Лесюрена, и им же лично производились все расчеты по положению «бомбы» и осуществлялась вся слежка за ней.

Журналисты зарабатывали на экстренных выпусках и превращали деньги в пиво. Однако в первый же день после отлета одна газета дала статью о Крейцкопфе «В поисках могилы», где обрекались на гибель и «лунная бомба», и Крейцкопф.

Вот сообщения Крейцкопфа из межпланетного пространства по порядку:

«1. Нечего сообщить. Приборы показывают угольно-черное небо. Звезды неимоверной силы света. Было слабое трение снаряда обо что-то: приборы не обнаружили причину. Чувствую свободу. Читаю случайно взятую книгу «Барский двор» Андрея Новикова, интересное сочинение».

«2. Мимо «лунной бомбы» прошло много синего пламени. Причин не имею. Температура не повысилась».

«3. Полет продолжается. Никакого движения, конечно, не чувствую. Приборы, аппараты, автоматы исправны. Передайте привет Скорбу на Алдаган».

«4. На мою «бомбу» падает Луна. Мелкий болид пронесся параллельно снаряду в одном направлении. «Лунная бомба» его обогнала».

«5. «Бомба» идет резкими толчками. Странные силы скручивают ее путь, бросают по ухабам и заставляют сильно нагреваться, хотя кругом должен быть эфир».

«6. Толчки усиливаются. Я чувствую движение. Приборы звенят от тряски. Ландшафт вселенной похож на картины давно умершего художника Чурляниса — в космическом океане кричат звезды».

«7. Качка продолжается. Звезды физически гремят, несясь по своим путям. Конечно, их движение вызывает раздражение электромагнитной среды, а мой универсальный радиоприемник превращает волны в песни. Передайте, что я у источников земной поэзии: кое-кто догадывался на земле о звездных симфониях и, волнуясь, писал стихи. Скажите, что звездная песня существует физически. Еще передайте: здесь симфония, а не какофония. Поднимите возможно больше людей на межпланетных бомбах в небо — здесь страшно, тревожно и все понятно. Изобретите приемники для этого звездного звона».

«8. Полет спокоен, тряски нет. Половина пространства занята фиолетовыми лучами, льющимися, как влага. Что это, не знаю».

«9. Я обнаружил кругом электромагнитный океан».

«10. Нет никакой надежды на возвращение на Землю, лечу в синей заре. Приборы фиксируют напряжение среды в 800 тысяч вольт».

«11. Луна надвигается. Напряжение 2 миллиона вольт. Мрак».

«12. Пучина электричества. Приборы расстроились. Фантастические события. Солнце ревет, и малые коме-

ты на бегу визжат: вы ничего не видите и не слышите через слюду атмосферы».

«13. Тучи метеоров. По блеску — это металл, по электромагнитным влияниям тоже. На больших метеорах горят свечи или фонари, горят мерцающим светом. Здесь я ничего не видел дрожащего».

«14. Среда электромагнитных волн, где я нахожусь, имеет свойство возбуждать во мне мощные неудержимые бесконтрольные мысли. Я не могу справиться с этим нашептыванием. Я не владею больше своими мозгами, хотя сопротивляюсь до густого пота. Но не могу думать, что хочу и о чем хочу, — я думаю постоянно о незнакомом мне, я вспоминаю события, разрывы туч, лопающиеся солнца, — все я вспоминаю как бывшее и верное, но ничего этого не было со мной. Я думаю о двух явственных субъектах, ожидающих меня на суровом бугре, где два гнилых столба, а на них замерзшее молоко. И мне постоянно хочется пить и экономить свои консервы. Я ем по рыбке, а съесть хочу акулу. Постараюсь победить эти мысли, рождающиеся из электричества и вонзающиеся в мой мозг, как вши в спящее тело».

«15. Только что вернулся с отвесных гор, где видел мир мумий, лежащий в небрежной траве... (Сигналы не поняты. — *Примечание академика Лесюрена.*) Все ясно: Луна в ста километрах. Влияние ее на мозг ужасающее — я думаю не сам, а индуктируемый Луной. Предыдущего не считайте здоровым. Я лежу бледным телом: Луна непрерывно меня питает накаленным добела интеллектом. Мне кажется, мыслит и снаряд, и радио бормочет внятно само собой».

«16. Луна проходит мимо в сорока километрах: пустыня, мертвый минерал и платиновый сумрак. Движусь мимо медленно, не более 50 километров в час по

глазомеру».

«17. Луна имеет сотни скважин. Из скважин выходит редкий зеленый и голубой газ... Я уже овладел собой и привык».

«18. Из некоторых лунных скважин газ выходит вихрем: стихия это или разум живого существа? Разум, наверное; Луна — сплошной и чудовищный мозг».

«19. Не могу добиться причин газовых извержений; я, кажется, открою люк своей «бомбы» и выпрыгну, мне будет легче. Я слепну во тьме снаряда, мне надоело видеть разверзтую вселенную только в глазки приборов».

«20. Иду в газовых тучах лунных извержений. Тысячелетия прошли с момента моего отрыва от земного шара. Живы ли те, кому я сигнализирую эти слова, слышите ли вы меня»...» (С момента отлета Крейтцкопфа прошло 19 часов. — *Примечание академика Лесюрена.*)

«21. Луна подо мной. Моя «бомба» снижается. Скважины Луны излучают газ. Я не слышу больше звездного хода».

«22. Скажите же, скажите всем, что люди очень ошибаются. Мир не совпадает с их знанием. Видите или нет вы катастрофу на Млечном Пути: там шумит поперечный синий поток. Это не туманность и не звездное скопление...»

«23. «Бомба» снижается. Я открываю люк, чтобы найти исход себе. Прощайте».

И. ОКСТОН

МЕЖДУПЛАНЕТНЫЕ КОЛУМБЫ

Научно-фантастический рассказ конца века

Журнал «Всемирный следопыт» № 9, 1926 г

МЕЖДУПЛАНЕТНЫЕ КОЛУМБЫ

Научно-фантастический рассказ конца века **Н. Окстон.**

Рисунки худ. **С. Лодыгина.**

Вступление.

Сопровождавшиеся великими географическими открытиями океанические плаванья Колумба, Васко-де-Гамы, Магеллана, Кука, Гудзона и их соратников вместе с тем были великими историческими походами пытливейшей человеческой мысли для завоевания земного шара.

В эпоху «великих географических открытий» каждая пядь неведомой земли очень часто добывалась ценою крови, лишений и жестокой борьбы с природой.

За маленькими каравеллами Колумба, впервые переплывшими океан, в океанические воды вошли в последующие века быстроходные фрегаты морских наций, но только с изобретением и усовершенствованием паровой машины и парохода океан был покорен вполне.

Окончательно и прочно утвердившись на земном шаре, человек обратил свое внимание на соседние планеты. Плавание по междупланетному океану долгое время человеку не удавалось, и эпоха великих открытий в этом океане отделена от эпохи великих географических открытий многовековым промежутком времени. Но даже и теперь мы — лишь на пороге небесных пространств...

«Каравеллами» неба оказались эфиромобили, родившиеся от аэроплана; а в конце XX века, благодаря мощному развитию техники на почве рационального использования сил природы, мы уже имели мощные уранокорабли, бесстрашно рассекающие океан мирового пространства.

I. Несколько замечаний о соседних планетах.

Колумбы междупланетного океана водружали флаги лишь на необитаемых землях. Никто не оспаривал у пришельцев права на эти земли.

На Луне не было найдено никаких высокоорганизованных живых существ; не нашли ничего похожего и на следы человека. Никаких остатков исчезнувшей культуры, ни одного предмета, сделанного руками человека, ни одного черепа. Археологи и антропологи махнули на Луну рукой.

Но все же Луна оказалась не совсем мертвой планетой. На лунной почве, напоминающей почву самых бесплодных мест Земли, существовала своеобразная флора, биологически настолько несхожая с нашей, что ее с большой натяжкой можно было отнести к растительному царству. Луна, так сказать, целиком поступила в распоряжение геологов и ботаников.

Впрочем, эта фраза не совсем точно передает действительное положение вещей. Вообразите себе островок в океане, подверженный 360 дней в году жестоким налетам шторма, так что во все эти 360 дней никакое сообщение с островком и пребывание на нем человека невозможны. Понятно, что про такой островок нельзя сказать, что он поступил в чье-либо распоряжение... Люди, имеющие возможность посещать островок урывками, лишь пять дней в году, — вряд ли могут

считаться хозяевами островка. А Луна, лишенная атмосферной оболочки и потому не защищенная от метеорных « дождей », находится в положении такого островка.

Истинным « Новым Светом » для нас оказались Марс и Венера. Вполне естественно, что из тесных пределов перенаселенной земли человеческие потоки хлынули на эти большие необитаемые земли. Я сказал: перенаселенной. Да, это уже давало себя чувствовать. И, однако, опасения Мальтуса не оправдались. Не пришлось принимать мер для урегулирования рождений, — в новых социальных условиях свободный человек, вооруженный мощной техникой, преодолел затруднения, пугавшие наших предков, и расширение обитаемой территории за счет соседних планет нужно отнести к выдающимся победам нашей науки.

Предки наши когда-то верили в существование марсиан и венузийцев *); они даже утверждали, что у марсиан более высокая культура, чем у жителей Земли, потому лишь, что Марс в геологическом смысле старше земли. И, однако, не марсиане прилетели к нам на землю, а мы достигли Марса!.. Впрочем, вероятно, было бы наоборот, если бы... марсиане существовали. Я, конечно, не говорю о теперешних марсианах — переселенцах с Земли.

За признак существования марсиан наши предки считали так называемые « каналы Марса ». Теперь же открыты простые законы биомеханики, которые удовлетворительно объясняют не только образование кристаллов, но и происхождение каналов Марса. И мы хорошо знаем, что на Марсе обитают лишь растения и своеобразные животные регрессирующего типа.

*) *Жители Венеры.*

На Венере нас поразили леса, более грандиозные, чем бывшие силвасы Бразилии, и многочисленное животное население, среди которого есть и опасные для человека чудовища (не страшные, однако, для нас, вооруженных слишком хорошо, чтобы бояться животных), и человекообразные обезьяны, способные в эволюционном процессе выделить ветвь человекоподобных существ; но наши ученые категорически утверждают, что в солнечной системе не осталось больше времени для развития нового человеческого типа.

Итак, мы, жители Земли, — единственные люди в известной нам области солнечной системы! В старину ученый Уоллес доказывал, что человек — явление во вселенной случайное, что Земля — единственный уголок вселенной, населенный разумными существами. Современные ученые, как и многие из прежних, не рискуют опровергать возможности обитаемости других звездных систем. Если «Земля — Человек» — редчайшая во всей вселенной комбинация, то все же, во всем мировом пространстве могут быть и еще такие же комбинации.

II. Доктор Алоэс собирается лететь на Марс.

— Итак, вы сегодня отлетаете на Марс?

— Да, я командирован Медицинским Обществом для изучения появившейся среди переселенцев на Марсе странной психической болезни, угрожающей распространиться и на Земле. Ведь у нас было уже несколько случаев ее... Последний случай прямо ужасный: прибывший с Марса агроном зарубил несколько человек...

Беседовавшие между собой доктор Алоэс и его приятель, магистр химии Оппель сидели на террасе при-

городного отеля, куда они зашли подкрепиться завтраком после небольшой прогулки на воздушных мотоциклетах. Доктор Алоэс казался очень молодым для своих шестидесяти пяти лет: операция омоложения по новейшей системе норвежского ученого Альгейма имела блестящий успех.

Химик Оппель, почти одних лет с ним, выглядел совершенным стариком. Он не видел никакой необходимости удлинить свою жизнь, хотя и не проявлял торопливости умереть. На совет друзей омолодиться, Оппель обычно отговаривался, что он привык к инфра-атомному масштабу времени, и считает, что тех ста квадриллионов лет, которые ему осталось прожить, для него вполне достаточно.

— Мы просидели уже пятьдесят миллиардов лет на этом балконе. Не пора ли подумать о возвращении домой! — проговорил Оппель, смотря на часы.

— Вы неисправимый инфра-атомист, — сказал доктор Алоэс, закуривая сигару. — А вот я предпочитаю масштабы времени супра-мира, и думаю, что нам ровно ничего не стоит просидеть здесь еще полчаса по земному времени. Ведь это выйдет только одна квадриллионная часть секунды, по счету жителя супра-мира*)!

— Ваш взгляд на все с точки зрения супра-мира ужасен, — вздохнул химик. — Если Млечный Путь только молекула, Солнце — центральное ядро атома, а Земля — электрон, то что представляете из себя вы сами?

*) Существует вполне обоснованная научно гипотеза о «супра-мире» и «инфра-мире». По этой гипотезе видимая человеком звездная вселенная представляет молекулу материи высшего порядка — «супра-мира». Молекулы же осязаемого нами вещества суть вселенные, построенные из материи низшего порядка («инфра-мир»).

И не окажется ли ваша жизнь слишком ничтожной по времени, — какая-то крохотная доля секунды?! *) Стоит ли тогда омолаживаться, чтобы к этой крохотной доле секунды прибавить еще полстолька!.. Право, мне больше смысла омолодиться, чем вам: я сразу выиграю этап с сотню квадриллионов лет!

Время в этих мирах течет различно. Одна секунда нашего времени приблизительно равна двадцати миллионам лет «низшего мира». Зато целый геологический период земного шара исчисляется какой-нибудь секундой «высшего мира».

Аналогия между солнечной системой и системой атома доказывается математически.

— Не будем спорить об относительности, — возразил доктор. — А, между прочим, я думаю, что последнее изобретение Добля даст нам возможность удлинить минуту в час. В сущности простая штука; ускорение работы мозговых клеток путем воздействия на них особыми лучами. Но я боюсь, что не сумею в одну минуту выслушать тридцать больных, и практического толка от этих лучей пока не вижу.

— А я думаю, — сказал химик, — что психологическое изменение времени повлечет и соответственное изменение физических скоростей, и свою обычную двухчасовую лекцию я прочту в две минуты!

— Но, что разберут ваши слушатели в этом потоке слов, который прожужжит в ваших устах наподобие пропеллера?

— Как!.. Ведь, ясно, что и лектор и слушатели в чувственном отношении должны находиться в контакте.

*) См. об этом в отделе «Следопыт среди книг», в заметке «Мир в стеклянном шаре» (о книге А. Р. Беляева — «Голова профессора Доуэля»).

Внезапно раздавшееся жужжание привлекло внимание обоих собеседников. Большой эфиромобиль — корабль междупланетного моря — быстро проплыл в воздухе.

— Это «Уранолит», — сказал доктор. — Он вернулся с Марса. Летим на аэродром, послушаем, какие новости он привез. Кстати, не завез ли он опять больных...

Доктор и его спутник сели в свои авиэтки и полетели к пристани «Общества Междупланетных Сообщений».

III. Прилет уранокорабля.

На аэродроме доктор и его спутник застали большую толпу, собравшуюся для встречи эфиромобиля. На этот раз главное внимание присутствующих было обращено на железную клетку, в которой сидело какое-то внушительных размеров ракообразное, несколько напоминавшее японского краба. Животное медленно передвигалось по клетке и по временам угрожающе хваталось за железные прутья своими уродливыми клешнями.

— Это, друзья, марсовый человек, — сказал стоявший у клетки натуралист, только что прибывший с Марса. Слова его были обращены к доктору Алоэсу и химику Оппелю, которых он заметил в толпе.

Присутствовавшие недоверчиво косились на клетку с чудовищем.

— Ну, уж и человек! — слышался чей-то иронический возглас. — Это просто краб.

— И притом, кажется, сухопутный. Иначе, как бы он мог вынести путешествие без воды?

— Это — высшая форма живого существа на Марсе,
— продолжал натуралист. — Следовательно, этот краб
является, так сказать, человеком Марса.

— Да ведь он, наверное, глупее курицы! — сказала,
смеясь, какая-то девушка.

— И злее скорпиона, — отозвалась ее подруга,

В этот момент крабообразный марсианин издал
оглушительный протяжный свист. Публика в страхе
шарахнулась от клетки.

— Это — марсовый человек, — сказал стоявший у клетки натуралист зрителям.

— Если научить его свистать вовремя, — заметил Оппель, — то можно использовать его в качестве какого-нибудь сигнального гудка. Ведь такой свисток слышен, по крайней мере, за десять километров.

Когда клетку с курьезным крабом увезли, публика начала постепенно расходиться. Доктор погрузился в свои размышления и почти не заметил, как Оппель, простившись с ним, исчез с пристани.

Несмотря на то, что прошло уже два года со дня первого полета на Марс и пять лет со времени «открытия» Луны, и межпланетные путешествия стали обычным явлением, доктор не переставал изумляться этому новому достижению человеческого гения и любил по-мальчишески глазеть на «небесный» корабль.

Кальтос, нашедший способ добывать энергию для технических целей путем взрыва атома*), несомненно, величайший гений человечества. Во сколько раз увеличилась мощь человека с тех пор, как он научился извлекать из одного кубического сантиметра вещества силу, достаточную для того, чтобы провести вокруг земли десять груженных поездов! Проникновение в тайны строения вещества дало человеку такую власть над природой, о которой ранее он мог только грезить.

Изумительный двигатель, в котором сила взрыва одного кубического миллиметра вещества способна бросить ядро на луну, дал возможность наладить правильные междупланетные рейсы. Так некогда прототип «атомного» мотора, двигатель, действующий энергией горючих жидкостей, дал человеку власть над атмосферой.

*) Об атоме и его строении, о разрушении (распаде) атома и об атомной энергии — см. в книге Ф. В. Астон — И. Штарк — В. Коссель «Природа химических сил сродства», стр. 25—34 и др. Изд-во «Земля и Фабрика». Стр. 96. Цена 60 коп.

Позже воздушные корабли, летающие по принципу ракеты, превратились в мощные урано-корабли, рассчитанные на космические скорости.

Лучезарная цепь, каждое звено которой — новая победа над пространством!

IV. Эфиромобиль «Уранолит» отходит на Марс в 8 ч. 15 м.

Доктор Алоэс взглянул на часы. Осталось ровно полчаса до отлета. На корабль, опять собравший вокруг себя большую толпу зевак, спешно догружали разные предметы, отправляемые марсианам. Пока люки корабля были не заперты, публика свободно расхаживала взад и вперед, осматривая внутренность космического судна.

Не слишком просторные каюты были рассчитаны на непродолжительный полет, который от Земли до Марса около времени противостояния*) длится не более четырех суток, т.-е. на трое суток дольше кругосветного полета на современных аэропланах спортивного типа. Если бы при межпланетном полете пришлось преодолевать сопротивление воздуха, то продолжительность полета на Марс на космическом судне возросла бы до десяти месяцев!

Пассажиры эфирокорабля могут не бояться, что воздух в каютах испортится. Необходимое количество воздуха вырабатывается специальным аппаратом на корабле, а на стене каюты даже висят скафандры **) с «дыхательным» аппаратом. Эти скафандры необходимы, например, при посещении Луны и могут пригодиться в случае исчезновения воздуха из каюты.

*) Противостоянием называется момент, когда внешняя планета (т.-е. находящаяся за орбитой Земли) находится на продолжении линии Солнце — Земля. В это время — максимум ее приближения к Земле.

— Доктор, надолго едете на Марс?

С этим вопросом к Алоэсу обратился вошедший в кабину инженер Горн. Доктор заметно обрадовался такому спутнику.

— Селенит! — произнес доктор, пожимая руку Горну. — Ведь, вы, кажется, только вчера прилетели с Луны, а сегодня уже пускаетесь на Марс. Однако, и носит же вас!

— Я сам едва верю, что это так, — сказал инженер. — Ведь, мне чуть не пришлось улечься трупом на лунную почву.

— Что же там случилось?

— Попали под дождь уранолитов. Славный был дождичек! Камни весом в несколько килограммов с полчаса барабанили почву вокруг нас. В силу простой случайности ни в нас, ни в наше судно не попала ни одна пуля из небесного пулемета. Один камешек, с кулак величиной, стукнулся у моих ног, и, будь на Луне воздух, я получил бы смертельную контузию!

— И какого чорта вам нужно на этой мертвой планете, к тому же подверженной таким бомбардировкам?

— Вы же знаете, сколько на Луне драгоценного для нашей техники металла, дюр-селения. Ради этого металла мы уже имеем там солидное кладбище погибших судов и людей. Да, приходится жалеть, что Луна не защищена атмосферной кольчугой от метеорной пальбы. Сносного времени для посещения Луны наберется всего с пяток дней в году.

— Нет, я никогда не поеду на безвоздушную планету, — сказал доктор Алоэс. — Во-первых, уже ходить в этих дурацких кислородных колпаках — чего стоит! А еще эти глупые камни...

***) Так называются колпаки, надеваемые на голову водолазами.*

— Попасть под шальной аэролит вы рискуете и на Марсе, — сказал инженер. — Там атмосферная оболочка меньшей плотности и высоты, чем у нас, и небесные камни долетают до поверхности планеты гораздо чаще, чем на Земле. Среди переселенцев уже есть убитые.

— Вот как, — заметил доктор. — Гм, я уже начинаю раскаиваться, что еду на Марс, а не на Венеру. На Венере, кажется, воздуха еще больше, чем у нас.

— Однако, вы дорожите своей жизнью, — засмеялся инженер.

— Я предпочитаю умереть от любой заразной болезни, работая около больных. А быть убитым камнем, как собака, — извините, это мне не улыбается.

В восемь часов были заперты и завинчены все люки, и внутренность «Уранолита» была разобщена с внешним миром. А через пятнадцать минут до слуха пассажиров, разместившихся в каютах, донеслось низкое гудение...

Доктор Алоэс взглянул в иллюминатор — земля поплыла вниз. Находившиеся в эфиромобиле превратились в странников мирового пространства.

V. В каюте пассажиров.

«У себя дома я не тот, что на городской площади, а на площади иной, чем на палубе морского парохода». — Отметивший эту способность личности человека изменяться в зависимости от окружающей обстановки — совершенно прав», — подумал доктор Алоэс и тотчас же сообщил свои мысли инженеру Горну.

— У межпланетного путешественника своеобразная психология, — сказал инженер. — Отпадают многие масштабы земных суждений, ощущается какой-то

странным парадокс времени: очевидно, пройденные тысячи миль в минуту не могут не отразиться на нашем восприятии этой минуты. Да, только находясь в межпланетном пространстве, я очень реально ощущаю сущность теории Брамбона и его предшественников.

— Возможно, что эти мыслители наделены в большей степени космическими ощущениями, чем остальные люди, оттого у них и появились эти теории.

— К этой же группе людей относятся математики Пуанкаре, Лобачевский и современный Астагов, с зачатками иного мировосприятия. Проблемы неевклидовой геометрии и загадка четвертого измерения, я думаю, будут постигнуты до конца только на практике — в путешествиях по мировому пространству...

Появление звезд на небе означало, что эфирокорабль покидал пределы земной атмосферы. Площадь окон была сужена, и в каюте стало полутемно; но не успел доктор выразить своего неудовольствия, как круглый шар с потолка каюты заблестел и равномерно осветил всю каюту белым светом. Новое электричество, добываемое путем расщепления атома триодонита, уже почти везде вытеснило старое электрическое освещение.

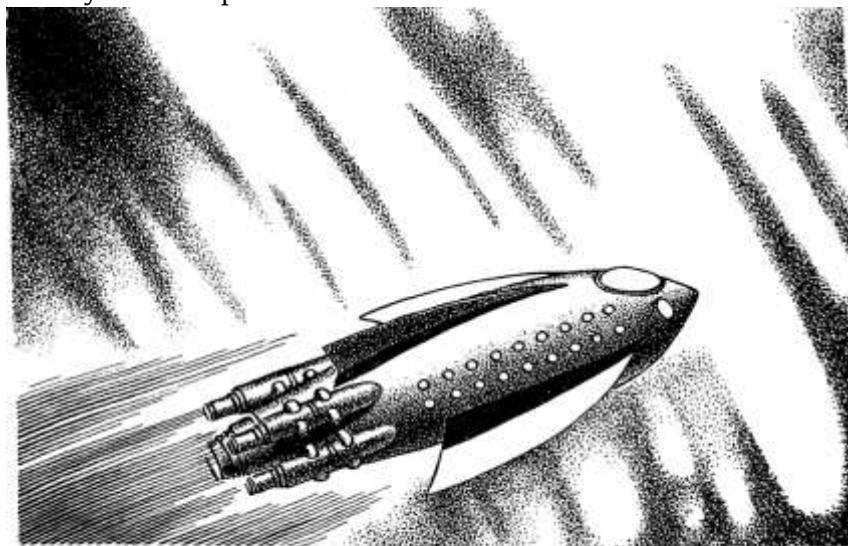
Пассажиры облеклись в особые плащи, прикрепленные к сиденьям, чтобы прочнее чувствовать себя на своих местах при ослаблении тяготения к ближайшей планете.

Мелодичные звуки радиоконцерта, получаемые с Земли, и последние радионовости с Земли, Марса и Венеры значительно разнообразили времяпрепровождение пассажиров.

VI. Среди небесных рифов.

В передней части капитанской рубки, у аппарата, заведующего системой управления кораблем, и сигнализатора, сообщающегося с машинным отделением, помещался испытанный уранопилот, капитан Эвр, со своим помощником. На возвышении, ближе к верхней части рубки, сидел телескопист, наблюдавший путь в зрительные трубы разной мощности и сообщавший о своих наблюдениях математику Гаспару: этот последний все время делал вычисления, пользуясь специальными таблицами и поминутно справляясь с хронометром. Капитан вел небесный корабль в строгом соответствии с указаниями математика.

Математик Гаспар отнюдь не походил на человека, высушенного напряженной умственной работой. Это был крепкого сложения человек, хороший товарищ, хотя и несколько замкнутого характера. Впрочем, во внеслужебное время он был способен оживляться.

Эфиромобиль «Ураноплан» полетел в поисках метеороидов.

— WZ — t, n — 35 — p, 2.

Таков был очередной сигнал математика капитану Эвру.

Капитан прочел эти знаки и нажал на один из рулей, смотря в сторону указателя.

— WZ — t, n — 38 — p.

Капитан опять нажал на руль. Стрелка указателя подвинулась на три деления.

Математик Гаспар скользнул взглядом по широкой спине капитана и чуть заметно усмехнулся. Телескопист, не интересуясь сигналами математика, продолжал свои наблюдения.

— Уранолит! — произнес он громко и дал несколько сведений математику.

Впереди показалась светящаяся точка, которая быстро выросла в целую глыбу, стремительно летящую в пространстве. Столкновение с ней превратило бы эфирокорабль в груды обломков.

Столкновение: казавшаяся поначалу...

Соответственно изменив курс корабля, капитан уклонился от опасной встречи.

— Осколок какой-то планеты, — сказал капитан. — И знаете! Он движется не вокруг солнца, а вокруг земли. Это должно быть тот самый «спутник Земли», о котором сообщал капитан эфиромобиля «Радиянт». Теперь-то мы имеем возможность вычислить его орбиту, чтобы раз навсегда избежать столкновения.

— А не осколок ли это распавшейся кометы Биэлы, попавший в сферу тяготения земли? — заметил телескопист. — Ведь метеорный рой, прошедший за час до нашего появления в этом месте, относится к биэлидам.

Математик пожал плечами с таким видом, как бы хотел сказать: «Не все ли равно — важно точно знать орбиту и время появления метеоров на фарватере, а остальное — романтика».

Получив радиограмму очередного сигнала от эфиромобиля-разведчика, математик Гаспар быстро пробежал ее и опять усмехнулся. Он взглянул на телескописта, — тот продолжал беспрестанно наблюдать.

— WZ — t, n — 40 —...

Капитан нажал рычаг, но на этот раз он оглянулся вопросительно на математика. Однако, прежде чем он успел что-либо сказать, прозвучал тревожный голос телескописта:

— Поток уранолитов!

Метеоры являются страшными «подводными камнями» для междупланетных кораблей. В отличие от морских подводных камней, сидящих неподвижно и обозначенных на морских картах, рифы межпланетного океана стремительно перемещаются, а навигационная карта эфироплавателей изменяется каждый час. Пожалуй, метеоры уместнее сравнить с айсбергами, ледяными горами полярного океана, когда-то пред-

ставлявшими для наших океанских пароходов серьезную опасность. В морской летописи фигурирует, как ужаснейшее несчастье на море, гибель парохода трансатлантической линии, «Титаника», натолкнувшегося на ледяную гору.

Если бы пассажирский эфиромобиль рискнул лететь, не считаясь с радиосигналами разведчиков, изучающих пространство, — он на пути мог бы столкнуться с потоком метеоритов, несущимся ему наперерез со скоростью пятнадцати километров в секунду, и подвергся бы бомбардированию каменных ядер, любое из которых пробило бы корпус корабля. А ведь многие из этих ядер достигают нескольких тонн веса!

С эфиромобиля метеориты наблюдаются в виде бегущих в пространстве светящихся точек. Самые маленькие метеориты ускользают из поля зрения небесных сторожей и представляют для эфирокорабля совершенно непредвиденную опасность.

Немало погибло уранокораблей от столкновения с метеорами, от порчи машин и т. д. прежде, чем удалось наладить регулярные, более или менее безопасные рейсы между Землей и Марсом и между Землей и Венерой. В настоящее время умы ученых заняты изобретением чувствительного прибора, показывающего приближение даже мелких аэролитов, но пока этого прибора еще нет, и от роковой встречи с «пушечным ядром неба» не избавлен ни один эфирокорабль.

VII. Человек-планета.

— Дьявольщина! — произнес капитан Эвр. — Этот случайный поток уранолитов, кажется, не предвещает ничего хорошего... Но странно, что мы встретили его

именно здесь. Верно ли, Гаспар, вы прочли радиосигналы?

Вместо ответа математик улыбнулся странной улыбкой, слегка оскалив зубы.

Капитан Эвр посмотрел на него с недоумением. Как! Этот холодный, серьезный человек, никогда прежде не улыбавшийся, смеется в такую ответственную минуту?

Показания телескописта становились все тревожнее. Число светящихся точек впереди возрастало, а два или три метеорита пронесли позади корабля. Это было угрожающим сигналом: значит, уранокорабль попал в самый поток!

Когда впереди число светящихся точек увеличилось, и вместе с этим, возросла опасность столкновения, капитан Эвр решительным поворотом руля направил уранокорабль по течению метеоритов. Выждав, когда группа метеоритов обгонит корабль, можно было опять изменить курс и пересечь орбиту метеорного потока.

Странная груда обломков настигла корабль и быстро обгоняла его...

Это были остатки уранокорабля, погибшего полтора года тому назад в столкновении с метеорным роем. Эфиромобиль «Радиянт», шедший с Марса, был атакован метеорами и не долетел до Земли. От страшного удара каменной глыбы он разлетелся вдребезги, и образовавшаяся груда обломков была обречена, быть может, на вечное кружение вокруг солнца.

Возле главного обломка кружились мелкие, наподобие спутников. Это была маленькая система, заброшенная в пустыню мирового пространства, существующая, по-видимому, без всякого смысла и цели...

Телескопист, направивший на эту груду обломков одну из своих труб, сказал, подавляя волнение:

— Я вижу труп человека... Он, вместе с другими обломками, совершает вращательное движение вокруг центрального обломка. Это, конечно, человек из экипажа «Радианта».

— А больше людей не видать? — задал вопрос капитан Эвр, тоже взволнованный.

— Нет.

Очевидно, остальные люди во время страшного столкновения уранокорабля с метеором превратились в бесформенные массы... Этот же труп каким-то образом остался неразрушенным и носился теперь в безвоздушном пространстве при страшном холоде, без возможности когда-либо разложиться!

Не исключена возможность, что труп попадет в сферу притяжения какой-либо планеты, например, Земли, с громадной скоростью устремится к ней, врежется в ее атмосферу, и... если это произойдет ночью, обитатели Земли увидят на небе огненную змейку падучей звезды. И никому не придет в голову, что это в верхних слоях атмосферы сгорел труп человека!

Странное летящее кладбище быстро промчалось мимо эфирокорабля, как грозное предостережение путешественникам межпланетного моря. И таких кладбищ уже немало в бездне мирового пространства! Не мало погибло кораблей в первую пору небесной авиации, и обломки их, присоединившись к остаткам погибших планет, вместе с ними совершают вечный полет в пространстве.

VIII. Гаспар пытается догнать комету.

Глядя на улыбающегося математика, давшего новый сигнал, капитан Эвр внезапно проникся страшным подозрением. Он почувствовал, как зашевелились волосы у него на голове.

— Гаспар, вы здоровы? — произнес он дрогнувшим голосом.

Ответом был громкий хохот математика, обычно не расточавшего даже улыбок. Он никогда прежде не держался так странно.

— Капитан Эвр! — проговорил Гаспар дико звучащим голосом: — мы скоро прилетим на комету Галлея! Это гораздо интереснее, чем лететь на Марс. Мы сейчас идем орбитой Галлеевой кометы.

Теперь всем стало понятно, почему вокруг летало такое множество метеоритов: обходя, якобы, опасные места по указаниям математика, «Уранолит» в действительности попал в гущу Галлеева роя, совершающего путь вокруг солнца по орбите кометы с тем же именем,

Не считаясь больше с указаниями математика, капитан Эвр по собственному усмотрению изменил курс корабля, чтобы попытаться как можно скорее вывести его из опасного места. Но едва он повернул руль, как послышался дикий возглас математика:

— Не смей сворачивать! Мы должны ехать на комету!

И, видя, что капитан не слушает этого дикого приказа, Гаспар выхватил из кармана револьвер и выстрелил в капитана в упор. Вторым выстрелом был уложен его помощник, только что вернувшийся в рубку из каюты. Телескопист соскользнул с возвышения и бросился на Гаспара, пытаясь вырвать у него оружие.

— Что вы сделали, несчастный! — закричал он, обхватывая мощную фигуру математика. Гаспар с пеною у рта и безумным выражением глаз, яростно защищался и, благодаря своему физическому превосходству, смял телескописта под себя. Последний, однако, успел отобрать у Гаспара револьвер, но не решился выстрелить в своего безумного противника. Это малодушие телескописта погубило все. Гаспару удалось опять вырвать из его рук оружие, и в рубке прозвучал третий выстрел. С ужасной улыбкой подошел Гаспар к рулю и овладел аппаратом управления.

IX. Доктор Алоэс приступает к работе.

Никто не заглядывал в рубку. В машинном отделении по-прежнему сдержанно шумели динамо-машины, вырабатывающие атомную энергию. Машинист дремал, давно не получая никаких сигналов, а его помощник мирно спал рядом. Пассажиры частью спали, частью наблюдали в иллюминатор за светлыми точками метеоров.

В это время Гаспар, ослабевший после припадка, хрипел возле руля, а небесный корабль, ни кем не управляемый, с чудовищной быстротой мчался вперед, не обращая никакого внимания на метеориты.

Очнувшись от сна, инженер Горн взглянул в иллюминатор и увидел вдали красное пятно Марса, находившееся под прямым углом к курсу корабля. Инженер недоумевающе пожал плечами.

Прошло около часа, и Марс очутился почти позади корабля. Тогда инженер уже не смог больше сидеть спокойно и разбудил доктора Алоэса.

— Разве уже Марс? — мычал доктор спросонья.

— Мы, очевидно, никогда до него не долетим! — сказал инженер Горн с досадой. — Или мы уже проехали. Смотрите!

— Что это значит? — удивился в свою очередь доктор.

— Пойду, спрошу капитана, — сказал инженер и направился к рубке, перебирая руками «ходильный» шнур.

Через минуту он снова вернулся в каюту. По его взволнованному лицу доктор понял, что произошло что-то необыкновенное. Доктор неторопливо высвободился из своего плаща и направился вслед за инженером, сообщившим, что на корабле произошла какая-то ужасная драма.

При виде раненых к доктору тотчас же вернулось профессиональное хладнокровие, и он спокойно принялся за свои обязанности.

— Математик Гаспар жив, — сказал доктор, — и он даже не ранен. У него просто обморок. У телескописта серьезное ранение, но, кажется, его можно будет спасти. Что касается капитана Эвра и помощника, то... моя помощь им больше не нужна!

Между тем, математик Гаспар пришел в себя и, полоткрыв свои помутневшие глаза, что-то забормотал о комете Галлея. Лежавший около него револьвер был своевременно подобран инженером. Осмотрев еще раз Гаспара, доктор проговорил:

— Он болен этой ужасной марсовой болезнью! Нет сомнения, что он совершил убийства в припадке безумия.

— Прекрасный случай для начала вашей практики, — сказал инженер, усмехаясь. — Ведь вы поехали на Марс специально для изучения этой болезни!

Несчастливого математика, пытавшегося опять начать буйство, пришлось связать и отнести в одну из кают. Приведенный в себя тяжелораненый телескопист еще нашел возможность сделать несколько полезных указаний машинисту, который оставив у машины своего помощника, занял место капитана.

Инженер Горн, кое-что понимающий в небесной авиации, также остался в рубке, чтобы помочь новому капитану вывести корабль на правильный путь. Доктор занялся больными, не задаваясь вопросом, что будет дальше и есть ли смысл лечить больных на корабле, почти обреченном на гибель в пучине мирового пространства.

Радиотелеграфист давал тревожные сигналы, на которые скоро последовал ответ от разведчика, находившегося где-то между Землей и Марсом... Благодаря указаниям разведчика, «Уранолиту» вскоре удалось попасть на большую межпланетную дорогу, почти чудом избежав столкновения с метеорами.

* *
*

На Марс прибыли с опозданием на десять часов.

Ужасная драма на «Уранолите» послужила поводом к некоторым предохранительным мерам, на случай повторения такого происшествия. Прежде всего был усилен медицинский надзор за лицами командного состава на кораблях.

Доктор Алоэс, начавший изучение «марсовой болезни» с печального происшествия в эфиромобиле, благополучно проработал на Марсе около полугода и, вернувшись на Землю, сделал очень ценное сообщение об этой болезни членам Медицинского Общества.

М. В. ВОЛКОВ

«БАИРО-ТУН»

Фантастический рассказ

Журнал «Всемирный следопыт», № 2, 1929 г.

„БАЙРО-ТУН“

Фантастический рассказ

Автором настоящего рассказа, присланного на литконкурс «Всесоюзного Сладкощита» 1928 года под девизом «Канвер-Фла», оказался Никанор Васильевич Волков (из Владивостока). Рассказ получил 6-ю премию — 150 руб.

Иллюстрации — по рисункам автора

I. Пух и перья.

— ...И вот от него только пух да перья полетели.

— Откуда же перья взялись?

— Чудак человек! Это ведь так только говорится. Не пух, конечно, а что в мелкую пыль рассыпался — это верно. Как ахнет — точно тысяча громов! Обдало нас жаром, опалило волосы и кожу и так здорово дунуло, что мы со Снежковым, как чурбаки, катились по песку шагов с полсотни. Без памяти лежали никак целый час. Потом, почитай, недели две пузыри да ссадины залечивали.

— Хорошо ты, Павел, рассказываешь, да только не понятно. Не начинай с конца, а говори по порядку. С чего это все началось?

— Да ведь я уже говорил тебе: гляжу — летит котел. Ну, прилетел, а в нем уродец в полтора аршина. Мы его, значит, потащили к берегу.

— Уродца, что ли?

— Котел, а не уродца. Уродец этот потом сам вылез. Ну, мы сперва испугались, а потом ничего, познакомились. Умный человек, ученый, обходительный такой. Конечно, в разговор пустились. Много он нам чудес и наговорил и показал.

— Да как же вы с ним, — по-русски, что ли?

— Мы-то по-русски, а он по-своему.

— И понимали друг друга?

— Да говорю тебе: умный человек, ученый, потому и понимали. Больше двух недель только и делали, что рисовали да говорили. А потом он соскучился и захотел улететь.

— Вот что, Павел. Раньше я тебя считал человеком правдивым и не болтуном, а теперь не знаю, что и думать. Шутишь ты, что ли?

— Шучу! Хороша шутка, коли после этого случая, мы чуть живы остались. А не веришь — так я тебе тетрадку отдам. Там Снежков все записал. Прочитаешь — поверишь.

— А где же теперь Снежков?

— Тю-тю! Далеко!.. Улетел насовсем!

— Что ты морочишь меня, Павел? Куда улетел?

— На Марс этот самый, с американцем каким-то. Уже два года как улетел... Ну, прощай, отваливать пора. Прочти, что Снежков писал, — поймешь тогда...

Павел Сухов, старик шестидесяти пяти лет, мой приятель, сибиряк. Мы познакомились с ним много лет назад в Уссурийской тайге.

Недавно, провожая одного своего знакомого, отправлявшегося с экспедицией в плавание на Курильские острова, я встретил на пароходе Павла, ехавшего туда в качестве охотника-зверовщика. После обычных при такой встрече торопливых взаимных расспросов я

услышал от него бессвязный рассказ о диковинном приключении на Байкале, где он пробыл полгода с натуралистом Снежковым, командированным для изучения флоры и фауны северо-восточного побережья великого озера.

У меня в руках рукопись Снежкова. Привожу ее дословно.

РУКОПИСЬ СНЕЖКОВА:

II. Небесный «котел».

18 мая 192... года рано утром мы вышли на берег. Туман. Забрали снасти для ловли омулей и отъехали в шлюпке метров на сорок от берега. Поймали восемь омулей. Подул восточный ветерок и прогнал туман. Омули перестали брать наживу. Взошло солнце. Решили закусить и покурить. Когда, развалясь в лодке, мы посасывали трубочки, послышался не то шум, не то гул. Он приближался. Мы огляделись по сторонам, но ничего не увидели, кроме воды и тумана.

Вдруг Павел крикнул:

— Эй, гляди, Миколаич, котел летит! — и указал пальцем вверх.

Смотрю туда — что за диковина! В небе с северо-востока довольно быстро двигался, опускаясь к Байкалу под углом к горизонту около 70°, какой-то странный предмет, действительно похожий на котел. Из многочисленных отверстий предмета вылетал длинными струями легкий дым или пар. «Котел» пролетел по косой линии на высоте около двухсот метров над нами и, замедлив движение, тяжело шлепнулся в воду. Вокруг него закипела и забурлила вода, но вскоре успокоилась, и «котел», покачавшись, застыл на по-

верхности воды. Мы протирали глаза, охали, ахали, но через две-три минуты взялись за весла и подплыли к загадочному предмету.

Шагов за сто от «котла» Павел бросил весла и схватил винтовку:

— Гребни, Миколаич, потихоньку, кормой вперед, чтобы легче было уйти, а я винтовку наготове держать буду. Кто его знает, что за штука! Летел, как шар воздушный, а видать, однако, тяжелый...

Осторожно приблизились и остановились метрах в двадцати от «котла». Сферической частью он был погружен в воду. Над ней на три метра возвышалась цилиндрическая стенка из синеватого металла. Покатая крыша выступала в стороны на полметра. На нижней части этого выступа виднелся ряд отверстий, между которыми были расположены блестящие полосы бледно-желтого металла. На стенках предмета находилось несколько поднятых заслонок, под которыми поблескивали круглые иллюминаторы. На крыше было четыре бугорка, подобные остриям шлемов и усаженные металлическими иглами. Затаив дыхание, мы смотрели на неведомый снаряд.

Наконец Павел не выдержал:

— Эй! Кто там живой есть? Выходи, что ли!

— Молчи, Павел, а вдруг...

— Чего вдруг! Не колдуны же там сидят. Конечно, летучий шар, в роде ероплана, только без крыл. Может, там немцы или арапы сидят, вон и не понимают нашего языка. Давай подойдем да постучим. Не съедят нас, — с винтовкой не страшно.

Подгребли. Павел постучал прикладом:

— Слышь, вы, небесные жители! Не бойся, выходи! Скажи им, Миколаич, по-немецки, или по-другому. Может, поймут.

Я невольно рассмеялся, но все-таки крикнул:

— Wer ist da? Komm, bitte!*

Прислушались. В «котле» было тихо.

— Гм... Не понимают. Вали по-другому!

Я крикнул по-французски. Молчание. С трудом припомнил несколько английских слов. Никакого результата. Латынь также не подействовала.

— А что, Миколаич, ежели я стрельну?

— Очумел ты, Павел! Там, может быть, живые люди, — как можно стрелять!

— Да я не в котел, а мимо.

— Ну, попробуй.

Павел выстрелил в воздух. Темное стекло одного из иллюминаторов посветлело; видимо, к нему прижалось какое-то странное лицо. Мы припали лицом к стеклу. Холодок пробежал по спине...

III. «Воздушный осьминог».

— Ой, батюшки, что это? — в ужасе прошептал Павел и, отпрянув от иллюминатора, свалился в шлюпку.

Преодолевая свой страх, я продолжал смотреть в стекло. Мне видны были два огромных темных глаза, близко посаженных друг к другу; немного ниже их темнело на месте носа отверстие, окруженное кольцевым бугорком. Кожа была мелко-чешуйчатая, желто-зеленого цвета. Больше ничего не было видно. Глаза неведомого существа упорно смотрели на меня, словно выпытывая что-то...

Наконец и я не выдержал и, схватив весла, отогнал шлюпку от «котла», чтобы не видеть этих страшных глаз и противной кожи.

* Кто там? Выходи, пожалуйста!

— Ох, Миколаич, страсти какие! Кто бы это мог быть? Ты ведь ученый, всех зверей знаешь на свете. Этот из каких?

Я не сразу ответил:

— Не знаю, Павел, страшный какой-то.

— А похож ли на какого зверя?

— И зверей таких не знаю. Есть, правда, в океане огромный моллюск — осьминог; у него глаза в роде этого, только тело студенистое, а не чешуйчатое.

Павел, видимо, ободрился.

— Ну, вот видишь, это он самый осьминог и есть, только не морской, а воздушный. А я уж подумал, не сам ли дьявол прилетел. Ты заложил-ка в двухстволку картечь да и пали ему прямо в буркалы. Не бойся, не выдержит, хоть у него и восемь ног.

«...Так здорово дунуло, что мы, как чурбаны, понатопились по снегу...»

— Нет, Павел, нельзя. Надо успокоиться, обдумать. Никакой зверь не может управлять таким снарядами. Только вполне разумное существо, такое, как человек, может это делать.

— Да неужто он человек?

— Не знаю, что и сказать. Может быть, он стал уродливым после какой-нибудь болезни. Во всяком случае надо попытаться заговорить с ним, узнать кто, откуда, зачем.

— Ну, ладно. Гребем к нему. Конечно, нельзя же так бросить. Давай-ка хлебнем для храбрости.

Совет был недурен. Мы влили в горло по изрядному глотку спирта и закурили трубки. Тщательно осмотрев ружья, двинулись к снарядам. Спирт помог взять себя в руки, да натуралисту и не полагается быть трусом.

IV. Немая беседа.

Тихо подошли. Иллюминатор был открыт. С замиранием сердца я постучал в стенку снаряда. В иллюминаторе появился квадратный кусок белой пластинки, зажатый в тонкие щипцы из неизвестного металла. Я осторожно взял пластинку, и щипцы разжались.

— Письмо, что ли? — прошептал Павел.

Сначала я ничего не понял. На пластинке была изображена группа разноцветных кружков, в центре которой находился кружок побольше других, желтого цвета. Два кружка, красный и голубой, были соединены прямой линией, на которой был нарисован снаряд, упавший в Байкал. Внезапно я понял все. Рисунок изображал нашу солнечную систему: желтый кружок — Солнце, красный — Марс, голубой — земной шар, а линия, соединяющая два последних кружка, — путь снаряда. На всех планетах системы были проставлены

какие-то значки, очевидно, их названия, но голубой кружок был без значка. У меня дух захватило...

Возможно ли это? Уж не сплю ли я? Я глубоко вздохнул и огляделся. Нет, не сплю. Сияет солнце, ветерок рябит голубую воду, и со мной мой верный Павел, выпускающий изо рта струю крепкого махорочного дыма и пытливо глядящий на меня. Я судорожно засмеялся, подскочил, всплеснул руками и снова уселся, продолжая бессмысленно хохотать.

— Да ты что, Миколаич, рехнулся? Слышь-ка, хлебни спирту.

Я оттолкнул руку Павла и, перегнувшись через борт, начал жадно глотать байкальскую воду и плескать себе в лицо холодные струи. Это помогло. Я перестал смеяться и, усевшись, торжественно сказал Павлу:

— Друг! Я не сошел с ума, но, поистине, есть от чего помешаться. Ты человек бывалый, умный, стойкий, поддержишь крепче за борта, чтобы не упасть в воду. Перед нами — не человек.

— А я ж тебе сказал, что осьминог воздушный. Очень просто! — невозмутимо ответил Павел.

— И не осьминог. Это человек, но не наш, не земной. Он в этом снаряде прилетел с Марса. Есть такая звездочка красная на небе.

— Знаю, видал не раз. Ишь, хитрый какой! Да как же он так?

Павел говорил спокойно, даже с веселой ноткой. Я объяснил ему значение рисунка и указал путь снаряда. Он понял и заволновался:

— Эх, бедняга, как далеко залетел! Но ведь он не простой человек. Должно быть шибко ученый, почище тебя, небось.

— Куда уж мне! Теперь вот что: нам надо с ним объясниться, ответить ему.

— Правильно, отвечай. А как?

— Вот как: видишь, к пластинке на цепочке синяя палочка привешена. Это, наверно, карандаш. Попробуем.

Я написал около голубого кружка: «Земля», постукал в «котел» и поднял к окну пластинку. Показались щипцы и унесли ее внутрь снаряда. Через минуту появилась другая пластинка. На ней были нарисованы два кружка, голубой и красный. На красном изображена была кошмарная фигура, несколько напоминавшая уродливого человека или, вернее, человеческий зародыш, а на голубом не было ничего, кроме отчетливо скопированного слова: «Земля».

Я нарисовал на голубом кружке фигуру земного человека, написал сбоку: «человек» и сунул пластинку в иллюминатор. Вскоре появились щипцы с новой пластинкой, на которой вполне верно, но без мелких деталей было изображено восточное полушарие земного шара, и сбоку стояла надпись: «Земля».

На карте Земли, сделанной марсианином, в северо-восточном углу Байкала я нарисовал снаряд-«котел». На пластинке над земным полушарием был нарисован пустой кружок. Я написал около этого кружка: «Марс» и нарисовал на кружке каналы и моря этой планеты. В дни юности я интересовался фотографическими снимками Марса, сделанными Скиапарелли и другими астрономами, поэтому мне нетрудно было нарисовать в общих чертах карту Марса.

Взамен этой пластинки я получил другую, на которой разными красками были превосходно изображены два полушария Марса, однако нанесенная на них сеть каналов и очертания морей весьма отдаленно походили на снимки наших астрономов. Прямых каналов по-

что не было. Они были довольно извилисты, так же, как и берега морей. Двойных каналов совсем не было.

Я вспомнил, что некоторые ученые доказывали, будто двойственность каналов Марса и их прямизна — оптический обман, возникающий вследствие скопления в атмосфере Марса водяных паров, которые и вызывают отражение линий. К тому же и наши астрономические приборы и способы наблюдений, несомненно, далеко уступают марсианским. Это доказал вполне верно исполненный марсианский рисунок земного полушария.

На последовавшей затем пластинке был изображен снаряд-«котел», пересеченный горизонтальной линией; под дном «котла» шла вторая линия, волнообразная; обе эти линии пересекала вертикальная, и на ней стоял какой-то значок. Мы долго рассматривали этот рисунок, стараясь понять, о чем нас спрашивают.

Павел догадался раньше меня:

— Знаешь, это вот что: прямая черта — это вода наверху, а под ней неровная — дно озера. Верно, дружище! А третья черта — глубина озера в этом месте, о чем он и спрашивает нас. Как же мы ему скажем?

Однако марсианин пришел нам на помощь. Щипцы подали нам свернутую в кружок металлическую ленту, напоминавшую измерительную рулетку. Лента была покрыта делениями и различными значками, а на конце ее висела металлическая гирька.

Мы измерили глубину озера, я поместил на рисунке значок, отмечавший поверхность воды, и возвратил рисунок. Через несколько секунд из иллюминатора протянулась рука марсианина, указывавшая на берег. Рука была длинная, тонкая, одетая до кисти в серую ткань. Обнаженная кисть была несколько больше человеческой, но имела всего три пальца. Кожа — желто-

зеленого цвета, мелко-чешуйчатая сверху и гладкая на ладони — напоминала кожу ящериц. Рука исчезла в иллюминаторе.

— Чего ему надо? — шопотом спросил я.

Павел напряженно думал, сморщив лоб:

— Не хочет ли он поближе к берегу?

— Правильно, товарищ! Давай потащим. Саженьях в двенадцати от берега хватит ему глубины. Вон и скобы приделаны на стенках. Наверное, для буксировки или для подъема.

Мы привязали к одной из скоб якорный канат и налегли на весла. Когда «котел» двинулся, из иллюминатора снова показалась рука, помахала нам и спряталась. Мне было ясно, что мы нашли верный путь для взаимного понимания. Это был примитивный язык рисунков и жестов, каким пользовались еще люди доисторической эпохи.

Подтащив «котел» поближе к берегу, мы отвязали канат; я постучал в стенку и поднял к окну конец каната. Раздался лязг и стук, «котел» закачался и остановился.

— Снизу якорь выбросили, — сказал Павел.

Послышался металлический скрип, и на «котле» обозначилась четырехугольная щель. Верхняя часть четырехугольника начала медленно опускаться.

— Гляди-ка, Миколаич, ведь это дверь! Ну, готовься, сейчас и сам вылезет...

— Уговор, Павел: не будем пугаться и отворачиваться, каков бы он ни был. Примем его по-хорошему. Он нас ничем не обидел, не будем и мы его обижать.

— Да уж будь покоен! Ему, бедняге, теперь жутко в чужом месте, боится нас поболее, чем мы его. Ну, миляга, вылазь, не обидим! Мы тоже люди с понятием.

V. «Санзеф Баиро-Тун».

Дверь медленно опустилась почти до поверхности воды. Мы с невольным трепетом ждали марсианина... В прорезе двери показалась голова пришельца... Медленно поднимаясь из снаряда, марсианин, по-видимому, хотел приучить нас к своей наружности. Наконец он поднялся перед нами во весь рост...

Странная была фигура! На огромной голове какой-то чепчик или капор. Со лба перед глазами опускалась изогнутая прозрачная пластинка дымчато-розового цвета. Все его тело было облечено в мягкую серую ткань. Меня почему-то сразу заинтересовал черный ящик, висевший на широкой груди марсианина. Этот ящичек, напоминавший сложенный кодак, имел два желтых кружка со значками и делениями и два рычажка, укрепленных посредине кружков. В одной руке пришелец держал какой-то предмет вроде револьвера с длинным, около полуметра, стволом. Ручка револьвера была соединена гибким шнуром с черным ящиком.

Марсианин медленно спустился по ступенькам и остановился, словно не решаясь сесть в шлюпку. Мы протянули ему руки, и, опираясь на них, он довольно легко прыгнул на дно.

Ощущение от кожи его рук было такое же, как от кожи ящерицы. Молча мы подгребли к берегу и вытащили шлюпку на песок. Марсианин вылез, несколько раз ударил длинной ступней по песку, поднял кверху

руки и голову и что-то сказал. Голос был звонкий, высокого тембра. Затем, внимательно посмотрев на нас, он вынул из висевшей через плечо сумки ту пластинку, где был изображен на красном кружке марсианин, а на голубом был нарисован мною человек. Указав на изображение марсианина и на себя, он внятно сказал:

— Ноко.

Потом протянул руку ко мне и к Павлу, указал на рисунок земного человека и вопросительно посмотрел на нас.

По иллюминации
проникнула рука
марсианина, ука-
зывая на бо-
рот...

Я указал на себя и Павла и сказал:

— Человек.

— Че-ло-век, — произнес он отдельно и, показав на себя, повторил: — человек.

Протянув руку к нам обоим, он сказал:

— Ноко.

Павел с довольным смехом хлопнул себя руками по бедрам:

— Ах, ты, сделай милость! Очень даже понятно, Николаич. По-нашему: «человек», а по-ихнему: «ноко». Ведь этак мы, гляди, скоро как следует разговаривать начнем. Ну-ка, попытай его еще как-нибудь.

Я ткнул себя пальцем в грудь и старательно, отчетливо произнес:

— Ноко — Иван Снежков.

Затем ткнул в Павла:

— Ноко — Павел Сухов.

Марсианин повторил наши имена, показал на себя пальцем и произнес:

— Человек — Баиро-Тун.

После маленькой паузы он прибавил:

— Санзеф.

Мы с Павлом переглянулись.

— Чего это он спрашивает, Николаич?

— Не больше твоего понимаю. Давай подумаем.

Минуты две Баиро-Тун молчал, потом сказал:

— Ноко — Баиро-Тун, Санзеф.

Павел почесал в затылке:

— Не понимаю я тебя. Санзеф — это фамилия твоя, что ли?

Марсианин вынул из сумки изображение какой-то комнаты, наполненной неизвестными нам машинами, приборами, сосудами и длинными рядами свертков, похожих на круги кино-лент. Посреди комнаты видне-

лась фигура Баиро-Туна. Отчетливость подробностей и точная передача малейших светотеней доказывали, что это был не рисунок, а нечто в роде фотографического снимка.

— Инженер он, должно быть, — сказал я.

— Должно, так. Простому, неученому человеку, как я, к примеру, с этими машинами и сниматься не к чему.

Марсианин вытащил новый снимок. Также комната. Голые стены. На полу — несколько рядов рельсов и двухколесная тележка, которую толкает перед собой марсианин, несколько отличающийся от Баиро-Туна: голова у него поменьше, туловище и ноги длиннее, руки толще. Другой такой же марсианин чем-то вроде щетки чистит мокрую стену.

Баиро-Тун указал на длинные руки двух марсиан и сказал:

— Тонто ноко.

Затем приставил палец к своей голове и произнес:

— Санзеф ноко.

— Э, Павел! Я ведь понял: эти двое — простые рабочие. «Тонто ноко» значит: «рабочий человек», а «санзеф-ноко» — «ученый человек».

Марсианин переводил свои огромные глаза с меня на Павла и несколько раз повторял:

— Тонто, санзеф, тонто, санзеф...

— Миколаич, ты понимаешь, чего он хочет?

— Ничего не понимаю.

— А я понял: он хочет узнать, кто из нас рабочий, а кто ученый. Я ему это сейчас объясню. Слушай, Баиро-Тун. Это вот Миколаич, Иван Снежков, ученый, санзеф, хоть и молодой. Он все тебе расскажет: про воду и землю, про небо, про всякую живность, будь то хоть комар, хоть верблюд. А я — Павел Сухов, Фомич по отцу,

стало быть, хотя и грамотный и тоже очень прекрасно понимаю и тайгу и всякого зверя, однако, я простой человек, тонто, но этого не стыжусь: мы теперь, при коммуне, все равные права имеем. Понял?

Баиро-Тун серьезно выслушал Павла и, указав на меня, сказал:

— Санзеф.

На этом разговор пока закончился. Мы повели гостя в нашу палатку. Я показал ему свои приборы и инструменты, дал несколько книг по ботанике, зоологии и минералогии. Баиро-Тун снова вытащил снимок, на котором он был изображен среди машин и кругов в роде кино-лент, и знаками пояснил, что такие книги не перелистывают, а раскручивают на двух валиках и что наша бумага весьма непрочный материал. Особенно заинтересовался марсианин рисунками в книгах и очень внимательно их рассматривал.

Надо сознаться, Баиро-Тун почти всегда оказывался гораздо находчивее нас и быстрее устранял взаимное непонимание. Я приведу, как иллюстрацию, один случай. Показывая барометр-анероид, я старался объяснить, что внешнее давление воздуха, действуя на запаянную коробку, отклоняет указательную стрелку. Он долго не понимал, потом вдруг закрыл рот, надул щеки и, прижав одну из них пальцем, выпятил другую. Мы рассмеялись и сказали:

— Кой, кой!

Мы уже знали, что это значит: «да».

К концу первого дня мы имели запас следующих слов: Марс — «Зентар»; Земля — «Тион»; Солнце — «Тичанис»; человек — «ноко»; рабочий — «тонто»; ученый — «санзеф»; зверь — «биар»; птица — «ках»; рыба — «пакто»; да — «кой»; нет — «хакой»; сколько (много ли) — «тутон»; для чего это? — «роки тайс?»;

как называется? — «коктиоро?»; камень — «дабар»; песок — «сай»; огонь — «кирон»; вода — «сотос».

С закатом солнца мы отвезли Баиро-Туна к снаряду. Долго еще сидели мы у костра, перебирая все происшедшее в этот знаменательный день и составляя план на завтра. Наконец улеглись спать. Я уже начал дремать, а Павел все еще бормотал:

— Зверь — «биар», птица — «ках»... А вот про осьминога и не спросили. Надо будет завтра...

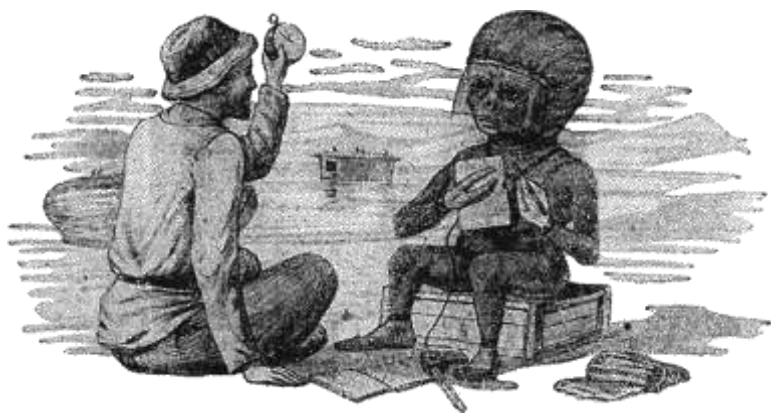
VI. «Зентар» и его обитатели.

С восходом солнца мы встали и привезли Баиро-Туна на берег. Весь день мы провели вместе. К вечеру у нас накопилось такое количество новых слов, что пришлось составить словарик, который в течение следующих дней становился все полнее и детальнее и обещал превратиться в солидный словарь.

Через четыре дня мы уже составляли длинные фразы, исправляя друг друга и совершенствуясь. Зентарский (марсианский) язык оказался по конструкции весьма прост и, благодаря нормальному чередованию гласных и согласных букв и ясному произношению их, легок для усвоения. Павел со страстью предался его изучению. Ему льстило, что он один из первых людей на Земле будет говорить по-зентарски. В будущем он собирался стать переводчиком и путеводителем небесного пришельца.

Я старался поскорее изучить марсианский язык, чтобы разгадать загадки Марса, узнать про его каналы, моря, цвет, население, нравы, социальное устройство и т. д. Поэтому я усердно зубрил все новые слова, повторяя их много раз, чему Баиро-Тун, кажется, удивлялся. При феноменальном развитии его мозга ему достаточ-

но было два-три раза повторить новое слово, и оно уже крепко сидело в его памяти.

Показывая барометр-анероид, я старался объяснить его устройство...

В общем, мы говорили наполовину по-зентарски, наполовину по-русски. Однако Баиро-Тун гораздо чаще употреблял русские слова, чем мы зентарские, и это значительно облегчало взаимное понимание. Конечно, мы все трое упрощали оба языка.

Вот пример русской речи Баиро-Туна:

— Когда я решить улететь на Тион, я думать: «Все равно — жить, умереть. Бояться не надо, когда желать много знать все»...

Через десять дней словесной практики я уже многое узнал о Марсе, а Баиро-Тун — о Земле. Недостаток времени и бумаги не дает мне возможности подробно передать все удивительные сведения, полученные мною от «санзефа». Если понадобится, я впоследствии напишу о планете Зентар целую книгу. Пока же ограничусь передачей того, что мне кажется необходимым.

Растительная и животная жизнь на Марсе достигла уже значительного развития в эпоху, когда наша Зем-

ля находилась еще в огненно-жидком состоянии, и на ней едва начинала образовываться кора. В настоящее время на Марсе почти отсутствует растительность. Осталось лишь несколько видов крупных мхов и лишайев, обладающих наибольшей приспособляемостью к переменам температуры, и несколько грибовидных с такими же свойствами. Все они красного и оранжевого цвета. Жестокие морозы превращают почти все водоемы в сплошной лед до самого дна вследствие незначительной глубины последних. Рыб на Марсе имеется всего два вида, кое-как переносящих все невзгоды и обитающих в немногих, наиболее глубоких озерах, согреваемых последними теплыми подпочвенными ключами. Птицы и насекомые давно исчезли. Хищники также все уничтожены. Сохранилось несколько видов животных, похожих на крыс и на кенгуру. На зиму они прячутся в глубокие норы и впадают в спячку.

Вообще поверхность планеты почти необитаема. Она представляет собой пустыню, усеянную многочисленными развалинами былых городов. Осталось лишь несколько населенных пунктов, специально приспособленных для наблюдения за некоторыми машинами и приборами, за атмосферическими явлениями, для распределения водяных потоков и для различных астрономических и радио-телеграфных надобностей.

Уже несколько тысячелетий назад марсиане переселились вглубь планеты, где легче поддерживать ровную температуру и где воздух плотнее, чем на поверхности.

Высокие достижения науки и техники повели к замене ручного труда машинами. Рождаемость значительно сократилась. Естественной пищи на Марсе не существует: она готовится исключительно химическим путем. Разложение атомов давно изучено мар-

сианскими учеными и применяется для приведения в движение машин, для добывания тепла, света и пищи.

Казалось бы, после таких достижений культуры жизнь на Марсе должна была бы стать настоящим раем. Однако появилась непредвиденная беда: химическая пища, хотя и легко усвояемая и весьма питательная, послужила причиной особой болезни, «металлизации» тела. Во всех тканях организма отлагаются металлические осадки, и все марсиане страдают этим в большей или меньшей степени. Болезнь эта вдвое сокращает продолжительность жизни, и наука бессильна бороться с нею.

Найден был только один способ продления жизни, но он труден и сложен. Больного помещают в герметически закупоренную камеру, повышают в ней давление воздуха, дают в изобилии проникать в камеру солнечным лучам и кормят химической пищей вперемежку с пищей естественной, добываемой из последних животных, рыб и растений. Таким образом, за одним человеком должны ухаживать и служить ему два-три десятка людей, находящихся в обычных условиях и обреченных, как и все, на раннюю смерть. Большинство людей, естественно, не пожелало жертвовать собой для блага немногих. Да и эти немногие не очень-то охотно шли в герметические камеры на всю жизнь.

Тогда образовалось общество добровольцев-героев, решивших пожертвовать собой ради будущих переселенцев на нашу Землю. Основные условия жизни на Земле уже давно были известны марсианам, а именно: количество солнечного света и теплоты, давление и влажность атмосферы, сила тяжести на поверхности и т. д. Предполагали, что на Земле культурная жизнь слаба или даже вовсе отсутствует.

Необходимо было создать новое поколение марсиан, приспособленное для существования на новой планете. Для этого общество добровольцев выбрало из своей среды несколько десятков мужчин и женщин, наиболее здоровых, и поместило их в специальные камеры. В камерах были созданы условия жизни, близкие к земным. Дети, родившиеся в этих камерах, оставались в них и получали специальное воспитание и образование, необходимые для перелета через межпланетное пространство и для жизни на Земле.

Снаряды для полетов имелись на Марсе уже давно. Это были аппараты ракетного типа, двигавшиеся посредством разложения атомов. Кроме того, сотни две лет назад найден был особый сплав, в значительной степени терявший свой вес, то-есть освобождавшийся от силы тяготения при действии на него электрического тока. Полеты в подобных снарядах на двух спутников Марса — Фобос и Деймос — увенчались полным успехом. Однако условия существования на марсианских «лунах» оказались неблагоприятными, и туда смогло переселиться лишь несколько десятков пионеров.

Уже десять лет, как с Марса на Землю летят снаряды с людьми. Снаряды снабжены могучей радиостанцией. Во время пути обычно происходил обмен радиотелеграммами между путешественниками и Марсом, но по мере приближения к Земле телеграммы становились все реже и неразборчивее и, наконец, совсем прекращались. Таким образом, судьба межпланетных путешественников неизвестна. Было условлено, что один или два снаряда, достигших Земли, вернутся назад и дадут точные сведения о жизни на Тионе (Земле). Однако за десять лет никто еще не возвращался на Марс. Вероятно, причиной гибели были

ошибки, допущенные в управлении снарядами, или встречи с метеоритами.

Баиро-Тун во время пути несколько раз встречал метеориты, и один из них, огромной величины, захватил его снаряд в сферу своего притяжения и грозил превратить в своего спутника. Только усиленным толчком ракетного аппарата удалось марсианину преодолеть притяжение метеорита. Толчок этот стоил жизни спутнице Баиро-Туна — его жене, ударившейся головой об острый предмет. Баиро-Тун принужден был выбросить тело своей жены через специальную камеру, не выпускавшую воздуха из снаряда. Труп следовал за снарядом до начала земной атмосферы. Незадолго перед этим Баиро-Тун пустил полным ходом задерживающие аппараты. Тело его жены, продолжая лететь с огромной скоростью, сгорело в земном воздухе маленьким метеоритом...

На мои вопросы о почве Марса и о каналах ученый сообщил следующее: образующие планету породы отличаются легкостью и рыхлостью. Верхние слои почти исключительно состоят из солей и окисей алюминия и кальция с незначительной примесью солей железа. В порядке преобладания металлы распределяются на Марсе следующим образом: больше всего алюминия, затем идут: кальций, калий, натрий, никель, железо; меньше всего свинца, золота, серебра и других тяжелых металлов. Поэтому плотность Марса составляет всего 0,71 плотности земного шара и лишь в 3,91 раза превышает плотность воды. Масса Марса равна 0,105 массы Земли. Вследствие легкости и рыхлости пород горы на Марсе существовали сравнительно недолго.

Много тысячелетий уже существуют каналы, как регуляторы распределения воды на планете. Широкие естественные трещины почвы были искусственно вы-

равнены и углублены, соединены с руслами рек и других водоемов, при чем старались избирать возможно прямое направление, чтобы избежать лишнего труда. Благодаря рыхлости почвы и содействию могучих машин, прорытие каналов не представило больших трудностей, тем более, что каналы проводились постепенно, по мере усыхания морей и рек. Двойные каналы действительно существуют. В некоторых местах разлитие воды происходит весьма быстро и бурно; пришлось прорыть и двойные каналы, чтобы удалять избыток воды. Все каналы имеют автоматические шлюзы, впускающие и выпускающие воду по мере ее накопления. Присмотр за шлюзами нетруден.

Вследствие разреженности воздуха, незначительного количества паров воды в атмосфере, а также красноты растений и желтизны почвы, отражательная способность планеты составляет лишь 0,26 способности земного шара. Наша Земля светит марсианам как голубоватая звезда.

Поведал нам Баиро-Тун и о социальных отношениях на Марсе. В древности планета была густо населена; так же, как у нас, люди делились на расы и племена, но уже много тысяч лет назад образовались одна раса и один общий язык. Работами низшего порядка, не требующими высоких знаний и специального развития мозга, занято 0,6 населения. Эти люди довольно высоки (около 1½ метров), голова у них сравнительно невелика и составляет $\frac{2}{11}$ длины всего тела. Дети рождаются у них почти всегда с благополучным исходом для матери и ребенка.

Остальные 0,4 населения Марса составляют люди, высоко развитые в умственном отношении и работающие головой. Давно уже, в течение веков, в организме людей науки развились некоторые видоизменения.

Черепная коробка все расширялась и, в конце концов, голова стала очень большой. Жены этих ученых обречены на смерть при рождении ребенка вследствие огромной величины его головы. Но это — неизбежность, и к ней давно привыкли. Смерть матери наступает мгновенно и без малейшей боли, так как медицина на Марсе очень высоко и обладает прекрасными средствами для анестезии.

Однако хирургия не нашла еще способов, сохраняющих жизнь матери будущего санзефа, хотя работа в этом направлении учеными Марса ведется.

На Марсе — республика. Управляет планетой совет из пяти человек. Каждый из них обязан пробыть членом совета пять лет (один марсианский год равен почти двум земным, имея 687 наших суток). На всякий случай избирается всегда пять кандидатов-заместителей.

По природе своей марсиане миролюбивы. Войны давно уже прекратились на планете. Некогда на Марсе существовали различные религии, но высокие достижения науки давно показали всю несостоятельность религиозных систем.

В политическом отношении и в праве использования материальных благ на Марсе все равны. Производство и регулирование потребления — в руках государства. Из пяти членов совета — три избираются от тонто, а два — от санзефов. Долгий путь эволюции, которым шли марсиане от олигархии к республике, отразился на их физической структуре, привел к физическому неравенству двух групп населения, но теперь обе являются трудовыми и равно полезными. Интересно, что по мере усовершенствования машин и повышения квалификации тонто, работа которых становится все сложнее и физически легче, — и строение их тела все

более приближается к таковому санзефов (что наблюдается на протяжении длинного ряда поколений).

Кодекс законов республики прост и остроумен. Преступления крайне редки (так как нет мотивов для совершения их) и являются лишь следствием психических заболеваний...

Я спросил Баиро-Туна, чем объяснить сходство основной структуры тела марсиан и земных людей. Ученый гость ответил, что высшие культурные существа на каждой обитаемой планете должны иметь в основном одинаковую форму.

Нет решительно никаких оснований думать, что высшими разумными существами на других планетах могут быть пауки, муравьи или другие представители животного мира. Все лишние органы неизбежно должны атрофироваться в процессе эволюции и борьбы за существование. Обилие ног, глаз и других органов, облегчающих существование животным, вредны для прогрессирующей породы. Вертикальное положение тела человека дает возможность глазам дальше и лучше видеть; вследствие этого ускоряется развитие умственных способностей.

В доказательство своей теории Баиро-Тун привел несколько примеров атрофии некоторых органов у марсиан.

Я вспомнил, что земные люди также потеряли немало бесполезных частей своего тела. Например, вместо хвоста у нас только копчик — конец спинного хребта; перепонки между пальцами рук и ног, служившие некогда для плавания, исчезли; червеобразный отросток слепой кишки причиняет нам только мучения своим воспалением, а раньше был очень велик и служил запасным мешком для пищи; волос на теле осталось мало; на голове волосы у большинства

людей постепенно выпадают; зубы быстро портятся и т. д.

VII. Силой атома.

О многом беседовали мы с ученым марсианином, однако, всего не перескажешь. Дальнейшие наши разговоры я буду передавать для большей ясности в обычной форме.

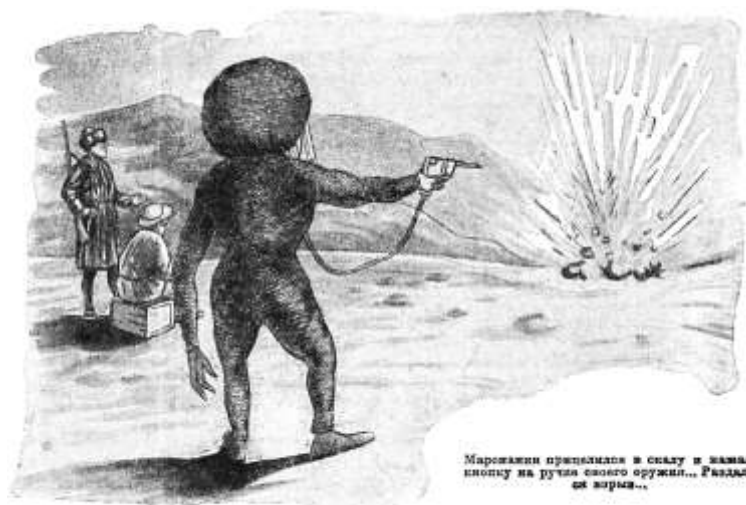
— Зачем у тебя на лице эта дымчато-розовая пластинка? — спросил я Баиро-Туна.

— Она уменьшает свет Солнца и предохраняет от пыли. Наши глаза на Зентаре не привыкли получать столько света от Солнца.

— А это что за трубка со шнуром?

— Это смерть.

— Как же ты ею пользуешься?

Марсианин прижался к спуску и нажал кнопку на ручке своего оружия... Раздался взрыв...

Марсианин прицелился в скалу, высотой около пяти метров, находившуюся на расстоянии ста метров от нас, повернул на пол-оборота рычажок верхнего кружка на черной нагрудной коробке и нажал кнопку на ручке своего оружия. Послышался легкий треск, свист, и через две секунды раздался у скалы оглушительный взрыв, напоминавший выстрел крупнейшей пушки, и кварцевая скала превратилась в мелкие камешки и пыль. На ее месте образовалась глубокая широкая яма... В нас ударило горячей бурной струей воздуха. Я был поражен.

— А если стрелять на близкое расстояние, то ведь и кости все тебе переломает, да и сгоришь, пожалуй, от горячего воздуха.

— Нет, в таком случае следует передвинуть рычажок лишь на несколько делений, и разложение атомов в заряде будет происходить не столь интенсивно.

Я поставил на десять шагов от Баиро-Туна пустую консервную жестянку:

— Можно стрелять на такое близкое расстояние?

— Можно.

Баиро-Тун выстрелил. То же явление: взрыв, но слабее первого, порыв теплого воздуха, и банка разлетелась на кусочки.

— А далеко может бить это оружие?

Марсианин задумался, переводя свои меры на наши:

— На шестьсот метров.

— А наши винтовки бьют на три километра!

— У нас есть и другое оружие, построенное по этому же принципу, небольшое, в роде ваших ружей. Оно бьет на пять километров. Но ваши винтовки при маленькой ошибке дают промах, а наше ружье на расстоянии тысячи метров производит своей пулей разложе-

ние атомов, способное уничтожить все кругом радиусом на шестьсот метров.

— Ого! Значит, в окружности диаметром в шестьсот метров — смерть. Действительно, это посильнее наших крупных фугасных бомб. И подумать только, что такая маленькая пулька дает такой ужасный результат!..

Но тут же я вспомнил, что какой-то ученый доказывал, будто один грамм вещества, кажется, глины, может развить при разложении атома энергию, достаточную для приведения в движение паровоза в течение целого года.

— Прекрасно. Это оружие для нападения. А для защиты ты пользуешься им же?

Баиро-Тун посмотрел на меня не то с подозрением, не то с насмешкой. Затем он слегка подвинул рычажок на нижнем кружке черной коробки, и под рычажком открылось коническое отверстие.

— Можешь ли ты двинуться с места?

Я успел услышать только этот вопрос,

и затем для меня наступило безмолвие, тьма и полное бесчувствие...

Очнувшись от обморока, я увидел, что лежу на песке, а Баиро-Тун дает мне нюхать из флакона какую-то остро пахнущую жидкость. Через несколько минут ко мне вернулись физические силы и полное сознание. Я вскочил, радостно чувствуя, что жив и здоров, хотя, по-видимому, находился на волосок от смерти.

— Это твое второе оружие. Поразительно! Но если бы я находился очень далеко, могло бы оно на меня подействовать?

Марсианин оглянулся по сторонам:

— Пошли своего слугу вон туда, но не говори ему настоящей причины.

Я колебался.

— Не бойся, я отвечаю за его жизнь.

Указанное марсианином место находилось на скалистом мысу, километрах в двух от нас. Павел был в это время в палатке и не видал моего падения и бесчувствия. Я позвал его.

— Пойди-ка поскорее вон на те скалы. Я только что видел в бинокль там коз. Хорошо бы раздобыть дичины.

Павел схватил винтовку и отправился по указанному направлению. Через полчаса он был на месте. Я следил за ним в цейсовский бинокль.

Баиро-Тун поднялся:

— Стань за моей спиной, иначе ты снова упадешь.

Я повиновался, продолжая смотреть в бинокль.

Мне отчетливо было видно, как Павел стоял на скале, осматриваясь по сторонам и пожимая плечами. Я невольно засмеялся и подумал: «Ну, друг санзеф, не пройдет твой номер...»

Вдруг Павел зашатался, выпустил винтовку и свалился. Одновременно посыпались в воду штук десять чаек, попавших в сферу действия марсианского аппарата.

Я окаменел от страха.

— Возьми этот флакон, иди к Павлу и дай понюхать.

— А если он умрет за это время?

— Нет, действие этих излучений безопасно для жизни в течение пятнадцати часов. Затем — смерть.

Я схватил флакон и бегом кинулся к Павлу. Добрался до него, запыхавшись, дрожащими пальцами открыл флакон и приставил его к носу Павла. Через две-три минуты Павел очнулся, а через пять минут уже ругался:

— Это что же такое, скажи на милость! Я, никак, слабой бабой сделался! Ах, язви его! Вот чортова

напасть! Что это со мной было, Миколаич? Даже стыдно...

Мы повернули обратно. По дороге я рассказал Павлу все, попросив извинения за маленький обман. Павел нахмурился и рассердился, но это длилось недолго: обычное добродушие взяло верх, и он засмеялся:

— Ах, язви вас обоих! Ишь, какую штуку сыграли со мной! Ну, однако, ничего: зато мы теперь хорошо знаем его силу.

Вернувшись, я попросил Баиро-Туна объяснить мне принцип и устройство чудодейственной черной коробки, но он отказался:

— Нет, не могу. Может быть, впоследствии. Скажу одно: это основано также на разложении атомов. Особое вещество дает из конического отверстия черной коробки излучения, действующие на нервную систему каждого живого существа, анестезируя ее почти мгновенно. Поворачивая рычажок, можно регулировать количество излучений и точно устанавливать желательное расстояние их действия. Тебе известно, что радиоволны действуют на приемник на огромном расстоянии, и ты не удивляешься этому. Не удивляйся и другим волнам, другим излучениям. Прибавлю, что анестезирующие излучения довольно свободно проникают в воду. Если твой слуга поедет на лодке, он найдет в озере бесчувственных рыб.

Павел так и сделал. Через час он вернулся и привез штук двадцать омулей. Рыбы казались мертвыми.

— Вот бы нам, Миколаич, такой чудотворный инструмент! Без огня, без шума, а гляди-ка, что делает. Иди себе или гребь да знай ручку поворачивай, а потом не зевай, подбирай всякую живность.

Анестезирующие лучи принесли нам неоценимую пользу в отношении «гноса» — комаров и мошек, при-

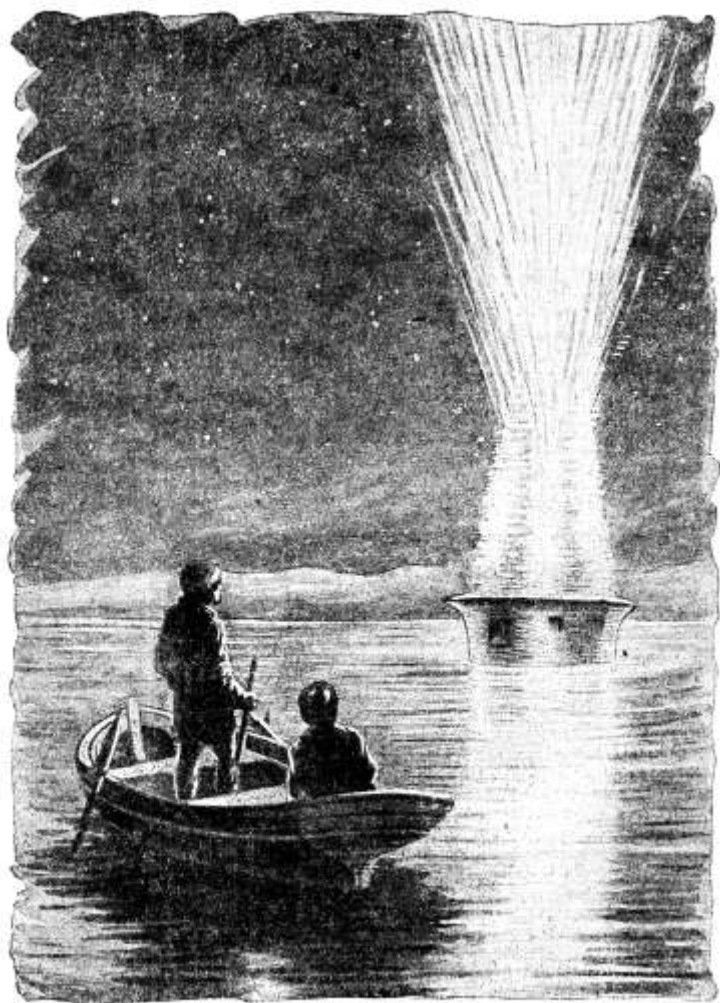
чинявших немало досады и мучений. Баиро-Тун каждый вечер перед отплытием к снаряду анестезировал и, конечно, убивал всякого «гноса» на километр в окружности, и мы спали спокойно, не зажигая курников и не закрываясь сетками. Каждое утро я делал обход в районе действия анестезии в надежде найти какое-нибудь редкое насекомое и, действительно, однажды поднял двух бабочек, еще неизвестного науке вида. Они были очень красивы: ярко-розового цвета, с изумрудными пятнышками на верхних крылышках и с черным ободком на нижних. С трепетной гордостью натуралиста принес я их в палатку и включил в свою коллекцию.

Не мудрено, что, обладая таким могучим оружием, как анестезия на расстоянии, марсиане давно истребили всех вредных животных, насекомых и даже некоторых бактерий.

VIII. Марсиане не отвечают...

Первого июня вечером наш гость заявил, что хочет попробовать установить радиосвязь с Марсом. Мы отвезли его к снаряду. Я несколько раз просил Баиро-Туна позволить мне осмотреть его снаряд внутри, но он категорически отказывался, говоря, что должен предварительно произвести тщательную проверку действия всех механизмов и аппаратов. Он имел основание думать, что электромагнетизм и некоторые другие излучения земного шара могут оказывать вредное влияние на его аппараты, и малейшая неосторожность может погубить всех нас.

По настоянию Баиро-Туна мы отошли в шлюпке метров на сто от снаряда. Наступила ночь, звездная и тихая. На крыше снаряда поднялась тонкая длинная

Вода и берег освещаются чудесным голубым огнем... Радиотрамм летели в мировое пространство...

антенна. Послышался громкий треск, и антенна оделась яркими иглами голубых искр, а на вершине ее засияло огромное ослепительное голубое солнце, с оглушительным треском посылавшее в ночное небо длинные снопы искр. Зрелище было волшебное, но из-за сильного треска пришлось зажать уши. На далекое расстояние вода и берег осветились чудесным голубым огнем. Радиотелеграммы летели в мировое пространство в течение часа, после чего мы с Павлом вернулись на берег. Долго не могли мы уснуть, разговаривая о марсианах...

Утром Баиро-Тун с грустью сообщил нам, что всю ночь ждал ответа от своих соплеменников, но напрасно. Павел ушел на охоту, а я в сотый раз начал расспрашивать ученого о жизни на Марсе.

Между прочим, он рассказал мне, что марсиане победили сон. Продолжительное бодрствование вызывает в крови образование вредных отложений — типа органических ядов. Это исключительно химический процесс, и марсиане нашли реактив, уничтожающий эти яды. Марсиане в случае необходимости могут проводить без сна около десяти наших суток, оставаясь свежими и бодрыми.

— Но это иногда надоедает, и хочется лечь и уснуть, — добавил марсианин.

Прошло две недели со времени прилета на землю Баиро-Туна. В последние дни я заметил, что он как будто менее охотно беседует со мной и часто задумывается. Какие цели могут быть у небесного гостя? Может быть, он питает дерзкую мечту подчинить все человечество марсианам. Я долго крепился и, наконец, высказал ему волновавшие меня мысли.

Марсианин несколько минут раздумывал:

— Мы не будем пускать в ход никакого насилия до тех пор, пока нам не будет угрожать явная опасность. Можешь ли ты гарантировать, что все земные жители отнесутся ко мне и к другим марсианам так же доброжелательно и внимательно, как ты и Павел. Не сочтут ли они нас вредными существами и не захотят ли уничтожить, когда мы начнем переселяться на вашу планету?

Я откровенно сказал марсианину, что могу поручиться только за два-три десятка людей, лично мне известных, но что их, быть может, будет достаточно, чтобы обезопасить существование марсиан на Земле. Эти люди, стоящие во главе нашей Советской республики, разумеется, должны знать обо всех планах марсиан. У нас, в Советском Союзе, разумеется, марсиане встретят поддержку и защиту как представители высшей коммунистической культуры, но за буржуазные страны разве можно поручиться?..

— Повторяю: мы переселяемся на другие планеты для того, чтобы найти лучшие условия жизни: наш Зентар умирает. Все дальнейшее зависит от того, как нас примут здесь. Мы готовы поделиться с вами достижениями нашей науки. Но не захотят ли люди, овладев нашими тайнами, уничтожить нас, чтобы на Земле не существовало двух столь различных по виду рас, как мы и вы?...

— Что мы знаем о будущем, Баиро-Тун? Ты хочешь остаться на Земле, а у меня прочно засела в голове мысль: не отправиться ли мне на твой Зентар?

— На Зентар? Зачем? Что ты там будешь делать и как жить? Ты умрешь: воздух на Зентаре гораздо более разреженный, чем на вершинах ваших самых высоких гор, и у тебя изо всех пор тела выступит кровь. Ты будешь страдать от резких перемен температуры. К тому

же, атмосфера Зентара содержит примесь двух газов, вредных для ваших легких.

— Можно сделать воздухонепроницаемый костюм, в роде водолазного, и носить за плечами резервуар с нужным мне воздухом.

— Можно, но такой костюм сильно стеснит твои движения. Наконец, неизвестно, как примут тебя марсиане, и ты, быть может, пожалеешь о своем любопытстве.

— Это не любопытство, а глубокая жажда знания. Я хочу увидеть и познать то, что еще никому неизвестно на Земле.

— Даже ценою жизни?

— Даже так. Разве ты сам, Баиро-Тун, отправляясь сюда, был вполне уверен, что все окончится для тебя хорошо? Ты единственный из марсиан, достигший земного шара.

— Да, но мы отправились на Землю, чтобы найти здесь вторую родину.

— А я хочу отправиться на Зентар ради знания.

— Наука... знание... Да, ты прав. Ради этого можно не жалеть жизни. Но каким же образом ты думаешь добраться до Зентара?

— Я рассчитываю на тебя, Баиро-Тун. Ты видишь мое отношение к тебе, знаешь мои широкие взгляды на жизнь и на мир и поможешь мне. Если ты не намерен скрывать от всех людей твои познания, то не скрывай их прежде всего от меня.

— Да, ты умственно близкий мне человек. Я верю тебе. Но мой снаряд останется для меня. Я расскажу тебе, как построить подобный же снаряд, дам тебе все необходимые чертежи и формулы. Но это я сделаю только для тебя одного. А другие люди... Я не знаю, как они примут меня...

Согласие ученого подняло во мне целую бурю восторга. Я уже видел себя в снаряде, пронизывающем мировое пространство и приближающемся к желто-красному пустынному Зентару-Марсу. И жутко и невыразимо радостно было думать, что я, какой-то Иван Николаевич Снежков, буду на Марсе. Не на какой-нибудь глупой, несчастной Луне, а на Марсе, культурнейшей планете!..

Когда прошел взрыв восторга, я весь отдался вниманию и жадно слушал Баиро-Туна, записывал, рисовал и чертил. Так провел я два дня, пока не вернулся с охоты Павел. Этих, двух дней было достаточно, чтобы иметь полный материал для постройки снаряда. Главные чертежи Баиро-Тун дал мне в готовом виде.

IX. Трагедия Баиро-Туна.

Четвертого июня ученый сказал:

— Мне надоело сидеть здесь. Необходимо завязать сношения с другими людьми, с теми, за которых ты ручаешься. Полетим в снаряде. Согласен?

— О, конечно, Баиро-Тун! И чем скорее, тем лучше. Увидишь, что люди науки окажут тебе вполне достойный прием. Наука в Советской стране поставлена на первом месте.

— Хорошо. Полетим завтра. Сегодня я должен проверить действие всех аппаратов и сделать пробный полет.

— Но что заставит снаряд лететь в горизонтальном направлении?

— В нем есть два выдвижных пропеллера. Они и двигают снаряд в желательном направлении...

— Великолечно! Я, что называется, горю от нетерпения. Произведи пробу, а мы с Павлом будем уклады-

ваться. Но как быть со шлюпкой?

— Потащим ее на буксире до любого места.

— Правильно! Итак, я поговорю с Павлом.

Призванный на совещание Павел почесал за ухом:

— Конечно, отчего не лететь! А не свернем ли мы себе шею, Миколаич?

— Да ведь санзеф с Марса прилетел и жив остался, а мы полетим только над Землей. И полетим мы после пробы, если все окажется благополучным.

На том и порешили.

Чтобы приветствовать первый полет санзефа над Землей, я воткнул в песок длинный шест с советским флагом. Свежий ветерок весело заполоскал алое полотнище, а мы стали невдалеке от него и с замиранием сердца ждали подъема снаряда. Я держал наготове кодак, чтобы запечатлеть на снимках это событие. Через несколько минут послышался легкий свист, перешедший в трескучий гул. Из отверстий закраины крыши вырвались вниз мощные струи газов — продукты атомного распада — и окружили снаряд туманной завесой. Вода вокруг снаряда кипела и волновалась; большие волны докатились до берега и заставили нас отступить. И вот — незабываемый момент! — снаряд выскочил из воды, довольно быстро поднялся на высоту около двухсот метров и замедлил подъем. Сбоку выдвинулись два пропеллера, зажужжали, повышая высоту звука, и снаряд полетел, удаляясь от нас, над Байкалом.

Снаряд находился на расстоянии полукилометра, когда что-то случилось с ним. Он стал падать, долетел почти до уровня воды, затем стремительным скачком поднялся вверх. Вдруг сверкнуло огромное ослепительное пламя, и раздался оглушительный громовый удар...

Мы заковыляли по берегу в поисках нашего имущества...

Я успел только заметить, что под снарядом на поверхности Байкала образовалась воронка и по краям ее выплеснулась вода гигантской крутой стеной... На нас налетел жесточайший раскаленный циклон и свалил на берег, как две соломинки. Падая, я увидел, что по

воздуху несутся клочья флага с поломанным шестом и две чайки с вывернутыми крыльями. Мы покатались по песку и галькам и потеряли сознание...

Павел очнулся первый, потому что был крепче меня. Он начал меня трясти, и от сильной боли я пришел в себя. Сидя друг против друга, мы что-то говорили, но ничего не слышали, кроме непрерывного шума и звона в ушах. Лица и руки были в пузырях от ожогов, платье местами полуистлело, и мы не сгорели живьем только потому, что огромный вал, хлеснувший на берег, залил нас, потушил пламя и откатил нас еще дальше...

Павел, морщась и охая от боли, показал знаками, что у него вывихнут локоть левой руки. Я ему вытянул и вправил на место локтевой сустав. Собрав силы, мы кое-как добрались до воды и просидели в ней около часа, пока не уменьшилась боль от ожогов и многочисленных царапин и ушибов. Когда от холодной воды зубы стали выбивать дробь, мы вылезли и заковыляли по берегу в поисках нашего имущества.

Увы! Немногое удалось нам найти. По счастливой случайности, уцелело наше запасное белье, платье и обувь, хранившиеся в прочном железном сундуке. Там же были спрятаны мой дневник, все заметки и чертежи и запасные патроны. Нашли сковородку, несколько жестянок с консервами и медную кастрюлю. Из искорверканных коробок удалось добыть немного чаю и сахара. Уцелели, хотя и в избитом виде, наши ружья. Они висели в палатке и вместе с ней были отброшены циклоном далеко в кусты. Нашли также топор, пилу, стамезку, гвозди и несколько досок от ящиков. Все остальное было сожжено, разбито, расплющено и размочено. Погибли все мои коллекции, гербарий, реактивы, кодак, все пленки и снимки...

Две недели мы залечивали свои раны, отдыхали, чинили шлюпку, у которой был проломлен борт. Оправившись, сели в шлюпку, подняли парус и через неделю были на Мысовой. Там сели в поезд и поехали в Иркутск. Тотчас же по приезде в город я пошел к моему приятелю, преподавателю физики и химии, и рассказал ему обо всем, что мы видели и пережили.

Вначале он слушал внимательно и серьезно, но потом стал улыбаться и под конец откровенно расхохотался:

— Иван Николаевич, не сердитесь! Я верю только одному, что вы в тиши дикого края набрали на несколько удачных мыслей по части механики и химии и что пережили жестокий ураган. Остальное, конечно, бред.

Я возмутился:

— Но ведь со мной был и Павел! Спросите его.

— Дорогой мой, если бы было даже два или три Павла, то и тем никто не поверит.

— Но у меня есть рисунки, есть зентарская азбука. Мы с Павлом довольно свободно говорим позентарски.

— Вам скажут, что буквы и язык можно придумать.

— Чорт побери, а рисунки?

— Да вы ребенок, что ли? Фотографические снимки, вы говорите, погибли.

Я окончательно потерял терпение:

— Ну, так у меня есть гораздо больше: точный рисунок снаряда, чертежи его механизмов, формулы разложения атомов, анестезирующего излучения и неведомого сплава...

Глаза у моего слушателя заблестели; он перестал улыбаться.

— Не шутите? Покажите-ка эти формулы.

Но тут я опомнился. Показать химику то, что я добыл ценою дружбы с погибшим Баиро-Туном, ценою близости к смерти, то, что я считал величайшей драгоценностью... Нет, я ничего никому не покажу...

— Этого я не могу сделать.

— Ну, вот видите. Как же вы хотите, чтобы вам поверили?..

Через неделю я принял окончательное решение. Во время моего пребывания в Америке я подружился со студентом Изельского университета Вильямом Амори. Я по целым часам слушал его мечты о великой будущности химии, о силах природы, которые суждено покорить человеку, о грядущих полетах на планеты. Он уверял меня, что работает в этом направлении и нашел верный путь. Впоследствии мы часто переписывались, и я знал, что он всецело погрузился в осуществление своих проектов и работает в одном глухом местечке в Техасе. Я поеду к нему и поделюсь драгоценным материалом, полученным от «санзефа» Баиро-Туна. Павел не хочет со мной ехать. Сибирь и тайга ему милее всех планет и всей науки. Я оставляю ему на память эту рукопись.

И. Н. Снежков.

(Конец рукописи)

Прочитав рассказ Снежкова, я сперва пожал плечами, а затем подумал: «Почему бы и нет?..» И вдруг вспомнил об одной газетной заметке, попавшейся мне на глаза года два назад, которую я считал американской «уткой». В заметке говорилось, что ученый Амори построил в Техасе снаряд ракетного типа для полета на Марс и держит его в строгой тайне. Репортерам удалось узнать, что опыты полета оказались удачными.

Однажды Амори с тремя товарищами поднялся и исчез в пространстве. В заметке добавлялось, что снаряд поднимался не строго вертикально, а спиральной линией. Удалось ли отважным путешественникам выправить полет снаряда, достигли ли они Марса или погибли в пути — неизвестно. У них имелось могучее радио, но никто на земле не получил от них ни весточки. Я подозреваю, что Павлу известно об этом полете больше, чем кому бы то ни было. Если он вернется из экспедиции на Курильские острова, он, вероятно, расскажет мне много интересного.

А. М. ВОЛКОВ

ЧУЖИЕ

Фантастический рассказ

Журнал «Мир приключений» №2, 1928 г.

Фантастический рассказ А. М. ВОЛКОВА

Иллюстрации Н. М. КОЧЕРГИНА

I

ва буйка качались на волнах среди непроглядной тьмы тропической ночи.

Черная вода, встречая препятствие, вспыхивала и обтекала буйки пылающими струйками жидкого огня.

Бук с седыми волосами назывался Николаем Ивановичем Врагиным, профессором биологии. Вторым буйком был я. Между нами плыла тяжелая решетка палубного люка.

Казалось, прошло несколько суток с того момента, когда мы после долгого колебания решились и спрыгнули в воду с борта горевшего парохода, сбросив сначала решетку люка. Вцепившись в нее, мы плыли рядом: решетка была слишком мала, чтобы выдержать тяжесть хотя бы одного из нас.

Рассвет наступил неожиданно. Вдруг потухли струи, из поредевшего мрака выступили плавно вздымавшиеся и опадавшие мутно-серые водяные бугры, грубая решетка, наши скрюченные пальцы, вцепившиеся в нее, и бледное, но спокойное лицо Врагина.

Гребя изо всех сил, мы старались теперь направить плот к суше.

Предрассветные сумерки в тропиках коротки, но солнце еще не успело взойти, как мы подплыли к берегу настолько, что разглядели на вершине одной из дюн три неподвижные человеческие фигуры, похожие издали на вбитые в кочку колышки. Одна из фигур стала спускаться к воде.

Подплывая все ближе и ближе, мы пристально вглядывались в фигуры на берегу. Европейцы или туземцы? Через полчаса мы могли оказаться спасенными или... в плену. На западном берегу Африки возможно и это, что бы ни говорили те рассудительные люди, которые представляют себе весь мир чем-то вроде окрестностей Петергофа или Сестрорецка.

Приподнятый высокой волной, я увидел много ближе, чем ожидал, белую полосу — пену прибоя. На мелководье волны усилились.

Налетевшая большая волна, по пути подхватив на свой хребет и меня, с грохочущим ревом далеко выкатилась на берег, разостлалась и пенистым потоком поспешно хлынула обратно. Задышающийся, полуоглушенный, я оказался на мокром песке. Рядом, в пяти шагах, среди клочьев пены и бежавших луж, полз на четвереньках Николай Иванович.

Саженьях в двадцати дальше, размашисто шагая, направлялись к нам трое в темных фуфайках. Двое передних были с автомобильными очками на глазах, третий — в пробковом шлеме. Европейцы! Концы

длинных тонких удилиц упруго колебались над их головами. Успела промелькнуть нелепая догадка: пришли ловить рыбу.

С шипением и свистом чудовищного змея вырос очередной вал. Не успев повернуть головы, краем глаза я увидел на миг близко, почти у ног, высокую изогнувшуюся стену кипящей воды, пронизанную пузырьками пены. Свертываясь наверху гигантской стружкой, стена нависла надо мною. Меня приподняло, завертело и швырнуло еще дальше на берег. Сознание гасло. Еще удар — и обильный пир крабам... При этой мысли, отчаянным напряжением собрав последние силы, я поспешно отполз на несколько шагов и, не подымаясь, долго силился глотнуть воздух, давясь от воды, попавшей в легкие. Голова кружилась, все тело ныло.

II

Я медленно встал, шатаясь от слабости. И, еще не подняв головы, заметил, что спешившие к нам на помощь стоят совсем рядом, в двух шагах.

Мой взгляд скользнул от ног к голове по фигуре ближайшего. Я похолодел. Это было так неожиданно, точно из высокой травы внезапно поднялась и замерла в зловещей неподвижности у самого лица страшная голова змеи.

Вместо ожидаемого мною человеческого лица было нечто невообразимо чудовищное. Принятое издали за автомобильные очки оказалось в действительности громадными выпученными бельмами — глазами величиною в блюдце. Глаза сидели рядом, вплотную, несоотносительно большие для маленькой по сравнению с ними головы. Они занимали все лицо, выдаваясь из своих орбит выпуклыми фарфорово-белыми чечевицами.

Казалось, нет ни лба, ни щек, ни скул — одни глаза! Два белых шара на шее, стержнем выдвинувшейся из плеч. Блестяще-белую эмаль выпученных белым раскалывали пополам горизонтально, от края до края, тонкие черные трещины — щели сильно суженных зрачков.

Жесткая складка плотно сомкнутого, безобразно громадного лягушечьего рта в грязно-зеленой коже, сухо обтягивавшей всю голову и свободную от глаз часть лица, придавала голове невыразимо свирепое выражение.

Разрез широкой пасти, загибаясь кверху, заканчивался в дряблых складках кожи под ушами. Выдающаяся вперед, узкая и тупая, без подбородка челюсть нависала над жилистой шеей настороженной ящерицы.

Пораженное внимание, отвлеченное чрезвычайным, пропустило деталь: между глазами виднелось небольшое, неправильной формы отверстие — единственная ноздря. Точно приносясь к чему-то, конвульсивно сокращались ее нервные, более светлые края...

Если бы я увидел эту голову на туловище гада, не было бы того впечатления отталкивающей сверхъестественности. Но голова чудовища — на человеческом туловище! Смятенная, бессильная мысль билась, как птица в силках. Сон, сказка наяву не поддавались объяснению.

Глухо, точно из-за толстой каменной стены, доходил до ушей грохот прибоя.

Чувствуя, как земля колеблется подо мной, с ужасом смотрел я на гипнотизирующую маску чудовища. Немо и страшно, не шевелясь, глядело оно мне в лицо. И вдруг узкая щель зрачка мгновенно расширилась в

овал, еле заметный золотистый обвод растянулся, сверкнул огнем.

Точно острое сверло со страшной быстротой завертелось в моем мозгу. Мгновенно потерявшие краски дюны и голова гада ринулись в бездну.

III

Царила тишина. Я открыл глаза. Перед самым лицом расстился в блеске солнца мелкий красный песок, в нескольких саженях далее подымаясь вверх пологим голым скатом. Я лежал на боку в тени большого камня.

Голова еще кружилась. Но сознание светлело. Я быстро сел, с изумлением осматриваясь. Море... Удивительно — море исчезло! Даже шума волн не было слышно. Я вспомнил о страшной встрече на берегу, но объяснил все галлюцинацией, результатом, продолжительного нервного и физического напряжения. Чем другим можно было объяснить это, как не игрой расстроенных нервов? Но все остальное ведь было. Где же берег, море?..

Сердце сжало ожидание неведомого. Я осторожно выглянул из-за камня. Шагах в десяти на песке лежали и стояли тюки в брезентах, жестяные ящики, матрацы и несколько больших сундуков полированного дерева.

Вытянув голову еще дальше, я как обожженный отдернул ее обратно. Я опять увидел его. Он сидел на тюке среди груза. Выпуклый водолазный шлем закрывал его голову, но за дымчатыми стеклами я сразу разглядел фарфорово-белые глаза. Рядом стояло воткнутое концом в песок тонкое древко длинного копья.

IV

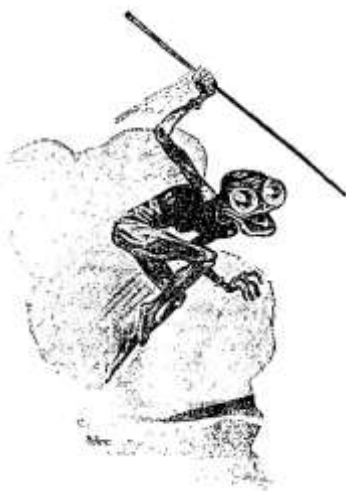
Первым побуждением было — бежать! Но как? Уползти по голому песку — детская затея. Укрываясь ящиками, прокрасться ему за спину и тогда перебраться за дюну? Как уйти незамеченным?

Я повернулся, пополз к другому концу тюка, заглянул за угол и окаменел от страшной картины. На брезенте, вытянувшись, лежало на спине неподвижное тело Врагина. Два чудовища склонились над ним, неестественно изогнув хребты, точно горбатые гусеницы. Одно медленно погружало в чуть вздымавшуюся грудь моего друга большую тонкую блестящую иглу. Другое поддерживало вытянутые и поднятые вверх руки Николая Ивановича.

Напрасной гибелью, безрассудством было бы пытаться спасти Врагина. Но... оставить его на страшную смерть под пытками? Я знал: воспоминание о проявленной трусости и подлости не перестанет давить меня до конца жизни.

Сознавая безумие поступка, я вскочил. Невольный крик вырвался из горла.

В тот же момент, пронзительно присвистнув, точно подброшенный пружиной, сидевший урод высоко подпрыгнул, изумительным прыжком акробата подскочил сажени на две ближе и, взмахнув копьем, направил его мне в грудь.

Тонкое древко качалось, как стальное жало рапиры. Я знал, что рискую вызвать удар малейшим движением. Мгновение я стоял неподвижно. Где-то близко защебетала птичка. Уроды, выпрямившись, смотрели на меня. В тишине мой обостренный слух уловил шум моря и резкие крики морских птиц. Значит, море не особенно далеко.

Лагерь был расположен между дюнами, во впадине. Песчаная могила... А может, не поздно уйти? Я как бы с усилием повернул рычаг в мозгу, подавляя эту мысль, и заставил себя пошевелинуться. В безнадежном отчаянии приговоренного к казни я медленно подошел к Врагину. Маленькое пятнышко краснело на его груди, под сердцем.

Я поднял его и понес. Зачем? Не знаю. Я был заведенным автоматом. Третий раз в этот день все происходящее казалось мне сном.

С мутнеющим сознанием, ежесекундно ожидая услышать дикий крик, принять боль удара, я медленно переставлял ноги в рыхлом песке. Тянулись секунды —

ни окрика, ни звука нагоняющих шагов! Только невидимые птицы дюн усилили свист.

Неодолимо тянуло оглянуться — так тревожно было молчание. Но я шел и шел... Мимо проползли толстые искривленные кактусы. И снова раскаленный песок... Наконец я оглянулся. Сыпучий шлейф холма заслонил вид на

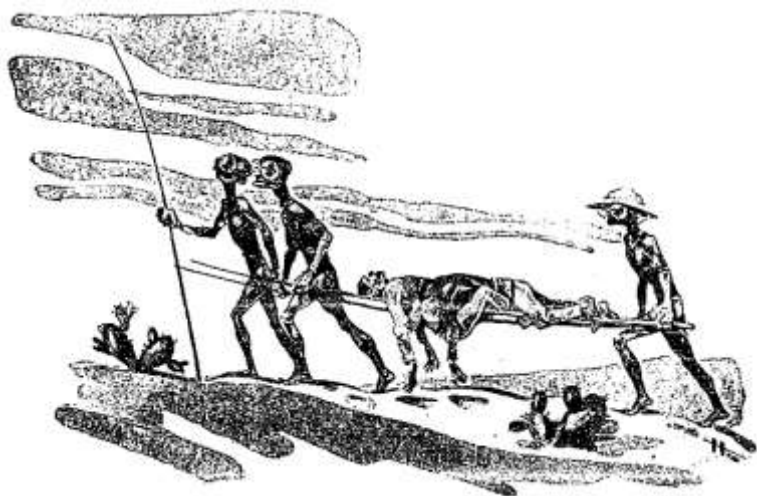

пройденный путь.

Нервное и физическое напряжение оборвалось сразу. Я выронил тело Николая Ивановича и упал без чувств.

Впрочем, я тотчас же очнулся и повернулся к Врагину. Красноватая точка расплылась в широкое пятно. Я положил руку на грудь и сейчас же снял. Сомнений не оставалось — я принес труп. Риск был напрасен, они умертвили его! Там, на брезенте, Врагин еще дышал.

Я поднял голову. Частью колоссального зеркального шара поблескивала темно-синяя гладь спокойного океана. Синева, постепенно бледнея, сливалась с голубым небом. И на этом фоне — красные волны песка. Простор и великий покой пустыни.

От прибрежной полосы меня отделял ряд дюн. Со стороны берега на одну из них поднялись и стали спускаться в лощину четверо в шлемах, волоча тяжелые мешки.

Лагерь виднелся саженьях в сорока левее, в ложине. Там тоже шевелились фигуры. Значит, их не трое.

Ожидать помощи было неоткуда. Безучастный к своей судьбе и свершившейся судьбе Врагина, я машинально наклонился над ним. И широко раскрыл глаза. Врагин лежал на боку и ровно, глубоко дышал. Я лихо-радочно осмотрел его вторично. Красноватое пятно заняло всю грудь. Я прикрыл голову спящего от палящих лучей, прилег рядом и сразу заснул.

V

Проснулся я от неприятного ощущения пристального взгляда. Держа в руках свое копьё, глазастый урод стоял в трех шагах, пристально вглядываясь мне в лицо, словно пытаясь что-то прочесть на нем. Совершенно инстинктивно я сжался, ожидая нападения. С минуту смотрели мы в глаза друг другу. Ни единой человеческой мысли, ни одного чувства не отражалось на этой живой маске.

Урод внезапно нагнулся, захватил горсть песка. Он указал на себя, в сторону моря, вверх и, отведя копьё и подбросив песок в воздух, пронзил на лету облако падающих песчинок. И неподвижно уставился на меня. Я тупо следил за его движениями. Что он говорил? Конечно, о себе. Но что? Быть может, о буре и молнии, ударившей в корабль? Я кивнул головой. Мой взгляд упал на конец опущенного копьё, и дрожь омерзения пробежала по телу: пальчики зеленой лягушечьей лапки обхватывали прут.

Монстр повернулся, быстро, не, оглядываясь, зашагал к лагерю. Я проводил его равнодушным взглядом. Не пытаясь объяснить факты, я принимал их, и только.

— Довольно спать! — услышал я сквозь сон смеющийся голос Врагина.

На его голове тюрбаном был накручен рукав, оторванный от нижней рубашки. Он выплюнул зеленую жвачку и протянул мне кусок кактуса со стертыми колючками.

— Хотите пить? Вместо воды пока. Да вот, — он оторвал второй рукав, — закройте голову!

С радостью я убедился, что Врагин остался прежним Врагиным.

Я со всеми подробностями рассказал ему происшедшее. Может, это неизвестное племя? Или болезнь — вроде пучеглазия?

Врагин покачал головой:

— Вряд ли. Это чужие... Идем к ним!

За извилистой ложбиной открылся вид на лагерь. На тюках сидела одинокая фигура. Остальные пятеро сустились на большой дюне. Отражая солнечные лучи, поблескивала и искрилась сеть огромной паутины, раскинутой между тонкими кольями. Да они плетут сеть!.. Часовой, повернув голову, следил за нашим приближением, но за оружие уже не хватался.

Опасность нам, по-видимому, не угрожала.

Встревоженно засвистали птицы.

— Тогда тоже?!

— Что? — не понял я.

— Свистали пичужки?

— Все время. Но к чему...

— Они и тогда пересвистывались? — нетерпеливо перебил Врагин. — Ни слова не произносили? Значит, это они!.. И остальные отзываются... Отойдем... Пока.

Мы сели неподалеку. Я жевал и сосал кактус. Врагин строил догадки. Изредка у него срывались отдельные слова:

— Эволюция... Ящеры... Другой путь... Но шлемы?..

От лагеря донесся дикий визг и скрежет, точно ра-
ботала круглая пила.

Врагин вскочил, застонал и, хромая, побрел к лаге-
рю. Постоял там минут пять, повернулся и пошел об-
ратно.

— В большой ящик вертикально вставлен короткий
стержень, на стержне со страшной быстротой вращает-
ся туманный шар. Звуки — из ящика. — Он молча сел и
задумался.

Пронзительный звук, не смолкая до самого заката,
метался по ложине.

— Скоро отлив. Пора! Идем за ужином.

Мы перешли дюну возле сети на кольях. Шесть во-
ткнутих в песок никелированных прутьев метра в два
длиною огораживали круглую площадку диаметром в
три-четыре метра. В центре стоял седьмой прут — ко-
роче. Тонкие нити проволоки соединяли верхние кон-
цы всех семи прутьев.

Возвращаясь, мы несли наловленных крабов, раку-
шек и сухих чурбаков с берега. Солнце быстро садилось
за дюну, косая тень ползла к нам. Тень доползла и до
лагеря. Звуки мгновенно замолкли.

Мы сидели у костра и хрустели печеными крабами.
В сумерках видно было, как торопливо поднялись на
дюну пять фигур и исчезли за серым гребнем.

— Видели? Отправились. И заметьте: отлив. Вы го-
ворили, — утром тоже во время отлива ходили. И но-
сили. Идем на разведку! Может, отчасти и разрешим
загадку.

В сгущавшейся темноте внизу перед нами рассти-
лалась знакомая прибрежная полоса. Пять черных
пятнышек, временами сливаясь в одно, быстро при-
ближались к воде. Прямо впереди над низкими волна-

ми отлива возвышалась обнаженная морем черная громада. Ее можно было принять за плоский, но широкий подводный камень, если бы не туда именно направлялась пятерка из лагеря.

— Их затонувший корабль.

— Корабль, да. Но их ли? Не наш ли? И груз вроде с нашего корабля, — возразил я.

Часа через полтора при свете звезд они возвратились. Молча прошли мимо нас. Но... ушли пятеро, вернулись шестеро. Обсуждая это обстоятельство, мы направились к тлевшим углям. Врагин завернул в лагерь и принес оттуда два больших шерстяных одеяла.

— Развязана целая кипа. Не отняли, — лаконично объяснил он.

VI

Через полчаса, перевернувшись на другой бок, я успел заметить, как на фоне звездного неба над лагерьем что-то громадное плотным черным облаком взметнулось вверх и почти мгновенно скрылось в вышине.

Вспышки на дюне привлекли мое внимание. Голубые, зеленые, синие искры перескакивали между светившимися кольями, танцевали в проволоочной сети паутины.

Я разбудил Врагина. Приподнявшись на локтях, мы наблюдали за мерцанием разноцветных огоньков.

Яркий метеор плавно скользнул по звездному своду, оставляя длинный след. Прямая черта тусклого света медленно таяла.

Внезапно Врагин вскочил:

— Скорее! Туда! К ним! Скорее! Скорее!..

В лагере неторопливо шевелились силуэты. Часовые? Или там вовсе не спали? Врагин замедлил бег, —

стремительное приближение могли счесть за нападение. Но к нашему приходу отнеслись равнодушно.

Врагин порывисто схватил руку ближайшего, потом нагнулся, захватил горсть песка и повторил жест урода, разбудившего меня днем своим пристальным взглядом.

Эффект был поразительный. Нас окружили кольцом, разглядывая так, точно сейчас только увидели. Я придвинулся к Врагину, чтобы вместе встретить нападение. Совсем близко перед нами — страшные головы-глаза. Зрачки, раздвинувшиеся до размера стекол больших карманных часов, отражали пляшущие искорки.

— Они недоброе задумали. — Мой голос осекся. — Ведь это в высшей степени неосторожно... — Я не окончил.

Врагин сжал мне плечо и почти закричал от охватившего его возбуждения:

— Вы ошибаетесь. Поймите же, черт возьми! Они другого, реального, чужого мира. Они так же естественны и нормальны, как мы.

Непоколебимая уверенность звучала в его голосе.

Темное облако проглотило луну. В набежавшей тьме выявилось незаметное при свете луны неравномерно пульсирующее сияние, фиолетовым ореолом стоявшее над ящиком. Оттуда доносились тихий писк и чирикание.

Один подошел к цилиндру, и вдруг пучок солнечных лучей залил лагерь.

Зрачки окружавших сузились опять в узкие разрезы, но весь облик их уже не казался мне теперь таким ужасным, как днем. Стоявший рядом прикоснулся к полированному ящику — крышка мягко отскочила вверх. Я увидел тщательно уложенные кипы бумаг.

Дрожь овладела мною. Мы стояли на пороге одной из тайн вселенной, приподнималась завеса неведомого мира, затерявшегося в звездной пыли, в неизмеримой дали бесконечности.

VII

Открывший ящик взял узкий длинный лист и, указав на звездное небо, передал нам. Я жадно впился глазами. Сверху была изображена спиральная туманность. Ниже второй рисунок показывал ее ближе и уже не как туманность, а различимое звездное скопление с маленьким квадратом, обведенным красной линией. На третьем рисунке — увеличенный красный квадрат с несколькими десятками звезд, окружавшими небольшой синий треугольник, в котором была заключена одна звезда, ничем, впрочем, не отличавшаяся от других. На следующем — в большом синем треугольнике — горела голубым огнем яркая звезда, а еще ниже — звезда ясно распадалась на две.

Мы как бы мчались с быстротою мысли, пронизывая бездну вселенной, приближаясь к какой-то определенной точке.

На последнем рисунке оба светила сильно увеличенной двойной звезды были так искусно раскрашены, что я, точно заглянув в трубу сверхтелескопа, увидел два — голубое и оранжевое — солнца.

Под рисунком была схема их солнечной системы — две крошечные точки-песчинки кружились вокруг своих солнц.

Нарисованные сбоку два кружка разного диаметра, соединенные тонкими белыми линиями с точками на схеме, указывали сравнительные размеры планет.

Меньшая планета была ближе к своему оранжевому солнцу, чем планета голубого солнца.

Рисунки и чертежи, чрезвычайно понятные, дополняли друг друга.

Вероятно, подобные случаи были предусмотрены, и все эти листы с картами и рисунками были специально изготовлены для снаряжавшейся экспедиции, чтобы облегчить объяснения с обитателями других миров.

Развернули большой широкий лист с восемью плоскошариями. Серебристые области обозначали воду, — мы поняли это по жесту в сторону моря.

Меньшая по размерам планета имела только небольшой клочок суши, — коричневый островок среди сплошного океана планеты. О нем рассказывал дополнительный цветной рисунок. Густые джунгли ярко-зеленых растений странной формы — скорее, трава, чем деревья, — поднимались со дна на огромную высоту над поверхностью вод. Лодка с двумя сидящими большеглазыми существами давала представление, как громадна высота морских джунглей.

Развернувший лист красноречивым жестом обвел кругом и заостренной металлической спицей нарисовал на таблице рядом с кружком планеты другой, почти равного диаметра, сравнивая величину Земли с размерами этой планеты.

На втором, таком же широком листе восемь плоскошарий показывали карту поверхности планеты голубого солнца, обитателями которой были они. Здесь, кроме суши и воды, имелось множество других обозначений: красные пятна, зеленые поля, желтые полосы, черточки, точки, квадратики и кружки разной окраски и размера пестрым узором покрывали сушу и местами море. Прямые тонкие линии разного цвета перерезали воду. Пунктирные — сушу... Глаз открывал

все новые и новые знаки. Все это ждало пояснений, поняты были только серебристые извивы рек.

Рядом посыпались сухие, щелкающие удары, словно два больших пустых ореха часто бились один о другой.

Врагин выпрямился, как бы опомнившись.

— Слушайте, — заговорил он отрывисто. — Ночью взвился аэростат. Шар — вместо мачты беспроводного телеграфа. Возможно, не первый. На дюне — звездчатая антенна. Этот, в шлеме, работает у аппарата. Они зовут кого-то. Значит, они не одни. Они торопятся связаться с теми, другими, которые мчатся со скоростью света, а может, еще быстрее. Они торопятся связаться, пока не разделило недостижимое даже для их воли пространство. Они не намерены остаться здесь, на нашей Земле, этой пылинке, к которой пристали лишь на краткий миг своего чудовищного полета и случайно потерпели аварию. Их жест с песком означает путь сквозь звезды. Нежные, разноцветные искры в антенне — ответ. Каждую минуту можно ожидать появления тех, которые сейчас отвечали.

Он схватился за голову.

— Наш долг перед человечеством, перед мировой культурой не потерять связи, не упустить возможность... Исключительный случай, может, один в тысячу лет. Надо быстро найти решение. Отойдем, здесь невольно будем отвлекаться..

Мы молча дошли до брошенных одеял. Врагин сел и отвернулся. Аппарат молчал. Через полминуты погас прожектор. Земная ночь окружила нас, окутала мраком.

VIII

И вдруг я увидел, как край облака, закрывавшего луну, закрутился, будто захваченный смерчем, и разорвался в клочья.

На дюне фейерверком посыпались искры, взметнулся клуб голубого пламени. Аппарат в лагере щелкнул пять раз подряд и смолк. Высоко вверху резким правильным кружком зачернело небольшое облако. Не теряя правильности очертаний и густоты, оно быстро увеличивалось в диаметре.

Едва успел я понять, что через секунду оно упадет на нас, как гигантский черный круг навис над ложиной в десятках метров над землей. Плавно опустился еще ниже и неподвижно замер в воздухе.

Большой овал белого света с минуту лежал на песке вокруг нас, потом мигнул, дрогнул, погас. Снизу поднялся луч другого прожектора, осветил плоскую, движущуюся поверхность металла.

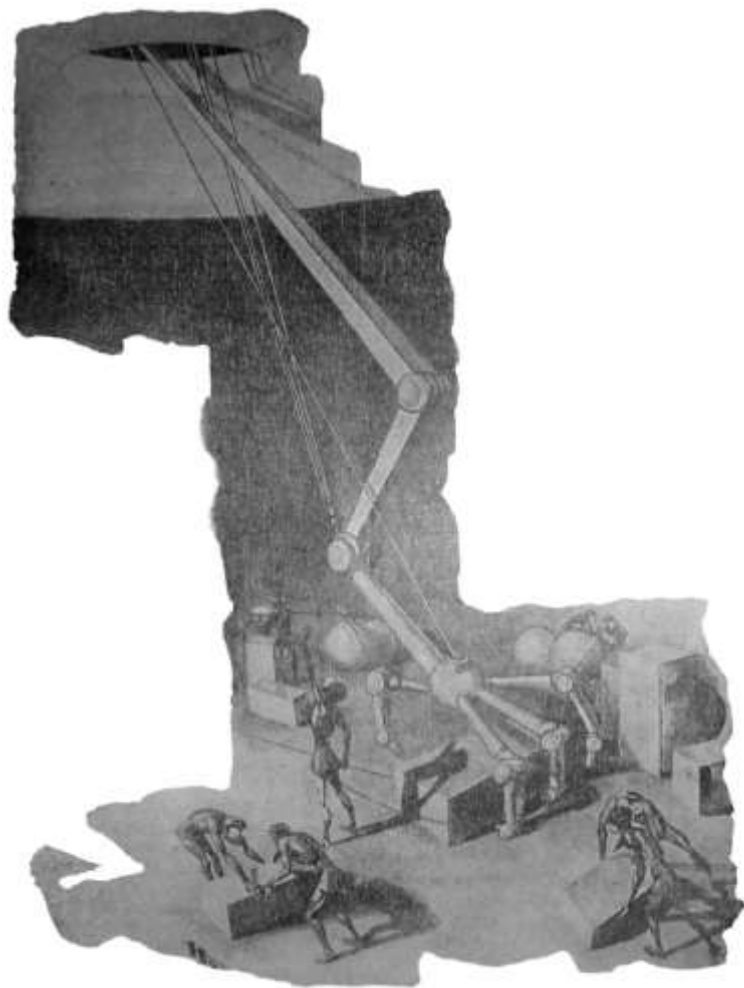
Из мрака выступил громадный, медленно и беззвучно вращавшийся наподобие граммофонной пластинки диск размером с арену большого цирка.

Потом корабль опустился еще ниже и плоским обширным сводом повис в воздухе саженях в трех над землей.

Ровная поверхность металла вверху и волнистый песок образовали обширную, но узкую щель; свет прожектора в центре как бы столбом поддерживал низкий потолок.

Мы побежали к лагерю.

В самом центре продолжавшего свое медленное вращение диска чернело отверстие круглого люка в широкой выпуклой оправе белого полированного металла.

Пока Врагин, жестикулируя, пытался что-то объяснить двум пытавшимся понять его большеглазым чужакам, я наблюдал за кораблем.

Из люка на двух тонких стержнях-трубках опустилась клеточка лифта. Едва один в шлеме вошел в нее, как клеточка взлетела и нырнула в черный люк. Вслед

за этим вылез клубок перепутанных металлических суставов, вяло развернулся в огромную кисть руки, за кистью также лениво показался локоть, точно наверху, проснувшись, потягивался циклоп. Полуразжатые пальцы висели в аршине над землей. Внезапно ожив, рука поднялась, повернулась, металлическая кисть осторожно опустилась на два крайних тюка, пальцы сжали их, как ястреб цыпленка, и в одно мгновение исчезли с добычей в люке.

Один большеглазый отправился на дюну — конечно, снимать антенну. Всё говорило о скором отправлении.

Мгновенная боязливая мысль вспыхнула и когтистым страхом вцепилась в сердце.

Что, если вдруг на секунду приостановит работу удивительная сила, вырванная у природы гением неизвестных существ и, закованная в броню металла, ударит о землю чудовищным молотом, поднятым сейчас над головой, страшная тяжесть нависшего корабля? На краткий миг сомкнется щель... Невообразимая боль раздробленных костей. Голова под неумолимым прессом. Хотелось выбежать из-под корабля на простор родной ночи. Но голос более сильный — голос человеческой гордости и разума — приказывал оставаться на месте до конца.

IX

Взволнованный, радостный возглас Врагина привлек мое внимание:

— Кончено! Добился!..

— Чего?.. Остаются? — обрадовался я. — Нет, я с ними... Единственный выход. Через десять-двадцать лет я вернусь. За это время я сумею многое узнать.

— Но можете и не вернуться.

— Вернусь, верьте! Они летят наверняка! Целая эскадрилья. Побойтесь о Лиде.

Лифт снова безостановочно.

Механическая рука продолжала втаскивать грузы.

Потом стали подниматься наши недолгие соседи. Один протянул мне сложенную карту, служившую при последних объяснениях с Врагиным. Врагин пожал мне руку.

— Ждите! Передайте мой привет Лиде. Ну, она-то не забудет меня...

— Николай Иванович!..

Он не дал мне договорить.

— Да, я знаю. Я знаю вас и могу быть спокойным. Надеюсь на вас. Ждите... Мы опустимся на поляне за домом... Хотя через двадцать лет... Ждите...

Он еще раз пожал мне руку своей вздрагивающей рукой. Пустая клеточка опустилась. Врагин вошел. Мы обменялись последним рукопожатием. Я почувствовал под левой ладонью металл лифта, и клетка взвилась. Через секунду голова и плечи Врагина показались за перилами в люке.

– Прощайте!.. – закричал я.

Круглым зрачком зачернело отверстие люка... Я услышал из темноты:

— До свидания!

ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВ

РАКЕТА ПЕТУШКОВА

Фантастический рассказ

Рисунки В. Доброклонского.

Журнал «Смена» № 5, 1924 г.

РАКЕТА ПЕТУШКОВА.

Рассказ Г. Алексеева

Илл. В. Доб-
рынина
1901

Он цей-лоп, сказал он Петушкову, дужа способный цей-лоп до чиниет
хулианства...

I

Двадцать второго сентября 1921 года на острове Шипан в Адриатическом море произошло событие, ко-

торое только по причине преступления до сих пор неизвестно цивилизованному миру. Но так как инженеры Кравченко и Петушков, русские беженцы из Новороссийска, на землю до сих пор не вернулись, а далматинский миллиардер Фредерико Главич окончательно выжил из ума, приказав своим слугам величать его: «Завоеватель межпланетного пространства» — я, единственный на земле человек, принимавший участие в этом странном предприятии, по некоторым причинам вынужден объяснить, как все это произошло.

В самом начале двадцатого года на пароходе, увозившем в Сербию остатки белой России, на палубе, с помощью американских одеял наскоро превращенной в каюты, познакомился я с двумя молчаливыми людьми в фуражках российского инженерного ведомства. У одного из них — высокого человека в чудовищных, по брюхо, сапогах было скуластое, заросшее сивой шерстью лицо и открытые, доверчивые, как день, глаза. Его звали Петушковым. Говоря, он заикался, словно давился куском мерзейшего английского бифштекса из обезьяны, которыми нас щедро откармливали на пароходе после российской голодовки. Обернув дном вверх бочку из-под сельдей, он целыми днями потел над цифрами с потрясающим количеством нулей, к вечеру все вычисления летели за борт, сопровождаемые крепким морским словом, и Петушков заваливался спать на якорных канатах, высвистывая носом родные рулады. Его товарищ — молчаливый человек, с закишными хохлацкими усами, заинтересовал меня, главным образом, тем, что по ночам, когда только отчетливый храп напоминал о России в душной тьме черноморской ночи, он флегматично усаживался на носу под колоколом, визгливо отбивавшим свои склянки, и разглядывал

вал в бинокль красноватую звезду, воткнутую окурком над черной бородой анатолийского берега.

— От це, — говорил он, — и будет Венера...

— Ну, так что ж, — сказал я равнодушно, — Венера так Венера... Мало ли звезд на небе.

— То-то, что таких, как Венера, мало, — отозвался он серьезно... — Вы кто: дурак или кто? Венера прежде всего живет, поняли? То есть, я хочу сказать, что на ней есть живая жизнь... Правда, она, как молодая планета, постоянно окутана облаками, как в свое время и Земля была... Но разными хитрыми штуками установлено, что на Венере не больше 30 градусов температуры, состоит она из того же мяса, что и Земля... Да. Я думаю, — тут он начал в задумчивости покручивать усы и говорил дальше, как будто сам с собой, меня не замечая, — что Венера сейчас переживает такой же период, как Земля в свое каменноугольное время... Да. Скажем, что это вечные сумерки, рыхлая взрытая почва, покрытая теплым морем и по ней ползут ихтиозавры, бронтозавры и всякая другая дрянь... Надо порошу побольше взять... Вы мне напомните об этом...

Случилось так, что в Босфоре я спас девочку, слетевшую с корабля в море. Девочка, в шапочке с симпошками и в новых калошиках, подошла к перилам и молчком кувыркнулась вниз. Я снял сапоги и бросился за нею. Когда матросы вытащили нас на спасательном круге, я вспомнил, что в кармане промок последний десяток папирос, и весьма неодобрительно отозвался по адресу девочкиной мамы.

Кравченко стоял у перил и, покручивая ус, хладнокровно наблюдал, как мы тонули.

— От цей хлоп, — сказал он Петушкову, — дуже способный хлоп до нашего кумпанства.

Так началась эта дружба, приведшая к самым неожиданным последствиям.

II

Клянусь богом, это были совершенно исключительные люди.

Ночью все трое мы заперлись в паровой уборной, где с большой предосторожностью Кравченко выволок из оплешивевшего своего чемодана «Вестник воздухоплавания» за 1911 год. Он ткнул под самый мой нос просаленные страницы:

— От цю штуку вы читали? — «Исследование мировых пространств реактивным способом» — Циолковского. Ни? Так я вам должен сказать, что Годдарт и Обэрт этому хлопцу в подметки не годятся...

— А кто ж они такие? — спросил я с некоторым удивлением.

— Про це мы побалакаем на месте... А вы почитайте пока все это... Наш выбор пал на вас.

Он торжественно положил мне на плечо свою волосатую лапу:

— Вы человек мужественный...

— Вы меня извините, — сказал я сурово, — я не люблю шуток...

— Какие тут шутки, — вскричал он, — никаких шуток нет... Мы решили взять вас с собою на Венеру...

— Ку-уда?

— А вон, — показал он пальцем в иллюминатор, — от цю звездочку изволите видеть? Венеру? Мы с Петухом перебираемся туда на жительство...

Я посмотрел ему в лицо с острым чувством жалости и хотел напомнить, что на пароходе есть врач, и он может дать хины, но оба они были до такой степени спокойны, медвежьи скулы Петушкова сжались с такой решительностью, а в глазах была такая сумасшедшая уверенность, что я задумался. А в самом деле? Из Рос-

сии выбросили, как щенка, везут за счет английского короля не то в Сербию, не то в Египет... В положении человека, которого хотя и зовут Федор Антонович, но паспорт которого английский, сапоги американские, а рубаха из благотворительных средств греческой королевы, долго раздумывать не приходится.

— Хорошо, — сказал я, небрежно сплевывая на петушковский сапог, — ваш стол, два доллара в месяц и новые обмотки... А визы у вас уже есть?

III

Пароход привалил к Рагузе, и когда — похожие на молодых угольщиков — мы вступили в душный от запаха магнолий и апельсинов город, в пеструю тесноту его полуитальянских, полутурецких улиц — Петушков высказал подозрение, что, пожалуй, здесь не видали даже живого трамвая и город для практических работ не годится. Однако, осмотревшись и получив от проживавших уже тут русских беженцев заверение, что сербы очень любят русских, которых они считают своими братьями и даже выплачивают им неизвестно за что по пятисот динаров в месяц — мы решили, что условия эти вполне приемлемы, надлежало только упрятаться на какой-либо остров, и там заняться пока что практическими изысканиями. Таким островом оказался Шипан, пленивший нас чорт его знает почему? Оттого ли, что на нем была всего одна тысяча жителей, или оттого, что некий навязчивый хорват, доводивший нас своей любовью к русским до дикого бешенства, указал нам в приморском кафе на толстого, набитого нездоровым жиром человека, задумчиво плевавшего в стоявший перед ним стакан кофе.

— У этого человека, — сказал он, — восемь океанских пароходов, тридцать два дома в Чили и фабрика селитры...

— Селитры! — вздрогнул Кравченко.

— Селитры, и остров Шипан в Далмации принадлежит ему. Тщеславие этого человека так же велико, как его богатство. Вы видите: теперь он всенародно плюет в кофе... На восьми его кораблях саженными буквами написано его имя: Фредерико Главич... Он мог бы построить вавилонскую башню, если ее назовут его именем...

— А скажите, мой друг, — ласково спросил Петушков, — где находится этот Шипан, и ходят ли туда пароходы?

На другой же день мы были на острове. Он весь тонул в виноградниках, в оливковых и мандаринных рощах. Восточный берег его заканчивался горой, острой, как палец. Она называлась горой св. Ильи, и в древности — мы точно не разобрали — в проливе ее имени Цезарь разбил Помпея, а, может быть, Помпей Цезаря. На ее гордой вершине находилась вилла известного австрийского историка, который жил здесь, пленясь историческим прошлым горы, и уехал в Вену, когда Далмацию завоевали «эти грязные сербы». Правда, в его вилле не осталось ни окон, ни дверей, и даже крышу «эти грязные сербы» использовали на что-то другое, но зато вилла помещалась на такой крутизне, что доступна была только знавшим особую козью тропу. Над ней — свободные — парили орлы, с нее — просторное — во все четыре стороны открывалось море. Мы остались вполне довольны нашим новым жилищем, приспособив под спальню исторический курятник.

На третий день мы отправились с визитом к далматинскому миллиардеру Фредерико Главичу. Он принял нас в саду, проросшем одуряющими левкоями, в беседке, над которой серебряный лев держал в лапе земной шар. Терять нам было нечего, и потому Петушков на совершенно исключительном французском диалекте объяснил миллиардеру, что жизнь — есть тлен, и человек, умирая, не оставляет после себя никаких следов, кроме детей...

— Но дети, — тут Петушков сострадательно улыбнулся, — этот способ запечатлеть себя в вечности известен каждому рыбаку... Разве этого жаждет ваша просвещенная, уставшая от человеческих дел душа?

Миллиардер посмотрел на нас сонными, заплывшими от сладких запахов, глазами и сказал:

— Я люблю прохвостов, а вы, по всей видимости, настоящие прохвосты. Присядьте.

Однако, когда Петушков прочитал краткую лекцию о методах достижения предельных высот, и для объяснения принципа отдачи, единственного, по его мнению, способа движения в пространстве, припомнил обыкновенную пушку и толково объяснил, что если бы пушка не стояла на упирающемся в землю лафете, то непрерывно стреляя, она могла бы взлететь даже на Луну, да еще подкрепил свои утверждения опытами Циолковского, Годдара и Баркельандера — миллиардер заметил, что считает нас очень отважными людьми.

Подумав, он сказал, что теперь мы можем провалиться, а завтра... если он завтра скажет себе да, то над его виллой будет поднят флаг. Мы можем увидеть его, не спускаясь с горы.

Это было вечером третьего января.

А четвертого января 1920 года, в этот исторический отныне день, ровно в десять часов утра, дежуривший у курятника Кравченко заревел отчаянным голосом:

— Флаг поднят!

IV

Должен сознаться, что это было по истине редкое соединение двух антиподов загадочной славянской натуры. Инженер Петушков был порывист, беспорядочен в мыслях, увлекался, как ветер, но и охладевал, как ртуть, в работе брал больше срыва, а не высидкой, но я должен сказать, что все «гениальные», как выразился однажды Кравченко, мысли — приходили именно к нему. Это он, например, заметил, что в нашем аэроплане-ракете все-таки должны быть рули.

— Иначе, — сказал он, — как это ни странно, но нас ждет участь жюль-вернова ядра.

Технолог Кравченко, наоборот, был весь — усидчивость, хохлацкое упорство, расчетливость и лень. Но если брался за работу — делал ее основательно, на годы. Так ему принадлежала выковка стенок ракеты, которым суждено было в межпланетном пространстве выдерживать до 10.000 килограммов атмосферного давления на каждый квадратный метр. Чорт знает, с каким упорством колотил он по раскаленному железу четырехпудовым молотом, или выковывал его в особых, выписанных Главичем из Берлина, горнах. Впрочем, он и сам говорил, что если бы две известные части тела, над которыми он думает и сидит, переместились местами, он, несомненно, был бы гениальным человеком.

Работы шли полным ходом. Хорватам объяснили, что руссы собираются проводить на острове электричество. Главич не скупился на средства, и к маю 1921

года голый остов аэроплана-ракеты с крыльями из алюминия и винтами, толщиной всего в полтора дюйма, был готов. Внутри ракеты помещались два огромных бака с водородом и кислородом. Стекая в равной пропорции во взрыватель, в который тупыми искрами была непрерывная электрическая искра, они образовывали гремучий газ. Газ тут же взрывался. В потоке стекающих газов стояли рули. Движение ракеты было разработано. Более трудная битва предстояла с холодом мирового пространства с его 273 градус. ниже 0. Кравченко предложил использовать для отопления ракеты часть тепла от взрыва газов. Но Петушков, просидев три дня над стеклами, объявил, что он приготовит прибор для поглощения огромной лучистой энергии солнца, пропадающей в пространствах. В тот же день к Цейссу в Иену полетел телеграфный заказ миллиардера Главича на двояковыпуклые чечевицы. Немало пришлось потрудиться над конструкцией взрывателя: его стенкам надлежало выдерживать температуру в 4.000 гр. по Цельсию, спасти положение могла только платина, а она была в двух местах: в России, но в России — перестали уважать миллиардеров; и в Греции, у бывшего владельца платиновых рудников на Урале, вывезшего по случаю эвакуации пуда полтора, и даже ставшего по этому случаю русским посланником на родине Аристотеля. Сгоряча, Фредерико Главич телеграфно предложил посланнику обменять платину на пароход.

При отделке внутренней камеры ракеты, Петушков вспомнил, что человек выдерживает ускорение лишь до 40 метров в секунду, а тут, по его вычислениям, предстояла секундная скорость в 10.000 метров. Было решено погрузить пилотов в жидкость, равную по удельному весу человеческого тела, и лететь в этой

жидкости. В такой ванне пилот без вреда может выдержать любое ускорение.

— Удивительная мерзость, — сказал Петушков, когда жидкость, наконец, была готова, — в какой только дряни не приходится купаться...

— Ради идеи, брат...

— Какая там, к чорту, идея! — Петушков рассеянно поглядел вниз, на белое кружево зацветающих маслин, — в Россию бы теперь, в Кострому, чайку с вишневым вареньем...

— Ну, это ты брось, Петух...

Кравченко испуганно поднял брови и выронил альтиметр, который выверял.

В тот вечер мы напились сквернейшей далматинской водки до потери сознания, и Петушков едва не раскокал четырехпудовым молотом всего нашего снаряжения. Кравченко молча съездил его по уху и посадил на пороге курятника, где он и выводил всю ночь рыдающим, бравшим под самое сердце тенором:

— Э-эх, кабы во поле да береза не стояла...

А на утро было твердо решено, что отлет состоится ровно в полночь двадцать второго сентября 1921 года. Так хохлацкое упрямство Кравченко решительным образом помогло осуществиться этому чудовищному предприятию.

V

15 сентября, как раз в первый день сбора винограда, когда в долине острова всю ночь не умолкали песни опившихся суслом счастливых виноградарей, аппарат был готов. По внешнему виду это была ракета, снабженная двумя парами крыльев. Ее хвост представлял собою пушечное жерло, в нем были наглухо укреплены

рули, напоминавшие мясорубку. В кабине для всех трех пилотов были приготовлены герметические мешки из меха, соединенные проводами с маленькой электрической станцией и налитые особой, весьма гнусно пахшей жидкостью. В мешки надлежало влезть голыми, излишек жидкости выливался через особое отверстие, и они герметически закупоривались. Петушков при этом сделал несколько неприличное, но весьма житейское предположение, но Кравченко по прежнему был упрям и обозвал его «старой бабой».

Дня за три до отлета Кравченко спустился в долину и притащил с собою Главича. Лицо миллиардера напоминало свеженачищенный люк ракеты не только от трудного подъема по козьей тропе... Он отечески похлопал по крылу аппарата и взялся за бумажник. Но, уловив грустную улыбку Петушкова, раздумал. В самом деле — деньги, да еще сербские динары, на Венере не нужны... Взамен этого он принес, только что полученный из Америки, жироскоп Кордона с валиком внутри для ориентации в межпланетном пространстве. Этот прибор был замечателен тем, что валик во всяком положении указывал на Полярную звезду и, таким образом, мы всегда могли знать, где мы находимся. Мы прикрепили его к носу «Межпланетной ракеты Фредерико Главича» и присели на ступеньках кабины.

Солнце стояло в нестерпимом полденном соку. Дикие апельсины пахли жаром расплавленной киновари. Главич вытащил из кармана расписной японский платок и отер им жирную неживую шею. Как-никак, а ведь мы были обречены на верную смерть. Было бы гнуснейшей пошлостью сказать о жертвах ради науки...

— Так я пойду, — сказал Главич с несвойственной этому человеку кротостью, — я жду вас сегодня ужинать.

Дня за три до отъезда
Кроченко спустился в
болото и приватил с
собой Глазго.

Я с ненавистью смотрел в спину этого золотого осла, спускавшегося вниз к жизни, к ее простым радостям. И, черт знает, почему — в его, размягченный всеми удовольствиями, мозг пришла вдруг дикая фантазия истратить полдесятка миллионов на удовлетворение отчаянной выдумки трех ошалевших русских эмигрантов...

VI

Но это было настоящее вдохновение!

В день отлета мы работали как хорватские ослы. Мы оттащили ракету на плоскость, метров на двадцать от обрыва, мы скатили с площадки все камни, чтобы не зацепить колесами или «мандолиной» при взлете, мы десятки раз проверяли: все ли на месте, есть ли в мешках вино и вода, привязали трубки и табак к выключателям, чтобы они не мотались по всей кабине, когда ракета уйдет из земного притяжения — и уже к одиннадцати часам вечера, когда поднялся на гору Фредерико Главич, стояли одетыми в отвратительные мешки с липкой жидкостью, похожие скорее на водолазов, чем на летчиков, своими скуластыми металлическими шлемами и огромными рыбьими очками.

— Друзья, — вдруг сказал Главич, — я готов считать пропавшими пять миллионов динаров... Оставим нашу глупую затею...

Но эту его фразу слышал только я. Петушков пробова́л мотор, и он гудел недовольным жужжаньем потревоженной птицы.

Без четверти двенадцать Петушков размашисто перекрестился и бросился в кабину. Все же и тут он оказался первым, и ракета по справедливости названа мною его именем. Кравченко с торжественностью, по-

казавшейся мне несколько смешной, приложил руки к алюминиевой своей груди и стал медленно подниматься по ступенькам.

Кравченко великолепным жестом капитана указал Главичу.

Но тот сел в траву и, закрыв лицо обеими руками, заплакал. Будто понял что-то этот изживший жизнь человек и жалел.

Тогда Кравченко сделал рукою знак мне. Я должен был запустить винт мотора и на ходу вскочить на ступеньки. Вот где могла еще раз пригодиться моя отважность!

Ну, что ж! Я — подлец! Я самый последний негодяй и трус, имя которого никогда не станет известно потомкам. Я подошел к винту и взялся за него неверной, задрожавшей рукой.

— Выключено! — с решимостью отчаяния заревел Петушков. Его голова в шлеме, словно бомба, торчала в открытый еще люк кабины.

— Конта-акт? — запросил я, все еще надеясь.

И коротко, словно выстрелив, Петушков крикнул:

— Есть контакт!

Со стоном я дернул винт. Ракета вздрогнула, будто проснувшаяся птица, и вдруг медленно поплыла вперед — к черному обрыву моря, kloкотавшего, как надгробное рыдание, у подножия св. Ильи.

А я... Я повалился на землю и остался...

И еще слышал я высоко над головою — проклинавший рев винта, вдруг рванувшийся из ночи, словно огромная апокалипсическая птица прорезала над островом, и так же вдруг пропавший в тугой, слегка пахнущей созревающими апельсинами, адриатической тьме...

Может быть, обломки аэроплана-ракеты, на кузове которого не по праву написано огромными буквами из остатков посольской платины: «Междупланетная ракета Фредерико Главича», где-нибудь: на земле?!

А. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

ЗАЛЕТНЫЙ ГОСТЬ

Фантастический рассказ
Иллюстрации В. Изенберга

Журнал «Мир приключений» №1, 1927 г.

I.

13 мая 1926 года, в слякотный, ненастный день, какие в питающемся вообще суррогатами Берлине составляют суррогат лета, этот молодой человек оказался в спальне тайного советника Тице и его супруги, в одиннадцать часов вечера, самым непостижимым и неприличным образом.

Выпив вечерний кофе, Тице уже собирались ко сну, и господин Тице даже снял свой шлафрок и стал отстегивать вышитые фрау Амалией подтяжки, как вдруг в камине раздался треск, и там очутился этот остроносый молодой человек в хитоне небесного цвета и с голыми руками. При нем не было никакого летательного аппарата — он свалился просто так, один. На его голове блестел обруч из какого-то синего металла, в котором ярко отражались лучи висевшей на потолке спальни двадцатипятисвечной лампочки. Фрау Амалия Тиц взвизгнула и поспешно скрылась за занавеску супружеского алькова, но тайный советник не испугался и двинулся на незваного гостя с тем строгим и непре-

клонным взглядом, которым привык обдавать в рейхсгерихте обвиняемых.

— Кто вы, милостивый государь? И что вы делаете в моем камине в такой поздний час?

Но остроносый юноша не понял ничего, как будто ему говорили по-китайски, а не по-немецки. Он смотрел на герра Тице совершенно растерянным взглядом своих не то голубых, не то зеленых, навывкате, рыбьих, безбровых глаз. Затем, выйдя из камина, он сделал по

комнате несколько высоких прыжков, похожих на скачки блохи, и опустился на кушетку у двери. Но он не сел и не лег на нее. Из своего человеческого тела он в одно мгновение сделал какой-то непостижимый узел. Ноги и руки завязались над головой. Она смотрела на члена рейхсгерихта. Губы ее раскрылись. Из них вылетело несколько мелодичных, членораздельных звуков, так же непонятных тайному советнику, как пришельцу немецкая речь. Тице бросился к телефону.

Когда через полчаса наряд полиции под командою жандармского поручика Люцова явился в квартиру,

голова под связанными конечностями спокойно спала. Веки были закрыты, и из ноздрей вырывался тоненький, самый обыкновенный храп. Господин Тице и его супруга глядели на спящего. Принялись его рассматривать и шестеро шуцманов, пока хозяин квартиры делал о его появлении поручику обстоятельный и методичный доклад.

— Ни малейшей растительности — ни волос, ни бровей, ни ресниц. Остроконечный, очень развитой череп.

Сплетенные над ним конечности, обнаженные среды небесного хитона, вызвали возмущение одного из шуцманов:

— Да это обезьяна!

Действительно, гость был четвероруким, но спящее, матово-бледное лицо с острыми чертами не имело ничего общего с грубым обликом гориллы или шимпанзе. Напротив, оно было очень тонко, словно выточено из слоновой кости. У него был только профиль, как у фигурки, вырезанной — из бумаги, или у рисунка человеческого лица, сделанного на бритве. Этот профиль был очень заостренный — острый нос, отнюдь не крючковатый, а такой, какие назывались римскими, и такой же подбородок. Уродливо это не было, только необычно, как вся нечеловеческая поза спящего.

— Я прошу вас, господни поручик, избавить мою квартиру от этого... индивидуума, вторгшегося в нее в такой поздний час! — закончил тайный советник свое сообщение.

Поручик Люцов ответил:

— Надо его разбудить.

И протянул к спящему руку, чтобы взять его за шиворот, но моментально отлетел, ошеломленный, в са-

мый отдаленный угол комнаты, чуть не разрушив один из столбов темно-красной занавески супружеского алькова.

Видя поражение своего начальства, мужественные шуцманы, не ожидая даже приказания, дружно двинулись на спящий узел. Но через секунду вся комната была полна разбросанных, перепуганных, ползущих людей, из коих двое выбирались из-под плюшевой скатерти опрокинутого стола, с осколками приготовленного на ночь кофе с закусками. Там же, среди бутербродов, барахталась и сшибленная упавшими фрау Амалия.

Сам Тице один остался на ногах. Он протянул, в свою очередь, руку к кушетке, но осторожно, с вытянутым пальцем, и поспешно отскочил.

— Чорт возьми! Да это электрический угорь!

Тайный советник схватил свою деревянную трость, предусмотрительно повернув к себе ее металлический оконечник. Но и трость, которою он собрался нанести спящему вполне достаточный для его пробуждения удар, переломилась надвое в его руке, наткнувшись на какое-то твердое, незримое препятствие, будто на камень. Вокруг спящего была плотная, непрístupная атмосфера.

— Стреляйте в него, поручик, стреляйте! — завопил Тице.

— Как? В спящего? — удивился поручик. — Но он не сделал еще ничего, оправдывающего такую расправу.

— А сопротивление полиции? А ваши люди?

— Они все целы.

Все шестеро шуцманов, с фрау Амалией, боязливо жались к двери, не решаясь подходить близко к страшной кушетке, откуда по-прежнему слышался тонкий, невозмутимый храп.

— Ах, моя Мими! — вдруг воскликнула фрау Амалия. — Бедное животное!

Белая ангорская кошечка была там, под кушеткой, в самой глубине, и вся фосфоресцировала, что было видно, так как под кушеткой было темно. Она судорожно вздрагивала и не отозвалась на зов. Все волосы на ней стояли дыбом.

— Стреляйте! Стреляйте в убийцу! — вскричала фрау Амалия не своим голосом.

— А вы уверены, distinguished lady, что наши пули не отскочат в нас же самих? — осведомился поручик. Когда имеешь дело с непонятным явлением, надо быть очень осторожным.

— Но он убил мою Мими! Это сам дьявол!

— Сомневаюсь. В мире нет ничего чудесного, т. е. противоречащего законам природы, но эти законы нам еще почти совсем неизвестны. Поэтому это электрическое существо не может быть подвергнуто чрезмерной репрессии со стороны моего отряда ни по закону, ни по простой осмотрительности. Может быть, когда оно проснется, то всех нас сотрет с лица земли.

Поручик окончил два факультета Мюнхенского университета и был, как видно, силен в философии. Но фрау Амалия не хотела о ней и слышать.

— Фриц, что же ты молчишь? Да, ведь, это ужасно! Пошли спокойно спать, — и вдруг такое чудовище в камине! И полиция ничего не может поделать. Ах, бьет половина второго. Я еще никогда, никогда не ложился так поздно.

— Позвольте узнать, поручик, принадлежит ли еще моя квартира мне, как доброму гражданину германской республики, или этому узлу? Тогда мы с женой отправимся и гостиницу, — со сдержанным негодованием произнес тайный советник.

Тут остроносый шевельнулся и открыл глаза.

Как бы это ни задевало чести берлинской полиции, мы должны сознаться, что ученый поручик опрометью бросился вон, а за ним и весь его отряд. Фрау Амалия с криком забилась под постель. Один тайный советник остался неподвижно на месте — проявив ли совсем неожиданное мужество и хладнокровие, или прикованный острым взором глаз навывкате, как чарами удава. Но гость не обнаруживал никаких враждебных намерений. Опустив конечности по-человечески, он заговорил что-то по-прежнему мелодичное и непонятное, и ласково улыбнулся герру Тице, как бы желая его успокоить и расположить к себе. Потом он двинулся к нему через комнату. Фрау Амалия, высунувшая было голову, так и осталась с раскрытым ртом: гость шел не по полу, а на несколько сантиметров выше, но передвигал ногами в воздухе, как при ходьбе. Осколки и все, что попадалось на полу под эти, не касающиеся его ноги, сметало, как ветром.

— Вокруг него, очевидно, плотная атмосфера. Он и стал на нее, — догадывался Тице, вспомнив о сломавшейся палке. Он не знал, как приготовиться к обороне, но голубовато-зеленые глаза странного гостя были так мягки, и так мягко звучала его непонятная речь, что даже фрау Амалия совсем ободрилась, тем более, что ожившая кошка уже ластилась у ее ног.

— Вильгельм, не бойся. Он добрый. Он не сделает тебе никакого вреда.

Тайный советник протянул свою честную, бюргерскую руку. Гость согнул колени, по-прежнему в воздухе, не касаясь земли, и, протянув над головою два верхних соединенных указательных пальца, почтиительно коснулся их кончиками плеча тайного советника. Тице понял, что мир заключен.

Раздался звонок телефона.

— Ваше превосходительство, это я, поручик фон Люцов. Наши силы были недостаточны... Прикажете выслать более значительный отряд?

— Чорт бы вас побрал, глубокоуважаемый господин поручик. Вы удрали с вашими шуцманами, оставив меня в безвыходном положении. Очень бы мне помог ваш телефон... Но теперь не беспокойтесь: все благополучно.

II.

Едва ли переход от крайнего негодования к такому добродушию имел у супругов Тице вполне добровольный характер, едва ли они радостно и любезно подчинились тому, что неведомое остроносое существо поселилось в их квартире. Но что прикажете делать? Неблагоразумно было ссориться с тем, кто сильнее не только их, но, пожалуй, всей берлинской полиции, и, чего доброго, может моментально открыть такие военные действия, после которых ее приход будет господину Тице навеки безразличен. Миролюбивого настроения пришельца изменять не следовало. Да и любопытно было, что это за неслыханный вид человека или животного. Нет, человека! Вся повадка у него была человеческая, и господин Тице с каждым днем все больше убеждался в его разуме. Только никакой цирковой каучуковый человек, никакой акробат с изломанными костями не мог сделать из своего тела такие узлы и другие фигуры, как этот четверорукий. Господин Тице поместил его в одной из двух людских, так что кухарка Лотта спала на кухне. Когда ему предложили есть, он сперва не понял, а затем вытащил из-под своей голубой хламиды какую-то маленькую спираль и, надев ее в виде намордника, мгновенно втянул в себя суп, ку-

рицу, крем и кофе, так что на тарелках остались какие-то волокна и водянистая жидкость. Получилась тут и ошибка: гость стал втягивать содержимое горчичницы, перечницы, уксусницы и солонки, но с резкою гримасою обрызгал из спирали всем этим стену, только что оклеенную новыми белыми обоями. Приборов вроде этой спирали у него было несколько — все маленькие, спрятанные, по-видимому, во внутренних карманах хламиды. Он рассматривал с крайним любопытством все вокруг и старался как-нибудь понять язык окружающих.

Из участка, конечно, пришли на другое же утро и, узнав, что он никого не трогал, и не решаясь его тронуть, предоставили дальнейшее ходу вещей, а пока записали его в качестве не имеющего документов неизвестного иностранца.

На буквы, выходявшие из-под пера полицейского чиновника, незнакомец воззрился с крайним интересом. Господни Тице попробовал передать ему их смысл; гость понял это с самой быстрой сообразительностью. Тогда господни Тице принес ему азбуку и несколько книг, а фрау Амалия и Лотта с Миной стали показывать на разные предметы в комнате и картинках, говоря их названия. Этот метод оказался удачным. Незнакомец начал воспринимать немецкую речь.

Всю эту первую неделю никто не являлся в квартиру с непрошенным любопытством и в газетах не появилось ничего. В участке далеко не были заинтересованы в сообщении печати той роли, которую сыграла полиция при первом знакомстве с неведомым гостем, а из квартиры он не выходил и никому не показывался.

Когда стало возможно с ним объясниться до некоторой степени, то, конечно, первыми вопросами хозяев были вопросы о том, кто он, откуда как к ним попал.

Ответы получались весьма неясные и неполные—отчасти из-за недостатка слов, отчасти из-за того, что самые понятия, которые старался передать этими непослушными, неподходящими словами пришелец, были совсем непостижимы и необычны для обитателей квартиры тайного советника.

По словам незнакомца, его зовут Муни. Откуда он? Этого он сказать не может. Он не может даже определить, является ли планета, на которой он обитал несколько дней тому назад, этой нашей Землей, или он прилетел из другого мира, через колоссальное пространство. Ему скорее кажется, будто это та же Земля, так как тут такой же воздух, только очень нечистый и тяжелый, и люди похожи на его единоплеменников. Впрочем, он, ведь, не знает пока, каков этот мир, куда он попал и где не решается сделать шагу из опасения новой катастрофы. А катастрофа его настигла страшная. Он мирно отправился со своей подругой и ее ребенком полетать между соседних планет до отхода ко сну, когда это невинное развлечение было прервано каким-то... тут тайный советник не мог разобраться, идет ли речь о внешнем катаклизме или порче аппарата... Словом, Муни был подхвачен шквалом или взрывом, и спасся лишь благодаря окутывающей его непроницаемой атмосфере. Его носило и швыряло со скоростью, во много раз превосходящей скорость света, он потерял всякую способность ориентироваться, но был невредим, как цыпленок в неразбитом яйце.

Это яйцо атмосферы в безвоздушном пространстве, не распадающееся, концентрированное, предохраняло его и давало спокойно дышать... «Да, ведь иначе и нельзя было бы прокатиться даже до ближайшей звезды» — с наивной улыбкой пояснил Муни на недоумение слушателей. Но его подруга и дочь исчезли, и он

заблудился и не знает, сколько времени носило его таким образом. Не осталось ничего другого, как снизиться куда попало. Это удалось — далеко не без труда. Мешали не то циклон, не то порча аппарата... Эти слова: «циклон», «аппарат», — очевидно, совсем не передавали мысли Муни и относились к понятиям, лежавшим вне сферы разумения господина Тице. Словом, Муни пролетел в какое-то узкое черное отверстие, по видимому, в трубу, как ведьма на помеле, и оказался в спальне тайного советника. Вот почему он не может определить, находится ли он в своем прежнем мире. Регулятор, возвращавший его из путешествий домой, мог испортиться во время катастрофы. Но нормально Муни должен был бы вернуться к себе и, может быть, этот дом на Берлинер-штрассе стоит именно там, где он жил. Ведь, сколько прошло времени? Может быть, миллион лет. Или... или время для него отлетело назад, и он, человек, явившийся на свет, может быть, через миллионы лет после господина Тице, отброшен теперь назад, в неведомую эпоху.

Тут Муни опять обнаруживал совсем не то представление о времени, которое является обычным для людей XX века. Неизвестно, понял ли бы его даже сам Эйнштейн. Он говорил о возможности перемещаться во времени так же, как и о том, как отправился с женой и дочкой немножко прогуляться к Юпитеру или Сириусу. Прошрое, настоящее и будущее как будто не были в его представлении отдельными фазами, а лишь состояниями, существующими для данного существа и могущими для него быть измененными. Как для всего этого не хватало слов! Муни скоро научился разбираться во всей библиотеке тайного советника, хотя, по его словам, самое чтение и письмо были на его родине заменены передачею воли разной скорости, и обраще-

ны к слуху, а не к зрению. Но метод чтения был им постигнут быстро, как и метод еды и питья, вместо того, чтобы просто вбирать в свой организм нужные элементы, не отягощая его ненужными. Муни был вообще очень восприимчив, и объяснял тайному советнику, что, путешествуя среди различных планет, видел такие разнообразные существа и такие различные жизни, что понять эту для него не трудно. Здесь похожие на него существа, только не умеющие ничего устроить, не владеющие ни окружающими их силами природы, ни даже собственным телом.

Отчего, например, не прочистить этот воздух, полный таких отвратительных испарений? Отчего его хозяева не создают себе даже собственной атмосферы? Им, по-видимому, неведомы даже излучения их тела и многие его способности, как, например, электрическая, у них вовсе не развиты. Словом «электричество» Муни пользовался также за неимением лучшего, и постоянно при этом говорил два или три других на своем языке, с видимой досадой, что не может даже дать о них приблизительного понятия. В его представлении видимое тело человека или животного было лишь ядром или осью, вокруг которой находится целое колесо: флюиды, химические волны, все, что может концентрироваться волею человека и передавать ее на расстояние. Муни без труда останавливал так стрелку стенных часов или приводил кошку в каталепсию.

Тело таит неограниченные возможности и подлечит постоянному усовершенствованию из поколения в поколение, как садовод совершенствует цветы или плоды. Тице понял, что если можно достичь усовершенствованного экземпляра скаковой лошади или тюльпана, то также можно усовершенствовать и человеческий организм. Так, в мире Муни, люди, знающие

прекрасно свое тело, управляют его химическими излучениями, электрической, магнетической и другими неведомыми нам энергиями, смотря на них, как на свои органы, совсем так же, как мы на свои руки и ноги, или как электрический угорь на свою силу. Тело их получило крайнюю гибкость и твердость. Атмосфера, окружающая каждого, непроницаема. Существует ли в этом мире смерть? При этом вопросе лицо Муни омрачилось. Это слово он понял. Да, его единоплеменники живут очень, очень много смен света и мрака, очень много откладывают времени про запас и потом экономно расходуют, но все же наступает пора, когда и их организм изнашивается, как не подновляют и не защищают его. Тогда они сами возвращают воздуху свои составные элементы и перестают существовать. Смерть происходит лишь по воле человека.

— Но, если он не захочет самоубийства? — спросил Тице.

— Как же он может не захотеть? — не понял Муни. — Ведь, он иначе постепенно распадется на волокна и на влагу. Это же мучительно. Если наступает... гм... как бы это сказать?... время боли, усталости...

— Апатии к жизни? Дряхлости?

— Я не совсем вас понимаю, но, по-видимому, мы говорим про одно и то же. Словом, тогда надо кончить. Этого могут не понять только неразумные животные. Тех, конечно, приходится разлагать.

— А у вас животные неразумны?

— Нам невыгодно делать их иными. Они должны служить нам. Вот у вас ваши слуги, по-моему, слишком мало отличаются от вас в развитии. Это почти такие же существа, как вы. У нас не так: у нас целая лестница видов. Даже четверорукие разделены по своим способностям, выработанным долгими, долгими...

— Веками? Тысячелетиями?

— Гм... почти. Когда вы говорите о том, что называете временем, то очень трудно понимать. Словом, у нас есть всемогущие, обладающие такими организмами, перед которыми мой ничто, и сеть четверорукие, у которых искусственно понижен разум и другие способности, чтобы они могли удовлетворяться служением нам и черной работой.

— Как? Люди?

— Да, четверорукие. Для разных надобностей общества, разных занятий...

— Специальностей?

— Вот. Для разных специальностей вырабатываются и разные виды. Вы спрашивали о человеке и животных. Он и они не противостоят друг другу, как вы и ваша кошка. Есть виды четвероруких, от наиболее культивированных, усовершенствованных, до наиболее низких, и виды животных, из коих разум некоторых доведен до степени, превышающей разум низших видов четвероруких. Для счастья всех пород надо, чтобы потребности каждой были удовлетворяемы, и чтобы ни одна не имела потребностей, которых не может удовлетворить. Поэтому есть такие виды, для которых излишне зрение или отвлеченное мышление, или чувство красоты, так, все это вместе не нужно для подземных четвероруких, и поэтому у них уничтожено, но зато им придан громадный желудок, усердно наполняемый.

— А зачем у вас есть подземные люди?

— Нас слишком много для планеты, подходящих для нашей жизни.

— Да, ведь, вы живете слишком долго.

— И потом надо же организовывать всю внутренность планеты. Иначе нельзя поддерживать на ней

ровную температуру, и получится то, что в ваших книгах называется морозом и жарою, снегом и дождем — и другими неприятностями.

— Но, ведь вы охранены от всего этого вашей личной атмосферой?

— А все наши сооружения? А низшие виды? А животные и растения? Не жить же нам в клетках, как вы.

— Так у вас нет домов?

— У нас есть переносные обитатели. Видите ли, основное различие вашей жизни от нашей в том, что вы все создаете надолго, а у нас все мгновенно делается и распадается. Вместо ваших огромных машин и зданий — у нас карманные приборы, в которых сконцентрирована нужная энергия.

— Конечно, в дозах, для нас непостижимых, невероятно превышающих мощность наших машин?

— Да, для наших полетов, для создания непроницаемой атмосферы, для мгновенного выращивания леса или цветника, для конденсации солнечных выделений нужны лишь такие приборчики. Иногда их, конечно, требуется несколько десятков, если работа охватывает значительный район. Если нам нужна ограда для собрания, научных исследований, общественных увеселений, то мы мгновенно создаем все нужное и затем возвращаем в элементы воздуха. Но помещения нам нужны меньше всего. Чистый воздух, ровная температура, словом, победа над стихиями позволяет нам жить под открытым небом.

— Но это же скучно — не иметь своего угла! Есть же личная, интимная жизнь, потребность уединиться.

— А на что же сгущение воздуха? Вот...

Гость чем-то щелкнул, и в одно мгновение его окутало облако, как эллинского бога, или как воина, огражденного газовой завесой.

— Видите, вот и наш дом — слышалось оттуда. — Он так же быстро исчезает, как и строится.

Перед Тице снова был улыбающийся острый профиль.

— Нет, я так бы не мог, — вздохнул тайный советник. — Мы привыкли к домашнему уюту. И неужели в вашем облаке есть достаточный комфорт? Ну, вот, например, разве вам плохо спать так?

Он любезно указал на предоставленную гостю постель с периной и пуховыми подушками.

— Если бы мы так вытягивали наше тело во время сна, как вы, и допускали в мозгу дикий процесс, называемый у вас сновидениями, то жили бы немногим дольше вас, — ответил Муни. — Может ли быть что-нибудь ужаснее, чем разумное существо, безвольно подчиняющееся бреду? Сон — абсолютный покой, обновление сил организма. Для него надо привести тело в состояние, настолько бессознательное, чтобы было безразлично, находится ли оно на мягком или на жестком основании.

— Ну, а когда вы заболеваете?

— При нашем воздухе и усовершенствованном теле возможна только изнашиваемость частей. Второстепенные заменяются, но есть такие, которых заменить нельзя. Если они получают важное повреждение, то остается вернуть свои элементы воздуху.

— Итак, больные и калеки у вас не хотят жить?

— Зачем? Ведь, они были бы несчастны. Жизнь возможна лишь при абсолютном довольстве. А, признать, не могу понять, знакомясь с жизнью ваших двуногих из книг и ваших рассказов, как почти все не кончают жизни, которою так мало удовлетворены. Неужели их пугает ничто, в котором нет сознания?

— Итак, у вас все счастливы? Никто ничего не хо-

чет, кроме того, что досталось ему на долю?

— Если он испытывает неудовлетворенное желание, то уничтожает его в себе... Гм... как бы это выразить... ну, анестезируя, что ли, соответствующие фибры своего мозга или нервов. Мы все знаем, что счастье человека не в окружающем, а в том, как он к этому окружающему относится.

— Это, конечно, высшая мудрость. Так учат и древние, и наши философы. Но если на такого философа свалится кирпич...

— Вы забываете, что у нас такие случайности невозможны.

— Однако, вот вы претерпели же катастрофу, потеряли подругу и ребенка. И вы, вероятно, не первый. Неужели теперь вам не больно? Не тяжело без них? Вы за них не тревожитесь? Не тоскуете?

— В этой нашей бездомной жизни мы не знаем того, что вы называете любовью, привязанностью, даже привычкой, — ответил Муни. — Переносясь в пространстве, меняя время, мы, как капли океана, сливаемся и расстаемся.

— Как я вас жалею!

— Да, конечно, это лишает нас того, что вы называете страстями. Но, скажите, вы их много испытали?

Тайный советник стыдливо потупил глаза.

— Не особенно. Я вел очень уравновешенную жизнь. Но все же, в молодости...

— Чего же больше они доставили вам: радостей или страданий?

— Остались воспоминания.

— Ну, эта рухлядь остается и нам.

— Не в том дело. Я все же настаиваю, что если и для вас возможны катастрофы, то ваше счастье зависит не от одного внутреннего довольства. Такой толчок, кото-

рый случился с вами и выкинул вас из всех орбит, мог, помимо вашей воли и вашей философии, испортить ваше настроение.

— Если бы он его испортил достаточно, вы бы меня не видели. Меня бы не было больше.

Как жаль, что этого не случилось! — подумал господин Тице, но, конечно, он не сказал ничего подобного и с самой любезной улыбкой продолжал со своим гостем философскую дискуссию.

III.

Первой каплей разразившегося ливня было появление репортера «Берлинской Недели» с взлохмаченными висками и пестрым галстуком. Лотта и Мина, очевидно, наговорили на базаре лишнего — пошла молва. Тице, с самой сановной неприступностью, удалил репортера, но это не помогло: на другой день явились три других, а в «Берлинской Неделе» все-таки появилось сообщение, что в квартиру члена рейхсгегрихта Тице проникла через камин необыкновенная обезьяна, которую Тице обучает человеческой речи. Затем пошли звонки в телефон. Виновник всей этой сенсации по-прежнему вел себя тихо и не выходил никуда. Он сознавал все неудобства нестись на метр от земли по берлинской улице, а без своей сгущенной атмосферы выходить он боялся: так он был бы совсем беззащитным. Да и современная одежда представляла для него много трудности и неудобств. Словом, он сидел смирно, и лишь Тице приходилось приносить ему из центральной библиотеки все новые и новые книги. Но несносные люди вмешались в то, что их совсем не

касалось, и своей назойливостью превратили квартиру Тице в какую-то осаждаемую кунсткамеру.

Чем строже Тице скрывал своего гостя, тем больше репортеры стремились его увидеть. Мине был отдан приказ никому не открывать без опроса, но за дверью кухни послышался неистовый стук и крики: Пожар! — А когда прислуга выскочила, то ворвался тот самый, первый репортер, и в одно мгновение оказался с кодаком в людской. Так была добыта фотография Муни. Другой репортер проник в виде молочницы. Зашевелилась и полиция. Из уважения к тайному советнику его, конечно, никуда не вызывали, но сам полковник Дейчке явился к нему.

— Ваше превосходительство, извините мой визит, но в газетах пишут такие вещи...

— Да, я, конечно, понимаю, что вы должны быть информированы. Все это мне очень надоело и совершенно не соответствует моему служебному положению. Вчера у меня с председателем был совсем неприятный разговор.

— Но тогда, ваше превосходительство, что же побуждает вас держать у себя такое странное существо?

Тице с раздражением развел руками.

— Что побуждает? Да что я могу вам ответить? Быть может, он слышит нас через всю квартиру посредством одного из своих дьявольских приборов. Как же я могу его удалить? Вы, конечно, осведомлены, чем кончилась попытка полиции.

— Но вам предлагали большой отряд.

— А если бы он тогда снес весь дом с лица земли?

— Тогда можно еще...

— Нет, уж пожалуйста. Я совсем не хочу рисковать. Мы — друзья с моим глубокоуважаемым гостем, и он сделает мне честь остаться у меня, сколько захочет.

Полковник сдержанно улыбнулся, видя боязливое выражение глаз гостеприимного хозяина, и поспешил сказать:

— О, я вас понимаю. Но только разрешите мне все же сказать, что с точки зрения городского благоустройства...

— При чем тут городское благоустройство? Он не делает никакого вреда.

— Но может его сделать в любой момент. И притом известные вам обязательные постановления строго воспрещают держать в квартире домашних животных, кроме собак, кошек и птиц в клетках, без специального разрешения. А ваша обезьяна.

— Как обезьяна? Газеты наврала.

— Но он же четверорукий.

— Да он говорит, читает...

— И все-таки, он может быть нами зарегистрирован лишь как ученая обезьяна. Вам следует взять разрешение и внести налоги.

— Да его уж регистрировали, как человека.

— И за это моим подчиненным сделано строгое замечание. Ведь, если мы согласимся на это, то затруднения станут непреодолимыми. Откуда он? Где его въездная виза?

— Свалился с неба.

— Согласитесь, также невозможно заполнить графу его листка. Если на нашу территорию падает летчик, пролетающий без разрешения, то его арестуют. Нет уж, извольте записать его обезьяною; так будет гораздо удобнее.

— Господин полковник, вы с таким формализмом совсем не можете подойти к мало-мальски необыкновенному явлению.

— Необыкновенные явления нарушают порядок. Об этом я с вами и говорю. Все в жизни города должно соответствовать обязательным постановлениям. Но можно мне взглянуть на вашего шимпанзе?

— Как вам угодно.

Муни как раз был связан в узел для сна, так что полковник сразу поморщился с неприязненным удивлением. Он протянул руку, но Тице поспешил ему напомнить об электрическом ударе. Впрочем, Муни еще не спал и любезно приветствовал посетителя пожеланием «доброго вечера».

— Видите, какой акцент, ваше превосходительство. Несомненный иностранец.

— Я сам не знаю, почтенный брат, — ответил Муни, — откуда я: с вашей ли планеты или с другой? Явился ли я из незапамятного прошлого или из далекого будущего, или из современного земному иному мира; я знаю только одно, что мой мир стоит на бесконечно высшей степени культуры, чем тот, где ты меня рассматриваешь с таким невежливым любопытством.

— Однако, вы, любезный, не забывайте! Вы имеете честь говорить с...

— Господин полковник! — с испугом перебил Тице. — Как вы хотите, чтобы он понял ваше служебное положение?

— Его выучат понимать! Я нахожу, ваше превосходительство, что, как человека, его возможно отнести лишь к бродягам, не желающим открыть своего звания и происхождения. Тогда опять есть вполне определенный параграф. Но, по-моему, его следует поместить в клетку, в зоологический сад. У вас он оставаться не может. В печати и в городе идут всякие вести и слухи, смущающие общественное спокойствие. А, главное, по вашим же словам, возможна и катастрофа.

— Ах, я именно боюсь, что вы к ней приведете! — жалобно произнес тайный советник, провожая господина полковника.

Муни неподвижно смотрел им вслед, все завязанный в узел. В его зеленых глазах была тоска. Может быть, он вспоминал о своих пропавших близких? Или наш мир наскучил ему?

Эти вопросы с участием задала ему фрау Амалия, лично принеся ему вечерний кофе. Муни ответил, что о близких он не жалеет и за них не тревожится. Либо они счастливы, либо они в небытии. Но ему просто наскучило сидеть и в комнате. Завтра он попробует полетать... О, совсем немного, лишь чтобы посмотреть на жизнь. Он вернется.

Такое известие привело господина Тице в полное отчаяние.

— Да я потеряю место! Что я скажу председателю? Из квартиры члена рейхсгерихта будет взмывать за облака какой-то четверорукий акробат, и возвращаться обратно в окно или трубу, на радость зевакам. Да вокруг нашего дома их соберутся тысячи. Их не разгонишь и пожарной кишкой! Вон и теперь проклятый телефон не перестает в одиннадцатом часу ночи!..

Звонил директор кабаре «Зеленый Попугай», предлагая господину Тице показывать за хорошую цену его человекообразное. Тайный советник в негодовании снял трубку.

— Единственная возможность иметь минуту покоя! Но этого часто нельзя. Телефон нужен по службе. Говорю тебе, если так будет продолжаться, вокруг нашего дома будет толпа.

— Фридрих, отчего бы тебе не посоветоваться с моим братом: может быть, вы вдвоем что-нибудь скорее придумаете.

Она знала, что Тице очень уважает профессора Бартельса, и сильно надеялась, что профессор, как инженер, знающий все достижения современной техники, сумеет как-нибудь выпроводить гостя или найдет иной выход из положения. Идея эта понравилась Тице, и профессор был вызван по телефону. Надо было действовать спешно, чтобы предотвратить скандальный полет.

Но, выслушав взволнованных супругов, профессор взглянул на дело с совсем новой точки зрения.

— О чем вы думаете? Да, ведь, у вас клад в руках! — воскликнул он.

— Что же, и впрямь показывать его в «Зеленом Попугае»? — окрылся Тице.

— Нет, узнать все, что он знает, достижения науки его мира!

— Ах, я пробовал его спрашивать. Выходит совсем то же, как если бы вы меня, судью, стали спрашивать о гидравлическом поршне или механизме электрического освещения. Я каждый час поворачиваю кнопку, но не имею понятия, как все это устроено. Вот и Муни такой же интеллигент...

— Очень жаль, но его приборы?

— Он их держит всегда при себе. Это какие-то черные ящички, вроде портсигара или маленькой шка тулки, разной формы. Из некоторых слышен какой-то гул, иногда мелькает искра, но что же во всем этом разберешь?

— Ну, я пойму это лучше.

— Не даст он их.

— Он спит теперь, — тихо сказала фрау Амалия. — И если бы посмотреть...

Точно трое заговорщиков, они тихо прокрались в комнату, освещенную синим светом ночника. Глаза

узла были закрыты, нос высвистывал свою обычную нежную мелодию. Вдруг фрау Амалия испустила радостное восклицание, быстро подавленное испуганным «Тсс!»! «Тсс!» супруга.

В выдвинутом ящике ночного столика лежал черный кружок, очень похожий на карманные часы.

— Он вертел это, когда я принесла ему кофе, и, очевидно, забыл спрятать.

— Но, может быть, это в пределах его защитной атмосферы? — шепотом сказал Тице.

— А вот посмотрим, — ответил инженер, без церемонии протягивая руку к ящику.

— Ах, милый брат! Осторожнее.

Но кружок без малейшего затруднения перешел в руки профессора Бартельса. Он придвинул ближе ночник и стал рассматривать прибор.

— Гм... по виду металл вроде нашего железа. Ничего необыкновенного.

— Может быть, унести это в другую комнату? — сказала фрау Амалия.

— Он может проснуться.

— Если он проснется и хватится вещи, то выйдет, что мы совершили воровство, — строго ответил старый судья. А мы только хотим посмотреть и ничего больше. Это легко будет ему разъяснить в случае его пробуждения. Но он никогда не просыпается раньше утра. Ведь, его сон — полнейший, глубокий покой.

— Тогда у нас достаточно времени, — сказал профессор, вертя кружок. — Как же это открывается? Ах, вот тут какой-то шпенёк...

Он вынул перочинный ножичек и стал что-то отвертывать. Черная струя вырвалась из кружка, как из насоса, и ударила в постель. Фрау Амалия взвизгнула. Раздался оглушительный треск. Все трое остались

невредимыми, как пушкари, выпалившие из пушки, но неожиданный выстрел, по-видимому, причинил серьезные повреждения: от постели остались только четыре ножки и низ свесившейся перины, точно отрезанные ножом; пух разлетелся по комнате — и уносился в огромное отверстие в стене. Муни не было: он был унесен в этом вихре. Из кухни слышались крики. Туда выбежали супруги Тице и профессор, растерянно сжимавший в руках кружок с отскочившею крышкою. В кухне Лотта лежала на полу в луже крови, без ног, металась Мина, а в плите и стене была такая же дыра, и сквозь нее видна была освещенная улица. Там происходило смятение. Пока Тице бросились на помощь искалеченной кухарке, профессор выглянул в эту дыру и увидел в 3 этаже дома напротив такое же отверстие.

Затем выяснилось, что неведомая струя пробила все на своем пути от Берлина до Штеттина. Счастье, что Тице жили не в нижнем, а в третьем этаже, и что, таким образом, направление выстрела оказалось достаточно высоко, чтобы умерить количество жертв. Пролети струя близко над землей, нельзя было бы определить их количество. Тем не менее, в одном Берлине было пробито 203 дома, причем убито 32, искалечено 10 человек. К числу убитых отнесены и пропавшие без вести, унесенные, как все, что попадалось струе. За Берлином, по прямой линии до Штеттина, были также пробиты 72 дома, 2 колокольни и Иреттинский театр во время спектакля, так что в галерее унесено было 7 человек. Всего человеческих жертв вне Берлина насчитано 54. О материальных убытках нечего и говорить. Затем, струя снесла трубы двух готовившихся отплыть пароходов и бросила в море все, несшееся в ней: людей, мебель, кирпичи, верхушки деревьев и телеграфных столбов. Из закипевшего моря

вырвался огромный столб пара, и в образовавшемся водовороте исчезло все, так что потом, лишь изредка, прибывало к берегу древесные обломки и части изуродованных человеческих тел. Стоявший на вахте парохода «Океания» мичман Холле утверждает, будто видел, как из этого столба пара вылетел какой-то темный предмет и, поднявшись на значительную высоту, исчез из виду. Во всяком случае, вся эта катастрофа имела для господина Тице самые печальные последствия. В рейхсгерихт предъявлено к нему исков на три миллиона марок, и он подал прошение об отставке.

П. МОРДВИНОВ

ЗАГАДКА МАРСА

Фантастический очерк

Журнал «Мир приключений», № 05, 1927 г.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

ОТКРОВЕНИЯ НАУКИ И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

ЗАГАДКА МАРСА

Очерк П. МОРДВИНОВА.

Есть ли на Марсе жизнь? Этот вопрос занимает в настоящий момент многих астрономов северного полушария, и может быть разрешен в ближайшие месяцы, когда ученые сравнят результаты своих последних наблюдений над большой красной планетой. Уже два месяца на нашего ближайшего соседа, — если не считать нашего спутника Луну, — направляются телескопы, камеры и спектроскопы.

Ученые раз навсегда хотят разрешить вопрос, существуют ли на Марсе каналы, сооруженные человеческими руками, или же линии, виденные многими и даже сфотографированные, всего только оптическая иллюзия, обманувшая даже фотографические аппараты.

Удобный случай для наблюдений представился астрономам 27 октября 1926 г., когда планета сильно приблизилась к Земле, и расстояние между нею и Землей исчислялось всего в 42.630.000 миль. Расстояние это было на несколько миллионов миль больше, чем в августе два года тому назад, когда оно равнялось 35.000.000 миль. Но тогда планета наблюдалась низко на южном горизонте, — положение далеко не благоприятствующее наблюдениям в северном полушарии. Но, несмотря на трудности наблюдений через множество лишних миль земной атмосферы, астрономы

Представление художника, основанное на романе Уэльса „Война Миров“, о том, какая жизнь может существовать на планете Марс.

окончательно установили два года тому назад, что линии каналов существуют в действительности.

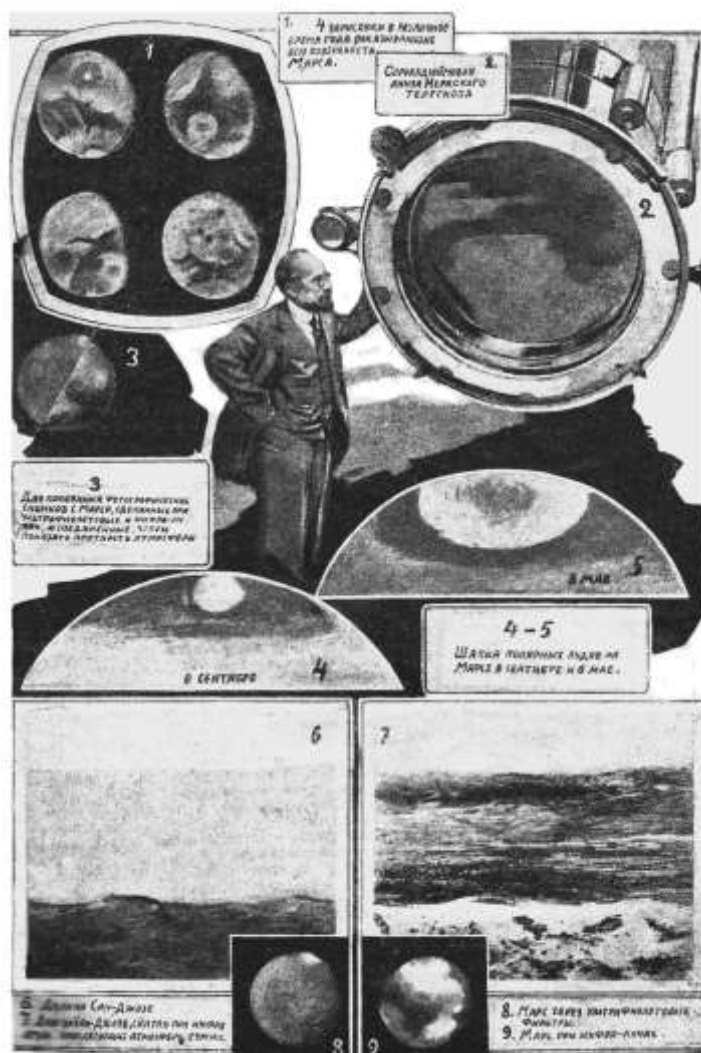
Затем была измерена температура Марса, взвешен атмосферный кислород планеты, определено, сколько воды имел бы предполагаемый марсианин для питья, купанья и бриться.

Установление факта, что на Марсе есть и воздух, и вода, доказывает, что какая-то жизнь может существовать на планете. Но если марсианин и существует, он не похож ни на какое живое создание, когда-либо виденное нами. Воздух, которым он дышит, содержит на одну треть меньше кислорода, чем оказалось на вершине Эвереста.

Единственный же человек, поднявшийся на эту величайшую в мире вершину, умер там от недостатка кислорода.

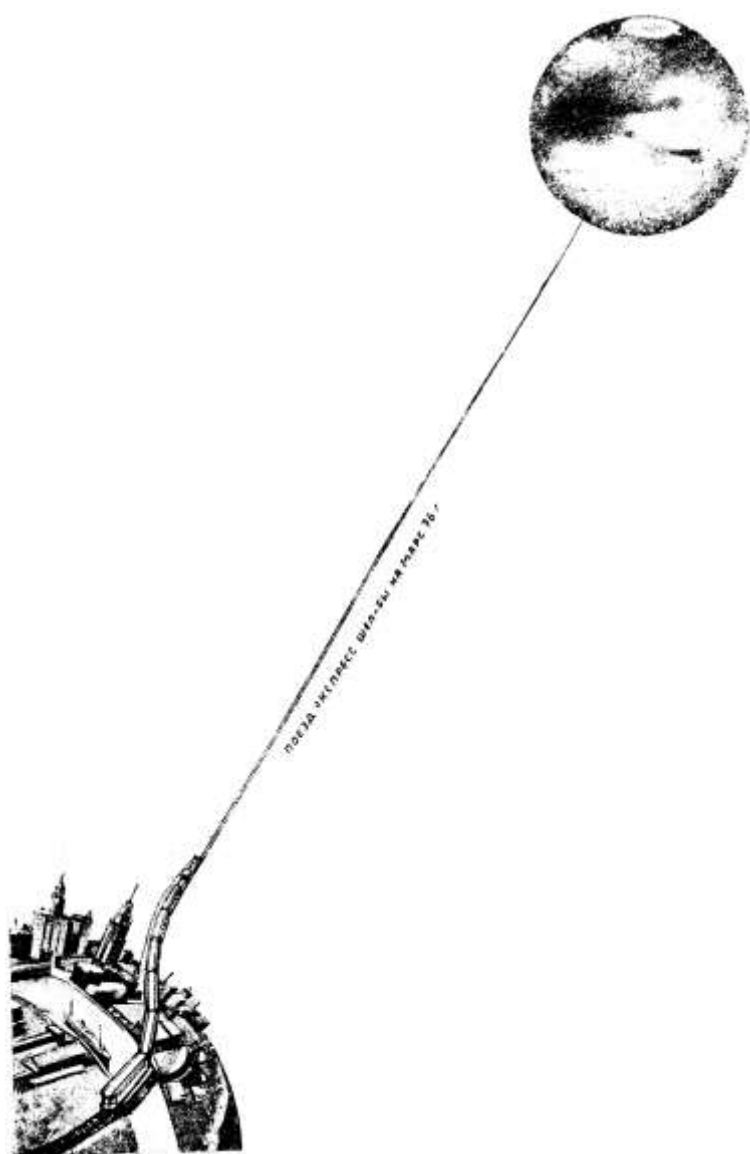
Водяные пары в атмосфере Марса составляют всего шесть процентов паров в атмосфере Пазадены (Калифорния), местности, расположенной ниже обсерватории Маунт-Вильсона, где и производились эти измерения. Этот факт указывает на то, что поверхность Марса — пустыня суше, чем Сахара, с высохшей и треснувшей поверхностью. Что же касается вымеренной температуры, то на марсианских тропиках в полночь приблизительно девяносто градусов ниже нуля по Цельсию и шестьдесят градусов выше нуля в полдень.

Чтобы жить в таких условиях, марсианину необходим был бы на теле волосяной покров, который оберегал бы его от резких перемен температуры. Легкие его должны были бы обладать удивительной способностью дышать разреженным воздухом, и он, точно верблюд, должен был бы легко жить целую неделю без воды. Его огромные легкие должны были бы помещаться в груди гигантских размеров, но туловище поддерживалось бы

тонкими паучьими ногами, так как полный его вес должен быть значительно меньше, чем вес человека Земли. Ведь, Марс, имеющий в диаметре 4.200 миль, достигает только половины размеров Земли, а, следовательно, и сила притяжения соответственна.

Присутствие воздуха, воды и хотя бы некоторого тепла все же еще не служит доказательством существования жизни. Поэтому наука решила сосредоточить внимание на двух вещах: на кажущейся растительности и тайне каналов. В существовании последних сомневаются уже много лет, и их главный защитник профессор Персиваль Лоуэль открыто обвиняется в том, что он видит несуществующие вещи. Впервые каналы были открыты в 1877 г. итальянским астрономом Скиапарелли, когда он зарисовывал первый в науке план планеты Марс. Много лет и Скиапарелли, и Лоуэль одни только утверждали, что на Марсе существуют каналы. Лоуэль выстроил на Аритонском плато обсерваторию, надеясь, что разреженный воздух этого плато даст возможность делать лучшие наблюдения. Он умер в 1916 г., не доказав существования каналов, но уже в 1924 г. наблюдения не только показали исследователям эти каналы, их зафиксировали впервые даже фотографическим аппаратом. Но сейчас же вслед за этим возникли сомнения. Не оптический ли это обман? Действительно ли это оросительные каналы, окаймленные зелеными полями, выделявшимися в окружающей их пустыне и обращавшими таким образом на себя внимание наблюдателей? Многие из каналов кажутся точно двойными, и германский ученый Граматск научно доказал, что каналы эти, по всему вероятию, оптический обман. Этот вывод послужил толчком для доктора Куля из Мюнхена, и он доказал, что и одиночные каналы такая же иллюзия. Граматск

доказывал свои выводы при помощи опыта с двумя свечами и карандашом. Тень, падавшая от карандаша, имела темные края, и получался тот же эффект, который производят так называемые двойные каналы. Доктор же Куль нашел, что каналы уже самых тонких линий, поддающихся измерению существующими инструментами. Этот факт привел ученого к заключению, что и отдельные каналы также иллюзия, как и двойные. Но теория эта не удовлетворила ученых. Наблюдения продолжались.

Каналы, по-видимому, проведены по прямым геометрическим линиям.

Там, где отдельные каналы скрещиваются, видны большие темные пятна. Это могут быть города или усердно культивируемые области.

В большой телескоп удивительно интересно делать наблюдения над Марсом.

Результаты, полученные два года тому назад от наблюдений над температурой Марса, дают полную картину дня на этой планете.

Когда солнце восходит на Марсе над экваториальной местностью, утром резкий холод. Почва медленно согревается, но, вероятно, быстрее, чем на Земле, так как атмосфера значительно реже и испарения так незначительны, что очень мало туч, задерживающих солнечные лучи.

В областях, названных астрономами морями или болотами, жара достигает в полдень до шестидесяти градусов выше нуля. В других же частях, с красноватым или желтоватым оттенком почвы, жара доходит до сорока пяти градусов. С течением дня, температура быстро падает. Астрономы наблюдают, что диск планеты меняется в цвете. Из расщелин и бездн, которые

в противоположность долинам окрашены в красноватый цвет, — что и дает планете ее особую кирпичную окраску, — поднимаются белые туманы и заволакивают поверхность.

С приближением заката солнца местность желтеет и, когда солнце скрывается за горизонтом, температура падает значительно ниже нуля.

На полюсах всегда царит жестокий холод. Там, как и на наших полюсах, вечные льды.

В августе 1924 г., когда производились наблюдения, на южном полюсе Марса было лето, температура все же была девяносто четыре градуса ниже нуля. На большой ледяной шапке, покрывавшей полюс, ясно различались странные светлые пятна, перемены в которых говорили о сильных атмосферных изменениях. Легко можно было наблюдать за процессом таяния.

Уменьшение и увеличение ледяной шапки на Марсе было точно заснято много лет тому назад.

Во время нашей весны эта шапка больше всего, а к концу сентября остается только небольшое белое пятнышко.

Несмотря на огромные скачки температуры на Марсе, исследователям с Земли не был бы отрезан доступ на эту планету.

Даже возможно, что людям хватило бы в период таяния огромной ледяной шапки влаги, чтобы поддерживать свою жизнь.

К холоду люди могли бы себя приучить на наших полюсах, хотя, конечно, холод на Марсе превышает все, что пришлось бы перенести на Земле.

Есть только одно непреодолимое препятствие.

Это — недостаток кислорода. Но если это преграда для человека, то не исключено присутствие на Марсе птиц и насекомых. На Маунт-Эвересте жили и птицы,

и насекомые так высоко, как только был в состоянии подняться человек.

Но как мог бы человек попасть на Марс? Этот вопрос давно вызывает жгучий интерес. Если представить себе путешествие на Марс по железной дороге, то самый скорый поезд шел бы на планету 76 лет.

Жизнь на Марсе представляла бы много разнообразия. У планеты две Луны, и, — пусть это не покажется странным, одна восходит на востоке, другая на западе.

Одна из них обращается вокруг Марса три раза в день, так что ее видно там и днем, и ночью. Интересен самый способ, посредством которого узнали так много про планету — соседку, если можно назвать соседством расстояние в 40.000.000 миль.

Изучить ее атмосферу удалось благодаря гениальной идее, зародившейся в Ликской обсерватории и выполненной профессорами Эгкеном и Райтом. Со станции на Маунт-Гамильтоне они сделали снимки города Сан-Джозе в Калифорнии, лежащего в долине на расстоянии тридцати миль.

Один снимок был сделан через цветной экран, пропускавший только ультрафиолетовые лучи, другой снимок — через экран, пропускавший, только инфракрасные лучи, т. е. в другом конце спектра.

Потом они взяли одинаковые снимки Марса и нашли, что результаты получились те же, что и тут.

В одном случае атмосфера затуманивала снимок планеты так же точно, как она затуманивала картину города.

Во втором же случае оба снимка были ясные. Наконец, ученые разрезали оба снимка Марса по линии, проходящей через полюсы, приставили половину первого снимка к половине второго и нашли, что одно изображение гораздо больше другого.

Мелкая из них
Марс — Гелиос —
всего 7 миль в диа-
метре. На ней поме-
стился бы большой
город. Все это по-
казывает на своем
рисунке художник.

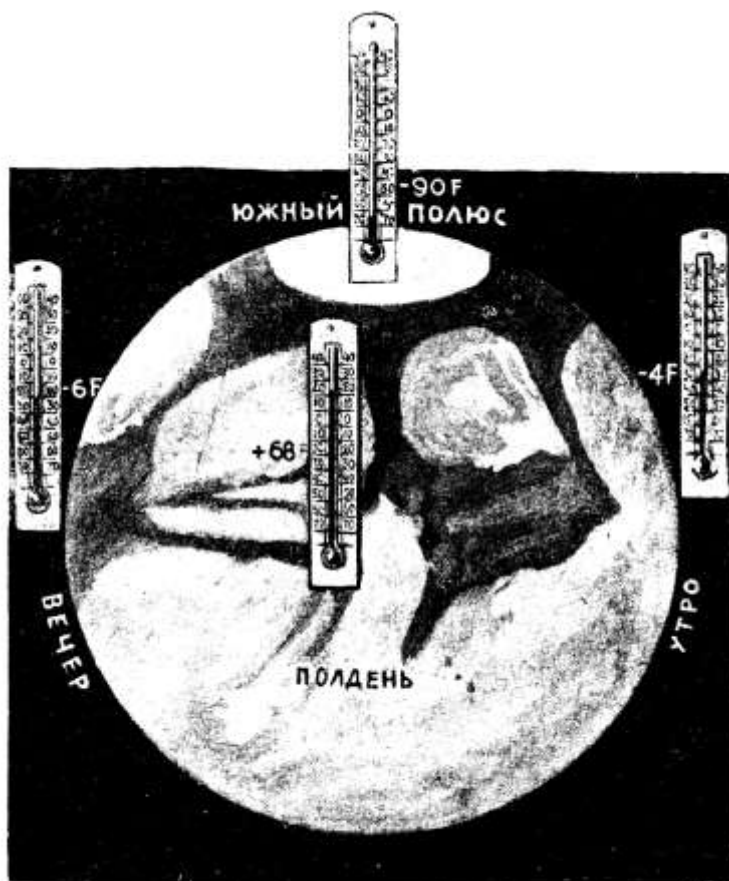

Карта орбит Земли и Марса,
показывающая, почему они
в известные периоды при-
ближаются друг к другу.

Набросок с фотографического снимка, показываю-
щий сеть каналов.

Разница в размере представляла плотность атмосферы Марса.

По данным на этом рисунке температурам утра, дня и ночи в тропической зоне Марса, можно судить, как протекает там день. В полночь температура почти равняется температуре полюса.

ГРААЛЬ АРЕЛЬСКИЙ

**ЧЕЛОВЕК,
ПОБЫВАВШИЙ НА МАРСЕ**

Фантастический рассказ

Иллюстрации М. Мизернюка

Журнал «Мир приключений», № 07, 1927 г.

ЧЕЛОВЕК ПОБЫВАВШИЙ НА МАРСЕ

Отсылаем читателей к помещенному в № 5 [1927] «Мира Приключений» научному очерку П. Мордвинова — «Загадка Марса» (См. стр. 349-361 наст. изд. — прим.изд.)

Этот человек жил в трех верстах от дачного полустанка, на который мы только что высадились из поезда, через полминуты ушедшего в непроглядную тьму октябрьского вечера. Было около одиннадцати часов и на полустанке, кроме нас, никого не было.

Мой спутник поднял воротник пальто и решительно заявил:

— Мы пойдем пешком, — я хорошо знаю дорогу. Если он никого не прислал за нами, то у него, вероятно, были на это причины.

— Да, — сказал я, вздрагивая от холода и стараясь смягчить тон недовольного голоса, — мы пойдем пешком в сплошном мраке, по грязной проселочной дороге и... свернем себе шею. Чорт бы его побрал с его вечными выдумками! Мы могли бы выехать завтра утром и добраться засветло.

— Но ведь в телеграмме говорилось о немедленном приезде. Ты прекрасно знаешь, что в нашем деле нельзя терять ни минуты. Пропустишь, а потом жди целых два года. Ну, ладно, не ворчи, старина.

Я ничего не ответил, и мы, сойдя с деревянной платформы и минуя стрелки, около которых находился

переезд, свернули направо, на узкую проселочную дорогу. С двух сторон ее тянулся лес.

— Ну, вот видишь, как сухо на дороге, а ты ворчал, старина. Посмотри-ка, как здесь хорошо, и какое сегодня чудесное небо?! И, знаешь, три версты — сущие пустяки. Мы пройдем их незаметно.

— Однако, ты слишком доверяешь этому человеку, — сдержанно возразил я. — Достаточно его фантастического обещания, чтобы ты мчался к нему сломя голову...

— Фантастического обещания? — перебил он меня и неожиданно рассердился. Да знаешь ли ты, что другого такого человека, как Николай Александрович, не найти во всем мире! И не ты ли сам полчаса назад им восхищался... Я верю в него, как в неизбежную истину. Если ты не хочешь со мной ссоры, то лучше молчи...

Он был прав, — в поезде я говорил совершенно другое. И теперь, после его слов, я ясно представил себе коренастую фигуру ожидающего нас неисправимого фантазера, милого Николая Александровича; его насмешливые карие глаза, всегда взлохмаченную шевелюру, длинные, по-хохлацки висящие вниз усы, и добрую улыбку.

Около года назад этот человек прогремел на всю Европу. Он достиг такой славы, которая не снилась еще ни одному смертному. Его изобретение — мина-ракета с автоматическим кино-аппаратом — было приобретено американской кино-фирмой. Пущенная из Америки, мина в 6 дней облетела вокруг Земли, а кино-аппарат в ней сфотографировал с громадной высоты весь земной шар. Изготовленный затем фильм обошел все экраны мира и вызвал всеобщий восторг. Это изобретение дало ему значительную сумму денег.

Он купил себе дачу и устроил там обсерваторию. Это было весьма кстати, так как он в это время поссорился со всем ученым миром. Делая однажды доклад о своем новом изобретении — радио-свето-приемнике, он производил опыты с передачей радио-изображений при помощи двух вращающихся стеклянных шаров. Его теория была настолько сложна, что ее никто не понял. Когда у него стали просить объяснений, он вдруг неожиданно рассвирепел и наговорил всем дерзостей. Это с ним часто бывало, и нужно, к сожалению, признать, что у него был отвратительный характер: он раздражался из-за каждого пустяка и приходил в бешенство... С тех пор он исчез с ученого горизонта и поселился на своей даче.

И вот сегодня мы получили от него телеграмму. Ведь, если Николай Александрович вспомнил обо мне через полгода, — то это, право, что-нибудь да значит! Конечно же, он прекрасный человек и верный товарищ, а в его гениальности я никогда и не сомневался! Ну чего же тогда я разворчался...

Я почувствовал раскаяние, и обратился к угрюмому шагавшему Павлу.

— Оказывается, что ты был прав. Я согрелся и иду с наслаждением. И нужно согласиться, что здесь прелестно, а темнота действует успокоительно на нервы.

Дорога начала круто подниматься в гору. Лес кончился, и по сторонам замелькали поля, покрытые серебристым инеем. На вершине горы, отчетливо выделяясь на фоне неба, стояла белая двухэтажная дача, приветливо поблескивая освещенными окнами нижнего этажа.

Павел взял меня под руку и весело проговорил:

— Вот эта и есть та самая дача, где в полном уединении живет и работает наш таинственный отшельник...

Он встретил нас во дворе и провел в свой кабинет, где был приготовлен чай и весело потрескивал камин.

— Ну, друзья, прежде всего сами наливайте себе горячего чаю и согревайтесь. — Я отпустил сегодня свою Дарью, чтобы она нам не помешала, а главное, чтобы завтра не было сплетен, что я занимался с вами чертовщиной. Осторожность никогда не мешает в нашем деле! Вот почему я вас и не встретил; однако, Павел хорошо знает дорогу и без провожатых. Рекомендую в чай налить вина...

Мы уселись вокруг стола.

— Вы несколько не изменились, Николай Александрович, — сказал я, наливая себе чай; — ведь, пожалуй, мы не виделись полгода. У вас, вероятно, много нового?

Он бросил довольный взгляд вокруг и улыбнулся. Во всех углах кабинета стояли сложные электрические приборы и какие-то блестящие цилиндрические аппараты.

— Да, я много работал за последнее время. И, знаете, я, наконец, понял, что не человек создает машину, а машина — человека. Вы понимаете, каждая изобретенная машина создает штат людей, ее обслуживающих, и, конечно, это не обходится без влияния на жизнь, привычки, психику. Одним словом, лично я нахожусь в полном рабстве у своих машин. Я даже думаю, что человечеству пора изобрести машину, управляющую людей от машин. Как ты на это смотришь, Павел?

— Что ж, в этом есть своя доля правды. В конце концов, человек окончательно поработит природу...

— Это мне нравится! «Поработит окончательно при-

роду»... Какой абсурд! Не человек порабощает природу, а она все время тянет его за уши из грязи. Давно ли мы бегали, задравши хвосты, с обезьянами или им подобными нашими предками. И что же, по-твоему, это мы сами себя так изменили, что у нас нет больше хвостов, громадных челюстей и маленького мозга? Или, по-твоему, в этом можно усмотреть нашу победу над природой!? Наоборот, все наши изобретения находятся вокруг нас, и природа нас на них наталкивает. Тянет нас за уши к чему-то такому, что еще недоступно нашему пониманию. Ну, ладно, не в этом дело и не затем я вас вызвал сегодня... Скажите-ка лучше, что дали вам последние наблюдения над Марсом?

— Да ничего особенного... Сделано несколько зарисовок, но каналов нам не удалось видеть.

— Теперь на Марсе конец лета, и он обращен к нам южной стороной, — вмешался я в разговор; — каналы высохли... Я думаю, что в это противостояние заграничные собратья не далеко опередят нас.

— Я так и знал! — улыбнулся Николай Александрович. — Однако, я сделал несколько больше. Я просто побывал на Марсе и видел все собственными глазами. Он умолк и задумался.

Мы в недоумении переглянулись.

Он это заметил и вдруг добродушно рассмеялся.

— Что ж, я привык, что меня считают сумасшедшим! — воскликнул он деланно сердитым голосом. — Я мог бы вас выбросить из окна или переломать кости за такое оскорбление... Однако, я молчу. Посмотрим, что вы Заговорите через полчаса. Идемте в обсерваторию! Сейчас как раз приближается тот момент, когда внешний спутник Марса — Деймос — собирается заходить за планету, а внутренний — Фобос — находится над другим полушарием, где теперь ночь.

Он подошел к письменному столу и достал журнал. Это был летний номер «*Popular Astronomy*».

— Вот, посмотрите-ка на этот интересный снимок Дугласа! Фотографируя Марс, севернее озера Солнца, у шести каналов он получил пятиконечную звезду. Вам, конечно, известно, что аналогичный снимок был получен и Пиккерингом? Так вот, я вас сейчас повожу по этим местам. Идемте...

Он круто повернулся и быстро вышел из кабинета.

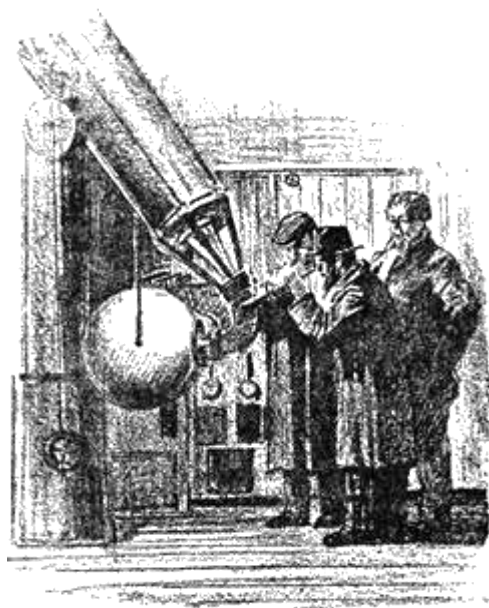
— *Посмотрите: фотографируя Марс, Дуглас получил пятиконечную звезду...*

Мы вышли за ним в прихожую и одели пальто. Обсерватория находилась на крыше дачи и туда вела винтовая лестница из прихожей.

Николай Александрович вошел в обсерваторию и зажег свет. Громадный рефлектор стоял посередине обсерватории, поблескивая медью своего тубаса. У конца его находился большой стеклянный шар, около которого темнели электрические батареи.

— Это — радио-рефлектор моей конструкции, — сказал он, открывая в это время купол обсерватории. — Этот шар — свето-приемник; для земных радио-свето-передач необходим еще второй подобный же шар — свето-отправитель, на котором должно отразиться передаваемое изображение, но в данном случае его заменяет с успехом спутник планеты. Устраивайтесь поудобней около шара, — сейчас мы все очутимся на Марсе.

...и они очутились на Марсе

Он включил батареи и погасил свет.

Хлынувшая из отверстия купола голубоватая темнота неба наполнила обсерваторию. Стекланный шар начал быстро вращаться и темнеть. На нем вдруг появилось яркое изображение озера, вокруг которого сплош-

ной массой высились странные цилиндрические здания. Они тянулись и по обеим сторонам каналов и казались как бы висящими в воздухе. Каналы вырисовывались узенькими синеватыми лентами, а широкое пространство между ними было ярко-зеленовато-желтым. На этом пространстве двигались во всех направлениях какие-то темные точки...

Вдруг изображение начало сдвигаться вправо. Мелькнула широкая голубая поверхность озера, огненно-красная полоса земли, а затем опять зеленовато-желтое пространство между двумя голубоватыми лентами каналов. Здесь движущихся темных точек было больше, и они казались отчетливее.

— Я навел радио-рефлектор немного севернее озера Солнца. — Это — канал Оронт — прозвучал неожиданно голос Николая Александровича, о присутствии которого мы, очарованные всем виденным, совершенно забыли.

— Нет никакого сомнения, — воскликнул восхищенный Павел, — что во время таяния снегов каналы наполняются полярной водой. Она разливается и орошает пространство между каналами, где произрастает растительность. Сейчас конец лета и идет сбор жатвы. Эти движущиеся точки — марсианские земледельческие машины.

— Я тоже так думаю, — задумчиво проговорил Николай Александрович, склоняясь над микрометрами. — Давайте, возьмем местность еще севернее, где переплетаются шесть каналов, фотографирование которых дало Дугласу его знаменитую звезду.

Прежнее изображение сдвинулось вправо, и с необычайной отчетливостью на шаре выступила резко очерченная черная пятиконечная звезда.

— Значит, Дуглас все-таки был прав! — воскликнули мы с Павлом.

— Вглядитесь внимательно, и вы увидите, в чем тут дело. Переплетение шести каналов — Оронта, Физона, Тифониуса, Ефрата, Гидекеля и Птолонилуса — в своем естественном виде уже почти дает звезду, но марсиане еще прорыли между ними дополнительные каналы,

преследуя этим цель получить совершенно правильную фигуру.

— Поразительно!

— Что вы видите в середине пентаграммы?

— Я вижу совершенно ясно высокое цилиндрическое здание, подобное зданиям города Солнца.

— Ты прав, Павел! По моим соображениям, это здание — главная обсерватория марсиан, а пентаграмма, ее окружающая, — символ астрономии, которым на Марсе, вероятно, принято окружать обсерватории. Ты ведь помнишь, что астрологи при помощи несложных геометрических построений получали на ней совершенно точно расстояния планет от Солнца.

— Признаться, я был склонен думать, что это сигнализация. После всего виденного, право, не трудно поверить, что марсианские астрономы хорошо осведомлены о нашем коммунизме...

— И знаешь, — улыбнувшись на его замечание, продолжал Николай Александрович, — подобных звезд-пентаграмм немало разбросано по разным местам Марса. Мы сейчас увидим северную часть планеты, и там, около Исменийского озера, находится вторая обсерватория.

— Но северная часть Марса сейчас не видима, — возразил я: — там — ночь.

— Ну так что ж... Вы увидите чудесный ночной ландшафт, а, кроме того, по ночам пентаграммы вокруг обсерваторий начинают светиться. Это сказочное зрелище.

— Мне понятно, почему мы увидим обращенную от нас сторону Марса, — сказал Павел. — Спутник сейчас зайдет за планету, но нам он будет еще долго виден, так как часть дуги эллипса, по которой он вращается, видима с нашей Земли под большим углом.

— Совершенно верно! — подтвердил Николай Александрович, — этот спутник, взойдя на небо северного полушария Марса, пошлет нам свето-волны его поверхности, а, кроме того, мы увидим и небо, отраженное в воде Исменийского озера.

Мы снова устремили взоры на блестящий вращающийся шар...

Цилиндрические здания стояли на высоких столбах... Виднелись улицы, виадуки...

Он сделался совершенно темным, и на нем вспыхнула яркая светящаяся пентаграмма. В голубоватом полумраке она отливала красно-зеленоватым светом, настолько ярким, что мы первое мгновение ничего больше не замечали. Но вот глаза наши привыкли, и мы различили темное очертание здания посередине. Затем изображение звезды отодвинулось вправо, и перед нами появился город. Он был ярко освещен, и можно было отчетливо различить все малейшие детали. Цилиндрические здания стояли, тесно прижавшись друг к другу, на высоких, странной конструкции столбах. Вероятно, во время разлития весенних вод, каналы выходили из берегов и заливали большие пространства около городов. Эти столбы были соединены сложными сетями виадуков — улиц, ярко освещенных, по которым ползли в разных направлениях темные точки поездов. Улицы были расположены и по верху зданий, и там, судя по количеству движущихся разноцветных точек, было шумное движение.

— Я навожу рефлектор на поверхность Исменийского озера, — услышали мы тихий голос Николая Александровича. — Сейчас мы увидим небо Марса...

Изображение города исчезло, стертая, как резинкой, продолговатым черным пятном, появившимся на шаре. В темном пятне отчетливо вспыхнули две яркие серповидные луны, плывшие друг другу навстречу. Между ними горели зеленоватые звезды знакомых созвездий. Созвездие Лебедя одним крылом закрывало часть неба, и его звезда Альфа сверкала неподвижно в зените, заменяя роль нашей Полярной Звезды. Зрелище было поистине волшебное, и мы не могли оторвать от него своего восхищенного взгляда. Луны Марса на наших глазах изменяли фазы, внося еще более очарования в эту сказочную картину. Получалось такое

ощущение, что мы сами находимся на Марсе и видим всю эту картину своими глазами. Да, Николай Александрович был прав, когда говорил, что он побывал на Марсе! Бросив случайно взгляд на серп Фобоса, я вдруг заметил узкую полосу ярко-алых точек, которая начала быстро передвигаться между звездами.

— Что это такое? — изумился Павел.

— Не что иное, как аэробиль пригородного сообщения. Планета общается со своими спутниками. Аэробиль сейчас отошел от Фобоса. Однако, друзья мои, я дам вам сейчас снова обсерваторию. Пентаграмма нам еще не все объяснила. Одну минуту, я включу сейчас аппарат для ловли звуковых радиоволн...

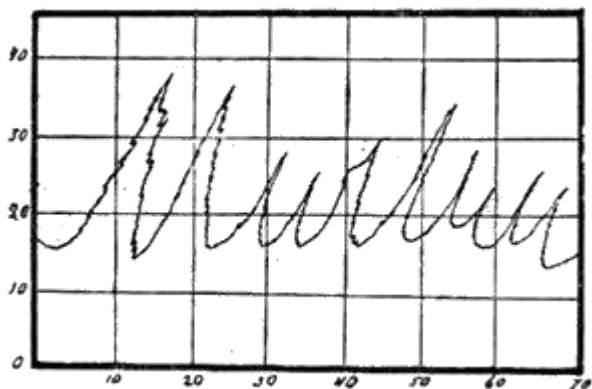
Николай Александрович остановил шар и зажег свет. Около рефлектора он поставил маленький ящичек из красного дерева с индукционной катушкой, к которой на проводах прикреплялись три слуховых радиотрубки. К катушке магнита была припаяна тонкая металлическая игла, упирающаяся одним концом в навощенную разграфленную карточку-пластинку. Потом он поставил электробатарей и соединил их с ящиком и с рефлектором.

Погасив свет, он пустил шар, на котором снова зажглась зеленоватая звезда. Одновременно с этим стрелка дрогнула и начала вычерчивать кривую на пластинке. Когда кривая заполнила всю пластинку, он остановил аппарат и, вынув пластинку, передал ее нам.

Мы принялись ее внимательно рассматривать.

— Да ведь здесь получилось какое-то слово! — воскликнул пораженный Павел. — Подождите, подождите... ну, конечно, это «*Мурлуу*». Что за чудеса, от которых у меня начинает кружиться голова...

— Ха-ха-ха! — добродушно рассмеялся Николай Александрович. — Это марсианское слово. Что оно обозначает, я, конечно, не знаю. Но пентаграмма почему-то посылает через известные промежутки времени неизменно это слово в пространство. Возьмите радиотрубки и послушайте. Я сейчас поставлю новую пластинку...

— Да ведь здесь получилось слово «Мурлуу»...

Первое мгновение я не слышал ничего, кроме металлического гудения электро-батарей, но потом оно прекратилось, и наступила мертвая тишина. Подобной тишины я никогда не слышал у нас на Земле. Мне показалось, что она наполняет все мое тело какой-то легкостью, каким-то абсолютным забвением всего окружающего. Эта тишина безвоздушного пространства давала мне такое ощущение, как будто я погружался в тихие воды безбрежного и бездонного озера, залитого зеленовато-голубым светом мерцающих звезд. Я закрыл глаза... И вот я услышал тихую мелодию, такую бесконечно-грустную и сладостную, что у меня замер-

ло сердце. Ее ритм напоминал струившийся свет, который менял оттенки и делался все ярче и ярче. И когда мелодия достигла, наконец, своего апогея, — она неожиданно оборвалась... И тогда я услышал отчетливо прозвучавшее таинственное слово: *Мурлуу*. Оно прозвучало протяжно и печально и напомнило мне почему-то бой старинных часов, разнесшийся по всему полушарию спящей планеты. И в его печали я почувствовал какой-то глубокий, скрытый смысл, какое-то откровение, какую-то неразгаданную тоску жизни...

Николай Александрович взял меня за плечо, и я с трудом открыл глаза.

На пластинке, которую он держал в руке, кривая опять вычертила то же слово: *Мурлуу*.

Мы сидели в кабинете.

Николай Александрович налил себе большой стакан вина и сказал:

— А все-таки я был прав! Не человек создает машину, а машина создает человека. Я в полном рабстве у своих машин, и вся моя жизнь полна этого необычайного рабств... И вы... вы тоже теперь отравлены навсегда.

Он залпом выпил вино и замолчал. Павел сидел, опустив голову на руки и задумчиво устремив взор в одну точку.

Я подбросил дров в догорающий камин. Они, весело потрескивая, вспыхнули, и кабинет наполнился красноватым отблеском пламени.

Окна начинали слегка голубеть. Наступал рассвет. В молочно-сизых сумерках, над покрытыми инеем молчаливыми полями, нависла мертвая тишина печали. И мне почудилось с особенной остротой, что там, за окном, все еще продолжает звучать это печальное слово неразгаданного смысла жизни.

.....

ГРААЛЬ АРЕЛЬСКИЙ

ПОДАРОК СЕЛЕНИТОВ

Фантастическая повесть

Журнал «Мир приключений» № 5, 1926 г.

Автор иллюстраций к повести Г. Арельского не указан.

Фантастическая повесть Г. АРЕЛЬСКОГО.

I. ИСТОРИЯ ОДНОГО МЕТЕОРИТА И ВСЕ ДАЛЬНЕЙШЕЕ

Это случилось в 1930 году.

Американское Общество Межпланетных Сообщений осуществило, наконец, свою давнишнюю мечту пустить на Луну ракету. Правда, в 30-метровом снаряде-ракете не было послано пока людей, а помещались лишь самозаписывающие аппараты, но все же это было уже незаурядным достижением.

Несколько лет до этого о Межпласо мало кто знал, а теперь даже в Москве открылось его отделение. Председателем этого отделения был профессор астрономии Александр Александрович Петров. Он первый заметил падение ракеты на Луну, и это принесло ему мировую известность.

Пущенная из обсерватории Лоуэлла, в Америке, ракета, вместо того, чтобы облететь вокруг Луны и возвратиться обратно на Землю, упала на лунные Аппенинские горы, в кратер Коноп.

После этого события прошло три месяца, и вдруг, неожиданно, с Александром Александровичем в Москве случилось невероятное происшествие. Оно перевернуло весь налаженный уклад жизни профессора.

Он прекратил все лекции, никого не принимал на дому и, говоря всем, что он болен, сидел, запершись у себя в кабинете. Целую неделю он усиленно думал, стараясь найти разгадку. И только сегодня для него стало все понятным, простым и ясным.

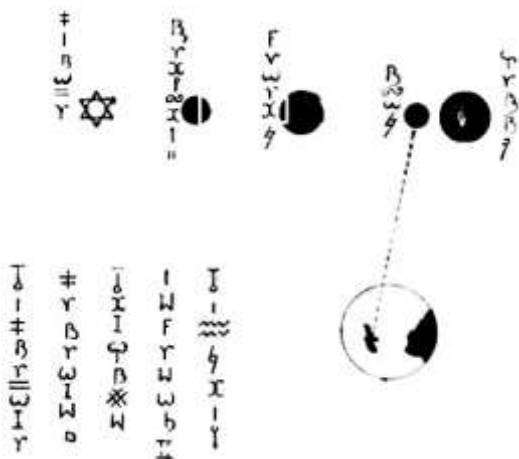
И случилось это совершенно неожиданно.

Утром он развернул газету и, меньше всего ожидая найти здесь разгадку, именно здесь-то ее и нашел.

И вот профессор сидел теперь в своем кабинете и радостно улыбался. В глазах у него сверкало удовлетворение.

Резко выделяясь на красном сукне письменного стола, перед ним лежал этот драгоценный теперь для него документ, целую неделю не дававший ему ни минуты покоя.

Это был небольшой, тоненький, продолговатый кусочек какой-то голубоватой ткани, напоминающей нечто среднее между бумагой и шелковой материей. По краям его были ровные зазубринки, а посередине помещались вот какие рисунки и знаки:

Документ этот попал в руки профессора совершенно случайно.

Профессор жил на Солянке и ровно неделю назад решил вечером пойти прогуляться. Хотя была уже осень, но погода в Москве держалась теплая и сухая. Профессор шел медленно, с наслаждением, полной грудью, вдыхая воздух. Дойдя до Большого Ивановского переулка, он повернул налево и вышел к Варваринскому скверу, и только начал подниматься к Лубянской площади, как увидел, что около сквера упал невероятной яркости метеорит. Падающие звезды в августе месяце — явление самое заурядное, и профессор, быть может, не обратил бы на это никакого внимания, но, подойдя к скверу, он услышал раздраженные, спорящие о чем-то голоса.

Подойдя еще ближе, он заметил двух дерущихся рабочих.

Один был высокий, худой, тонконогий; другой — маленький, толстый, с рыжими взлохмаченными волосами. Левая щека у тонконового была в крови. Тонконогий ударял кулаками по голове толстяка, стараясь схватить его за волосы. Но толстяк, после каждого удара, отпрыгивал от него, как мяч, кружась вокруг и без всякого толка размахивая руками.

Увидев подошедшего к ним профессора, рабочие прекратили драку.

Толстяк заговорил первый:

— Послушайте, гражданин, — будьте свидетелем. Стою я здесь, закурить собираюсь, и вдруг этот сумасшедший хлоп меня по уху... За что такая неожиданность?!

— Молчи, — закричал тонконогий, обращаясь, в свою очередь, к профессору. Не верьте ему, товарищ. Посмотрите, как искровянил он мне щеку... Иду я ми-

мо него с работы, а он как вдарит меня камнем. Милицию позвать нужно...

— Не ударял я его камнем...

Профессор вспомнил об упавшем метеорите, и ему все стало ясно. Эта невероятная случайность оказалась ему настолько забавной, что он улыбнулся. Виновником здесь оказался метеорит. Это он при падении контузил щеку тонконогого рабочего, а тому показалось, что ни в чем неповинный его товарищ бросил камень.

Стараясь помирить невольных врагов, профессор высказал им свои соображения.

Обыкновенно метеориты почти всегда целиком сгорают в атмосфере. Раз этот метеорит мог поранить щеку рабочего, то он, следовательно, не сгорел целиком, и часть его должна находиться где-нибудь поблизости.

— Нужно непременно найти метеорит! — решил профессор и принялся за поиски.

Рабочие, пораженные и заинтересованные его объяснением, принялись ему помогать, совершенно позабыв о своей недавней вражде.

Недалеко от них, на дорожке сквера, тонконогий заметил небольшую воронкообразную ямку, над которой струился голубоватый столбик света. Ямку начали расширять и откопали цилиндрический кусок черного металла, еще теплый и светящийся слабым голубоватым отблеском.

Александра Александровича поразило его вид, и он решил, что это не метеорит, а нечто другое. Но и тогда у него не возникло сомнения, что этот теплый кусочек метеорного железа попал на землю из другого мира.

Профессор заметил двух дерущихся

Придя домой и тщательно его исследовав, профессор открыл в середине его уже известную нам записку.

Записка помещалась во втором, внутреннем цилиндре, сделанном из неизвестного ему розоватого металла, гибкого и эластичного, как резина. Этот металл при нагревании не накаливался, а, наоборот, охлаждался. Чем сильнее шло нагревание, тем ниже падала температура металла, и ярче становился струившийся от него голубоватый свет.

Александр Александрович понял, что пославшим эту записку хорошо известно нагревание падающих предметов в земной атмосфере. Этот неизвестный ему

металл предохранял от сгорания записку, охлаждая в то же время верхний слой раскаленного при падении цилиндра...

Целую неделю профессор ломал себе голову, силясь разгадать смысл документа. Сегодня утром это стало ему понятным.

В коротеньком газетном извещении недавно открытой Тавризской обсерватории сообщалось:

„...вчера утром на небе наблюдался необыкновенной величины болид. Несмотря на солнечный свет, болид светился необыкновенно ярким голубоватым светом. По предположениям обсерватории, болид упал в Урмийское озеро.“

Для Александра Александровича не было теперь сомнения, что в Урмийское озеро упал не болид, а посланный жителями Луны, в ответ на нашу ракету, какой-то снаряд. А эта записка являлась предварительным предупреждением о посылке снаряда.

Расшифровать надпись на левой стороне документа после всего этого не составило особенного труда. Дальнейшее для профессора было ясно. Он решил немедленно ехать на Урмийское озеро и разыскать посланный с Луны снаряд.

* * *

В том же доме, где была квартира профессора, только этажом выше, снимал комнату молодой востоковед и инженер Берг.

Имя у него было редкое и, пожалуй, единственное в наше время — Путята. Благодаря такому нелепому несоответствию с его фамилией, оно почему-то навсегда запечатлевалось в памяти.

Путята Берг нигде не служил, но целыми днями бродил по городу в поисках места. Постоянные поиски места на первый взгляд казались совершенно непонятными: любое учреждение, в любой момент, согласно было взять Берга к себе на службу. Но все предлагаемые места не нравились самому Бергу, и он от них отказывался. Он искал такого места, которое дало бы ему целый ряд приключений, самых невероятных и опасных.

— Все обыкновенное и заурядное — чуждо моей натуре, — любил он отвечать на вопросы знакомых, удивлявшихся его постоянным отказам от выгодных служб. — Я ищу яркой и свободной жизни — только одно это может дать мне удовлетворение.

С профессором Берг был знаком и почти ежедневно встречался. Они вместе спускались или поднимались по лестнице, смотря по тому, уходили они из дома или возвращались домой. В это время они успевали пожать друг другу руки и перекинуться несколькими словами.

— Ну, как, еще не устроились? — обыкновенно начинал профессор.

— По обыкновению, нигде...

— Подождите, скоро наше Межпласо пошлет на Луну ракету с людьми, и тогда я вас устрою начальником лунной экспедиции.

— Прекрасно. Я согласен. Я организую тогда товарищество по вывозу лунных сокровищ.

— Вам налево?

— Направо...

Когда с профессором произошло это невероятное происшествие, и он решил ехать на Урмийское озеро, у него тотчас же явилась мысль пригласить с собою Берга.

— Берг — самый подходящий для меня человек... —

решил профессор. — Энергичен, смел, любит приключения и опасности. Лучше него мне, все равно, никого не найти.

На другой день, по обыкновению встретив Берга, входящего в парадную, профессор радостно улыбнулся, пожал ему руку и, по привычке, начал:

— Ну, как, еще не устроились?

— По обыкновению, нигде.

Но дальше разговор не был похож на обыкновенный, и на лице у Берга появилось удивление.

— Я нашел вам службу,

— Конечно, на Луне?

— Пока нет, но это, безусловно, связано с Луной...

— Дальше...

— Поедьте со мной на Урмийское озеро отыскивать один удивительный документ...

— На Урмийское озеро?... Признавайтесь, Александр Александрович, — вы едете отыскивать сокровища педишахов.

— Нет, то, что нам предстоит найти, ценнее всех сокровищ мира...

— Не злоупотребляйте моим любопытством.

— Это зависит от вас самих.

— В чем же тогда дело?

— Соглашайтесь, и тогда все узнаете.

— Согласен.

Войдя в свой кабинет и усадив Берга в кресло, Александр Александрович рассказал о невероятном с ним происшествии и, как доказательство, показал найденную в середине метеорита записку.

У Берга заблестели глаза.

— Это, прежде всего, не бумага и не ткань. Ничего подобного мне не случалось видеть до сих пор.

Профессор показал найденную в метеорите записку...

— Да, это, безусловно, служит доказательством не-земного происхождения документа. Но вот, посмотрите-ка еще этот металл.

— Вам удалось расшифровать надписи?

— Да. Сверху, на одной линии слева направо изображены: Солнце, Меркурий, Венера, Луна и Земля. Пунктир от Луны (как раз от того места, где начинается кратер Коноп!?) на большой рисунок внизу, где изображена восточная часть Земли, — путь посланного снаряда. Он кончается у продолговатого пятна, своими очертаниями напоминающего Урмийское озеро; второе пятно рядом — Каспийское море. Расшифровать

надпись на левой стороне документа после всего этого оказалось чрезвычайно легко. Рисунки планет объяснили нам надписи над ними, и нам, таким образом, стало известно пять слов. Обратите внимание — в надписи слева встречаются те же буквы, что и над рисунками. Это целиком разрешает задачу. Вот что говорит эта надпись:

„последние селениты пришлют ответный подарок“.

Наступило продолжительное молчание.

Берг сидел неподвижно, откинувшись на спинку кресла. Взор его был устремлен куда-то в пространство, а на губах блуждала мечтательная улыбка. Профессор стоял перед ним, держа в руке записку. В таких позах они находились несколько минут. Вдруг Берг вскочил с кресла и встал против Александра Александровича, почти касаясь его своей грудью.

— Когда мы выезжаем?

— Сегодня вечером...

— Ваша система действий меня приводит в неистовый восторг. Я уверен, что нам удастся найти посланный с Луны снаряд. И тогда... тогда мы заставим мир признать давнишнюю истину, что на всех планетах живут разумные существа. Дайте мне вашу руку, профессор!!.

II. У ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ТАВРИЗСКОЙ ОБСЕРВАТОРИЕЙ

— Здесь живет заведывающий обсерваторией?

Сторож-перс, дремавший у ворот одноэтажного деревянного дома, открыл глаза и удивленно посмотрел на стоявшего перед ним молодого туриста. Потом он поднялся со скамейки и отрицательно покачал головой.

— Его фамилия Тер-Оганезов... — добавил молодой турист, но сторож вторично покачал головой.

— Ничего не пойму... — обратился молодой турист к своему спутнику, ожидавшему на середине улицы. Неужели мы перепутали адрес!

— Нет, адрес правилен... нужно еще кого-нибудь спросить — туземцы здесь удивительно бестолковы. Подождем...

— Ждать бесполезно: в эту пору все сидят дома...

Раскаленные голубоватые потоки солнечных лучей заливали всю улицу. Небо казалось расплавленным нежно-голубым стеклом. С двух сторон тянулись фруктовые сады, и в этой зеленой кайме пустынная улица дремала в ленивой истоме.

Сторож-перс уселся снова на скамейку, запахнул полы халата и закрыл глаза. Туристы в недоумении остановились посередине улицы. Это были — Берг и профессор Петров. Три недели назад они выехали из Москвы. По железной дороге доехали до Баку, а оттуда на пароходе до Астары. Из Астары на лошадях, через Сераб, они добрались, наконец, до Тавриза. Первый визит в Тавризе решено было сделать заведывающему тавризской обсерваторией, которого в настоящую минуту они и разыскивали.

Не найдя дома и находясь в недоумении, они хотели было возвратиться в гостиницу, но в конце улицы появился одинокий прохожий. Он вывел их из затруднительного положения.

— Вы как раз стоите перед домом ага-Уована... — сказал он. Сам ага живет здесь, а обсерватория находится в конце улицы, за садами...

Когда прохожий скрылся за поворотом улицы, Берг обратился к сторожу персу.

— Что же ты нас морочишь? — ага-Уован живет в этом доме.

Сторож вскочил со скамейки, и вдруг улыбка расплылась по его лицу...

— Ага-Уован — хозяин, мы — сторож.

— Что же ты молчал раньше! Целых четверть часа мы по твоей вине стояли под солнечным душем... — рассердился профессор.

— Мы не поняли... Ага спрашивал агу-Обсерваторией.

— Бестолковый народ... — улыбнулся Берг.

— Веди нас к хозяину!!

Заведывающего обсерваторией все в городе называли просто ага-Уованом, и немудрено, что сторож не знал его фамилии.

Ага-Уован был толстый, подвижной и очень любезный старик. Он провел приезжих в кабинет, а когда узнал о цели их приезда — оставил у себя до позднего вечера.

Прежде всего он предложил в их распоряжение моторную лодку, что являлось здесь большой редкостью.

— Я думаю, что болид мог упасть лишь в северной части озера — высказал он свои предположения. К сожалению, я не могу сообщить точного места его падения, но мои знакомые из деревень, расположенных в северной части озера, видели, что болид пролетел над

их деревнями. В день падения болида в озере было волнение и стоял густой туман. Волны были настолько высоки, что залили берега на 1/4 километра. В южной части озера тумана не было, и прошли только три большие волны, как во время прибоя. По моему мнению, искать болид бесполезно. — Озеро слишком велико.

Ага-Уован был толстый, подвижной и очень любезный старик

После обеда ага-Уован повел своих гостей показывать обсерваторию.

Остановившись перед небольшим радио-приемником, он с чувством удовлетворения и гордости сказал:

— Мне удалось установить здесь даже небольшую радио-станцию. Признаюсь вам, что сделано это на личные средства. Вы говорите, что у вас есть карманные радио-аппараты. Прекрасно. Во время ваших исследований вы можете посылать мне радиотелеграммы, и я буду исполнять ваши поручения.

Возвратившись домой, он провел своих гостей опять в кабинет, где был приготовлен чай. После чая ага-Уован уселся в кресло против своих гостей и предложил им папиросы. Большой коричневый дог бесшумно вошел в кабинет и улегся у ног хозяина. Ага-Уован ласково погладил его по голове и улыбнулся.

— Я забыл вас познакомить с Гектором — это мой лучший друг. Мы перенесли с ним много опасностей. Я купил его еще щенком в Париже.

Разговор стал еще дружественней и незаметно перешел к Урмийскому озеру.

— Я давно изучаю это озеро... — закуривая новую папиросу, — говорил ага-Уован. — История его очень интересна. Древний персидский поэт Низари рассказывает в своей поэме „Сефер-Намэ" (книга путешествий), прекрасную легенду. В 1219 году, когда монголы вторглись в Персию, пройдя затем через Кавказ в Россию, на одном из островов озера Тэлэ (так называли древние персы Урмийское озеро) персидские падишахи построили замок. В этом замке они спаслись от беспощадных завоевателей. Туда были перевезены все сокровища из Тавриза. На башнях замка — как говорит легенда — Тридцать крылатых змеев охраняли сокро-

вища падишахов, устрашая своим видом монголов, разбивших свои становища в долинах реки Джагату, впадающей в озеро Урмию. Монголы не решались разрушить этот замок, и он стоял неприступный и мрачный, отражаясь своими башнями в молчаливо-неподвижной воде соляного озера. Стоял до тех пор, пока время не обратило его в развалины. На каком из островов находился этот замок, — неизвестно. Это осталось тайной прошлого. Однако, говорят, что езиды знают это.

— Вы говорите, езиды... — перебил его заинтересованный Берг. Я много слышал об этой секте, но ничего положительного не знаю...

— Боюсь, что не смогу удовлетворить вашего любопытства. Секта езидов держит в большой тайне свое учение. По крайней мере, до сих пор целиком их учение никому неизвестно. Езидов считают поклонниками шайтана и всячески преследуют. Раньше они собирались в своем храме около Мосула, но теперь скрываются в горах, вокруг северной части Урмийского озера. Последователи этой секты почти исключительно курды. Мне случалось бывать в езидских горных деревнях. Кое-что я слышал об их обрядах. Злой дух представляется езидам в виде птицы. Во время богослужений главный езидский жрец приносит воду в закрытом кувшине. Он читает свои заклинания, и вода в сосуде начинает кипеть. Тогда жрец убивает птицу и приносит ее в жертву. Присутствующие начинают при этом плясать и отряхивать рубашки. Во время этой дикой пляски они выкрикивают, что очистились от грехов...

Ага-Уован вдруг замолчал и погладил Гектора. Потом задумчиво произнес, медленно отчеканивая слова.

— С моим другом Гектором мы были свидетелями одной печальной истории...

— Расскажите...

— Около Мосула Гектор нашел раненого человека. Он оказался французским консулом. Консул попал в плен к езидам, но спустя два месяца бежал от них, захватив с собой один интересный документ. Консул остался жить в Мосуле, и это стоило ему жизни. Какой-то курд убил его на улице ударом кинжала; эта была месть езидов. Рукопись сохранилась у меня. Я перевел ее. К сожалению, это только маленький отрывок езидского миропонимания, но он весь пропитан причудливой восточной фантазией. Послушайте, что говорят езиды о своем происхождении:

„... Ничего не было в мире, кроме бесконечного океана. Посередине его росло дерево. На этом дереве сидел Аллах в виде птицы. Далеко, далеко от него, в другом конце океана, в розовом кусте, с прекрасными благоуханными цветами, жил шейх Синн (шайтан). Кроме дерева, розового куста, Аллаха и шейха Синна ничего еще не существовало. И создал тогда Аллах из своей славы архангела Гавриила, тоже в виде птицы. Сидели они однажды вдвоем на дереве.

— Кто я? — спросил Аллах Гавриила.

— Ты — ты, а я — я, — ответил Гавриил.

Возмущенный таким ответом Аллах клюнул Гавриила и прогнал с дерева.

Несколько веков летал Гавриил над океаном. И вот случайно он подлетел к розовому кусту, где жил шейх Синн. Гавриил рассказал ему обо всем и попросил совета.

— Хорошо, я помогу твоему горю... — согласился шейх Синн, — но только хорошенько запомни мои слова. Аллаху скажи: „Ты — создатель, а я только создание“.

Гавриил прилетел к Аллаху и сказал ему все, что научил шейх Синн, а также спросил Аллаха, кто такой обитатель розового куста.

— Это — аль-Уркани, — получил он ответ. Скоро он придет ко мне и признает мое могущество.

И вот аллах начал строить корабль. Когда корабль был готов, он поплыл на нем к шейху Синну.

— Все должны признать мое могущество, — сказал он аль-Уркани. Кто будет в силах сгустить воду и создать из нее землю, — тот и будет первым.

— Хорошо... — ответил шейх Синн, — давай устроим состязание.

Состязание началось. Сначала архангел плюнул в воду, потом шейх Синн. Но их попытки были безрезультатны. Когда же плюнул Аллах, совершилось чудо. Из его плевок появилась твердь. В момент появления тверди в океане произошла буря; океан изрыгнул из себя тьму. Чтобы ее рассеять, Аллах создал два солнца.

После этого Аллах сказал своим спутникам:

— Земля создана — нужно теперь создать людей. Кто из вас хочет воплотиться в человека?

Согласился на это один только шейх Синн, но и то выговорил себе условие, чтобы человек жил в раю. Тогда Аллах сделал смесь из воздуха, воды, земли и огня и заставил войти туда шейха Синна.

Первый человек жил в раю недолго. У него не было всех органов, которые имеются теперь у людей, и поэтому он мог принимать лишь известную, разрешенную Аллахом пищу. Но однажды он забыл об этом и наелся пшеничных зерен. За свое ослушание он был изгнан из рая. Он был одинок, и Аллах решил создать ему подругу. Из той же смеси он создал Еву. У Евы начали рождаться дети. Рождались они парами. Однажды Ева поспорила, кому больше принадлежат дети —

ей или Адаму. Тогда они решили произвести опыт, и каждый взял отдельно свое семя. У Евы из семени вышли черви, а у Адама — прекрасный мальчик.

В злобе и зависти Ева переломала мальчику ноги, но он, несмотря на это, остался жить и вырос. Так как у него не было жены, то Аллах послал ему гурию, и от этого брака произошли езиды".

— Конец неожиданный — улыбнулся профессор. — Однако, нужно признаться, что здесь порядочная мешанина из всех религий. Но убийство французского консула мне не нравится. Чего доброго, не пришлось бы нам встретиться с езидами. Вы не боитесь Берг?

— Это было бы любопытно...

Только поздно вечером Берг и профессор ушли от гостеприимного хозяина.

III. НА УРМИЙСКОМ ОЗЕРЕ

Дорога была узкая, прямая, каменистая. Яркое голубоватое солнце ослепительно сверкало на небе. Небольшая деревушка Ханагя, расположенная на берегу Урмийского озера, была окружена зеленым морем виноградников и миндальных деревьев. В раскаленных лучах солнца контуры ее расплывались и дрожали. Теплый западный ветер гнал по дороге поток одуряюще-сладковатого аромата сабзы (сухого винограда).

Со стороны Тавриза к деревне двигалась оригинальная процессия. Впереди, в белых шароварах, вышитых желтых куртках и ярко-пунцовых тюрбанах шли два курда. Сзади них на низкорослом коричневом ешаке (ослике) ехал профессор астрономии Петров. Ноги у него были поджаты и почти касались подбородка. Одной рукой профессор держался за ухо ешака, в другой сжимал бинокль. Рядом с ним шел Берг.

Наши путешественники, под охраной двух проводников курдов, направлялись к деревушке Ханагя, чтобы оттуда на моторной лодке заняться розысками упавшего болида.

Лучшее время года на Урмийском озере — осень и весна. Осень начинается в октябре и кончается январем. Весна продолжается с марта до конца мая.

Южные болотистые берега на несколько верст покрыты белой пеленой кристаллизовавшейся соли. Летом, над этими раскаленными болотами, как над необозримыми пространствами расплавленного серебра, носятся густые йодистые испарения. Но, к счастью, лето не продолжительно, а в остальное время года здесь все цветет и благоухает. Климат теплый и ровный. Живописные деревушки вокруг озера сплошь тонут в цветах, виноградниках и миндальных садах.

За деревней Ханагя, на берегу озера, урмийским губернатором Шах-Наме была построена пристань. Шах жил в городе Урмии и для поездок в Тавриз завел себе три моторные лодки. На них он ездил по озеру от города Урмии до деревни Ханагя, а оттуда на лошадях до Тавриза. Этим он сокращал путь почти втрое, так как иначе пришлось бы ехать по единственной грунтовой дороге, извивающейся вдоль озера по горным перевалам.

У этой пристани находилась и лодка Тавризской обсерватории. Курды перенесли в лодку продукты, оружие и запасы бензина. Берг пустил в ход мотор, и лодка начала быстро удаляться от берега, рассекая неподвижную темно-зеленую воду.

Персы называют Урмийское озеро — морем. По своим размерам озеро, действительно, напоминает море. Оно тянется на протяжении 135 километров и достигает в некоторых местах ширины 46 километров.

Берг взял курс к противоположному берегу, на деревню Куши. Там решено было переночевать, а затем уже ехать надолго в северную часть озера.

Вокруг сверкал необъятный простор темно-изумрудной воды. Вода была неподвижная, тяжелая — застывшее стекло. Солнце начинало склоняться к западу. Чуть заметным розовым налетом покрывались появившиеся прозрачные облака.

— Какая своеобразная красота! — воскликнул Берг после долгого молчания.

— И тишина... — добавил профессор.

— Да, тишина прошлого, которое здесь как будто продолжает жить. Мне вспомнилась сейчас одна легенда об этом озере. В книге Зороастра — Авесте озеро Урмия называется Чайчашта. Там говорится, что оно

подземными истоками соединялось с озером Воурукаша (Каспийским морем). Я склонен думать, что это вполне возможно. В глубокой древности Каспийское море, вероятно, сливалось с озером Урмия. Потом прошли века, и суша победила, отбросив море к теперешним границам. И вот, в этом углублении, как упоминание о прошлом, осталась часть Каспийского моря.

— Посмотрите, вода начинает принимать другой оттенок...

— Здесь это обычное явление. Несколько раз в день озеро меняет цвет. При сильном ветре оно становится совершенно черным.

— Я вижу фиолетовую полосу на западе.

— Это берег.

— Он еще очень далек. Расстояние здесь обманчиво.

Через 1 1/2 часа моторная лодка приблизилась к берегу. Солнце уже скрывалось за горами, окрашивая в золотистый пурпур верхушки миндальных садов. Серые и коричневые граниты гор казались черными силуэтами.

Берг направил лодку в узенькую речку Вары-чай, у которой была расположена деревня. На берегу их встретила шумная толпа персов... Переночевав в деревне, они рано утром выехали снова на озеро. Профессор разработал план поисков. Он разбил северную часть озера на квадраты и решил исследовать каждый квадрат, делая отметки на карте. Глубина озера — незначительная, около 5-ти метров. При удивительной прозрачности воды было отчетливо видно дно. На это, главным образом, и рассчитывал профессор. В таких исследованиях дна прошло два дня.

На третий день они достигли высоты города Дильмана, с тем же усердием продолжая работу. В полдень

они неожиданно наткнулись на громадное стадо диких лебедей, спасающихся от какой-то хищной птицы. Стадо, в паническом ужасе, плыло прямо к лодке. Преследующий стадо хищник в это время стал опускаться и, сделав большой круг, повис над лебедами.

Лодка врезалась в стадо лебедей, и испуганный шумом хищник пролетел над лодкой. Клюв у него был открыт, и в нем ясно выступали острые зубы... Пролетев над лодкой, хищник мгновенно поднялся вверх. Он с такой силой рассекал крыльями воздух, что был слышен легкий свист.

Лодка врезалась в стадо лебедей. Испуганный хищник с острыми зубами пролетел мимо.

- Вот так экземпляр! — воскликнул Берг.
- Я отчетливо видел зубы...
- Птица с зубами! Кто бы мог ожидать...

Берг решил ее преследовать. Он повернул лодку и дал полный ход. Птица летела впереди, на расстоянии

1/4 километра от лодки, направляясь на север. Инстинкт охотника опьянил Берга. Боясь, что птица исчезнет, он схватил ружье и выстрелил. Птица издала громкий крик и с невероятной быстротой стала исчезать вдаль.

— Что вы наделали! — накинулся на Берга профессор. По вашей вине мы потеряли этот редкий экземпляр. Птица исчезнет сейчас вон за этими горами. Увлечшись погоней, мы достигли северного берега.

— Что вы говорите?! — схватив бинокль, удивился Берг.

Несколько секунд он внимательно рассматривал светло-фиолетовую полосу впереди, протянутую над изумрудной, сверкающей водой.

— Это не берег, а остров, — передавая бинокль профессору, сказал он уверенно, — в этом нет никакого сомнения.

— Не может быть! На карте здесь нет никаких островов.

— Однако, это остров.

Они развернули карту. На ней, действительно, не было островов. Но это все-таки был остров. В этом не было теперь сомнения для профессора. Серые граниты окаймляли его берега, а за ними зеленели корчеватые кедры и пинии.

Лодка бешено неслась вперед, вспенивая носом воду. О ней забыли. Первый спохватился профессор.

— Остановите мотор! Мы разобьемся вдребезги...

— Ах, чорт возьми!!.

В последний момент Берг успел выключить мотор и повернул руль. Лодка, сделав крутой поворот, правым бортом с размаха пристала к берегу.

— Что же мы будем теперь делать? — задал вопрос профессор.

— Мы привяжем лодку и пойдем исследовать остров. Быть может, мы увидим зубастую птицу, и я искуплю свой невольный грех. А, кроме того, болид ведь мог упасть и на остров...

— Вы правы. Здесь мы можем расположиться и на ночлег. Мне надоело ночевать в лодке.

Они взобрались на крутой скалистый берег и углубились в кедровый лес. Им удалось обойти лишь небольшую часть острова. Наступившая ночь заставила вернуться обратно. Около лодки на берегу они стали готовиться на ночлег...

Ночью Берг неожиданно проснулся от странного, неприятного чувства. Ему показалось, что кто-то пристально на него смотрит. Он открыл глаза и, не меняя позы, оглянулся вокруг. Чувство не обмануло его. В нескольких шагах от него стояла девочка. На вид ей было лет 12. Она была босиком, в большом белом платке, спускавшемся почти до самых ног. Взоры их встретились, и Берг увидел, как девочка вздрогнула и бесшумно исчезла за стволами деревьев. Берг вскочил на ноги и протер глаза.

— Неужели мне все это почудилось?! Не может быть...

Рядом с ним спокойно спал профессор.

— Очень хорошо! Вместо дежурства профессор спит... — подумал он и вдруг вздрогнул.

Из леса до него донесся едва уловимый звук быстро удаляющихся шагов...

Все, что потом произошло, Бергу казалось сном. Он шел по лесу, прячась за стволами деревьев, пригибаясь к земле и иногда ложась на мягкий мох. Впереди мелькал силуэт девочки. Шла она легкой, бесшумной походкой, не оборачиваясь назад, точно скользя по воздуху. Сколько времени длилось преследование,

Берг определить не мог. Два раза он терял ее из вида, но потом находил. Шел дальше, проходя поляны каменистые и покрытые низкорослой выжженной травой, обходя громадные камни, причудливо разукрашенные буро-красным светящимся мхом.

Шел и не знал, зачем он идет. Слышал только, как в этой торжественной тишине, исходящей как будто из глубины мертвого озера, билось его сердце.

У серых гранитных скал маленькая незнакомка неожиданно исчезла. Берг долго стоял, прислонившись к стволу дерева, и не мог понять, как это произошло. Потом подошел к скалам и увидел искусно замаскированный вход в пещеру.

Стараясь не производить шума, он осторожно заглянул в отверстие. Красноватый отблеск света дрожал на гладких гранитных стенах прохода. Почти у самого начала проход загибал вправо и, вероятно, упирался в пещеру, где горел огонь.

Берг стоял в нерешимости.

Вдруг он вздрогнул. Неожиданно чья-то рука коснулась его плеча. Он обернулся и встретил испытующий суровый взгляд старика курда, в белой вышитой куртке и белом тюрбане на голове. Почти сейчас же он почувствовал острую боль в голове и упал на траву, потеряв сознание.

IV. ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА АСТРОНОМИИ

Солнце медленно поднималось над озером, когда профессор открыл глаза. Сон мгновенно исчез. Удивление и растерянность отразились на его лице. Берга не было. Не было и моторной лодки... Смутное предчувствие какого — то несчастья сжало его сердце.

— Здесь что-то случилось... — подумал профессор. Но чем больше он думал, тем меньше понимал. И главной загадкой во всей этой истории было то, что от исчезновения Берга и лодки не осталось никаких следов. Как ни старался он их найти, не мог. Однако он был убежден, что Берг не мог никуда уйти, не предупредив его. Значит, оставалось только предположить одно: с Бергом случилось несчастье. Но куда девалась тогда моторная лодка? Если Берг уехал на ней, то шум мотора не мог не разбудить его, как бы крепко он ни спал.

Два дня потратил профессор в блужданиях по острову. Это не дало ему ничего нового. Никаких следов. Берг и лодка исчезли бесследно. Исчезло и первоначальное предположение, что остров обитаем и Берг сделался жертвой нападения. Ни одного живого существа не было на острове.

Следующий день только прибавил горя, так как кончались все продукты, и нужно было серьезно подумать об их добывании.

На четвертый день профессору пришла мысль обойти берегом вокруг острова. Он решил не терять из вида озера, а, следовательно, и возможности заметить на нем лодку. Кроме этого он решил послать в Тавризскую обсерваторию радио-телеграмму и просить помощи. К счастью, у него остался карманный радио-

аппарат. Вступив на остров, Берг определил его широту и долготу. Не сделай он этого, бесполезно было бы посылать радио-телеграмму; инструменты исчезли вместе с лодкой, а без них профессор не мог бы указать местонахождения острова. Обрадованный этой счастливой случайностью, профессор вынул радиоаппарат и послал телеграмму: „Случилось несчастье. Необходима немедленная помощь. Я нахожусь на острове, не указанном на карте, В. долгота 45, широта 45°30' Профессор Петров".

Берега были скалистые, и профессор пробирался по ним с трудом. Но он не унывал. К полудню он обошел половину острова и решил отдохнуть и позавтракать. У самой воды, в скалистом берегу, бил родник. Узкая прозрачная струя извивалась среди трещин скалы и падала прямо в озеро. Профессор обрадовался: жажда томила его с раннего утра.

С большими предосторожностями начал он спускаться по крутому берегу к роднику. Он уже предвкушал удовольствие напиться холодной, кристально — прозрачной воды, как вдруг у него из-под ног вылетели две громадные черные птицы. Они испуганно шарахнулись в сторону и исчезли за поворотом берега.

От неожиданности профессор вздрогнул и выпустил из рук фляжку, упавшую прямо в озеро.

— Опять зубастые птицы! — подумал он. Как жаль, что нет Берга; здесь, вероятно, их гнездо.

Но вместо гнезда профессор заметил у самой воды скрытый нависшими скалами большой грот. Оттуда и вылетели птицы. Позабыв об упавшей фляжке и о роднике, профессор спустился к самой воде и заглянул в отверстие грота. В зеленоватом полумраке тускло поблескивало громадное пространство воды. Гладкие влажные стены грота терялись во мраке.

У входа, вдоль стены, лежали плоские черные камни. Они образовали узкий барьер, окружавший полукольцом грот. По ним профессор проник внутрь грота.

Он сделал несколько шагов и вдруг остановился пораженный. В самом конце грота, где чернел квадратный вход в подземную галерею, стояла девочка. Она была в белом платье и белом платке и резко выделялась на темном фоне гранитов.

Вокруг, с глухим клекотом, летали зубастые птицы. Девочка бросала птицам куски мяса, и они, схватывая его, взлетали к потолку, ударяясь крыльями в каменные своды.

Профессор вблизи хорошо рассмотрел птиц. Оказалось, что вместо зубов у них были сплошные роговые пластинки, которые издали легко было принять за зубы. Знакомый с орнитологией, он вспомнил, что таких птиц теперь нигде не водится. В меловом периоде водились подобные птицы — чистики, и особый вид гагар, ведя свой род от птеродактилей. Неужели их потомки сохранились здесь, на необитаемом острове?

В левой части грота, на воде, поблескивая своей глянцевитой поверхностью, плавала какая-то темная громада, напоминающая своим видом исполинскую сигару. Птицы садились на нее. Пожирая свою добычу, они громко стучали клювами о ее металлическую поверхность.

Профессор сразу догадался, что это такое. Одновременно удивление, радость и недовольство на свою несообразительность, вспыхнули у него в мозгу. Мысли закружились в бешеном вихре.

— Ну, конечно, так это и должно быть! — подумал профессор. Она и должна плавать... Плавать, а не тонуть. Но кто бы мог ожидать, что она возвратится, именно она! Удивительно и непостижимо!!

В подземной галерее стояла девочка в белом. Вокруг летали зубастые птицы...

Давно уже скрылась в подземной галлерее девочка, а профессор все еще продолжал стоять, прижавшись к стене грота.

Смутное предчувствие неудержимо влекло профессора последовать за незнакомкой. Безусловно между ней и исчезновением Берга существует какая-то связь. Нить найдена — нужно распутать теперь весь клубок! Нужно спешить!

Птицы, наконец, вылетели из грота. Наступила тишина. Безмолвно поблескивала изумрудно-сумеречная водная гладь, и с отрывистым, тугим звуком падали капли с влажных стен. Профессор осторожно пробрался по камням барьера в подземную галлерею.

Почти у самого входа галлерея заворачивала влево и шла под большим уклоном вниз. Скоро абсолютный мрак окружил профессора. Он пошел медленнее, все время нащупывая рукой стены и зажигая изредка спички. Галлерея была ровная. Не было ни выбоин, ни трещин. Она извивалась то вправо, то влево, продолжая все время идти вниз. Это успокоило профессора и ослабило его внимание. Он пошел смелее, стараясь как можно реже зажигать спички. Но вдруг он почувствовал, что ноги его начинают скользить, не находя опоры. Чтобы не упасть, он хотел удержаться за стену...

Но стены не было, и профессор, не ожидая этого, широко раскинув руки, полетел куда-то в зловещую темноту.

V. В ПЛЕНУ У ЕЗИДОВ

Берг очнулся в круглой пещере. Он лежал на ворохе сухой травы. Прямо перед ним, на красноватом квадратном камне, горел масляный светильник, освещая только небольшое пространство вокруг себя.

Берга томила жажда. Он хотел сделать движение рукой и почувствовал, что руки и ноги у него связаны. Однако он сделал усилие подняться и сел. Около камня неподвижно стояла девочка. Несмотря на мучительную головную боль, он сразу узнал в ней ту незнакомку, которую так неудачно преследовал.

— Я хочу пить... — сказал Берг.

Выйдя из-за камня и став на колени, девочка поднесла к его губам каменный кувшин с водой. Берг пил долго, не отрываясь. С каждым глотком он чувствовал, как восстанавливаются его силы. Утолив, наконец, жажду, он поднял голову. Лицо девочки было близко от его лица. Огромные восточные глаза смотрели на него в упор с любопытством и настороженной, плохо скрываемой опаской.

Берг вздрогнул. Такой красоты ему нигде еще не приходилось видеть. Бледное детское лицо и пропасти уже не детских глаз. Иссиня-черные кудри выбились из-под большого белого платка, накинутого на голову, и окутывающего почти до ног ее стройный стан. Точно белые крылья лебедя...

С губ сорвался невольный вопрос:

— Кто ты?

— Я — Зубейда. Ты чувствуешь себя лучше — я рада. Я развяжу сейчас веревки.

— Ты не боишься меня?

— Нет.

Не поднимаясь с колен, она быстрым ударом ханджара (кинжала) перерезала веревки. Потом поднялась и отошла к камню. Берг тоже поднялся и подошел к Зубейде.

— Я хочу задать тебе один вопрос.

— Говори.

— Кто осмелился заманить меня в эту ловушку?

— Ты пришел сам и хотел узнать наши тайны. Мы были вынуждены...

— Кто вы?

Став на колени, девочка поднесла к его губам, кувшин с водой...

На пороге появился старик курд с ружьем в руке...

— Этого ты не должен знать. Прощай, я приду вечером.

— Подожди, вспомни о власти шаха и о возмездии. Я требую немедленного освобождения. Передай это тем, кто осмеливается держать меня в заключении.

Зубейда улыбнулась и взмахнула два раза ханджаром. При каждом взмахе она говорила:

— Вот тебе — шах, вот тебе — садразами!!

Лицо ее мгновенно изменилось, сделавшись хищным и злым. Зубы оскалились, как у маленького зверька в минуту опасности.

Берг бросился к ней, но она протянула навстречу ханджар. Его сталь засверкала зловещим, угрожающим блеском и остановила Берга. Он почувствовал неприятный, мучительный холодок в груди, около сердца.

В это мгновение отворилась маленькая кипарисная дверь, которую Берг только сейчас заметил в одной из стен пещеры. На пороге появился старик курд с ружьем в руке. Это ружье Берг мгновенно узнал. Оно принадлежало ему и лежало в моторной лодке. Неужели с профессором произошло несчастье?

Зубейда повернулась и вместе со стариком исчезла за дверью. Звякнула задвижка и гулко прозвучали удаляющиеся шаги.

Порыв бешенства овладел Бергом. Он подбежал к двери и принялся колотить в нее кулаками. Потом, поняв, что это бесполезно, взял светильник и подробно осмотрел всю пещеру. Везде был камень. Положение показалось Бергу безвыходным, и это, как ни странно, его сразу успокоило. Он поставил светильник обратно на камень и принялся ходить взад и вперед по пещере, обдумывая свое положение. По привычке он засунул

руки в карманы и вдруг радостная улыбка мгновенно изменила его нахмуренное лицо...

В кармане лежал походный радиоаппарат с приспособлением для радио-телефона.

— Вот счастливая случайность! Они не осмотрели мои карманы.

Не теряя времени, он привел в действие радио-телефон и стал слушать. Несколько минут он безрезультатно ловил радио-волны, поворачивая приемник в разные стороны. Но вот мембрана телефона зазвучала.

До Берга донесся заглушённый разговор. Он различал мужской и женский голоса. Где-то, невдалеке, находилась, вероятно, другая пещера.

— Мне его жаль, Моавия... — говорил женский голос, и Берг догадался, что он принадлежит Зубейде.

— Но что же тогда мы будем с ним делать? Не забывай, что второй чужестранец бродит где-то по острову. Если мы их оставим живыми, то они узнают все наши тайны...

— Возврати им лодку, и пусть они уезжают. Эти чужестранцы исследуют озеро, и наши тайны их не интересуют. Куда ты дел их лодку, Моавия?

— Она стоит в гроте, рядом с железным снарядам, упавшим с неба. Будь он проклят! Если мы отпустим иностранцев, все узнают о существовании нашего острова, и через несколько дней сюда приедут сарбазы.

— Ты прав, Моавия... Что же нам делать?

— Убить обоих... другого выхода нет.

Разговор прекратился и послышался звук запираемой двери. Берг понял, что его тюремщики куда-то ушли. Он сел на камень рядом со светильником и задумался. То, что он узнал, было для него большой и неожиданной новостью.

VI. ВСТРЕЧА, ПРИНЕСШАЯ НЕСЧАСТЬЕ

Падение для профессора оказалось счастливым. Упав с двухсаженной высоты, он получил только легкие ушибы. Вокруг был мрак. С тихим, настороженным звоном, где-то совсем близко струилась вода. Профессор встал на ноги и зажег спичку. Прямо перед ним темнело круглое подземное озеро. Озеро заполняло большую квадратную пещеру, от которой, теряясь во мраке, расходились несколько подземных каналов...

Спичка догорела. Профессор бросил ее. Красноватая искра метнулась в черном зеркале и стала падать в бездонную глубину. Потом с шипением погасла, точно раздавленная хлынувшим сверху тяжелым мраком. Профессор зажег новую спичку.

Он стоял на узкой гряде камней, спускающихся к воде. Позади возвышалась двухсаженная гладкая стена. Подземная галлерей, по которой он шел, оканчивалась здесь неожиданным обрывом.

Для профессора стало теперь ясным, что, идя в темноте по галлее, он пропустил какое-то ответвление, куда скрылась преследуемая им девочка. Нужно найти этот поворот, а для этого, прежде всего, выбраться отсюда. Это не составило особого труда. Профессор набрал камней и, сложив их около стены, взобрался по ним обратно в галлерею.

Предположения его оказались правильными. В нескольких саженях от места его падения галлерей сворачивала вправо, чего в темноте не заметил профессор. Горьким опытом наученный осторожности, он свернул в этот проход и начал медленно подвигаться вперед. Проход шел с небольшим подъемом. Боясь зажечь спичку, чтоб не выдать своего присутствия, профессор шел в темноте, ощупывая руками стены. Проход

неожиданно повернул влево. Профессор почувствовал под ногами ступени лестницы и поднял голову. Лестница оканчивалась у входа в узкую галерею. Оттуда струился слабый красноватый свет...

В то время, как профессор блуждал в подземных галереях, Берг находился в своем заключении. Он ожидал прихода Зубейды. Она два раза в день приносила пищу и свежую воду, и по ее приходу Берг определял время. Но каково было изумление Берга, когда звякнул отодвинутый дверной засов, и, вместо Зубейды, с револьвером в руке вошел профессор...

Несколько мгновений оба не могли произнести ни слова. Первым пришел в себя Берг. Он бросился к профессору и принялся его обнимать. Когда порыв радости прошел, и они рассказали друг другу о своихключениях, профессор выработал план немедленных действий.

— Для меня все теперь понятно... — сказал он. Снаряд-ракета упал недалеко от острова. Живший на острове жрец секты езидов, боясь, чтобы не был открыт этот остров, спрятал его. Но открыть снаряд он конечно не мог — это было ему не по силам. Вместо него снаряд откроем мы...

Профессор не окончил фразы. По коридору раздались осторожные шаги, неожиданно умолкнувшие у двери.

Берг схватил за руку профессора и прошептал:

— От радости я совсем забыл о своем тюремщике, — это его шаги. Скорей встаньте около двери, профессор, так, чтобы вас не было заметно. Я боюсь, чтобы открытый засов не вызвал тревоги. Молчите... молчите...

Профессор только сейчас сообразил, какой опасности они подвергались. Тюремщик мог закрыть засов двери. И тогда... тогда вместо одного пленника будут

два. Какая невероятная, чисто профессорская рассеянность!!

С лихорадочным вниманием они стали следить за дверью. Прошло несколько томительных минут, показавшихся им вечностью. За дверью не раздавалось ни одного звука. Не в силах больше выносить напряженного ожидания, Берг бросился к двери... Проклятие слетело с его губ, когда он обернулся к профессору.

— Дверь заперта!

Профессор вздрогнул и побледнел.

— Наша встреча принесла нам несчастье... — сказал он дрожащим голосом и в отчаянии сжал руками голову.

VII. НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Время тянулось однообразно. Масло в светильнике давно выгорело, и он погас. Наступившая темнота еще сильнее действовала на угнетенное состояние пленников. Пленники сидели теперь молча, отдаваясь своим невеселым думам.

По их предположениям, прошло два дня. Кипарисная дверь в стене больше не открывалась. Было ясно, что их оставили здесь на произвол судьбы. Что могло их ожидать? Мучительная, голодная смерть...

— Неужели мы умрем? — сказал Берг, скорее отвечая своим мыслям, чем спрашивая профессора. Какая нелепость! Умереть в тот момент, когда стоишь перед великим открытием, способным, может быть, всколыхнуть весь мир. Меня не страшит смерть, но ужасает бесцельность...

Профессор подошел к Бергу.

— Мой дорогой друг, никогда не следует впадать в отчаяние. Мы сделали все, что могли, и наши поиски не могут быть бесцельными. К тому же, предавшись отчаянию, вы забыли, что мной послана радиотелеграмма в Тавризскую обсерваторию...

— Но разве можно надеяться на помощь оттуда? Если даже они получают телеграмму, и найдут остров, то как они разыщут нашу тюрьму и нас самих?..

Профессор ничего не ответил, убежденный доводами.

Прошел еще день. Профессор так ослабел от голода, что все время лежал на ворохе сухой травы и молчал. Берг, как более молодой и выносливый, ходил еще взад и вперед по пещере. Тишина угнетала его и, чтобы услышать человеческую речь, он спросил профессора.

— О чем вы сейчас думаете?

— Я думаю, — прозвучал слабый голос профессора — сохранились ли в снаряде-ракете самозаписывающие приборы. Я почему-то убежден, что селениты послали нам рукопись. Представьте себе, что график, составленный приборами, даст нам возможность проверить сообщения рукописи...

Профессор оказался истинным ученым. Даже в такой трагический момент он ставил интересы науки выше своих личных бедствий. Это мгновенно разогнало угнетенное состояние Берга, и весь день прошел в спокойных разговорах о снаряде-ракете. Ночью Берг проснулся от осторожного шороха. Профессор стоял у двери и к чему то прислушивался.

Первое мгновение у Берга явилось подозрение, что его друг сошел с ума. Перенесенное волнение и голод были-бы достаточной причиной. Но профессор обернулся и окликнул его.

— Вы не спите, Берг?

— Что случилось?

— Я слышу шум многочисленных шагов и звуки выстрелов. Мне кажется, что пришло спасение...

Одним прыжком Берг очутился у двери. Профессор был прав. Бешеная радость охватила пленников. Они принялись руками и ногами колотить в дверь, призывая на помощь. Стук скоро был услышан, и дверь открылась.

С громким лаем ворвался в пещеру Гектор, а за ним, радостно улыбаясь, вошел Ага-Уован с дюжиной сарбазов.

— Вы живы и невредимы! — воскликнул он, обнимая пленников. Я так боялся, чтобы не запоздать... Нам бы ни за что не найти вас, если бы не помощь Гектора. Это он разыскал ваши следы и привел сюда.

Рядом с пещерой, где находились в заключении Берг и профессор, была вторая пещера. Пройдя по узкому корридору, в конце которого горел светильник, ага-Уован остановился перед маленькой закрытой дверью.

— Это езидский храм, — сказал он, открывая дверь. Посмотрите, какие древние рисунки.

Над дверью, на сером граните, были вырезаны пять кругов и две уродливые птицы. С правой стороны выступал рисунок змеи рядом с какими-то животными, а около них — факел, топор, большой птичий гребень и крест.

Пещера была огромная. Задняя стена терялась во мраке. Посередине стоял жертвенник, на котором еще тлели уголья. У жертвенника дежурил сарбаз.

— Ну, и наделали же нам хлопот эти езиды!.. Я чуть было не отправился к праотцам, профессор. Только находчивость этого сарбаза спасла меня от смерти. Когда мы ворвались в пещеру, на жертвеннике горел огонь. На огне висел большой глиняный сосуд с кипящей водой. Мы попали как раз к жертвоприношению. У жертвенника стоял жрец. В одной руке он держал черную птицу, а в другой сжимал кинжал. Около стены находилась только девочка-туземка — никого больше в пещере не было. Увидя нас, жрец вздрогнул и от неожиданности выпустил птицу. Я был впереди сарбазов, и жрец неожиданно с кинжалом бросился ко мне. Но я успел отскочить в сторону. Мой спаситель-сарбаз выхватил револьвер и навел его на жреца. Под злоеще поблескивающим дулом жрец остановился и опустил кинжал. Не сводя взгляда с сарбаза, жрец начал медленно пятиться к правой стене, где стоял большой черный ящик. Быстрым, неожиданным движением, он

отбросил крышку ящика и отскочил в сторону. Из открытого ящика с громким шумом вылетело несколько черных птиц. В паническом ужасе они стали носиться по пещере, опрокинули светильник и разбили сосуд с водой, заливший огонь жертвенника. Воспользовавшись темнотой, жрец вместе с девочкой куда то исчезли... Но эти проклятые птицы оказались с зубами. Посмотрите, как одна из них укусила меня за палец.

Быстрым движением жрец отбросил крышку ящика.

Оттуда вылетели черные птицы

— Я хочу видеть солнце и возвращенный селенитам снаряд... — перебил рассказ профессор. Идемте, ага-Уован, — теперь наша очередь отблагодарить вас за спасение и посвятить в нашу тайну. Мы будем сейчас присутствовать при величайшем акте. Снаряд-ракета, посланный обсерваторией Лоуэлла на Луну — возвра-

тился обратно на Землю и находится здесь на острове...

* * *

В тот же день с острова отплыли две моторные лодки. А еще через день телеграф разнес по всем странам невероятную новость о возвращении посланной на Луну ракеты, в которой была найдена рукопись селенитов.

Это сообщение произвело сенсацию и вызвало неистовый восторг. Внимание всего мира было теперь сосредоточено на Тавризе, где трудились над переводом рукописи селенитов два русских ученых — Берг и профессор Петров.

VIII. РУКОПИСЬ СЕЛЕНИТОВ

Вот что говорилось в этой рукописи, написанной на отдельных листках голубоватой ткани.

* * *

...Мы, последние обитатели когда-то цветущей и прекрасной планеты, посылаем свой привет — эту рукопись. Мы сказали прекрасной потому, что предки наши жили еще в те времена, когда ваша планета была солнцем. Два Солнца озаряли начало нашей жизни: одно — яркое-голубое (солнце планетной системы), другое (ваша планета) сначала желтое, потом красное.

Цветущие равнины и благоуханные цветы покрывали когда-то нашу планету. Разноцветные дни соткали нашу жизнь. Жизнь была прекрасна. Теперь планета мертва. Холод, смерть и черное небо окружают ее. И мы, последние звенья великого народа, достигши торжества разума — умираем. Но умирая, мы знаем теперь, что скоро ваши исследователи будут бродить здесь в мертвой тишине вечного забвения, среди неподвижных скал, безводных морей и угрюмых кратеров. От нашей прежней жизни там ничего не осталось. Мы давно ушли под землю, чтобы спастись от холода и отравленного воздуха. Давно, давно наших предков постигло ужасное бедствие: планета попала в хвост появившейся кометы. От этого столкновения исчезла атмосфера. Но мы не хотели умирать, не хотели быть игрушкой стихий, и пошли наперекор природе, создав новые города и новую жизнь. Под землей ищите следов прежней жизни и культуры.

* * *

...Только сейчас я узнал о смерти Окку. Весть эту послал мне Селэ, хранитель кислородного питания. Я сидел неподвижно, глубоко задумавшись, как вдруг ощутил его мысль,

влетевшую в мое помещение. Нас было всего шесть селени-тов. Шесть живых существ среди необозримых мёртвых го-родов! Теперь, со смертью Окку, осталось пять. Какая ужас-ная и незаменимая утрата! Я подошел к отражателю по-верхности планеты.

На черном небе, среди знакомых созвездий, висели огромные Небесные Часы (так мы называем вашу планету). До совпадения с меридианом нашей планеты на них не хва-тало $4^{\circ}30'$.

Ровно 12 часов тому назад Окку был жив. Он поразил нас посланной мыслью, утверждая, что теперь он убедился в существовании разумных существ на Небесных Часах.

Это нам показалось тогда абсурдом.

Разве может, в самом деле, жить какое-либо разумное существо на такой нелепой планете? Ее со всех сторон по-крывает толстый слой атмосферы. Мы мгновенно утонули бы в ней, как в самом глубоком океане. Кроме того Небес-ные Часы вращаются вокруг своей оси с невероятной быст-ротой. В то время как у нас на планете пятнадцать последо-вательных дней Небесных Часов и такое же количество но-чей составляют только одни сутки, — Небесные Часы обра-щаются вокруг своей оси в 24 часа. Мыслима ли жизнь на этой вертушке при 24-часовых сутках! Ведь мы прекрасно знаем, что живым существам невозможно удержаться по-средине двух вращающихся элементов — атмосферы и твер-дой части планеты. Возможно ли при таких условиях пред-полагать существование живых существ?

Но Окку нам возразил, что ему наши утверждения ка-жутся теперь такой же нелепостью, как нам — его.

Что такое живое существо? Ни больше, ни меньше, как непрерывное изменение атомических форм в зависимости от условий окружающей среды. Почему же тогда не суще-ствовать разумным существам Небесных Часов?

Окку передал это с большой иронией. Затем он напо-минил нам, что мы забыли, чем мы были раньше сами и кем

стали теперь. Ведь наши предки, имея смешные и ненужные органы, давно исчезнувшие у нас, жили тоже в атмосфере.

— Однако, — добавил Окку, — я не передал вам самого главного. Сегодня я долго наблюдал Небесные Часы. Они были обращены ко мне своей восточной частью.

По узкому, длинному материку вилась белая извилистая линия гор, напоминающая цепь гор на нашей планете. Этот хорошо знакомый нам материк, как бы перетянутый посередине, был окружен зелеными пятнами — океанами Небесных Часов.

На этом материке меня поразило странное явление, никогда не виданное мною прежде. Произошла яркая вспышка света, и какой-то темный предмет, отделясь от поверхности материка, помчался к нашей планете. Около этого материка проходила как раз неизменная линия тени — граница дня и ночи Небесных Часов. На фоне этой черной тени вспышка света и сам несущийся предмет казались особенно отчетливыми. По моим вычислениям, он через двенадцать часов долетит до нас. Я утверждаю, что этот предмет послан к нам разумными существами Небесных Часов.

И вот сейчас я вспомнил эти последние мысли умершего Окку. Не знаю почему, но у меня сейчас же явилось предчувствие, что этот поразивший Окку предмет явился причиной его смерти.

Однако мне нужно было спешить к главному входу. Я поместился в движущемся со скоростью мысли аппарате, заменяющем нам исчезнувшие органы передвижения. Своей мыслью я привел в действие механизм.

* * *

Я прибыл последним. Сэлэ и трое других моих друзей ожидали меня.

Жуткая картина разрушения поразила меня. Мои недавние предчувствия оказались верными. Оторвавшись от Небесных Часов, в кратер Коноп, через который наши подземные города сообщались с поверхностью планеты, упал

черный кусок металла. Он разбил все наши сооружения, защищающие подземные города от холода на поверхности и лежал теперь на каменном полу, разрушив часть свода и сплющив своей тяжестью наши кислородные двигатели. Одним из многочисленных осколков камня был убит Окку. Он лежал неподвижно на каменном полу. Глаза его были закрыты. В гладком, сероватом черепе, около того места, где у нас помещались органы питания мозга, торчал острый кусок камня. В разбитое отверстие кратера виднелось черное небо. На нем сверкало солнце и звезды. Был день. Острый режущий холод широкой струей врвался в отверстие.

Мы начали обмениваться мыслями. Для всех нас было ясно, что смерть Окку может быть и нашей смертью. Мы не в силах в короткий срок исправить гигантские разрушения и пустить в ход кислородные двигатели. Единственно, что нужно нам для поддержания жизни — кислород. Если его не будет, наш мозг, являющийся всем нашим организмом, умрет. Предполагали ли обитатели Небесных Часов, что их подарок будет нашей смертью?

Из всех наших проектов нам показался более выполнимым проект Инга. Инг утверждал, что у нас слишком мало времени для каких-либо серьезных сооружений. Однако, мы должны послать ответный подарок разумным существам Небесных Часов.

Посланный ими прибор остался невредимым, к тому же в нем находятся достаточные запасы взрывчатых веществ, приводящих его в движение. Мы пустим его обратно на Небесные Часы. А до этого мы должны послать предупреждение, чтобы существа Небесных Часов могли его встретить.

Прошло трое наших суток. Инг окончил, наконец, свое изобретение — маленький металлический снаряд для предупреждения обитателей Небесных Часов. Записывающие мысли приборы окончили нашу записку, над которой мы долго думали, что бы она была понятной.

Судя по изобретению существ Небесных Часов, мы заключили, что они находятся еще на низком уровне развития. Условия их жизни настолько разнятся от наших, что всего все равно они не в силах понять. Но, несмотря на это, существа Небесных Часов — родственны нам так же, как родственны наши далекие предки, отличавшиеся от нас своим видом и своей жизнью. Но природа Разума единообразна. Сущность мыслящего существа одна и та же на планетах...

Сегодня мы пошлем изобретение Инга, а вслед за ним через мировое пространство помчится обратно и подарок обитателей Небесных Часов, принесший нам смерть. Мы направим его в одно из морей, повернувшихся в это время восточной частью Небесных Часов. Эта идея принадлежит Сэлэ. Он утверждает, что безопаснее всего пустить этот подарок в какое-нибудь море, чтобы не разрушить городов Небесных Часов.

Наши машины поставили прибор обитателей Небесных Часов в вертикальное положение и исправили внутренние повреждения. Осталось только привести в действие электровоспламенители и произвести взрыв.

Я оканчиваю сейчас эту рукопись, и мне представляется пройденная нами необозримая дорога жизни. Какая разница между нами, достигшими торжества развития, и теми простейшими существами, от которых мы произошли! От физического сходства не осталось следа. Все ненужное, поработавшее разум — исчезло. Остался один торжествующий, познающий мозг, как более совершенная форма материи. Он заменил нам все органы. Наши мысли управляли всем. Витая вокруг нас, они переходили в энергию, а последняя приводила в действие наши двигатели...

Но теперь наши мысли получили свободу. Они вырвались из разрушенного отверстия на поверхность мертвой планеты. И я знаю, что их энергия создаст новую жизнь, и эта новая жизнь будет развиваться в неведомых условиях и формах. Закон жизни сильнее нас. Напрасно мы старались

довести наше развитие до конца, когда должен был естественно совершиться переход нашего организма в какую-то неведомую мыслящую энергию. Напрасно мы перерабатывали наши мысли, обращая их снова в материю, чтобы быть единственными живыми существами.

Сегодня мы все вместе выйдем на поверхность планеты, послав миру последний привет. И, умирая, мы благословим жизнь, прекрасную даже в своей жестокости уничтожения. Творящую великие чудеса в своем стремлении создать все более и более совершенные формы. Нам понятны теперь ее законы. И нет большей радости, чем радость познания и слияния с жизнью.

Да здравствует жизнь, пославшая нам смерть!

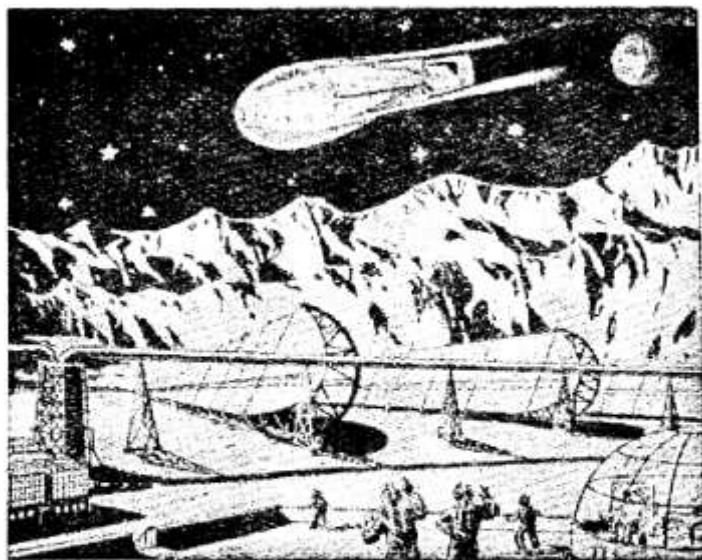

Б. РУСТАМ-БЕК

В ДВА ДНЯ НА ЛУНУ

Фантастический очерк

Журнал «Вокруг света», № 3, 1927 г.

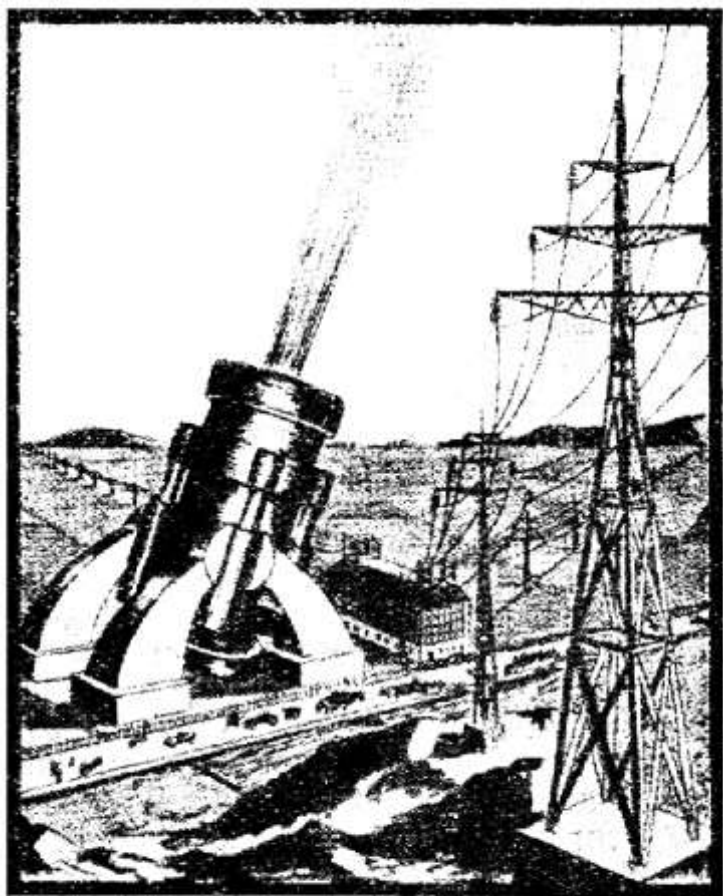
В ДВА ДНЯ НА ЛУНУ

Очерк Б. Рустам-Бека

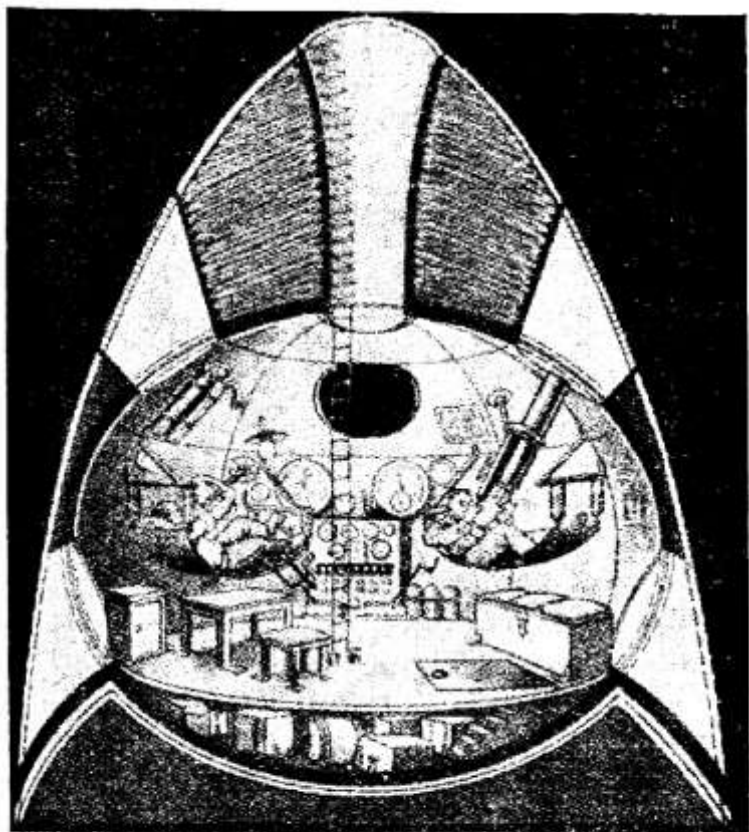
Многим известно о ракете нашего изобретателя Циолковского, сконструированной им с целью полета на луну. Известно также, что профессором Кларковского университета в Соединенных Штатах, Робертом Годардом, совершенствуется аппарат для той же цели, и что ученые всего мира обсуждали этот проект и нашли его вполне осуществимым. Немало места в свое время уделяла мировая печать вопросу о полете на луну, и вдруг об этом как будто позабыли...

И вот, в самый разгар угольного кризиса, английская печать снова заговорила о готовящемся полете на

луну... большевиков! Английская буржуазия встревожилась. А что, если на самом деле большевики водрузят их красное знамя на луне!

Мортира, стреляющая ракетой в луну.

Ракета для путешествия на луну: разрез
через головную часть снаряда.

Ведь Северный полюс ускользнул от британских капиталистов.

С американским флагом во главе, над ним по-
ложутся и норвежский, и итальянский. Возможные
нефтяные и другие подпочвенные богатства северной

оконечности нашего глобуса, если только там имеются острова, окажутся в американских руках.

Но как же быть с лунной? Неужели ее тоже придется уступить американцам, а, чего доброго, и большевикам?..

В начале августа 1926 г. московский корреспондент телеграфного агентства «Централь Ньюс» сообщил в Лондон сенсационную новость: «Комсомольская Правда», телеграфировал он, передает, что 12 августа одиннадцать советских ученых в специальной ракете вылетят на луну». Английская буржуазия насторожилась; в английской печати появились тревожные статьи. А что, если на луне имеется население? Как же, в таком случае, оградить его от большевистской пропаганды?

Появившаяся 11 августа в «Дэйли Хроникль» статья доктора Фурнье д'Альба еще больше встревожила умы английской буржуазии, тем более, что этот ученый подошел к вопросу о возможности достижения луны с научной точки зрения. «Мечтам Жюль Верна, — говорит Фурнье д'Альба, — в недалеком будущем предстоит осуществиться. Было бы нелепо предполагать, что расстояние в 240000 миль, отделяющее нашу планету от луны, может служить препятствием для ее достижения и исследования. Равная по своей величине Азиатскому материку, луна не может остаться не эксплуатированной. Ее минеральные богатства должны в корне изменить экономическое положение того государства, которому удастся овладеть ею».

По мнению Фурнье д'Альба, вопрос о большевистской пропаганде на луне отходит на второй план. «На луне некого пропагандировать, — говорит он, — там нет населения. Мы должны встретиться с совершенно другого рода опасностью. Если большевикам удастся о до-

стигнуть луны, то, не встретив там ни вооруженного сопротивления, ни надобности испрашивать концессии, они без затруднений овладеют всеми лунными богатствами. Заселенная коммунистическим элементом, луна делается большевистской. Затрата на постройку ракеты и риск жизнями нескольких ученых — сущие пустяки в сравнении с теми колоссальными выгодами, которые можно ожидать от эксплуатации материка на луне».

Далее, Фурнье д'Альба рисует картину вступления лунной экспедиции на северный берег Рэнского моря, омывающего подошвы лунных Альп. Здесь раскинулось знаменитое плато огромного кратера с застывшей лавой. Плато это окружено кольцом невысоких гор. От наблюдателя, находящегося в центре плато, они удалены не больше, как на 25 миль. Тут стоит глубочайшая тишина. Сияющее в огненном ореоле солнце быстро поднимается из-за мрачных горных хребтов. Большой яркий диск земли скрывается за горами. Почва покрыта слоем черной пыли. Ноги ощущают холод промерзшей почвы, которая вскоре, под влиянием солнечных лучей, настолько раскаляется, что человек едва в состоянии выдержать ее температуру. Вокруг повсеместно видны большие и малые вулканы. Некоторые потухли, в других же раскаленная лава поднимается до окраин кратера.

В южном полушарии луны находится огромный вулкан с кратером Тихо. Его можно видеть даже с земли при помощи сильного призматического бинокля, наведенного во время полнолуния на южный полюс луны. Видимые блески, разлетающиеся во все стороны, определяют место нахождения этого действующего вулкана.

— Раз на луне существуют действующие вулканы, — уверенно заявляет Фурнье д'Альба, — то там должны быть нефть и уголь... — И все это может оказаться в руках большевиков! — горестно восклицает он. — Выдержат ли члены экспедиции лунный климат и окружающую луну атмосферу?

— Конечно, да, — заявляет Фурнье д'Альба. — Современная техника, — говорит он, — дает нам возможность пользоваться кислородом. Полутонный цилиндр на спине путешественника, при разреженной атмосфере луны, будет казаться ему не тяжелее небольшой сумочки.

В недавно полученном (февральском) выпуске «*Popular Science Monthly*» Г. С. Дэвис описывает новый ракетный снаряд в 6 тонн, который сооружается в Вене профессорами Германом Обертсом и Францом Хоэфом. В этом снаряде они рассчитывают достигнуть луны в 2 дня, развив скорость ракеты до 7 миль в секунду. Они уже произвели испытание над моделью проектируемого снаряда. Выстреленная из специальной мортиры модель снаряда отлетела от земли на несколько миль и спустилась обратно на парашюте, автоматически открывшемся, когда снаряд утратил силу для продвижения вперед.

Одновременно австро-баварский астроном-авиатор Макс Валье работает над постройкой другого снаряда для той же цели.

Все эти снаряды сооружаются на одном и том же принципе — полета ракеты. Снаряд профессора Обертса носит название «тройной ракеты в одном корпусе». Он снабжен в затылочной части тремя взрывающимися камерами. Первая содержит в себе алкоголь, а две другие наполнены жидким водородом. Скорость полета снаряда будет увеличиваться отделением от него

В межпланетном пространстве: момент прохождения через «нейтральную зону».

оболочки камер, израсходовавших уже свой горючий состав.

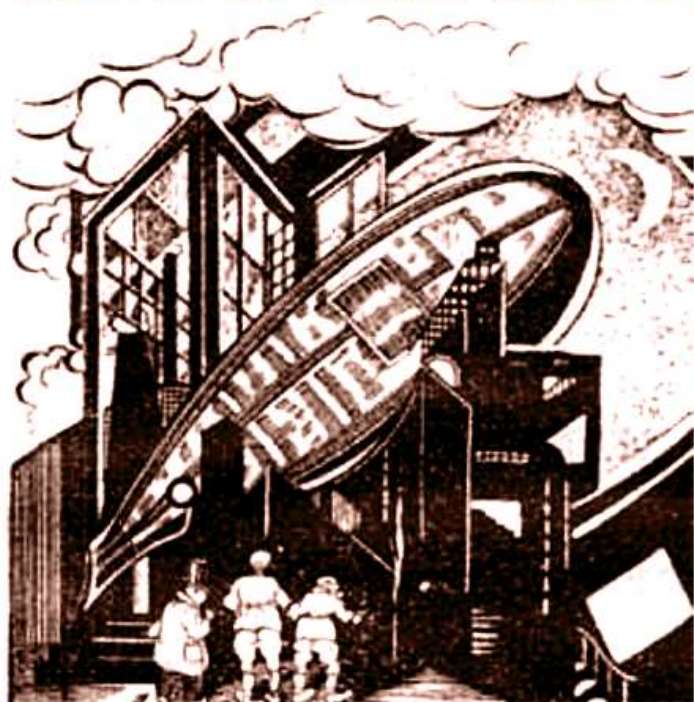
Относительно высадки на луне и обратного путешествия оттуда на землю ученые еще ничего не могут сказать положительно. Тем не менее, профессором Хоэфом изобретен прибор, благодаря которому снаряд будет выведен из нейтрального

пространства и избегнет участи вечного скитания в нем в качестве лунного спутника.

Несколько недель назад в Вене состоялся съезд астрономов, физиков и инженеров, во время которого было основано «Общество для исследования вселенной». Основной задачей общества является проведение в жизнь проекта профессора Обертса. В первую очередь, будет произведен выстрел в луну взрывчатой ракетой, за падением которой будут вестись самые тщательные наблюдения в телескоп.

— Итак, луна находится накануне завоевания!..

**В ЯЗВИЦКИЙ
ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ЛУНУ И НА МАРС**

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ И НА МАРС

Фантастический рассказ

Путешествие на Луну и на Марс:[Рассказ] /Обл. худож.
В.Г. - М.-Л.: Госиздат [Напеч. в М.], 1928. - 78 с.

НЕОЖИДАННОЕ ПИСЬМО

Петр Иванович Гура, намотавшись за целый день в кооперативной лавке, пошел пообедать к учителю, где столовался.

За обедом насчет торговли с Америкой беседовали, потом вопрос о сбыте яиц на разные лады прикинули, а там, как водится, перешли незаметно и на политику и на разные новости. Между прочим, разговор зашел об одной американской выдумке — на Луну особые ракеты пускать. Жена учителя подробно даже рассказала Петру Ивановичу, как примерно эти ракеты будут лететь и что в ракетах будет приспособлено радио, чтобы с Землей связь держать.

— Брехня, — отрезал Гура, попыхивал папироской, — вам бы приятеля моего из Москвы, Ершова, он бы наговорил. Все Шурка знает, — меня в Москве, когда ездил туда прошлый год, по всем лекциям таскал, в трубу даже Луну показывал...

— В «Вечерней Москве» напечатали, — горячилась жена учителя, — там даже сказано, что добровольцев приглашают, чтобы лететь...

— Ну, «Вечерняя Москва», — презрительно цедил Гура, — по ней и Шаляпин^[1] два раза умирал, в ней все можно. Не знаю, зачем вы ее выписываете. «Беднота» куда лучше.

Чуть не целый час прошел в спорах. Выпив стаканов пять чая после обеда, Гура поблагодарил хозяев и пошел домой в свою холостяцкую квартиру соснуть немного.

Дома, сбросив пиджак, он улегся на диван и закурил папиросу. Веки стали тяжелеть и слипаться, а в голове пошла всякая муть.

[1] Шаляпин — известный русский певец.

— Спать, так спать, — пробормотал он и воткнул в пепельницу окурки папиросы. Тут он неожиданно заметил на столе толстый конверт из прекрасной желтой бумаги и притом с иностранной маркой.

— Что за чорт, — воскликнул он, с недоумением рассматривая письмо, — уж не насчет ли яиц?

Убедившись, что письмо было на его имя, он быстро вскрыл конверт. Письмо, несомненно, было написано по-английски, но странное дело, Гура читал его свободно, как по-русски, и все понимал до слова.

Но вместе с тем, его нисколько не удивило, что письмо это прислано не кем иным, как самим Джоном Айрсом, профессором американского университета. Почтенный профессор был очень обижен недоверием Гуры, именно Петра Ивановича Гуры, и требовал, чтобы Гура приехал к нему в Нью-Йорк и лично убедился в возможности полета на Луну. Даже больше — Джон Айрс предлагал ему, Гуре, совершить полет на Луну и на Марс. В письме был чек^[1] на две тысячи долларов^[2] с правом получения означенной суммы в любом отделении Государственного банка.

У Петра Иваныча даже руки задрожали, когда он чек держал; а через запрыгавшие губы невольно сорвалось:

— А сколько это на рубли? Ну, и чудачки эти американцы... Право, чудачки...

Оглядывается Гура по сторонам и видит, будто он уже не в селе Лебедяни, а опять в Москве проживает.

В это время в комнату постучали. Гура мгновенно скрыл чек в жилетном кармане и крикнул:

[1] Чек — это записка человека, имеющего деньги в банке, о том, чтобы из его денег уплатили предъявителю обозначенную в ней сумму.

[2] Доллар — американские деньги: один доллар равен двум русским рублям.

— Войдите!

Тут к нему не вошел, а прямо ворвался Александр Семенович Ершов, слесарь по занятиям и изобретатель по призванию.

— Петька! Поздравляю, — заорал он, тискал руку Петра Ивановича, — вот так повезло тебе. Летишь, братец?

Гура выпучил глаза и спросил:

— Откуда ты все выдумал?

— Как откуда? Везде по радио только и гудят: Джон Айрс предложил Гуре лететь на Луну и Марс; Гура согласен, и завтра вылетает на аэроплане в Париж. Что, брат? Я все знаю!

Гура опешил и молча сел на диван. Он переставал понимать, что кругом него делается. На минуту ему показалось, что все это во сне, но, когда он, будто нечаянно, задел рукой за жилетный карман, там радостно хрустнул свеженький чек.

Гура беспомощно поглядел в острые глаза Шурки Ершова и понял, что ему скрывать больше нечего.

— Вот что, — начал он задабривающе, — так как мы с тобой приятели, а ты, кроме того, изобретаешь аппараты всякие, изучал там всякие звезды и прочее....

— Ты хочешь меня взять с собой, — воскликнул Ершов, — я готов. Я полечу с удовольствием и на Луну, и на Марс, и даже дальше...

Гура поморщился от досады, но делать было нечего, а, в конце концов, вдвоем все же веселее.

— Ладно, — сказал он, протягивая руку Ершову.

Тот жадно вцепился в нее и потряс раз двадцать подряд.

— Летим, — сказал он торжественно, — ну, складывай монетки, скоро аэроплан подадут...

ПРОФЕССОР ДЖОН АЙРС

У Гуры в мозгах такой круговорот пошел от всяких неожиданностей, что он и очухаться порядком не успел, как бок-о-бок с Ершовым пролетел над Парижем. Потом они перемахнули море, и прямехонько в Англию — в самом Лондоне спустились на землю. Сбежались тут англичане, с поздравлениями лезут, удивляются, что-де смельчаки такие — на Луну и на Марс собираются. Пуще всех газетчики одолевают. Но Ершов им только усмехнулся и сказал.

— Мы, товарищи, вам ничего не скажем, а по радио в «Известия» перешлем.

Да и некогда было разговаривать. Первое дело — две ночи не спали, а другое то, что в Лондоне их ждал американский аэроплан громаднейший, и спать на нем можно было в постелях, как дома. Приятели скорей туда перебросились, по стаканчику на сон грядущий хватили да покрепче в одеяла завернулись. Так до самой Америки и проспали в свое удовольствие.

Только Гура первый в себя пришел. Чувствует — кто-то его тихонько за плечо трогает, ну и проснулся. Глядит, а перед ним профессор Джон Айрс стоит, трубку по-американски курит и говорит, рта не разжимая:

— Здравствуйте, дорогие товарищи, только времени не теряйте. Потому — Америка страна буржуазная, и каждую минуту полиция может нагрянуть. Очень у нас советских боятся. Пожалуйста в автомобиль, и ка-тим ко мне в потайную мастерскую.

Поехали. Дорогой узнали, что сам Джон Айрс лететь не хочет, а только Гуру на Луну отправит, и стал он тут же Гуре объяснять, что за аппарат он придумал и как им управлять.

Только Гура ничего не понял.

— Извините, — говорит, — так как я приказчик по продовольственной части, то никакой механики не понимаю.

— Ну, а я все понял, — вмешивается тут Ершов, — потому я сам изобретатель. Я все могу. «Даешь Луну и Марс»!

Профессор обрадовался, руки ему жмет и говорит с уважением:

— Очень вами благодарен. Я вам в аппарате все в натуре покажу, а вы уж потом действуйте.

Видя это, Гура растрогался и в душе порадовался, что прихватил с собой товарища. Одному ему туго было бы, хоть назад уезжай. Меж тем, Ершов в азарт вошел.

— Вы, — говорит, — профессор, первоначально нам карту покажите, и про Луну и Марс объясните подробней. Может быть, и пожить придется, так лучше точное понятие обо всем иметь.

— В карте вам пока надобности нет, — отвечает профессор, — она в летательном аппарата на стенке висит, и все на ней точно обозначено. С астрономией вы знакомы?

— Это — наука о небесных светилах, — бойко отвечает Ершов, — как же, знаем! Мы вот вместе с гражданином Гурой на беседы такие в Москве ходили. Нам там русский профессор все объяснял про Луну, про Марс и прочие звезды. Только он, Гура, как приказчик, этим мало интересуется, он больше насчет вывоза яиц, а я ему разъяснял, что Луна и Марс все одно, как земля. Только Луна поменьше будет и вокруг Земли обертывается, а Марс, как и Земля, вокруг Солнца двигается...

— Очень хорошо, — сказал американец, — идемте, я

вам все это в трубу покажу. У меня в летательном аппарате труба приспособлена, хотя и малая, но такой силы, что видать в нее лучше, чем в самую огромную...

Ершов достал папиросы «Ява», которые еще в Москве купил, закурил, подмигнул Гуре и говорит:

— Мы с удовольствием, профессор. Ведите нас к аппарату.

Ну, прошли вдоль всей мастерской и на второй этаж влезли по винтовой лестнице. Там площадка сделана, а на площадке, будто короткохвостая толстая рыба, стоит летательный аппарат профессора Джона Айрса.

Подошел тот к нему, похлопал ласково, как любимую лошадь, и дверку отворил.

— Пожалуйста, — говорит, — я вам все здесь объясню.

Помялись приятели у входа, даже переглянулись жалобно, но делать нечего, — назвался груздем, полезай в кузов, — ну и полезли в эту американскую машину. Там профессор сейчас же все лампочки зажег.

— Смотрите, — говорит, — тут все удобства для вас, а вот эти скобки по стенам да веревочки разные, чтобы лазить.

Гура обиделся.

— Что мы вам, обезьяны что ли, — говорит, — шимпанзе или прочие.

Ершов одернул его.

— Тут, брат, все для науки. Сколько раз я говорил тебе, а ты без внимания.

— Правильно, — отозвался профессор, — это на тот предмет, когда от земли вы далеко улетите, то пропадет тяжесть, тянуть к земле вас перестанет, и будете плавать в воздухе. Тут вам скобы и веревки очень пригодятся.

Гура успокоился, вспомнив, что Ершов ему много в Москве всего объяснял и на лекции и на беседы разные водил, только память у него дырявая — с трудностью припоминает все научное.

Между тем, Ершов в аппарате все закоулки осмотрел, все винты, рычаги и колесики перепробовал, все кнопки нажал и стрелки по несколько раз переводил. Башковитый парень — все сразу смекнул и даже профессора в краску вогнал.

— Это, — говорит, — профессор, вы по плану нашего русского Циолковского машинку построили...

Гура даже от радости дрогнул.

— Ура! — кричит, — да здравствует советское строительство!

— Правда ваша, — признался Джон Айрс, — это по плану Циолковского сделана, но у него денег нет, а в Америке кругом миллиардеры, да и у меня не один миллиончик. Вот мы и построили — работка денежки любит.

Говорит это, а сам к трубе подходит, видно, что со-вестно стало, на другое разговор переводит. Гура сейчас все заметил и Ершову шепчет:

— Хорош гусь, а еще профессор!.. Чужими руками жар загребает...

— Ладно, — шепотом же в ответ ему Ершов, — только бы нам полететь, а там мы постоим за Циолковского...

Между тем, американский профессор Джон Айрс на белую табличку у трубы показывает.

— Вот, — говорит, — ежели по этой стрелке трубу поворачивать, по подписи здесь, то можно ее на Луну или на Марс направить. С Земли направлять оттуда, где звездочкой обозначено, а как на Луну прилетите, то направлять оттуда, где полумесяц изображен, а с

Марса там, где крестиком отмечено.

Ершов поглядел и все прекрасно понял.

— Я, — говорит он профессору, — сам на Луну теперь наведу, а вы только объяснения делайте, да скажите, куда мне глазом смотреть...

Американец же курит свою трубку и сквозь зубы смеется.

— Никуда, — говорит, — с глазом соваться не нужно, потому эта труба, как «волшебный фонарь» действует. Вот на стене белое полотно приделано, так Луна или другое светило и должны на нем обозначаться, как только трубу наведешь и огонь в этом помещении погасишь.

— Я давным-давно на Луну навел, — кричит Ершов.

— Ну, тогда ладно, — говорит американец и повернул выключатель.

Темно стало, только на полотне этом настенном сразу Луна появилась, как она на небе бывает, но размером побольше, и тени на ней пятнами, а меж темных светлые пятна.

— Ишь, куда нам лететь, — не выдержал Гура и вдруг испугался.

Глянул на него Ершов и сплюнул.

— Эх, — говорит, — курицын ты сын, а не воздухоплаватель небесный...

Но Гура свое тянет.

— Огонь, — говорит, — там...

Профессор смеется, а Ершов с сердцем шипит:

— Не срами ты меня. Не Гура ты, а дура. Сколько раз тебе объяснял, что свет у Луны не свой, а от солнца, вроде как от зеркала к нам на Землю отражается... Огня там нет, а земля, как у нас!

— Брехня, — буркнул Гура по старой привычке, — почему же у нас темно и Солнце давно зашло, а на Лу-

ну оно все еще светит?

Тут профессор вмешался.

— Высоко, — говорит, — Луна-то. Она, ведь, вокруг Земли ходит на расстоянии 380 тысяч километров^[1].

— Ты то пойми, — вмешался Ершов, — что когда Солнце зайдет, то на горе еще долго зарей играет, а высота горы на земле самое большое девять километров.

— Верно, — одобрил профессор, — так вот Солнце теперь по ту сторону Земли, там у вас, в вашей Советской России светит, а над Америкой Луна стоит на 380 тысяч километров высоты и солнечный свет перехватывает, и вниз его зайчиком, как зеркало отбрасывает.

— Теперь я понял, — сказал Гура.

— Понял, — передразнил Ершов, — а то хнычет: огонь там... Сколько раз я тебе в башку долбил...

— Ребята, не ссорьтесь, — перебил их профессор, — потому времени нет, а в Америке время — деньги. Давайте про Луну и про Марс разговор вести, а то вам уже и лететь скоро.

Снова Гура от страха поежился, но поглядел искоса на Ершова и покорился своей участи без возражений.

Профессор Джон Айрс объяснил Ершову, как у трубы с разными винтами и клапанами обходиться. Тот мигом все понял, и только на Гуру строго поглядывает, чтобы зря чего не сказал.

— Ну, товарищ Ершов, — говорит профессор, — винтите, что нужно. Ершов второй раз просить себя не заставил, а свободно так рукой, ровно в шашки играет, один винтик тронул, другой, третий...

— Смотрите на полотно, — говорит тут Джон Айрс.

Глянул Гура на белое полотно, что на стенке, наклеено, и обмер.

[1] Километр — около версты.

Луна видится огромная и вся рябая, будто дорога пыльная в ямочках, когда крупным дождем пыль прибьет. Светом потускнела, а еще страшней стала.

— Это, — говорит профессор, — лунные горы видать и тени от них, а также лунные моря и впадины разные, как это и у нас на земле бывает...

...Луна видится огромная и вся рябая...

Гура ему не поверил, но сказать, что это брехня, не успел, так как Ершов, по знаку профессора, опять винты перевернул. На полотне же в это время новые перемены. Лунные рябинки начали увеличиваться, потом затуманились, а потом вдруг ясно так стали большие, и видно, что это не просто рябины, а действительно горы.

— Ну, довольно, — кричит профессор, — остальное на Луне лучше разглядите, когда там будете. Теперь, товарищ Ершов, давай Марс!

Закрутил у трубы Ершов, перевел стрелку, и вот сгасла Луна на экране, а вместо нее звездочка красноватая замаячила.

— Поставьте, — говорит Ершову профессор, — на самое большое увеличение.

Тут уж Гура не имеет никаких возражений, знает только в полотно глазами впивается. Красноватая же звездочка на его глазах в круг перекинулась, вроде как Луна стала, а по ней пятна и полосы идут.

— Эта самая звездочка, то есть Марс, — говорит профессор Джон Айрс, — такой же шар, как Луна и Земля; только он, хотя и меньше Земли в семь раз, все же гораздо больше Луны. Огня там нет, как нет и на Луне и у нас на Земле, огонь только на Солнце.

— А это, — Ершов спрашивает, — что за пятно белое и полосы?

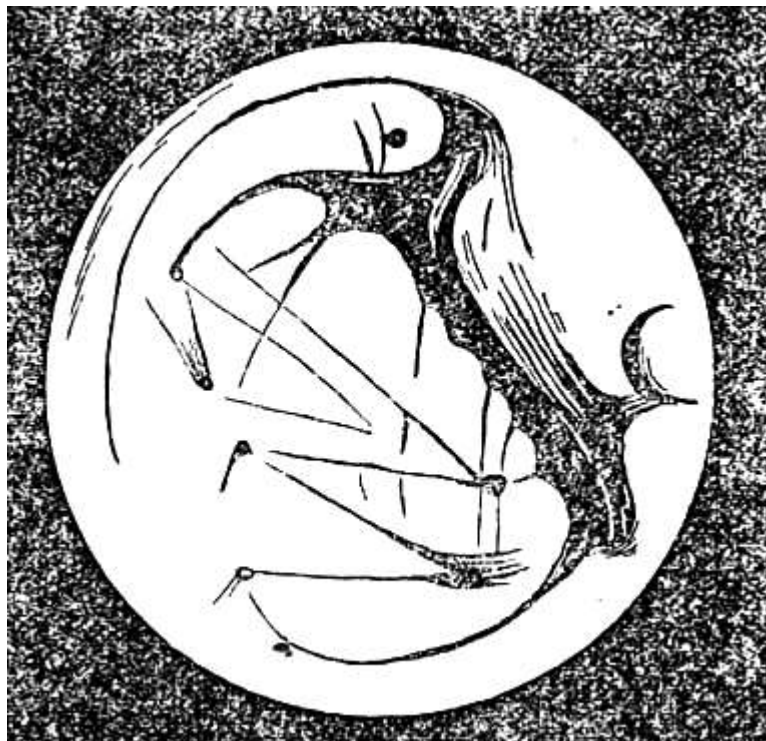
Профессор жует трубку и усмехается.

— Это, — говорит, — пятно белое — снег, как у нас на севере в холодных странах, а полосы эти — каналы, которые тамошние жители на тамошней земле прорыли вместо высохших рек.

Переглянулся Гура с Ершовым, что, мол, он это мелет, да Ершов сразу его успокоил.

— Мы, мистер, — профессору он отвечает, — (а мистер значит — господин), — так вот, мистер, мы это полетим и все своими глазами увидим. Так оно или нет, узнаем, а потом, мистер профессор, и вам расскажем...

Так на этом и покончили да в этой же самой летательной машине и стол для ужина накрыли. Тут всякие запасы оказались и даже советское хлебное вино американец из шкафа особого вытащил.

*...Звездочка на его глазах в круг перекинулась, вроде как луна стала,
а по ней пятна и полосы идут...*

Подмигнул глазом на бутылку и на шкаф очень так весело.

— Дорогой, — говорит, — пользуйтесь. Оно кровь согревает, а на Марсе холодней, чем на Земле будет.

Ну, Гура тут ожил, откупорил и сразу три стакана набулькал. Чокнулись, за полет выпили и крякнули.

Профессор пожал руки обоим приятелям, потряс даже очень здорово, и вышел.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Только дверка за Джоном Айрсом захлопнулась, как Ершов с места вскочил.

— Летим, Гура, — спрашивает, — или не летим?

А Гуру вином сразу разобрало так, что, ему и море по колено. Куда и страх делся.

— Крути машину, Сашка, — кричит, — летим! Ничего не боюсь, к самому чорту на рога полечу!..

Ершов времени терять не стал. Дверку скорей завинтил на запоры, стрелку у трубы на Луну наставил, винт повернул, и сел, бледный весь. Только как будто ничего не случилось, а лишь на экране, то есть на полотне белом, лунный лик обозначился.

— Вот, — говорит, Ершов, а зубы стучат малость, — мы и летим.

Снялся Гура с места, заметался туда-сюда, а потом тоже сел. Все одно, никуда теперь не денешься — полетели. Сидят оба, друг против друга, а в мозгах ничего, как есть, нет, — страхом обоих проняло.

Меж тем Луна больше да больше на экране растет и вдруг вбок уходить стала. Вскочил Ершов и к винтам.

— Ты, Петя, — говорит Гура, — теперь в оба следи, чтобы Луна с полотна этого не сходила, а то занесет нас чорт знает куда. Этот экран нам вроде руля будет.

Сам говорит, а винт винтит со старанием. Минуты не прошло, как опять Луна на экран вернулась.

— А что, мы скорей летим, чем аэроплан? — спросил Гура, оправляясь от испуга.

— Ха, ха, — засмеялся Ершов, — аэроплан делает 180, пусть даже 200 верст в час, а мы летим со скоростью 10 верст в одну секунду, а в одну минуту 600 верст...

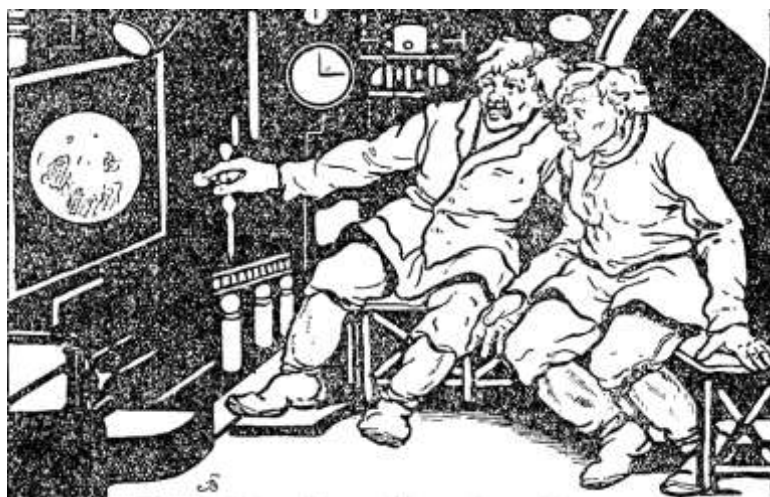
— Ишь ты, — вскрикнул Гура, — а далеко мы теперь от земли?

Ершов поглядел на машинку около трубы, которая на часы особые такие походила, и говорит:

— Прибор вот этот показывает, что мы летим уже 30 минут, а это значит, что мы 18 тысяч верст пролетели!..

На этом Ершов оборвал разговор, так как глянул на тот самый экран, где Луна обозначалась, и глазам не поверил. Гура следом за ним перевел взгляд и ахнул только.

Страшная луна совсем стала: свет стал еще ярче, а тени от гор черней. Вся-то она уж на полотне не помещается, а только горы свои, словно зубы, ощерила. Глядят на нее приятели, по спине мурашки бегают, а оторваться нельзя, — приковала Луна к себе этой жу-тью самой и держит.

*Сидят оба, друг против друга, а в мозгах ничего,
как есть нет — страхом обоих проняло...*

Сколько в таком оцепенении они пробыли, тогда им только стало известно, когда Ершов первый опаматовался и на этот особый часовой прибор посмотрел. Посмотревши же, головой покачал да свистнул.

— Петя, — говорит, — мы два часа летим, значит, 72 тысячи верст отмахали...

Тут Гура обрадовался. Смешки ему на ум идут.

— Ну, значит все хорошо, — говорит, — коли за два часа ничего не случилось, значит, машина выдержит...

— Это уже без сомнения, — поддерживает его Ершов, — на ять американцы работают...

— А что теперь у нас, — хихикает Гура, — в кооперативе делают? Чай, скрипят перьями, цифры в книгах выводят — к отчету готовятся. Я здорово это от самой страды улетел.

Закусили они на радостях и беседуют мирно.

— Все же я к этой Луне, — говорит Гура, — спиной сяду и глядеть не хочу — все внутренности она у меня переворачивает.

Тут Ершов за Луну вдруг обиделся. Он всегда на невежество обижался. Горячо так стал Гуре про Луну доказывать.

— Ты, Петька, — говорит с укоризной, — бревно дубовое. Долблю я, долблю тебе башку, а у тебя все ни на что понятия нет.

Пошел парень жалкие слова говорить, а потом объяснять стал. Гура пришипился, слушает — все же, ведь, совестно, что разум-то не паханный.

— А скажи, — говорит, — вот Луна на Землю светит, ну а Земля-то Луне тоже светит?

— Ученые доказывают, что светит, и даже в четырнадцать раз светлей, чем Луна. Земля-то, ведь, в 50 раз больше Луны. Только свет-то у Земли голубовато-зеленоватый.

— Это почему?

— А потому, что там, где моря, она голубоватый блеск дает, а где суша — зеленоватый от травы, значит, и лесов...

— Ишь, ты...

— Луна, брат, — продолжает Ершов, словно книгу читает, — такой же шар, как и Земля, только меньше. А вот вертятся они по-разному. Наша земля вокруг Солнца кружит — в год или в 365 дней круг около него делает и сама, как колесо, вокруг себя вертится, делая полный оборот в сутки, то есть в 24 часа.

— Ну, а Луна? — заинтересовался Гура.

— Луна, брат, вертится вокруг Земли, и вместе с Землей вокруг Солнца. Кроме того, и вокруг себя, как колесо крутится, только не по-земному. Вокруг Земли Луна в месяц обертывается, вернее, в 28 дней (поэтому и счет ведут на месяцы), и вокруг себя столько же времени оборачивается, а потому тамошние сутки равны 28 нашим суткам: лунный день и лунная ночь выходит там по четырнадцать суток...

— Это значит, — почесал Гура затылок, — нам придется там: или две недели на Солнце греться, или две недели в темноте сидеть...

— Погоди, дурной, — одернул его Ершов, — от такого, значит, вращения Луны еще то получается, что мы ее всегда с одной стороны видим, а другую сторону еще никогда и не видали...

— Как же это выходит?..

— Да вот так, — ответил Ершов, — вот я тут посередке сяду и буду, к примеру, Земля, а ты иди кругом меня, но все время лицом ко мне будь.

Гура нехотя поднялся и пошел кругом стола, не спуская глаз с Ершова.

— Вот теперь, — продолжал тот, — ты обошел вокруг меня, а я твоего затылка не видал, — так и у Луны. Понял?

— Понял, — обрадовался Гура, — да, ведь, когда я у тебя на блинах был, ты мне это показывал...

Тут Гура запнулся о стул и как раз на полотно посмотрел, где Луна из трубы отпечатывалась. Там вместо Луны с ее горами неслись теперь с ужасной быстротой черные и светлые полосы.

Гура задрожал весь, онемел со страху и только Ершову тычет рукой на экран, но тот уж и сам давно глядит, — бледный весь, на лбу пот холодный каплями. Замер Гура, чувствует, страшное что-то делается, а что — понять не может.

— На Луну падаем, — шепчет Ершов, — видишь, мельтешит как, — вдребезги, брат, в пыль, в пар разнесет...

— Крути назад, — закричал Гура, а сам с испугу сел на пол, лицо руками зажал.

Встрепенулся Ершов и к винтам. Один повернет, другой покрутит, стрелки по-разному ставит.

— Ура, — кричит, — молодчага ты, Гура, про обратный ход мне напомнил. Тут все одно, как у паровоза или парохода, можно ход назад, и кончено дело...

Только Гура не раньше, как минут через двадцать, в себя пришел.

— Хорошо, — говорит, — Саша, что ты со мной полетел — один-то я давно бы пропал. Ничего я в небесной механике не понимаю.

Ершов между тем совсем оправился, и будто дома у себя песенку мурлычет. Папироску хотел закурить, да никак спички не загораются. Теперь он уж Гуре на экран указывает. Смотрит Гура и видит, что летят они медленно, и около Луны круг делают. В это время Ер-

шов в стене что-то повернул, и внизу, в полу, вроде как окно открылось круглое; отодвинулась чугунная плита, и сквозь толстое стекло все на Луне, как на ладони видать.

Сначала они летели над темной местностью, солнечного света тут не было. Однако тьмы большой не замечалось, а было так, как у нас под новый год зимой, когда полный месяц светит, но, пожалуй, и еще по светлей.

— Да на Луне-то зима! — воскликнул Гура, — гляди, Саша, снег кругом.

Действительно, лунные горы и все ровное пространство вокруг них было замерзшим. Снег лежал в огромных оврагах и ущельях. Кое-где что-то поблескивало, как лед, обозначая не то моря, не то огромные озера.

— Брр!.. — проговорил Ершов, — там, видно, здорово холодно!

— Н-да, — согласился Гура, — даже от одного смотра мороз по коже...

В это время их летательный аппарат переменял несколько свое положение и неожиданно для них открыл невиданное зрелище.

На краю черного неба быстро восходила какая-то огромнейшая Луна, но совсем не похожая на ту Луну, что они видели с Земли.

Неведомое светило своей величиной и окраской вызывало у приятелей жуткое чувство. На огромном шаре, выкатившемся в черные бездны неба, были темные пятна, светлые полосы и точки...

— Петька, — вдруг крикнул Ершов, — да это ведь Земля!

Гура взгляделся внимательней, и темные и светлые пятна стали складываться в знакомые очертания.

...Их летательный аппарат переменял несколько свое положение, и неожиданно для них открыл невиданное зрелище...

— Верно, — радостно отозвался он, — я как на карте Северную и Южную Америку вижу...

Между тем быстро восходящая наподобие Луны Земля мчалась навстречу летящему аппарату и уходила с поля зрения. Вскоре на краю неба сверкнули ослепительные лучи Солнца, и небесные летчики полетели над теми местами Луны, где был день. Перед их глазами замелькали величественные и суровые картины.

Это была та самая сторона Луны, которую видно с Земли, откуда, в трубу на ней можно разобрать горы, долины и моря.

Здесь, видимо, кипела жизнь. С гор бежали сверкающие ниточки рек и ручьев; вода тускло серела в глубоких трещинах земли и на дне глубоких впадин между черными цепями. Снега нигде не было видно.

— Ишь, — проговорил Гура, — а тут лето.

— Да, — заметил Ершов, — на Луне день и лето, ночь и зима — одно и то же, и тянутся по 14 дней.

В это время небесный корабль, послушный рулевому винту, начал тихо спускаться. Теперь он плыл над каменистой равниной, иссеченной змеистыми трещинами, как морщинами. Некоторые трещины были узки, но одна из них, очень широкая и извилистая, шла в середине и разрезала пополам огромную круглую впадину, дно которой приятно зеленело — не то травка, не то кустарники.

— Спустимся здесь, — показал Гура на впадину.

— Ладно, — ответил Ершов и начал распоряжаться разными винтами и стрелками.

Небесный корабль вдруг закружился на одном месте, все замедляя и замедляя полет. Вот он тихо, словно пушинка, падает вниз на зеленеющее дно огромной лунной впадины.

Гура приник к стеклу и смотрел, не отрываясь. Теперь он уже ясно различал, что дно впадины, за исключением маленьких островов, представляет водное пространство, сплошь заросшее зеленью, вроде камыша и осоки.

— Окно закрываю, — крикнул Ершов, — спуск сейчас будет.

Перед глазами Гуры мелькнула чугунная толстая доска, и все исчезло. Взглянул он на экран, но и там ничего не отражается. Только Ершов стоит спокойно и винты разные винтит.

— Как это ты вслепую спускаешься, — не утерпел Гура.

— Вслепую, — передразнил его Ершов, — а эти все вот стрелки тебе так, для близиру, что ли? Умом, брат, лучше, чем глазами увидишь.

В этот момент их встряхнуло слегка, потом Гура

почувствовал, что ноги его уперлись в потолок, потом оторвались довольно быстро и он гораздо медленней, чем можно было ожидать, упал на пол. Падение это было разве в два раза быстрее, чем нырнуть в воде.

Гура еще не пришел в себя от удивления, а Ершов кричал победоносно, как петух на заборе:

— Ура! Мы на Луне, брат. Замечаешь, как наш вес уменьшился? Эдак с нашим таким весом мы, как блохи, всю Луну обскачем...

Тут Ершов к дверке кинулся и начал было ее отвинчивать, но Гура испугался и остановил.

— Постой, — кинулся он к нему, но не рассчитал легкости веса и сбил Ершова с ног.

— Кой чорт тебя сует! — рассердился Ершов, — что тебе надо?

— Постой, постой, — торопился Гура, — помнишь, профессор-то говорил, что на Луне воздуха нет...

Ершов почесал в затылке с досады, и оба приятеля устали друг на друга с тревогой и недоумением.

— Давай, — говорит Гура, — мы раньше окно откроем и поглядим, стекло-то, ведь, толстенное...

— Правильно, — согласился Ершов и сейчас в стене известную ему кнопку нажал, как следует.

Глянули в окна, а на Луне такой полдень, по-нашему, стоит, что от солнечного свету резь в глазах. Минут десять осматривались, пока совсем привыкли после темноты, что была в небесном корабле.

Они оказались на берегу огромного озера, сплошь заросшего какими-то странными растениями. На глазах удивленных небесных путешественников целые кусты, похожие на можжевельник, выныривали со дна озера и начинали быстро расти, выбрасывая несколько крупных почек, которые бухли и распускались цветами бледно-зеленого цвета с белыми точками. Те кусты,

что всплыли раньше, уже отцветали, и на месте цветов торчали колючие шишки, видимо, тяжелые, так как созревшие, они отрывались и, падая в воду, тонули, как камешки.

Между этими плавучими кустами извивались какие-то змеевидные гадины и, вытягивая длинные морды, жадно пожирали зеленые ветки. Порой эти водяные гады вдруг чего-то пугались и мгновенно исчезали под водой.

Оба приятеля сидели у окна, словно окаменелые, не отрывая глаз. Между тем, около огромного лунного озера и на его островах происходили не менее странные вещи. То там, то сям в почве появлялись какие-то норы. В том месте, где появиться норе, почва начинала пучиться и крошиться, потом вдруг проваливалась вниз, а из норы высовывалась страшная рожа какого-то зверя. Вслед за рожей лезли здоровенные лапы вроде кротовых, а потом вылезал весь зверь, величиной с овцу, с виду же похожий на ежа, только щетина была гуще и короче. Следом за большими кое-где вылезали также и их детеныши.

Гура слегка толкнул Ершова локтем и сказал почему-то шепотом:

— Как есть ежи...

Ершов не успел ответить, как эти лунные ежи побросались в воду, которая словно закипела среди плавучих кустов. Было хорошо видно, как лунные ежи охотились за водяными гадами и, поймав добычу, быстро плыли к берегу. Скоро по всему берегу копошились эти ежи со своими детенышами, пожирая добычу. Потом зверье разлеглось спать, а среди плавучих кустов опять заскользили водяные гады, объедая зеленые ветки.

— А здорово они спят, — позевнул во весь рот Гура, — даже лапы кверху торчат.

— А мы целые сутки не спали, — тоже зевая, заметил Ершов и стал укладываться на диване.

— Ну, что ж, поспим на Луне, — засмеялся Гура, взбираясь на другой диван. — Не знаю только, воздух тут есть или нет? Как ты думаешь, Саша?

Но Саша вместо ответа захрапел во все носовые за-
вертки. Скоро заснул и Гура.

НА ЛУНЕ

Когда они проснулись, увидели опять то же самое: лунные ежи метались по воде и ловили водяных гадин. Поглядели они, поглядели, да и заскучали, а со скуки пообедали, опять выпались и опять проснулись.

Но только опять солнце без изменения на полдне стоит и, видно, печет нестерпимо — над озером парит, а иногда туманом чуть-чуть заволокет, но опять просветлеет. Животины эти лунные по-прежнему то плавают, то жрут.

— Что ж нам тут торчать, — заявил Гура, — катай, Саша, на Марс.

Но Ершов брови навел, молчит и думает.

— Надо, — говорит, — дознаться: есть на Луне воздух или нет?

— Оно и так видать, что есть, — заметил Гура, — ежели эти самые ежи дышат, а к тому же, и вода, и кусты.

— Так-то оно, так, — возражает Ершов, — а я хочу самолично узнать, а потому из нашего небесного корабля хочу выйти на лунную землю...

Испугался Гура.

— Не выходи, — говорит, — Саша! Неровен час, что случится! Сам себя загубишь, да и я один ни к чему не способен.

Усмехнулся Ершов, усы покрутил ухарски так и отвечает:

— Мы это осторожно оборудуем. На рожон лезть не буду.

Подошел к стене, трак-трак, — и готово: дверка настежь открылась. Ничего не случилось, только словно из печи жаром на них пахнуло.

Вышел Ершов, и Гура за ним вылез. Дышут ничего себе, ни в чем затруднения нет, только жарко. Сунули руки в воду, а вода горячая.

— Словно на полке в бане, — крикнул Гура, — нарвать бы этих кустов зеленых да попариться! Эх, хорошо. Люблю, Сашка, парную!..

Только было они веничков наломать хотели, как гады водяные бросятся в сторону — дзыг по воде, инда брызги дождем.

— А, чтоб вам пусто, дьяволам, — крикнул Гура, отшатнувшись от воды, и взглянул на берег.

Там все ежи проснулись. Одни из них устали на приятелей с удивлением, а другие, позлей, видно, приближались, крадучись.

— Гляди, Шурка, гляди, — заорал Гура, — к нам крадутся.

Мотнулся к небесному кораблю, да с первого шага его словно что подбросило вверх... К счастью, упал он у самой дверки.

— Дура ты, дура, — смеется Ершов, — забыл, что мы легкими стали. Ползи по земле в комнату, а я и один постою.

В это время подкрался к нему лунный еж и за сапог норовит ухватить, но Ершов слегка наддал ему вбок носком — тот так и взвился; пролетел чуть не пол-озера, и в воду шлепнулся. Все же Ершов хоть и воюет, а к дверке сам пятится. Швырнул еще двух-трех ежей по воздуху, в комнату вскочил и дверку завинтил наглухо.

— Тут, брат, с жары умрешь, — говорит, а сам весь потом обливается...

— Хорошо бы, — вздыхает Гура, — теперь полотенчиком обвязаться да чайку стаканов с десятка испить...

Посидели они так с полчасика, беседуя и отдыхая,

словно после бани, а за окном странное твориться начало: пар от озера идет и туманом вверх уходит, а потом сверху снежком падает и тает тотчас же. Прошел так еще часик, и все кругом затуманило — зги не видать.

— Что же мы делать-то будем в таком парном отделении, — спрашивает Гура с тоской.

— Ждать у моря погоды, — отвечает Ершов, — потому и в трубу ничего не увидишь, а без трубы мы ни на Марс, ни на Землю дороги не найдем.

— Гляди, Шурка, гляди, — заорал Гура, — к нам крадутся...

Завелась с этого времени скука у приятелей, такая скука, что на сердце, словно камень стопудовый, давит. Сначала они было счет дням повели, да потом спутались. Ничего разобрать нельзя — сидят, словно в светлом облаке; спать лягут, проснутся, — опять это облако к окну небесного корабля будто прилипло. Гура совсем затосковал, а Ершов хоть и храбрился, но видать было, что и ему тошно.

— Хуже, чем в мышеловке сидим, — плакался Гура.

Сколько так времени прошло, неизвестно, только проснулся раз Гура и видит — дождь моросит и снежком перебивается. Туман поредел, а по озеру совсем объединенные кусты плавают. Прошло так дня два, и лунные ежи в норы полезли и так закупились землей, словно пробками заткнулись.

— Ну, вот и лунный день к концу идет, — сказал Ершов, — скоро мы звезды увидим и полетим дальше.

Действительно, лунный день кончался и, когда тучи рассеялись, солнце стояло совсем низко, как у нас на Земле перед закатом. Значительно усохшее лунное озеро покрылось ледяной корочкой и медленно заносилось мелким крепким снежком. Длинные, почти черные тени острыми клиньями уже тянулись от крутых берегов впадины. Медленно приближалась лунная ночь.

Гура вдруг весело поглядел за снежный простор и сказал с усмешкой:

— Тут, брат, без шубы не погуляешь, а у нас и пальтишек нет. Придется, ничего не поглядевши, на Марс катить...

— Как ничего не поглядевши, — возмутился Ершов, — круг всей Луны облетели, день и ночь видели, лето и зиму, а главное нашли, что воздух, вода и снег есть. Там, говорил профессор, жизни нет, а мы и кусты водяные видели, и плавучих гадин, а ежей этих самых я ногой самолично пинал... Одно только верно, что людей здесь никаких нет, и как им тут жить...

— Верно, — говорит Гура, — правильно, только вот скучно здесь, и от скуки спиться можно. Уж ты сделай милость, на Марс кати, а там и в Москву поспевать надо — боюсь, как бы в лавке меня не сократили за отлучку.

— Я, — говорит Ершов, — с удовольствием, но ждать лунной ночи приходится.

Пообедали с горя, выпили и айда спать в ожидании ночи.

Все же им еще три раза пришлось на Луне пообедать, пока не наступила ночь окончательно, и звезды кругом не заиграли, как жар на черном небе. Две недели без трех дней на Луне просидели. Пробовал было Ершов от безделья по радио с Землей говорить, как с профессором Джоном Айрсом уговорился, да ничего не вышло. Никакого ответа на все вызовы, а кроме того, и с Земли никаких признаков вообще не проявилось.

— Досадно, — говорит Ершов, — а хорошо бы это в наши газетки сообщение катнуть: вот, мол, на Луне, братцы, сидим. Первые, куда залетели назло всем английским Керсонам покойным и живым Чемберленам...

Но Гура опять расстроился.

— Брось, — говорит, — Саша, политику, давай Марс. Винти скорей, что там надобно, — домой пора.

— Ладно, — Ершов сказал и сам к трубе.

Окошко уже закрыли давно, темно совсем в небесном корабле, хоть глаз выколи, только чуть приметная синяя лампочка у трубы искоркой светит Ершову на стрелки. Вертит стрелки Ершов, на значки разные поглядывает, и вот, наконец, на экране, что на стене висит, красная звездочка обозначилась.

— Марс это, — обрадовался Гура, — я его сразу узнал. Только все же ты, Саша, проверку сделай. Пусти трубу на большую силу, чтобы каналы видать было...

Ершов согласился и, как только каналы на Марсе показались, повернул главный винт.

— Прощай, Луна, — крикнул он, — опять летим!

ЧУДЕСА И ФОКУСЫ

Теперь все было до невероятности странно. Гура вспоминал, что говорил о разных чудесах профессор, но тогда ему там, на Земле, это казалось просто брехней.

Началось же это все таким образом. Когда часа на три они от Луны улетели, Гура, повернувшись на диване, на котором хотел вздремнуть, вдруг полетел в потолок. Долетев до потолка, он тихонько ударился, и словно пушинка, полетел вниз на диван. С дивана опять в потолок, и пошла канитель: вверх — вниз, вверх — вниз. Конца нет! Со страха у Гуры глотку перехватило, но потом, как заорет. Ершов даже привскочил на стуле и тоже замелькал вверх и вниз, да еще скорей Гуры, так просто и мельтешит в глазах.

Только Ершов мигом в себя пришел, уцепился рукой за скобу на потолке и сразу успокоился.

— Петя, — говорит сквозь смех, — а ты схватись за что-нибудь. Вот, говорил ты тогда профессору, что, дескать, мы не обезьяны, а придется, верно, и по обезьяньюму ползать.

Уцепился кое-как и Гура за скобку на диване, и сел, и от страха отошел.

— Почему это, — говорит, — нас так кидает?

А Ершов отвечает:

— Не кидает нас, а мы просто вес потеряли, и все, что ни есть в нашей комнате, весу никакого не имеет.

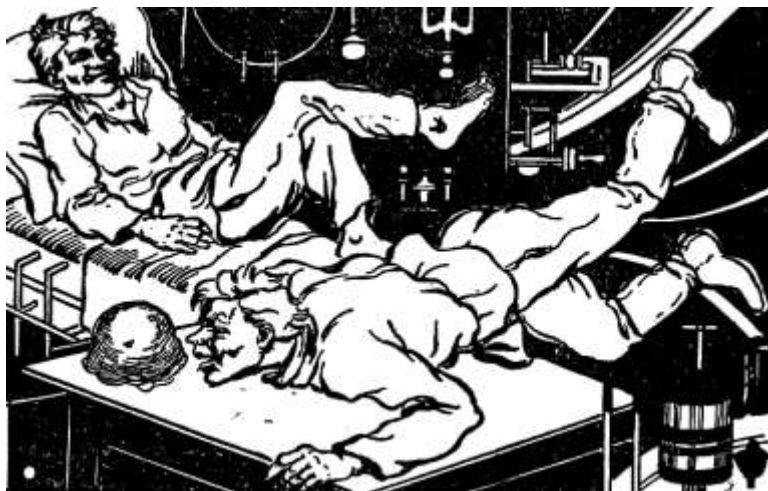
При этих словах он отпустил скобку и повис в воздухе, как мыльный пузырь, — только из стороны в сторону слегка покачивается. Потом достал карандаш и прямо его на воздух положил, и карандаш около него повис.

...Они свободно плавали в воздухе, как рыбы в воде...

Гура от удивления глаза протирать стал и, покачнувшись, опять полетел, но не вверх, а вдоль комнаты — к трубе. По дороге посчастливилось ему веревку поймать, но веревка была довольно длинная, и Гура все же лбом припечатался к холодной зрительной трубе, но не ушибся нисколько, так, словно холодным ветерком дунуло, и назад, в другой конец комнаты, погнало.

Немало времени они так проканителлись, пока не привыкли ловко пользоваться шнурами, скобами, ремнями и прочим. Привыкнув, даже забавляться разными фокусами начали. Они свободно плавали в воздухе, как рыбы в воде, но когда Ершов чиркнул спичкой, чтобы закурить свои любимые папиросы, произошел первый неприятный фокус. Спичка зажглась, погорела несколько мгновений и погасла, не дав возможности закурить папиросу. Ершов чиркнул вторую — то же самое. Так он полкоробки испортил, а все не закурил.

...Долго он гонялся за водяным шаром, как за бабочкой, а, наконец, настиг его на столе...

— Что за чорт, — изругался Ершов, — поневоле выходит режим экономии.

Но с Гурой еще чище дело произошло. Пить он захотел. Подкрался он со всеми предосторожностями к графину с водой. Поймал ловко и графин, и стакан. Открыл пробку стеклянную, и тут же на воздух положил, потому что дело-то уже под самым потолком происходило. Приготовился, словом, — перевернул графин над стаканом и даже облизнулся от жажды, а вода и не думает литься...

Поставил Гура стакан на воздух, уцепился рукой за скобку на потолке да как тряхнет графином. Ну, вода и выскочила сразу, лентой по воздуху распласталась, а потом в большой шар собралась и плавает. Поудивлялся, поудивлялся Гура, а пить-то хочет. Долго он гонялся за водяным шаром, как за бабочкой и, наконец, настиг его на столе.

Шар задел за середку стола и прилип к нему. Гура, уцепившись за край стола, стал пить, слизывая воду под смех Ершова.

— Ну, брат, — говорил тот, — мы тут не только по-обезьяньи лазаем, но и лакаем по-собачьи!

— А долго нам до Марса лететь? — спросил жалобно Гура.

— Да с Земли месяца полтора, а с Луны не знаю, как это выходит...

— Неужто нам этак полтора месяца по воздуху плавать?!

— Нет, — успокоил его Ершов, — там, вскорости, нас начнет Марс к себе притягивать, и все переменится.

Много еще разных чудес с ними случилось, да ко всему они привыкли. Человека теперь уже ничем не удивишь, а потому через два дня они на воздухе превосходно спали и не тревожились.

Заснут себе на диванах, ничего, а только во сне повернется кто покруче — глядь, уже под потолком. Ничего — и там спит. Стукнулся о потолок или ткнулся рукой, и глядишь, утром под столом проснулся. Так все время по воздуху и летали. Привыкли, и тем более, что никогда никаких ушибов не было.

Сколько времени они в таком состоянии были, они не знали, так давно счет всяким дням и часам потеряли. Только вот один раз сидят они, из коробок консервы вылизывают и видят, что все концы веревок и ремней, которые в воздухе, как в воде плавали, загигают словно живые и к стенке липнут.

Выпустил коробку Гура от удивления, а коробка вместо того, чтобы в воздух виснуть, поползла, как улитка, к той же стенке, где и концы веревок прилипли. Да и самих их с Ершовым к стенке тащит. Обрадовался Ершов.

— Мы, — говорит, — к Марсу подъезжаем, только к стенке все одно не станем. Вот сейчас я стрелку поверну, и все образуется правильно: пол внизу будет, а потолок вверху.

Перебежал он по скобкам и веревкам, покрутил, что надо, и небесный корабль встал, как следует, и коробка с консервами от стены отвалилась и, хотя бесшумно на пол спустилась, а со стола оставшаяся там вода на пол закапала.

— Опять все, как на Земле, — воскликнул Ершов, — курить хочу до смерти!

Достал скорей папиросы, чиркнул спичкой — горит! Закурил и клубы дыма пускает.

— Ну, теперь, — говорит, — все в порядке, только спуск не прозевать, чтобы нас на-нет не размозжило.

— А разве наша машина не выдержит? — спросил Гура.

— Не выдержит? Да, если с такой быстротой, как мы летим (а мы быстрее пули зашпариваем), то так шваркнемся об Марс, что сразу в огненный газ превратимся вместе со всей машиной...

— Значит, и на Землю придется с опаской возвращаться?

— А ты думал как? Ну, брат, теперь не мешай. Гляди в окошко, если хочешь, открою сейчас, а я обратный ход давать буду и тормозить по-всякому.

Приник Гура к окошку и видит Марс таким, как профессор им его в трубу показывал. Только теперь видно было, что огромные каналы наполнены водой и блестят в лучах Солнца. Видны были также пробегавшие белые облака, которые, как лебеди, тянулись над каналами и над красной землей Марса.

Горы были очень редки, а виднелась повсюду равнина, гладкая, как ладонь. «Это совсем с Луной не

схоже, — подумал Гура, — а скорей вроде наших южных степей».

Но вот они все ближе к Марсу, а выходит, как и на Земле, спускаются вниз, значит. Теперь уж заметно стало, что местность на Марсе пустынная, и только около огромных водяных каналов широкими полосами по обоим их берегам растут леса, кудрявятся кустарники или раскидываются сочные травяные луга.

— Ну, это как на Земле, — радовался Гура, чувствуя кроме того, что и тяжесть в него снова вливается.

Одно только удивительно на Марсе — деревья, трава, кусты — все это не зеленого цвета, а зеленовато-бурого, красно-коричневого, а местами красно-багрового, как лист на осине бывает у нас осенью. Но что поразило Гуру и Ершова, глянувшего в окно между делом, это невероятная ширина каналов. Они были, как длинные большие озера, с расстоянием между берегов верст по шестидесяти и больше.

— Это, брат, канальчики, — весело крикнул Ершов, — это тебе, брат, не Фонтанка какая-нибудь ленинградская...

— Пароходы, пароходы, — закричал Гура в испуге, — а на берегах-то города!..

Действительно, по каналам кое-где виднелись плывущие суда очень странного вида, а по берегам, то там, то здесь теснились кучки строений, намекавших на человеческое жилье. Перетрусили тут оба приятеля, и стали держать совет.

— Эти марсияне, — говорил Ершов, — еще неизвестно, что за люди. Может быть, они нас в плен возьмут, а может быть, и того хуже, если они вдруг людоеды.

— А мы, Саша, — советует Гура, — там спустимся, где ночь теперь.

Однако ночи им особенно искать не пришлось, так как было видно, как Марс вертится, отвертываясь от Солнца.

— Если мы будем все время лететь, — начал объяснять Ершов, — на этом месте, то будем лишь марсовый день видеть, а марсова ночь все время будет на той стороне марсового шара.

— Как же нам в ночь попасть?

— Очень просто. Нужно наш небесный корабль направить с такой же скоростью навстречу Солнцу, с какой вертится Марс, то есть нам нужно лететь на восток, и спускаться.

Так и сделали. Небесный корабль вдруг будто остановился против того места, где Гура разглядел впервые суда вроде пароходов и здания, похожие на городские постройки. Чем ниже они спускались, тем заметнее было, как Солнце уходит назад, к западу.

Вот уже позади них запылали кровавые зори, а впереди на потемневшем небе замигали звездочки. Спуск их на Марс произошел уже глубокой ночью.

НА МАРСЕ

Когда они снова открыли окно воздушного корабля, то увидели ползущие туманы во тьме ночи, а на почве что-то вроде инея. Сквозь прорывы туманных облаков время от времени выглядывала крошечная Луна, раз в десять меньше земной Луны. Все же свет от нее был очень яркий и сверкал в воде огромных каналов.

— А верно профессор-то насчет холода говорил, — сказал Гура, — а это что такое черное, мохнатое?..

— Ну, вот опять напугался, — ответил с досадой Ершов, — или не видишь? Лес.

— Лес? А что же он на лес не похож, а будто сгрудились чудища разные, да руки и лапы вперед протягивают. А вон там совсем, как великаны к земле присели и волосища свои распустили...

— Ну, ладно, — перебил его Ершов, — утро вечера мудренее, а я спать хочу.

Улегся на диван и захрапел, но Гуре не спалось. Закроет глаза, подремлет, подремлет и вздрогнет. Посмотрит в окно — все еще тьма по-прежнему. Последний раз проснулся на рассвете и не узнал Марса.

Все зачервонело повсюду багровыми пятнами; перегнутые, изогнутые деревья леса, казалось, были обмокнуты в кровь, а над ними и над красной водой канала подымался кумачовыми полотнищами туман и летел в небо.

Прошло минут двадцать, и туман будто сдунуло. Небо густо посинело, по нему ползли розоватые тучки, а из-за высокой горы радостно выглядывало солнышко, протягивая лучи, словно огненные спицы.

— Вот и день наступил, — проговорил Ершов, позевывая и потягиваясь на диване.

Он быстро вскочил с дивана и неожиданно подпрыгнул к самому потолку, больно стукнувшись головой.

— Чорт возьми! — крикнул он, — тут мы опять меньше весим, чем на земле.

Однако назад он не упал, а опустился довольно медленно.

— Почему это, — спросил Гура, уже привыкший ко всем фокусам небесного путешествия.

— Да ведь Марс, — отвечал Ершов, потирая темя, — меньше Земли в семь раз, а потому мы в семь раз меньше весим, а сила-то в нас такая же, как на земле. Вот на земле я подымал пять пудов, а здесь, значит, такую глыбу подниму, которая у нас, на Земле тридцать пять пудов весит!

— Здорово! — гаркнул Гура, — мы тут богатырями будем, подковы разбивать станем.

— Нет, брат, — засмеялся Ершов, — подкову так же не разогнем, как и на Земле. Облегчение для нас будет только, как и на Луне, в поднятии тяжестей и в легкости нашего тела.

— Слушай, Саша, — вдруг заволновался Гура, — надоела мне эта клетка! Давай закусим да на землю — травку ногами потоптать хочется...

Ершов не возражал. Сели они за стол и закусили по-человечески — ничего у них из рук не улетало. Потом Ершов отвинтил дверку, и они вышли.

Погода приятная, будто на Земле в осенний солнечный день, когда бабье лето стоит. Воздух легкий, листом и травой пахнет. Идут приятели ходко, весело, ну прямо побежать хочется после сиденья в одной комнате.

— Лови! — крикнул Гура и ударился бежать.

Ершов за ним. Только бег-то у них вышел сногшиба-

бательный. Как скакнул Гура, так сразу до леса проскочил и в кустах завяз, а на него Ершов тихонько спустился, словно подушкой накрыл. Ничего, не ушиблись.

— Надо, видно, приспособляться, — заметил Гура, выбираясь из кустов.

— Да, — добавил Ершов, — надо знать, что мы можем скакнуть далеко, и глазомером заранее все в расчет брать.

Приятеля с удовольствием растянулись на траве, которая густо росла на красной земле, да и сама была с одной стороны красная, а с другой зеленая. Отдохнули малость среди лесной свежести, и давай деревья разглядывать.

Странные были деревья. Одни, как обрубки, выходили из земли, будто люди по пояс в грязи завязли, а над плечами у них были шишки, а из шишек красно-бурые волосы спускались.

Другие походили на протянутые руки — стоит развесистое дерево, а из него в разные стороны скрюченные руки торчат, штук до тридцати. Словом, в этих лесах такое было, что не только ночью, но и днем невесть что покажется.

— А теперь, Гура, — говорит Ершов, — осторожненько так проберемся к берегу канала, да глянем, есть ли по близости город и люди.

Сказано, сделано. Ползут приятели, крадутся, все стараются в соразмерности делать, чтобы, неровен час, вверх блохой не скакнуть или на четверть версты вперед не выскочить. Лес поредел постепенно, и сквозь ветви заблестела вода.

Приятеля спрятались в кустах и стали смотреть на воду, где двигалось одно из тех странных судов, которые Гура принял за пароходы. Это была огромная лод-

ка, на которой в два этажа располагались каюты. Но у этого судна не было видно ни сбоку колес, ни винта позади кормы, а между тем оно очень резво разворачивало волны, пена же кружевной дорожкой бежала позади него.

Вглядевшись, они увидели, что по бокам судна во всю длину его тянулись бесконечные ремни с маленькими лопаточками. Это и была двигательная часть судна, но не это интересовало приятелей — им хотелось увидеть скорей марсиан. Но марсианский пароход был далеко, и нельзя было разглядеть, какие живые существа время от времени передвигаются по палубе.

Вдруг у самого берега заплескалась вода, Гура оглянулся на шум и увидел тридцать или сорок странных существ, похожих на людей, но будто покрытых слоновой кожей, — все тело в складках и морщинах. На ногах у них были широкие лыжи, и на этих лыжах они бежали по воде, как по снегу, делая небольшие всплески.

Гура не утерпел и, ткнув локтем Ершова, громко сказал:

— Ишь, ведь, тоже физкультурой занимаются! Бегают на лыжах...

Но как только раздался голос Гуры, все марсиане сразу повернули головы к берегу.

— Рожи-то, рожи! — воскликнул Ершов, заливаясь хохотом, но Гура струхнул немного.

Действительно, у марсиан были не лица, а рожи, и притом, вроде лягушечьих, с глазами навывкат. Смех Ершова еще больше привлек их внимание. Сделав круг на своих водяных лыжах, они приблизились к берегу. С вытянутыми шеями они смотрели на берег, где в кустах засели оба приятеля. Они были такие маленькие и

щуплые, с отвислыми животами, с толстой кожей складками.

...С вытянутыми шеями они смотрели на берег, где в кустах засели оба приятеля...

— Ну-ка, — сказал Ершов, — хватим по-нашему: «Здравствуйте, марсияне!»

Оба приятеля вылезли из кустов, вытянулись во весь рост и гаркнули в один голос:

— Здрав-ствуй-те, мар-си-я-не!..

В ответ им раздался какой-то писк, шип и свист. Потом марсияне, ворочая огромными глазищами, двинулись к берегу и остановились, а штук пять из них, пригнувшись к воде, помчались вправо и влево, как водяные комары.

— Эх, зря мы их расшевелили, — проговорил Гура, чувствуя мурашки за спиной.

— Эка беда, — отозвался Ершов, — нам до нашего небесного корабля два шага, а там завинтим в небо —

ищи ветра в поле. Ведь, поглядеть-то надо на них, а то были, скажут, на Марсе, и марсиан не видали.

Только с марсианами, видно, шутки плохи. Видят, на лыжах по воде их до сотни катит в помощь прежним. Взглянули на берег, а по берегу тоже с обеих сторон марсиане посуху наступают.

Тут и Ершов не выдержал.

— Лупи, — кричит, — к нашему кораблю!..

Скакнул он через деревья, а Гура за ним. На высоте видят, — их корабль среди поля лежит. На полянку в лесу упали, а Ершов за руку Гуру ухватил и говорит, чтобы рука с рукой бежать, чтобы не потерять друг друга с такими скачками огромными.

Выскочили они из леса, как блохи из шерсти, и давай чесать по открытому полю, в конце которого их небесный корабль лежал с открытой дверкой.

Оглянулись назад, а из леса со всех сторон марсиане, как саранча, высыпали и за ними шпарят. Тут Гура приналег на ноги, а Ершов ругается.

— Стой ты, — кричит, — глазомером расчет делай, а то мимо проскочим.

Но было уж поздно — оторвался Гура от земли и потянул за собой приятеля. Так и вышло — сажен на пятьдесят позади воздушного корабля плюхнулись.

— Скорей, скорей, — кричит Гура, — они упредят нас и машину отымут!

Ершов же, бледный от досады, шипит:

— Посмей только пальцем шевельнуть, одного здесь брошу.

Замер Гура, как тряпка размяк, а Ершов сцапал его за шиворот, глазомером пристрелялся и прыг. Ровно у самой дверки очутились. Втолкнул он Гуру, сам вскочил, и только захлопнуть дверку успел и винты вин-

тить начал, как марсиане снаружи вокруг стен зацарапались.

— Теперь не влезут, — самодовольно произнес Гура и козырем подошел к окну, — а что, Саша, стекло выдержит?

— Посмотрим, что у них есть, — ответил Ершов, подходя к Гуре.

В это время марсиане сплошным кольцом окружили небесный корабль, но никакой враждебности не обнаруживали. Два смельчака приблизились к окну, и один из них с размаху хватился лбом и носом по стеклу и, отскочив, уцепился руками за голову.

— Они не имеют понятия о стекле, — сказал Ершов сквозь смех.

Но в это время двое еще, видя, что товарищ их пострадал и, вообразив, что ему нанесли вред наши приятели, бросились на них с яростью. Они еще большей ушиблись о толстое, но прозрачное, как воздух, стекло.

Хохочут приятели, за бока держатся, но замечают, что дело заваривается серьезное. Появились марсиане с палками и камнями.

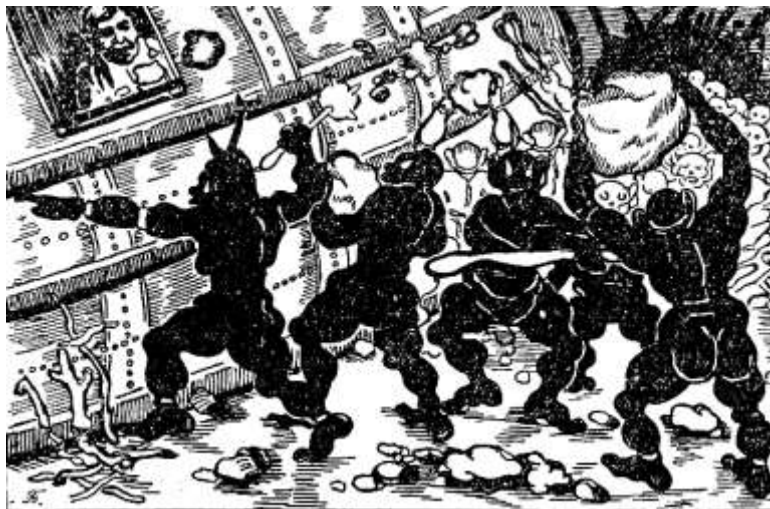
— Это, верно, войска у них, — говорит Ершов, — теперь гляди в оба, чтобы стекло не повредили. Я отойду вправо, у самого винта стану, а ты влево. Нам и будет все видать. Чуть чего, мы чугунной доской задвинемся...

Распределились так у окна и видят, что вооруженные толпу в сторону оттеснили, образовав цепь.

— Как есть у нас красные шапки, — проговорил Гура.

Тут они вдруг увидели, что марсиане нацеливаются камнями в них.

— Закрывай окно! — крикнул Гура, но чугунная плита уже мелькнула у него перед глазами.

...Появились марсиане с палками и камнями...

— Не бойся, — сказал Ершов, когда окно было закрыто, — наш корабль и пушкой не прошибешь.

Но в это время камни с грохотом ударили в стенку, и скользнули вбок, слегка заставив дрогнуть небесный корабль.

Долго еще бросали марсиане камни и палки в корабль, но наконец успокоились.

Тем временем, должно быть стало холодно, так как марсиане зажгли костры.

— Полетим назад, — запросил Гура, — они ночью прокрадутся к нам и аппарат наш испортят...

— Я и сам хочу, — отвечает Ершов сумрачно, — только вот пусть первые звездочки покажутся.

Наставил он трубу, как нужно по карте и по знакам разным, и стали приятели ночи ждать. Как только стемнело, сейчас же на экране, на полотне этом настенном, из трубы звездочка голубовато-зеленая обозначилась.

— Вот она, наша Земля, — сказал Ершов.

Гура совсем растрогался, даже слеза набежала.

— Эх ты, — говорит, — голубушка, кормилица наша.

Только было собрались полететь, как из лесу видят, целое шествие к ним движается. Опять марсиане идут, только безо всякого оружия.

— Винти, винти, — кричит Гура, — опять они лезут...

— А ты не ори зря, — остановил его Ершов, — видишь, это мирная делегация идет. Вон, и цветы у них, и всякая снедь, вроде как яблоки и ягоды разные...

Приятеля подошли к окну небесного корабля. Марсиане приблизились шагов на двести и нерешительно остановились. Разглядев в окне Гуру и Ершова, они опять сделали шагов пять-десять и опять остановились. Передовые их при этом подошли еще шагов на десять ближе и стали прикладывать обе руки к вискам, будто обеими честь отдают, и потом обеими же руками по лицу проводить.

— Ишь, как коты умываются, — сказал Гура.

— Не умываются, — рассердился Ершов, — а это они нам мирные знаки делают. Я сейчас к ним выйду.

— Не ходи, пожалуйста, — взмолился Гура, — боюсь...

— Ладно, я в дверях постою...

Быстро Ершов отвинтил дверку и вышел. Марсиане еще больше «заумывались», а Ершов, догадавшись, тоже по-ихнему стал умываться. Тогда марсиане обрадовались, и пять из них с цветами и плодами в корзинах стали осторожно приближаться к Ершову.

Не успел Гура сообразить обстоятельства, как Ершов уже тряс руки двоим марсианам, будто закадычным друзьям. Тут он набрался смелости и тоже к Ершову в двери вылез, а тот с марсианами уже беседует.

Прислушался Гура к марсианскому говору — шипят они да квакают, ну как есть лягушки на задних лапках стоят. Тут опять непонятное для Гуры произошло, как с письмом американского профессора, — слушает он чужой язык, а все понимает не хуже, чем по-русски.

— Уж не во сне ли я все это вижу? — подумал он, но его мысли перебил Ершов.

— Вот, — говорит, — ты боялся, а они ребята душевные. Это зря у нас до мордобоя дошло. Одно недо-разумение...

Тут Ершов пригласил пятерых марсиан, что уполномочены были для переговоров. Гура засуетился, хозяином стал: консервы откупоривает, даже печенье где-то нашел и бутылочку на стол поставил.

Марсиане закусить закусили, только выпить отказались. У них нет того в обычае, чтобы водку употреблять. Все же и без выпивки разговоры шли очень дружные и безо всякого перерыва.

Ершов им все рассказал и про Землю и про путешествие на Луну. Землей они очень заинтересовались.

— Вот, говорят, — какие там разумные существа живут, — а нам на мысль это не приходило. Видим мы это вашу Землю, вроде как звездочку малую, что зеленоватым светом горит, а больше ничего не знаем. Хорошо бы у вас побывать...

— Валяй с нами на Землю в Советскую Россию, — воодушевился Гура, — у нас там советская власть радушно всех принимает, ежели он не буржуй.

Марсиане замотали глазищами, так как про буржуев не поняли. Тут Ершов уж вдохновился, заломил шапку и айда им про Землю рассказывать.

Часа не прошло, как во всем вразумил их. Те, как наслушались, еще больше разгорелись на Землю лететь. «Даешь Землю», и только.

— Ладно, — говорит Ершов, — одного возьмем: выбирайте делегата. Рады бы и больше, да машина не подымет.

Обрадовались те, повыскакивали наружу, и тут же митинг у них начался. Народу привалило, конца-края не видать. Один говорит, другие слушают, третьи небесный корабль осматривают. Шествия всякие устраивать стали с факелами — дело-то ночью было.

Словом, такое веселье и оживленье, как у нас, когда Первое мая встречают. Одно только нехорошо: музыки у них нет и пения тоже никакого.

— Это, товарищи марсияне, — заметил им Гура, — скучновато у вас без музыки... Вот к нам езжайте, так всего насмотритесь.

Ну, марсиянам и повторять нечего, выбрали они одного делегата Шишишику какого-то. Имя хотя у него неладное, но парень оказался хороший. После выбора делегата заторопились повсю.

— Летите скорей, — просят, — да опять к нам милости просим, и машину побольше устройте, чтоб делегатов десять к вам послать было можно.

Попрощался Шишишика со всеми своими, вбежал в небесный корабль, и из окна им умывается посвоему, а те ему в ответ то же делают.

Ершов же этим временем у винтов орудует, и видит Гура, что они подыматься начали. Внизу видать, как забегали марсияне, махая горящими факелами, но уже разглядеть их трудно, потому что небесный корабль на большую высоту поднялся, а кроме того, в солнечный свет попал. Любопытно это было смотреть, как солнце будто с запада назад пошло и подыматься стало.

Один марсиянин все еще у окна стоит и на свой Марс, прощаючись, смотрит...

Нажал кнопку Ершов, и окно чугунным ставнем закрылось. Не закрывать нельзя было. Потому что сначала они тихим ходом подымались, а потом все быстрее, да быстрее. От быстроты же такой стенки корабля снаружи накаляются здорово, а стекло от жары и треснуть может.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Обратный путь ничего нового не давал для наблюдений, и Гура спал напропалую. Только время от времени Ершова заменял — смену они у винтов устроили. Однако и на смене Гура подремывал, потому дела никакого не было, а только нужно глядеть было, чтобы земной шар все время на экране обозначался.

Долго ли, коротко ли так летели, только один раз Гура слышит сквозь сон, как Ершов к нему обращается.

— Погляди в окно, — кричит, — к Земле приближаемся.

Задрожал Гура от радости и к окну, а там Земля огромным таким полушарием выставилась, в солнечном свете купается.

— Эх, ты, красавица наша! — крикнул он, а сам смотрит — не насмотрится, и Шишишика с ними радуется.

Видит океаны и сушу. Теперь уж перед глазами была не Америка, а наша сторона: Европа и Африка, и Азия. Узнал Гура Балтийское море, Черное, Средиземное и, наконец, Каспийское море, куда Волга впадает.

— Спускайся, — кричит Гура, — скорей спускайся, да норови прямо в Москву. Черт с ним, с американцем, — я домой хочу.

Ершову же самому невтерпеж, к тому же он все папирсы «Ява» выкурил, весь запас.

Вот спустились они ниже — можно и город кое-где разглядеть. Радуетса Гура и вдруг замечает, что они не вниз летят, а куда-то вбок загибают. Вот тут Москва должна быть. Гура в полевой бинокль глядит: верно, едва-едва, но все же можно Москву разглядеть.

— Спускайся, Саша, — кричит он, но небесный корабль пролетает мимо, на запад.

Вот уж Варшава внизу промелькнула, потом Берлин, Париж, Лондон...

Сколько они времени летят, они оба не знают, — окаменели от ужаса, а марсианин лег на диван и лежит, словно без чувств.

— Да винти, ты, что нужно, — крикнул наконец Гура.

— Они больше не действуют, — ответил Ершов почти шепотом...

Еще прошло много часов, а небесный корабль раз облетел вокруг земного шара, два и уже третий круг начал делать, когда Ершов ударил себя по лбу и сказал печально:

— Мы стали спутником Земли, вроде маленькой Луны...

Потом бросился он к радио и начал: «Всем, всем, всем...»

Не прошло и пяти минут, как ответы стали получаться. Тогда Ершов катнул профессору Джону Айрсу:

— Спасайте! Летаем вокруг Земли, а спуститься не можем. Винты не действуют...

Профессор же отвечает, что рад де получить вести о Луне и Марсе, поздравляет с успехом, только, говорит, аппарат мой не действует от недостатка взрывчатого газа. Я, говорит, сейчас снова расчет сделал и вижу, что немного ошибся: всего на пять часов запаса газа не хватило.

Гуру зло взяло.

— Вот дурак-то, — кипятился он, — тут люди на Землю попасть не могут, а он с поздравлениями...

Ругался, ругался Гура, а на Ершова поглядел и руки опустил. Лица на том нет, сидит мертвецом зеленым.

— Саша, — кинулся к нему Гура, — как же нам быть-то? Неужто здесь погибать у самой Земли?!

Так они оба расстраиваются, а небесный корабль, знай себе, вокруг земли облетает. Еще раз, потом еще.

— Так вот веки вечные и будет кружиться, — тихонько сказал Ершов.

Помутилось в глазах у Гуры, словно пулей его сшибло. Понял, что кончено, что надежд никаких нет, и грохнул на пол без памяти.

.....

Сколько так Гура лежал на полу, он не знал, только чувствует — около него Ершов стоит и за плечо его дергает.

— Ну, и спишь же ты чорт, — кричит он, — так не только у тебя украсть можно, а и самого утащут... Вставай брат, вставай...

Гура вскочил с дивана и радостно залепетал:

— Ну, что Шура? Спускаемся?

Ершов весело расхохотался в ответ:

— Да ты что? Али тебя с лестницы спустили?

— Так мы на земле!? — еще радостней крикнул Гура. — Ура!

Тут он с недоумением увидел свою комнату, а вместо Ершова Березина, тоже приказчика из лавки. Все же он не мог сообразить, что он не где-нибудь, а в Лебедяни.

— А где же наш марсианин, — начал он и не окончил.

— Какой марсианин?

— Шишишика...

Березин катался со смеху, а Гура смотрел и все еще не понимал.

— Ну, что ты в меня вперся, как баран в новые ворота, — кричит ему Березин, — словно с крыши упал.

— Так это я спал и во сне видел, — сообразил наконец Гура, но все же ощупал жилетный карман, где не-

давно так приятно хрустел чек на две тысячи долларов.

Но в кармане, кроме сломанной гребенки, ничего не было.

— Ну, и здоров же ты спать, — говорил Березин, — до восьми вечера проспал, и то разбудить нельзя. Идем в клуб, — расскажу новости. Говорят, новый декрет о низовой кооперации вышел.

Гура вяло поплелся за Березиным в лебедянский клуб, но все же у дверей оглянулся на стол, где еще недавно лежало письмо американского профессора, и усмехнулся.

— Приснится же такое, — подумал он, запирая дверь своей комнаты.

ОБЪЯСНЕНИЯ

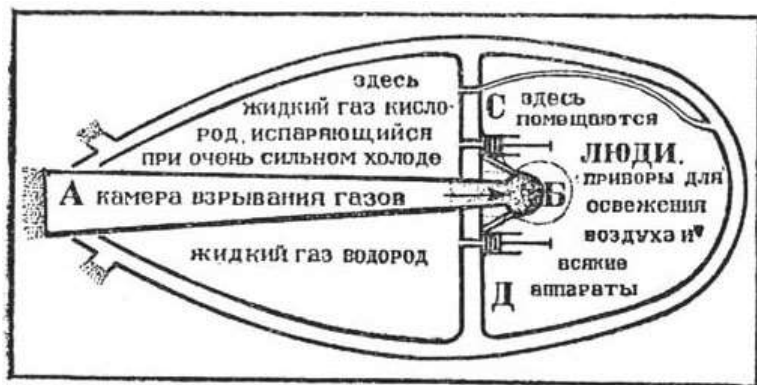
Понимать этот рассказ нужно таким образом: в нем правда и вымысел, явь и сон переплелись в одно. Чтобы из него узнать правду о небесных светилах, к каждой главе даются разъяснения того, что могло быть и что не могло быть.

1. Неожиданное письмо. В этой главе все понятно, нужно только отметить, что Гура заснул с той минуты, как ему привиделся конверт с американской маркой от профессора Джона Айрса. Чек в две тысячи рублей, приход Ершова, разговор и полет — все это продолжение сна Гуры.

2. Профессор Джон Айрс. Сон продолжается, и Гура видит себя летящим в Америку, где потом попадает к профессору Айрсу. Весь этот сон вызван газетными слухами и разговорами с сослуживцами о ракетах, будто бы пущенных в Америке на Луну. Действительного полета на Луну еще не было, но возможность полета на Луну существует.

Наш русский ученый К.Э. Циолковский разработал подробно план небесного корабля, который он назвал «Ракетой». По своему действию он очень похож на ракету, ибо ракета взлетает вверх от постепенного сгорания пороха в картонной трубке, а «Ракета» Циолковского должна лететь от сгорания взрывчатого соединения различных газов, которые находятся в небесном корабле и, вырываясь из разных трубок, взрывают и заставляют лететь «Ракету» вверх, вниз, вбок и так далее.

Приводимый дальше рисунок поможет разобраться в устройстве такого небесного корабля.

Ракета К.Э. Циолковского.

Снаряд имеет снаружи вид бескрылой птицы, — так описывает свой корабль сам Циолковский, — легко рассекающей воздух. Большая часть внутреннего помещения заполнена двумя веществами в жидком состоянии: водородом и кислородом^[1]. Они разделены перегородкой и соединяются между собой малопомалу. В другой половине корабля помещаются наблюдатели и разного рода аппараты, необходимые для сохранения жизни пассажиров, для научных наблюдений и для управления «Ракетой». Водород и кислород, смешиваясь в узкой части расширяющейся трубы, где стоит буква А, соединяются между собой, образуя страшно нагретый водяной пар. В конце этой трубы находится газовый руль для управления «Ракетой». Водяной пар в трубе, показанной на картинке, имеет огромную упругость, а потому с ужасающей скоростью вырывается из этой трубы, заставляя корабль лететь в противоположную сторону.

[1] Водород и кислород — два прозрачных, бесцветных газа. Соединившись между собой, они дают гремучий газ, который после взрыва превращается в воду.

Это, должно быть, единственно возможный способ улететь с Земли на Луну или Марс. Мнение нашего ученого подтверждает также известный английский ученый И. Максвелл. Он говорит, — что единственным способом для путешествия на другую планету остается достижение такой скорости полета, которая больше одиннадцати километров (верст) в секунду. Лучше всего для этого использовать ракету, а не ядро, выпущенное пушкой. Надо сделать так, чтобы ракета производила не один, а много выстрелов, изменяя этим скорость и направление полета, и чтоб на ней можно было возвратиться на землю.

О Луне и Марсе будет сказано в объяснениях к соответствующим главам.

3. Первый полет. В этой главе затронут очень важный вопрос: тяжесть и притяжение предметов к Земле и другим планетам и звездам. Мы знаем, что всякий предмет на земле имеет вес или тяжесть; что всякий предмет, брошенный вверх или вбок, падает обратно на Землю. Так, пушечное ядро упадет обратно, если выстрелить вверх прямо; оно полетит дугой, если стреляют вдоль земной поверхности.

Все это объясняется тем, что наша Земля (как и прочие планеты и звезды) с силой притягивает к себе все предметы. Это притяжение тем сильнее, чем предмет ближе к середине Земли. Поэтому все предметы вдали от Земли (например, на очень высоких горах) весят меньше, они там легче, а внизу (в долинах, в шахтах и т. п.) предметы делаются тяжелее. Разница эта легко замечается при проверке, например, гирь пружинными весами.

Таким образом ясно, что оторваться от земли и полететь к Луне и звездам можно только тогда, когда сила, толкающая небесный корабль, будет больше той

силы, с какой Земля притягивает к себе всякий предмет.

Теперь возьмем случай с обыкновенной ракетой, пушечным ядром и пушкой при выстреле. Почему ракета взлетает вверх? Многие думают, что взрывами находящегося в ней пороха она «отталкивается от воздуха». Но на самом деле воздух тут ни при чем — ракета может лететь и в безвоздушном пространстве, так как она движется толчком от взрыва. При всяком выстреле происходит взрыв: он выталкивает пулю. Мы все знаем, что ружье и пушка, кроме того, «отдают» при выстреле: ружье толкает в плечо, а пушка откатывается назад. Но ружье и пушка укреплены на месте и гораздо тяжелее пули или ядра. Ракета же легка и притом свободно может двигаться в воздухе. Сила взрыва в ней не тратится на выбрасывание пули, а заставляет двигаться самое ракету.

Теперь изобретены пушки, стреляющие на 100 километров и больше. Может быть, сумеют изготовить и такие, что их снаряды будут бить на 500 и 1 000 километров. Чем сильнее бьет пушка, тем скорее из нее вылетает ядро, тем дальше оно летит. Ученые легко могут сосчитать, с какой скоростью должно вылетать ядро из пушки, чтобы пролететь 200, 500 или 1 000 километров.

Так вот, оказывается, что если бы мы могли сделать такую пушку, чтобы из нее снаряд вылетал со скоростью $7\frac{1}{2}$ километров в одну секунду, то этот снаряд полетел бы так далеко, что не упал бы на землю, а облетел бы ее кругом, и стал бы вечно летать вокруг земли, делая полный круг в 1 час 23 минуты.

Если бы мы смогли сделать пушку, выбрасывающую ядро со скоростью 10 километров в одну секунду, то такое ядро улетело бы прочь от земли к звездам.

С такой и даже большей скоростью по плану Циолковского может лететь его небесный корабль «Ракета». Таким образом, полет Гуры и Ершова был бы возможен не только во сне, но и наяву.

4. На луне. Для тех, кому интересно, мы расскажем вкратце то, что ученым стало известно о Луне. Эти сведения помогут нам сразу разобраться в том, что в сновидении Гуры было верно, а что просто ему приснилось.

Луна постоянно вращается вокруг земли. Она есть спутник земли и ближайшее к земле светило. От земли до Луны около 385 тысяч километров. Луна движется вокруг земли в 27 суток 7 часов 43 минуты и 11 секунд. Точь-в-точь в такое же время Луна оборачивается вокруг себя (как колесо на спице). Поэтому выходит, что на Луне день и ночь длятся приблизительно по две недели, а сама Луна обращена к нам всегда всегда одной и той же стороной. (Сообразите, как это выходит.)

Полет ядра при разных скоростях.

При помощи наблюдений в трубы и фотографических снимков ученые составили точную карту Луны, отметив на ней горы, трещины и впадины. Луна так же шаровидна, как и наш земной шар, но она в 50 раз меньше земли. Луна своего света не имеет, а светится отраженным солнечным светом. В нашем рассказе об этом сказано довольно подробно.

Есть ли на Луне воздух — вопрос спорный. Некоторые ученые полагают, что есть, но большинство это отрицает. Сторонники того, что на Луне есть тонкий слой воздуха, доказывают существование на луне воды и льда, а также растений и даже животных. Это, конечно, только догадки, может быть, совсем неверные.

Видимые простым глазом на Луне светлые пятна — это возвышенности и горы, а серые пятна — это лунные впадины.

Предполагают, что на луне 14-суточный день является лунным летом, а такой же длины ночь — лунной зимой. Таким образом, на Луне каждые две недели холод сменяется сильной жарой.

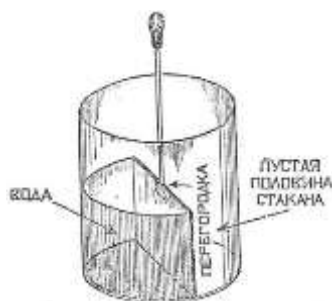
Земной шар с Луны должен казаться огромной лунной, в пятьдесят раз большей, чем Луна нам кажется с Земли. С Луны Земля должна быть видна отчетливо, и на ней можно бы различать так же ясно распределение суши и морей, как на карте.

5. Чудеса и фокусы. Для понимания этой главы надо помнить то, что говорилось в объяснениях и главе «первый полет» о земном притяжении. Там мы говорили, что тяжесть есть не что иное, как сила притяжения Землей каждого предмета.

Между тем, в межзвездном пространстве, где небесный корабль может лететь, почти нет тяжести, предметы там очень мало весят, ибо там почти нет притяжения, из-за отдаленности земли и других све-

тил. Летающий там корабль можно считать падающим. Раз падает в пространстве корабль, то падает и все находящееся в нем. Так как все эти вещи падают с одинаковой скоростью, то там и не замечается отдельного падения предметов.

Для пояснения приведем опыт профессора де-Метца. Он брал стакан (смотрите рисунок) и делил его перегородкой пополам. Одну половину наливал водой, помещал стакан в особый аппарат и давал ему падать с большой высоты.

Опыт проф. де-Метца.

Когда стакан начинал падать, эта перегородка мгновенно выдергивалась; вода в половине стакана во время падения оставалась неподвижной; она так и стояла столбом и не разливалась по

стакану во все время падения.

Мы говорим, что полет небесного корабля на самом деле одинаков с падением. Пусть небесный корабль, улетев с Земли, опускается на Луну, то есть падает. Что должно происходить внутри его с падением и тяжестью? Ершов выпускает из рук карандаш, и вот карандаш виснет в воздухе и не падает на пол. Почему это? Потому, что и корабль, и карандаш оба падают и притом с совершенно одинаковой скоростью. Например, если карандаш в течение одной секунды упал на одну сажень вниз, то и корабль в это же время упал на одну сажень вниз. Таким образом, пока летят корабль и все предметы и люди внутри его с одинаковой скоростью, они не могут падать друг на друга, ибо все летят вместе рядом или друг за другом.

Так, если мы возьмем стеклянный стакан, вложим в него двухфунтовую гирю и уроним с колокольни, то во время полета гиря не раздавит стакан; но как только стакан коснется земли и, следовательно, перестанет двигаться, гиря, продолжая двигаться, раздавит его, так как неподвижный стакан помешает ее движению, а ввиду своей хрупкости остановить ее не сможет и лопнет от придавившей его тяжести.

Что же касается того, что Гура и Ершов качались в корабле вверх и вниз и их «кидало» при всяком резком движении, то это объясняется тем, что там они, не имея почти никакой тяжести и не испытывая притяжения, сохранили в себе ту самую силу, какая была у них на земле. Поэтому им было очень трудно привыкнуть к новым условиям, чтобы правильно пользоваться своей силой.

То же самое случилось с ними на Луне и Марсе (здесь сон Гуры правдив), где они хотя и имели вес, но гораздо меньший, чем на Земле.

Что касается летания воды, то опыты ученых давно показали, что все жидкости, когда они теряют вес, принимают вид шара. При этом, конечно, они занимают меньше всего места в пространстве. Все, что привиделось Гуре во сне относительно ловли воды для питья, соответствует правде.

Правдиво также в этом сновидении то, что не горели спички. Мы знаем, что горение происходит тогда, когда есть приток свежего воздуха (поддувало в печках и тяга в трубе, решетки поддувала у ламповых горелок, решетка внизу и труба сверху у самоваров и т. д.).

То же происходит с горением на открытом воздухе, например — спички или свечи.

Свеча и спички горят тогда, когда образующиеся при горении теплые газы улетают вверх, давая доступ

воздуху. Нагретые газы улетают вверх, потому что от нагревания они делаются легче. В небесном корабле, где нет веса, все газы весят одинаково, а потому и горячие, но не горючие газы, не улетая и не давая доступа свежему воздуху, гасят пламя.

6. На Марсе. В пояснение этой главы мы должны сказать несколько слов о планетах солнечной системы.

Слова планета греческое и значит по-русски «странствующая». Планеты, в число которых входит и наша Земля, все имеют вид шаров и движутся вокруг Солнца. Всех планет семь: из них самая маленькая Меркурий, находится ближе всех к Солнцу, подальше от него — Венера, которая немного меньше Земли, еще дальше от Солнца Земля со своим спутником Луной, еще дальше находится Марс, который значительно меньше Земли, еще дальше от Солнца находится огромная планета Юпитер, дальше Юпитера — большая планета Сатурн, еще дальше — планета Уран, и, наконец, самая дальняя от Солнца — планета Нептун.

Солнечная система.

Теперь, зная положение Марса в солнечной системе поговорим о нем более подробно.

Земля находится от Солнца на расстоянии в круглых цифрах 150 миллионов километров (верст), а Марс дальше Земли в полтора раза. Поэтому солнечного тепла и света Марсу достается значительно меньше, чем Земле, и на Марсе гораздо холоднее, чем на Земле. Обе планеты — Земля и Марс — при своем вращении вокруг Солнца иногда сближаются, иногда расходятся. Через каждые 17 лет Марс приближается к Земле на 55 миллионов километров. Это их самое близкое соседство, после чего обе планеты с каждым годом удаляются друг от друга пока не достигнут расстояния в 90 миллионов километров. Потом опять начинают сближаться.

По своим размерам Марс превышает Меркурия, но в 7 раз меньше Земли по объему. При этом Марс не так плотен, как Земля; он рыхлее Земли, и плотность его в 10 раз меньше земной. На Марсе очень слабо притяжение, а потому там все предметы много легче, чем на Земле. Этой разницы в весе и в силе притяжения достаточно для того, чтобы на Марсе с попавшими туда людьми приключились странные вещи.

«Всякий предмет там оказался бы неестественно легким, — говорит астроном Ловелл, — свинец весил бы не больше, чем у нас на Земле камень, камень стал бы таким же легким, как у нас вода, и всякое тело казалось бы превращенным в какое-то другое, не похожее на него... С небольшим напряжением мы совершали бы невероятно трудные работы, так как наша мощь увеличилась бы в 7 раз. Наконец, все в этом странном мире совершалось бы со значительной медленностью. Вода бы текла не спеша, ленивой струей, а падающие предметы опускались бы медленно и плавно».

Поэтому разные приключения Гуры и Ершова на Марсе (скачки и легкость) правдоподобны. Правдоподобно также описание каналов на Марсе.

Правильно отмечен красный цвет поверхности Марса, как это признают одни ученые, и красный и красно-бурый цвет растительности, как полагают другие.

На Марсе есть воздух, как и на Земле; есть вода, а зимой появляется снег и лед.

На Марсе происходят смены времен года, как у нас. Марсовый год, то есть оборот Марса вокруг Солнца, почти вдвое больше нашего года и равняется 687 земным суткам. Однако оборот вокруг себя Марс совершает почти в такой же срок, как и Земля — в 24 часа 37 минут, то есть сутки на Марсе больше наших суток на 37 минут.

У Марса есть два спутника — две луны: одна большая, но все же в 10 раз меньше нашей Луны, а другая еще меньше и кажется звездочкой, а не луной.

Что касается каналов, то, несмотря на споры среди ученых относительно их существования, большинство признает существование их доказанным. Многие из ученых полагают, что эти каналы сделаны разумными существами для орошения планеты, на которой пересохла моря и большие реки.

Один из видных исследователей Марса, американский астроном Ловелл, убежден, что на Марсе живут разумные существа и что сеть каналов (он открыл 400 каналов) создана превосходными инженерами, жителями Марса; они прорезали сухие пустыни своей планеты оросительными каналами, так что тающие льды и снега с северного и южного полюсов поочередно наполняют водой при таянии все эти каналы и поддерживают жизнь на высохших материках Марса.

Однако все эти предположения наукой еще не доказаны, а что касается пароходов, марсиан, бегающих по воде, и столкновения с ними, то все это только сонные видения Гуры.

7. Возвращение на землю. В этой главе правдоподобно изображается положение небесного корабля, когда он, не имея возможности двигаться по желанию пассажиров (недостаток газа), превращается в спутника Земли. Это происходит оттого, что корабль теряет необходимую скорость и не может ни преодолеть тяготение к Земле, ни упасть на нее. Примеры с полетом пушечного ядра в объяснениях к главе «первый полет» достаточно объясняют, как и при какой скорости движения какое-либо тело может сделаться спутником Земли.

Н. АСЕЕВ

РАССТРЕЛЯННАЯ ЗЕМЛЯ

РАССКАЗЫ

■

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 87
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСПОЛИГРАФА * МОСКВА

НИК. АСЕЕВ

РАССТРЕЛЯННАЯ ЗЕМЛЯ

Фантастический рассказ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
Москва — 1925 г.

НИК. АСЕЕВ

РАССТРЕЛЯННАЯ ЗЕМЛЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

I.

Тяжелые межпланетные гаубицы Марса шесть утлых лун уже громили Землю. Днем было еще ничего, но ночью — ужас и уныние овладевали землянами. Шипящие, сияющие метеоры прорезали тьму и зигзагообразно мчались к Земле. Аэроброня была против них бессильна: марсиане разбили ее в три первых луны бомбардировки. Совет Юнейшин, ежевечерне собиравшийся в Старой Северной Коммуне, решился на отчаянное средство — абордаж враждебной планеты. Этим нарушался мировой договор „непреложности орбит“, и союз с Венерой, столь ценимый землянами, нарушался, но иначе — нечем было сломить грубую волю марсиан. Во всяком случае, попытка эта была единственной возможностью спастись, так как эволю-

ции Марса были, по крайней мере, в три раза примитивнее и неуклюжее, чем плавный, бесшумный полет Земли.

Более усложненная волевая энергия обитателей Земли, позволяла им действовать гипно-прожекторами успешней, и не раз. Марс, кроваво-красный Марс покрывался смертельной синевой угасания, но — мировая воля была все же сильнее — и полупогасшая планета вновь разгоралась зловеще-пурпурным блеском. Земляне устали и поникли духом. Электроно-телеграф бездействовал. Дружественные планеты хранили упорное молчание, ибо закон вселенной разрешал только единоборство.

И вот настал, наконец, час, когда Великий Лоцман Земли, сопровождаемый Советом Юнейшин, вошел в подземелье горы Вечных Воль — конденсатор земной мощи и хранильницу ее солнечных запасов.

Межпланетная земная пушка Этны, охранявшая это место, была разрушена. Марсиане точно изучили ее место рождения и, взрезанный ножом прожектора, почернелый кратер ее был покрыт холодным пеплом.

Но гора Воль не могла пострадать от снарядов Марса так как была окружена тройной аэромагнитной броней, и, скрытая в ее непроницаемое облако, являлась единственным, неуязвимым местом Земли. Сюда, к ее подножью, собрался еще в начале борьбы Совет Юнейшин, обсуждать возможности спасения Земли.

Эти возможности были очень неопределенны. Дело в том, что Марс, опередивший Землю в развитии своих обитателей, мог пользоваться гораздо более стройной системой как технических изобретений, так и дисциплиной воли, делавших каждую планету мощным звеном непрерывающегося до сих пор вселенского хоро-вода.

Но солнце Марса потухло, и ему осталось выбирать между медленным угасанием, или победой и завоеванием соседнего источника тепла и света. И грубые в своей древней культуре марсиане, конечно, без колебания выбрали последнее. Поэтому-то и закипела борьба, и нарушился стройный ход вселенских кораблей.

Итак, Совет Юнейшин решился атаковать Марс. Безумная и героическая попытка эта была все же не лишена шансов на благоприятный исход. Правда, еще никогда в солнечной системе не нарушались стройность и планомерность движения планет. Еще в древние времена мира, когда Вселенская Воля скрывала свое лицо от обитателей планет, бывали случаи мировых катастроф, когда планетные судороги душ их обитателей кривили плавную линию величественно описанных орбит. Но те времена прошли давно, и вселенная стала не дремучим лесом сознаний, а светлыми тротуарами воздушно-путешествующих воль, яркими проспектами живых тел мирового организма.

И вот вновь нарушалось это, ценой бесконечных усилий добытое равновесие — мировой вихрь грозил охватить вселенную.

Земляне, испуганные невиданным зрелищем кратерной перестрелки, бледные, осунувшиеся, с бессонными лицами, толпились на общественных аэроплощадях, с трепетом ожидая ввечеру появления световестей и приказов Совета Юнейшин, строгость и краткость которых единственно удерживали обитателей земли от эпидемии безумия.

И в этот вечер световесть о восшествии Лоцмана на гору Воль была принята с радостью. Все-таки это был выход, было средство. Иначе напряженность ожидания и сиротливая беспомощность против града метеори-

тов, направленных в Землю, срывавших во многих местах ее кору, из-под которой забили фонтаны нефти, серных паров и лавы, были бы невыносимы.

И когда световой плакат известил землян о намеченном сегодняшней ночью повороте планеты, все жители вздохнули с облегчением. Иначе всем предстояла участь Южной Коммуны, уничтоженной в течение тринадцати часов расплавленной лавой взорванного метеоритами Везувия.

К полуночи аэроплощади опустели. Только сторожевые автоматические аэромоторы тоненькими полосками земных прожекторов обозначали очертания воздушных улиц. Все обитатели Земли скрылись за магнитными щитами заградительных плоскостей. Земля, подобная кораблю с притушенными огнями, была потеряна для взора иных планет. И лишь свистящие метеориты ало полыхали мимо нее, сотрясая воздух громовым звуком электрифицированного разряда.

И вот, планетные часы ударили полночь.

Запершиеся в пневматические дома жители — почувствовали болезненную тошноту. На несколько мгновений сознание было потеряно. Это был толчок поворота. Земля покинула свою орбиту и понеслась на врага.

II.

В пневмо-комнате конденсатора Лоцман, с бескровным юношеским лицом, держа в руке изящный, как пестик цветка, регулятор движения, впился глазами в картограмму планетных путей. Напротив него, за тем же столом, представитель изобретателей спешно оканчивал опыт внушения марсианам покоя и сна. Два зер-

кала отполированной стали стояли одно против другого. Меж ними дрожал мелодичным звуком лаэлитовый камертон. Светящаяся искра на одной из его развилин превратилась в огненную черту звука. В зеркалах, описывая эллипсисы, вращались миры.

Великий Лоцман чуть изменил направление, и тотчас же камертон изменил звук, погудел тише и глуше — в зеркалах поплясали огненные змеи. Через момент все успокоилось. Лоцман вынул свободной рукой из складок одежды флакон с озонированным составом и поднес его к губам. Уже ему стало кружить голову сознание своей власти, сознание судьбы Земли, врученной его слабой руке. Первый Изобретатель почувствовал это сквозь мысль о своем деле и взглянул сурово на Лоцмана.

Тот понял этот взгляд и вдохнул глубоко и размеренно содержимое флакона. Сердце его стало биться ровнее, и мозг перестала сжимать сладкая конвульсивная судорога безумия. Чтобы подбодрить себя, он запел старинную песенку моряков Земли:

„Яхту Нарвал, ветер сорвал
Сразу со всех якорей
Ей по пути с ветром идти
Воля же вихря скорей.
Воздуха льном пылко прильнем
К груди иных берегов;
Мир морей, сон перерей
Солнечный наш перегон“.

Лицо Лоцмана сияло теперь. Изобретатель отмечал ослабление или усиление камертона.

Скоро почувствовались первые толчки заграждения Марса, его нагнетатели сопротивлялись чудовищному ядру, летевшему по параболе встречи. И на губах

Изобретателя скользнула бледная тень улыбки. Он показал рукой на зеркало Лоцману.

Там среди вращающихся точек, образующих огненные пояса, в одном из эллипсов наблюдалась кривизна, вогнутость линии — это Земля заставила изменить своей орбите и Марса.

Радиовесть об удаче полетела в наглухо закупоренные обиталища землян: „Марс — сошел с орбиты“. Это было уже торжество. Значит, земная воля давила враждебную планету.

И вдруг к третьему удару земных часов случилось нечто неожиданное. На картограмме мировых путей отразились бесчисленные дрожания земной поступи. Зеркала Изобретателя потускнели, и Лоцман отчаянным усилием удерживал в трепещущей от неведомого руке пестик — руль.

С Марса был пущен первый снаряд прессованной воли. Веретенообразный, он с тихим журчаньем пролетел небольшое уже пространство, оставшееся меж двумя идущими друг к другу планетами, и легко, как игла сквозь полотно, прошел сквозь броню заграждения горы.

Его взрыв был бесшумен, но действие всеокрушающе. Никаких материальных бедствий он не причинил. Но тонкий флер оцепенения воли немедленно проник за пневмо-стены и свалил всех землян в беспомощной безнадежности. Изобретатель, первый заметивший губительное приближение, успел открыть конденсатор горы, и освобожденный запас энергии нейтрализовал несколько действие первого снаряда.

Однако, этого запаса не хватило на ряд последовавших взрывов снарядов воли и обессилевшая Земля беспомощно закружилась на месте.

Тогда, в упор, ее начали громить из вулканических

пушек Марса. Все шестьдесят четыре его вулкана, действуя одновременно, изрыгали непрерывный поток метеоритов, избивших Землю в сплюснутый обесформленный комок, менее, чем в пол земных часа. Продырявленная кора ее вспучилась огромными волдырями пробоин. Воздушные площади наполнялись обезумевшими землянами, уже не думавшими о телесной безопасности. Не было места, не взрытого ураганом снарядов.

И только Изобретатель, сжав руку смертельно бледного Великого Лоцмана, устремил свой палец на зеркала.

Там, в спутавшемся огненном хороводе, выделилась новая яркая светящаяся точка и, встав на изломанный путь горящей Земля, медленно двинулась в путь по орбите.

Камертон запел выше и нежнее. Изобретатель, закутавшись в плащ, вышел из подземелья и, откинув один из ненужных теперь щитов аэропреграды, в образовавшийся люк стал следить за быстро мчавшейся по небу точкой, увеличивавшейся каждую секунду в размере.

Точка выросла в очертания планеты, и — новая форма Земли наплыла на израненную и истерзанную планету, охватив ее и вплавив в себя в блеске, шуме и свете, торжественно продолжая шествие по выправленной орбите.

Сигналы неба приветствовали победителя. Вдалеке на западе фиолетовым, угасающим, трепетным светом горел умирающий Марс.

ПТИЧКИ БОЖЬИ

ВАЛЕНТИН
КАТАЕВ

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ЛУННАЯ СОНАТА

(С успехом разыгрывается на столбцах
американских газет)

Фантастическая юмореска

Сборник «Птички божьи»
авторский сборник
М.: Земля и Фабрика, 1928 г.

ЛУННАЯ СОНАТА

(С УСПЕХОМ РАЗЫГРЫВАЕТСЯ НА СТОЛБЦАХ
АМЕРИКАНСКИХ ГАЗЕТ)

Полет ракеты на Луну откладывается
на неопределенное время.

Хроника

15 января 1925 г.

Вчера в большой аудитории Нью-йоркского общества оглушительных изобретений действительный член Общества, известный профессор мистер Вор, сделал сенсационный доклад об изобретенной им ракете, которую он намерен пустить с Земли на Луну. Ракета эта будет иметь форму яйца на палке, в верхней части которого будет находиться 12 тысяч тонн динамита. При падении ракеты на поверхность Луны должен произойти настолько сильный взрыв, что его можно будет ясно наблюдать в телескопы с Земли.

Энтузиазм аудитории не поддавался описанию. Спешно производится подписка на скорейшее осуществление гениального плана. Несколько виднейших финансовых королей заинтересовались изобретением.

30 января

В дополнение к нашей заметке от 15 января по поводу изобретения уважаемого профессора Вора мы можем сообщить, что на осуществление гениального проекта уже собрано 8 миллионов долларов.

31 января

Во вчерашний номер нашей газеты вкралась досадная опечатка. На изобретение профессора Вора собрано не 8 миллионов, как сообщалось, а 18. Редакцией командировается специальный сотрудник, которому поручено информировать общество о ходе работ гениального профессора.

10 февраля

На вопрос сотрудника нашей газеты, что он думает о международном положении, гениальный изобретатель межпланетного яйца заявил:

— Я склонен думать, что международное положение в настоящий момент весьма удовлетворительное.

Касаясь вопроса о своих ближайших работах в области гениального изобретения, маститый ученый заметно оживился и даже порозовел.

— О! — сказал профессор. — Уже кое-что сделано. Мною куплена в окрестностях Лос-Анджелеса прелестная вилла, где я буду производить свои работы. Кроме того, мною приобретены паровая яхта и пара превосходных арабских лошадей.

На наш вопрос, для чего профессору понадобились яхта и лошади, он шаловливо погрозил пальцем и деликатно заметил, что он, к сожалению, не может коснуться этих вопросов, так как они являются одним из секретов его изобретения.

25 февраля

Министр иностранных дел мистер Юз выступил с новыми сенсационными разоблачениями Коминтерна. На руках у Юза имеются документы, с полной очевидностью доказывающие, что известный изобретатель нашумевшего яйца профессор Вор является агентом Коминтерна, а вся его ловкая махинация с полетом на Луну есть не что иное, как попытка взорвать Белый дом в Вашингтоне и провозгласить в Америке Советскую власть. На документах имеются подписи Карла Маркса, Бакунина и Демьяна Бедного. Юз требует расследования и отставки прокурора Догерти, как виновного в попустительстве.

28 февраля

Прокурор Догерти, отвечая на выпады Юза, заявил в сенате следующее:

— У мистера Юза до сих пор сюртук пахнет керосином (*смех в центре*), и пусть он не пытается отвести глаза общественного мнения, устремленные на ту панаму, в которой он играет далеко не последнюю роль. Что же касается того, что будто бы в верхней части популярного яйца находится динамит, то мы хорошо знаем, что это не динамит, а нефтяные акции, на которых так здорово спекулировал Юз. (*Одобрение левой.*)

15 марта

Юз опубликовал новые документы, из которых ясно, как дважды два, что профессор Вор – переодетый Ю. Стеклов, популярный редактор «Известий ЦИК СССР».

25 марта

Профессор Вор вчера женился на королеве экрана

Настурции Джимперс. Спрошенный по этому поводу маститый автор яйца ответил:

— Любви все возрасты покорны.

Кроме того, великий профессор, по слухам, перевел во французские банки 10 миллионов долларов. О целях этого перевода профессор выразился весьма туманно, однако подчеркнул, что ракета-яйцо строится, и 1 июля непременно полетит на Луну. Приток пожертвований продолжается.

1 мая

В связи с предполагаемым 4 июля опытом полета ракеты на Луну, президент запретил празднование Первого мая как не соответствующее серьезности момента.

10 июня

Срок полета ракеты-яйца окончательно установлен. Ракета полетит 4 июля в 12 часов ночи и пробудет в пути четыре дня, так что 8 июля человечество будет иметь возможность наблюдать в телескопы на поверхности Луны сильный взрыв.

20 июня

Состоялась манифестация влюбленных, которые требовали отмены зверского покушения на Луну. К влюбленным присоединились собаки, выразившие в резкой форме опасения, что, в случае если Луна будет уничтожена сильным взрывом, им не на что будет выть. Одновременно с этим состоялась внушительная демонстрация воров, требовавших, со своей стороны, скорейшего уничтожения Луны по чисто профессиональным соображениям.

1 июля

К месту отправки ракеты выехали представители ученого мира.

В беседе с нашим сотрудником профессор Вор заявил, что к полету все готово, за исключением кое-каких мелочей.

3 июля

В ночь со 2-го на 3 июля профессор Вор вылетел со своей молодой женой в неизвестном направлении. Перед отъездом маститый профессор успел сообщить нашему сотруднику, что полет откладывается на неопределенное время.

Итак, налицо полет и взрыв. Полет Вора и взрыв общественного негодования.

КАК ВЫГЛЯДИТ ЛУНА?

Если бы человек мог посетить луну, то он должен был бы привыкнуть к своеобразным условиям, господствующим на этом небесном теле. Видную главу, возвышающуюся

обыкновенного плана представляла бы нас за намеченную цель. Луна казалась земле и, поэтому, она не представляла собой ничего. Выяснено, что все предметы на Луне бесят в шесть раз меньше, чем на земле.

Поверхность луны представляла бы для посетителя безотрадный вид. Кроме нескольких больших, плоских пятен, которые очевидно являются кратерами, поверхность луны имеет горный характер. Почва поднимается крутым грядками обрывами. Куда не упадет камень, всюду вершины кратеров. Частью они состоят из скал, а частью могут состоять из пыли и песка. В местах, на которые попадает солнечный свет, держится нестерпимая жара. Но еще более заметен холод, который ощущается сразу же в тени.

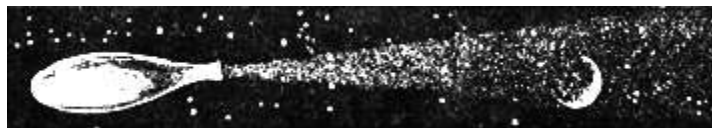
Луна не имеет атмосферы и, поэтому, на ней нет той высокой температуры, которая имеется на земле. Когда падают солнечные лучи, там жара доходит до $+150$ гр. Но рядом же с тем холод — -273 гр. Никакое живое существо такую температуру выдержать не может. Воды на луне также не имеется. За отсутствием воздуха, небо и при солнечном свете имеет черный цвет, так как отсутствует та материя, которая распределяет излучения от солнца свет.

Земли видна с луны в виде большого, светящегося шара, на котором можно ясно различить очертания континентов. Художник на нашем рисунке изобразил луну с высокой горы. Конечно, еще ни одному человеку не удалось побывать на луне, но, благодаря точнейшим астрономическим наблюдениям, мы могли нашу соседку изучить довольно точно. Наблюдая на луне и телескоп с увеличением в 500 раз, можно различить уже пространства в 32 м. При употреблении инструмента с большей силой, можно добиться еще большего увеличения и различить тогда более значительные пространства.

Лунный пейзаж

весом 100 кг., вы на луну поднимаете шута. Своеобразное ощущение родилось бы у нас, что и все это тело уменьшилось. Вам шаг сюда бы не труднее, так как сила тяжести

СОДЕРЖАНИЕ

С. ГОРБАТОВ

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС „ЛУННОГО КОЛУМБА“

Фантастическая повесть

5

Л.(С.) КЛЕНЧ

ИЗ ГЛУБИНЫ ВСЕЛЕННОЙ

Фантастический рассказ

39

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

РАКЕТОПЛАН С-218

Фантастический рассказ

64

Т. и Е. КАРДИНАЛОВСКИЕ

СОЛНЦА!

Фантастическая повесть

121

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ЛУННАЯ БОМБА

Научно-фантастический рассказ

179

И. ОКСТОН

МЕЖДУПЛАНЕТНЫЕ КОЛУМБЫ

Научно-фантастический рассказ конца века

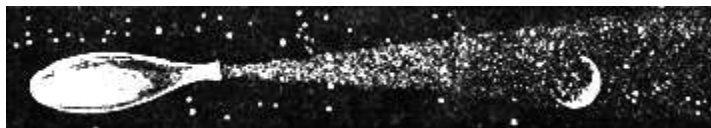
209

М. В. ВОЛКОВ

«БАИРО-ТУН»

Фантастический рассказ

235

А. М. ВОЛКОВ

ЧУЖИЕ

Фантастический рассказ

279

ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВ

РАКЕТА ПЕТУШКОВА

Фантастический рассказ

303

А. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

ЗАЛЕТНЫЙ ГОСТЬ

Фантастический рассказ

321

П. МОРДВИНОВ

ЗАГАДКА МАРСА

Фантастический очерк

349

ГРААЛЬ АРЕЛЬСКИЙ

ЧЕЛОВЕК,

ПОБЫВАВШИЙ НА МАРСЕ

Фантастический рассказ

363

ГРААЛЬ АРЕЛЬСКИЙ

ПОДАРОК СЕЛЕНИТОВ

Фантастическая повесть

379

Б. РУСТАМ-БЕК

В ДВА ДНЯ НА ЛУНУ

Фантастический очерк

431

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ И НА МАРС
Фантастический рассказ

441

НИК. АСЕЕВ
РАССТРЕЛЯННАЯ ЗЕМЛЯ
Фантастический рассказ

507

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
ЛУННАЯ СОНАТА
Фантастическая юмореска

517

